

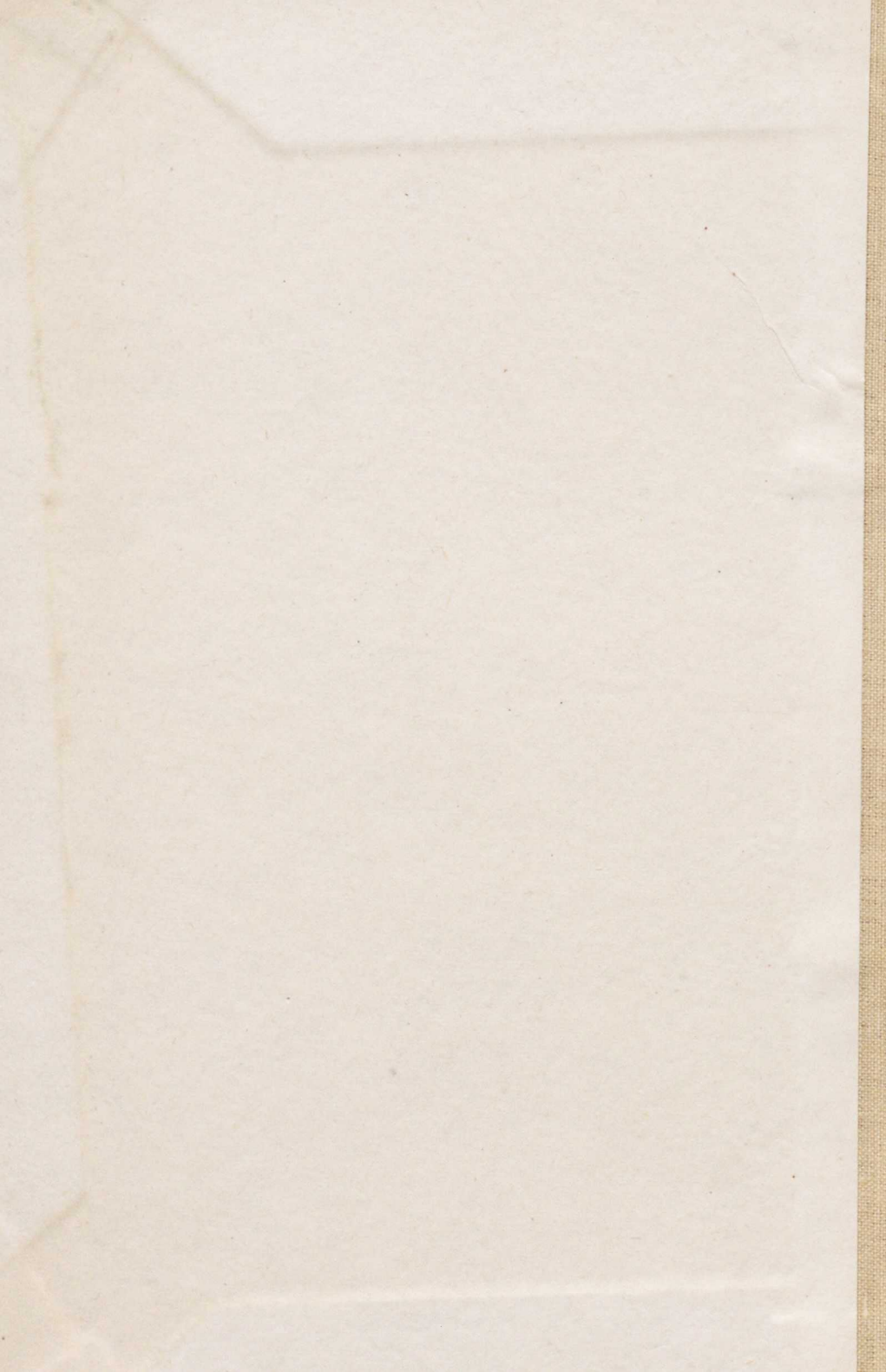
F

87

66

Л 87
С 66

СИНТАКСИСЪ

РУССКАГО ЯЗЫКА

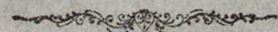
въ изслѣдованіяхъ ПОТЕБНИ.

Л 87
С 66

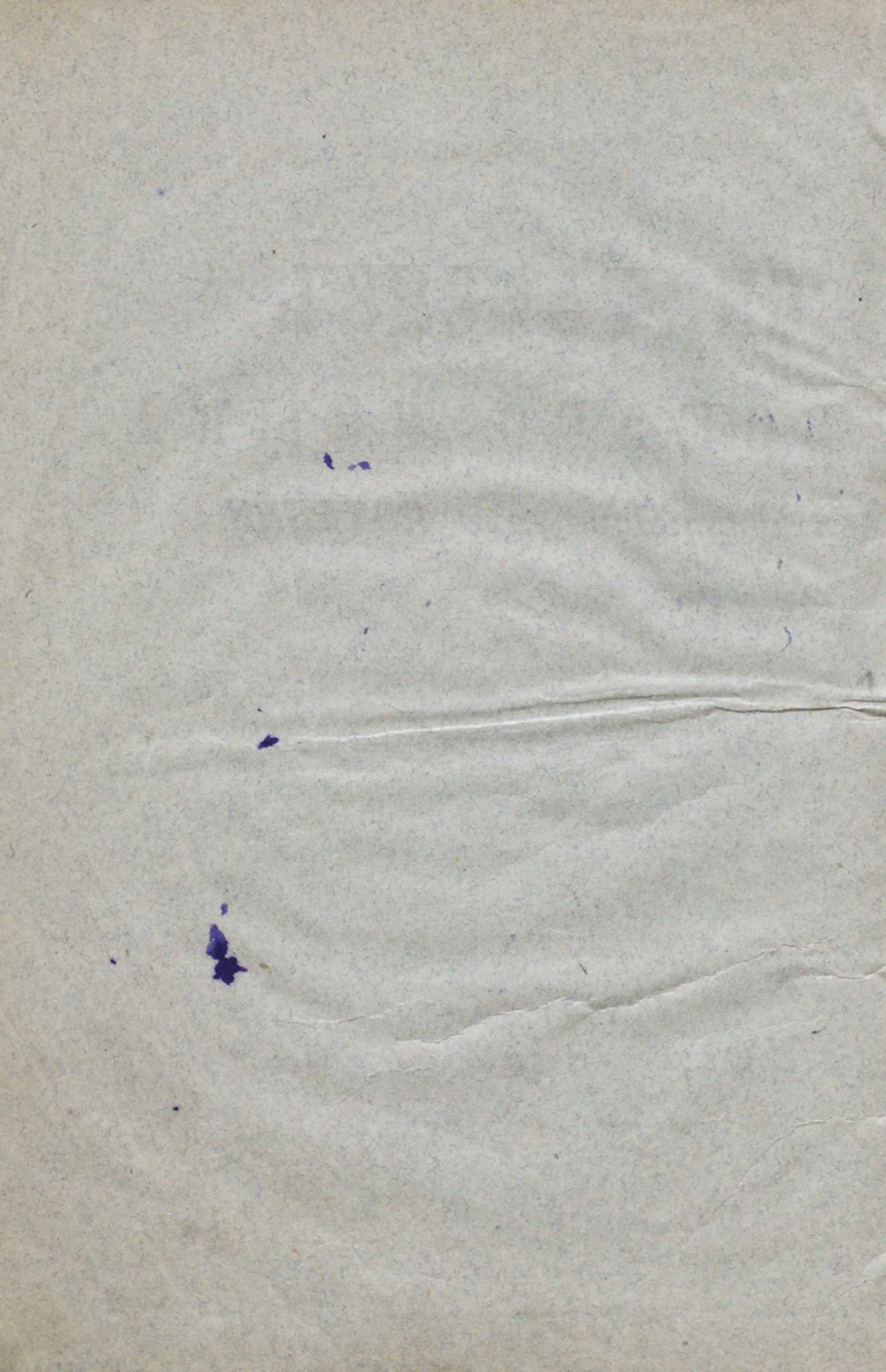
Изложилъ

И. БѢДОРУССОВЪ.

ОРЕЛЪ.
Типографія Хализева.
1902.

66

СИНТАКСИСЪ

РУССКАГО ЯЗЫКА

въ изслѣдованіяхъ ПОТЕБНИ.

Изложилъ

И. ФЕДОРУССОВЪ.

ОРЕЛЬ.

Типографія Хализева.

1901.

Дозволено цензурою. Варшава, 17 Сентября 1901 г.

2019388568

По глубинѣ мыслей, широтѣ замысловъ и смѣлости комбинацій и выводовъ Потебни принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ лингвистамъ-философамъ, пониманіе которыхъ естественно представляетъ извѣстныя трудности. Трудность пониманія Потебни осложняется кромѣ того и своеобразною оригинальностью его стиля. Поэтому Потебню приходится не просто читать, а *изучать* и изучать съ постояннымъ напряженіемъ мысли и неослабной вдумчивостью въ изучаемый предметъ.

Само собой, не всякій желающій ознакомиться съ изслѣдованіями Потебни подготовленъ къ такого рода чтенію, а если кто и подготовленъ, то не у всякаго найдется время посвятить себѣ столь нелегкому занятію. Этимъ и объясняется, почему *имя* Потебни, какъ оригинальнаго и своеобразнаго лингвиста-философа, знакомо многимъ, но глубина его мыслей, широта замысловъ и тѣ пути, которыми онъ доходилъ до своихъ выводовъ, извѣстны лишь профессиональнымъ и, такъ сказать, присяжнымъ ученымъ, которые по долгу служенія своего наукѣ обязаны *знать* Потебню, для того чтобы или учиться у него, или считаться съ нимъ, какъ съ выдающимся ученымъ, сказавшимъ свое новое слово въ области языковѣдѣнія.

Предлагаемая книга представляетъ попытку дать подробный конспектъ и вмѣстѣ краткое изложеніе 1) самаго обширнаго (до 1200 страницъ компактной печати) и самаго важнаго изслѣдованія Потебни, извѣстнаго подъ скромнымъ названіемъ *Записокъ по русской*

грамматикъ *), и 2) другого изслѣдованія его: „Значенія множ. числа въ русскомъ языкѣ“ **), близко примыкающаго по содержанию къ *Запискамъ*.

Какъ извѣстно, Потебня въ помянутыхъ изслѣдованіяхъ не довольствуется простымъ констатированіемъ фактовъ и внѣшнюю ихъ группировкою, а проникаетъ внутрь наблюдаемыхъ явленій въ языкѣ, выясняетъ послѣдовательную и причинную связь между ними и открываетъ новые пути въ изслѣдованіи синтаксиса русскаго языка. При осуществленіи своей попытки дать сжатое изложеніе столь важныхъ изслѣдованій нашего великаго ученаго я и поставилъ себѣ задачей не только отмѣтить самыя явленія, наблюдаемыя Потебнею въ исторіи синтаксиса русскаго языка, но уловить и ту внутреннюю его мотивировку, на основаніи которой онъ дастъ новое освѣщеніе фактамъ языка и приходитъ нерѣдко къ новымъ выводамъ по сравненію съ предшествовавшими и современными ему изслѣдователями. Насколько достигъ я намѣченной мною цѣли, предоставляю судить объ этомъ лицамъ, болѣе меня компетентнымъ; но не могу не сказать, что при исполненіи своей работы старался быть добросовѣстнымъ и объективнымъ. Я отрѣшился отъ обычныхъ и господствующихъ взглядовъ на синтаксисъ русскаго языка, *намышленно* подчинилъ себя всецѣлому вліянію Потебни и, находясь подъ исключительнымъ его вліяніемъ, заботился единственно о томъ, чтобы проникнуть въ сущность основныхъ его взглядовъ, уловить

---

*) «Изъ Записокъ по рус. грамматикѣ». I. Введеніе.—II. Составныя части предложенія и ихъ замѣны. Изд. 2-ое, Харьк. 1888 г.—III. Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго. Харьк. 1899 г.

**) «Значенія множ. числа въ рус. языкѣ». Филол. Записки 1887 г. №№ 2, 5, 6; 1888 г. №№ 1 и 2.

внутреннюю связь между ними и выразить весь строй его системы по возможности *короче* и вмѣстѣ *точнѣе*.

Особенно трудна была для меня *краткость изложенія*. Для этой цѣли нужно было отдѣлять болѣе существенное отъ менѣе существеннаго; но какъ производить это выдѣленіе, когда у Потебни, собственно говоря, *все* существенно, *все* находится во внутренней связи между собою, какъ звенья цѣльной цѣпи, и, слѣдовательно, вырывать изъ нея отдѣльныя звенья значило бы разрушать самую цѣпь. Чтобы избѣжать такого разрушенія, на которое добросовѣстный передатчикъ не имѣетъ права, мнѣ приходилось прибѣгать къ обобщеніямъ и изъ нѣсколькихъ звеньевъ составлять одно, такъ что цѣльность цѣпи или внутренняя связь между основными мыслями сохранялась, но самыя звенья цѣпи получали иной видъ и становились больше. Вслѣдствіе того же стремленія къ краткости невозможно было пользоваться и буквальными выписками изъ Потебни, поэтому я прибѣгалъ къ нимъ лишь въ крайнихъ случаяхъ, напр. въ опредѣленіяхъ, требующихъ особенной точности, или въ такихъ мѣстахъ, которыя представлялись мнѣ въ какомъ-либо отношеніи сомнительными. Въ послѣднихъ случаяхъ я не рѣшался брать на свою отвѣтственность правильнаго пониманія мною этихъ мѣстъ и потому, предлагая свое толкованіе, считалъ за лучшее оставлять и подлинныя слова Потебни.

Не менѣе трудностей представляло для меня и стремленіе къ *точности выраженія* нѣкоторыхъ взглядовъ Потебни и глубокаго пониманія имъ смысла формъ и оборотовъ древне-русской рѣчи. Въ подобныхъ случаяхъ нужно было самому возвышаться до воззрѣній глубокаго мыслителя, самому проникаться тѣмъ же пониманіемъ духа языка, какимъ былъ онъ проникнутъ; а это очень трудно, потому что Потебня обладалъ необыкновенною

и дивною способностью проникать въ сѣдую старину и, такъ сказать, „нутромъ“ воспринимать въ себя стихію старинной рѣчи. Я чувствовалъ, что онъ, сроднившись съ духомъ древняго языка, понималъ его такъ же, какъ и старинный писатель, а для меня это было недостижимо; я сознавалъ, что Потебня какъ бы переселялся навремя въ древній міръ, бесѣдовалъ съ старинными писателями на *ихъ* языкѣ и изъ этихъ бесѣдъ, какъ непосредственнаго источника, воспринималъ *точный* смыслъ отжившихъ теперь древнихъ формъ и стараго строя рѣчи, а мнѣ приходилось *приближаться* къ такому пониманію лишь путемъ напряженнаго мышленія. Чтобы отличить, напр., формы „сътвориѧ“ и „бѣдѣ сътвориѧ“, для него не было, по видимому, нужды *переводить* послѣднюю форму на современный языкъ и предлагать къ ней комментаріи: онъ и безъ этихъ препаратовъ живо и непосредственно понималъ ее *съ тѣмъ самымъ оттънкомъ*, который присущъ былъ въ свое время этой формѣ; для меня же необходимы были и переводъ, и комментаріи, и потому я позволялъ себѣ въ подобныхъ случаяхъ дѣлать пояснительныя вставки или въ видѣ отдѣльныхъ примѣчаній подъ строками текста, или въ самомъ текетѣ, заключая свои поясненія въ скобки *).

✓ Задачей себѣ, какъ передатчику и интерпретатору Потебни, я ставилъ также и то, чтобы, съ одной стороны, облегчить читателю пользованіе моею книгой, а съ другой — дать ему возможность провѣрить правильность или неправильность моего изложенія посредствомъ сличенія его съ изслѣдованіями Потебни. Съ этой цѣлю

1) я на поляхъ своей книги всюду проставляю соотвѣтствующія страницы изъ Потебни, такъ что сомнѣ-

---

*) Чтобы не смѣшивать принадлежащихъ мнѣ примѣчаній со взглядами самого Потебни, я вездѣ отмѣчаю примѣчанія свои буквами *И. Б.*

вающійся въ чемъ-либо читатель всегда можетъ провѣрить меня, отыскавъ нужное ему мѣсто изъ изслѣдованія Потебни.

2) Такъ какъ Потебня объ одномъ и томъ же предметѣ нерѣдко толкуеть въ разныхъ мѣстахъ, при чемъ послѣдующія его толкованія служатъ или разъясненіемъ, или дополненіемъ, а иногда и исправленіемъ предыдущаго, то я во всѣхъ этихъ случаяхъ признавала необходимымъ дѣлать ссылки на параллельныя мѣста, цитируя при этомъ страницы Потебни, которыя легко находить въ моей книгѣ. Особенно же необходимымъ считалъ я дѣлать такія сличенія тамъ, гдѣ Потебня или не въ совершенной полнотѣ исчерпываетъ трактующій имъ предметъ, или же дѣлаетъ поправки къ предыдущему *).

3) Всѣ главныя подраздѣленія въ изслѣдованіяхъ Потебни на главы и отдѣлы я оставляю неприкосновенными, но для большей точности и, такъ сказать, членораздѣльности допускаю во многихъ мѣстахъ и свои подраздѣленія. Особенно необходимыми казались мнѣ такія подраздѣленія тамъ, гдѣ приводится у Потебни цѣль доказательствъ чего-либо или цѣлый рядъ выводовъ изъ предыдущаго. Для того, чтобы не оставлять въ тѣни ни одного изъ доказательствъ и рельефнѣе выдвинуть каждый изъ выводовъ, я и считалъ важнымъ распредѣлить ихъ подъ отдѣльными цифрами или буквами (1, 2,

---

*) Въ III-ей части *Записокъ по русской грамматикѣ* нѣкоторые мѣста, очевидно, намѣченныя Потебнею еще до второго изданія I и II части (1888 г.), цитируются иногда по первому изданію 1874 г.; въ этихъ мѣстахъ я, для однообразія, возстановляю цитаты по второму изданію. Срав., напримѣръ, страницы 476—481 третьей части *Записокъ*, гдѣ всѣ ссылки на вторую часть сдѣланы Потебней по первому изданію.

З, 4... а, б, в, г...). Такъ, напр., страницы 534 и 535 второй части *Записокъ* представляютъ выводъ изъ *всего* предыдущаго изслѣдованія: въ виду такой важности этого мѣста, я, для большей ясности и точности, выдѣлилъ здѣсь каждое основное положеніе подѣльными цифрами, а одну изъ этихъ цифръ подраздѣлилъ еще на буквы, вслѣдствіе чего вниманіе читателя не скользитъ по тексту, а волей-неволей останавливается на каждомъ подраздѣленіи.

4) Кромѣ того, противъ каждаго подраздѣленія и каждой основной мысли въ цѣпи доказательствъ я, для большей наглядности и удобства при пользованіи моею книгой, дѣлаю на поляхъ мелкимъ шрифтомъ краткое оглавленіе, такъ что, пробѣгая эти оглавленія, можно подробно и систематически ознакомиться съ содержаніемъ всего изслѣдованія Потебни.

5) При выборѣ примѣровъ, которыми такъ богаты изслѣдованія Потебни, я старался выбирать въ каждомъ данномъ случаѣ хотя по одному примѣру изъ всякаго памятника, при чемъ всегда отдавалъ предпочтеніе письменности русской предъ ц.-славянскою, а гдѣ нужно и важно было, пользовался я примѣрами и изъ *Дополненій*, приложенныхъ ко II и III частямъ *Записокъ по рус. грамматикѣ*.

6) Въ концѣ книги, для болѣе удобнаго пользованія ею, прилагаю подробный *алфавитный указатель* всего существеннаго.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ принести глубокую благодарность Императорской Академіи Наукъ за выданную мнѣ субсидію на изданіе настоящей книги и Ординарному Академику А. А. Шахматову за его совѣты и указанія, которыми онъ не оставлялъ меня при выполненіи этой работы.

Изъ записокъ по рус. грамматикѣ.

Ч. I. Введение.

I.

Что такое слово?—Слово есть *единство* членораздѣльнаго звука и значенія, соединяемаго съ нимъ. Употребляясь въ рѣчи, оно «каждый разъ соответствуетъ одному акту мысли, а не нѣсколькимъ, т. е., имѣеть не болѣе одного значенія» въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ что каждое слово, употребляемое даже съ однимъ *опредѣленнымъ* значеніемъ, но поставленное въ *различныхъ* формахъ, есть уже *иное* слово, наприм., верст-а, верст-ы, верст-ѣ.

Слово, какъ единство звука и значенія, соединяемаго съ звукомъ.

1—2

3—4

II.

Представленіе и значеніе. Кромѣ значенія, слово заключаетъ въ себѣ еще *знакъ*, внѣшней оболочкой котораго является звукъ. *Знакъ* и *значеніе* слова не одно и то же: значеніе есть *внутреннее*, содержимое слова, а *знакъ* есть *внѣшній*, даже случайный какой-нибудь *признакъ*, по которому мы даемъ названіе познаваемому предмету. Напр., ребенокъ, знакомый съ арбузомъ, но незнакомый съ круглымъ матовымъ колпакомъ лампы, называетъ его «арбузикомъ». Тутъ у ребенка „произошло *сравненіе* познаваемаго съ *прежде познаннымъ*“, и по *внѣшнему признаку*, шарообразности арбуза, онъ колпакъ лампы назвалъ тоже „арбузикомъ“. Такимъ образомъ, *внѣшній признакъ* *прежде* познанаго предмета (шаровидность арбуза) послужилъ поводомъ къ названію шарообразнаго же колпака лампы арбузикомъ. „Этотъ *признакъ* и есть *знакъ значенія* этого слова“. Тѣмъ не менѣе, „знакъ въ словѣ есть необходимая *замѣна* соотвѣтствующаго образа или понятія“, соединяемаго съ тѣмъ предметомъ, который обозначается этимъ словомъ, и „потому называется онъ *представленіемъ*“, но не въ смыслѣ логическаго представленія, а въ качествѣ какъ бы *представителя*, т. е. означающаго, а не означаемаго.

Знакъ и значеніе въ словѣ.

5

Знакъ, какъ представитель значенія слова.

6—7

А такъ какъ *ближайшее* значеніе слова, обозначаемое этимъ знакомъ, часто бываетъ *пусто* сравнительно съ содержаніемъ соотвѣтствующаго образа, то слово называется *формой* мысли.

Слово, какъ форма мысли.

8

III.

Различныя понятія о корнѣ слова.—„Въ огромномъ большинствѣ случаевъ значеніе *опредѣленной* грамматической категоріи (имени, глагола и т. д.) достигается въ словѣ тѣмъ, что оно заключаетъ въ себѣ *болѣе одной части*“, напр. *верс-та*, и сколько въ словѣ частей, столько предполагается въ немъ и корней. Так. обр., слово *сложно*, и если бы не было такой сложности слова, то нечѣмъ было бы достигать и обозначенія *опредѣленности* той или другой грамматической категоріи. Такъ, въ словѣ *верс-та* принадлежность къ имени обозначена второю частью слова «та»,

9—10

11

12—13 которая есть образовательный именной корень слова (ср. дал. I, 81). По этому въ *дофлексивномъ* языкѣ первобытнаго человѣка, какъ въ языкѣ дѣтей, слова безъ флексій были не словами, а *чувственными образами*, не различавшими *отвлеченныхъ* категорій ни дѣйствія, ни качества, ни предмета, и, безъ сомнѣнія, прошли цѣлыя тысячелѣтія между началомъ членораздѣльной рѣчи безъ флексій и началомъ флексій.

Современное языковѣдѣніе можетъ заниматься опредѣленіемъ только *самыхъ общихъ свойствъ* корня дофлексивнаго періода, и „на всемъ этомъ протяженіи жизни языка мы не можемъ предположить ничего, кромѣ простыхъ сочетаній звуковъ и воспріятій въ самомъ началѣ“. Значеніе корня слова становится для насъ понятнымъ лишь въ періодъ *флексивный*, когда существуетъ уже *рядъ словъ* съ опредѣленнымъ значеніемъ, и безъ ряда словъ *предшествующихъ* и *послѣдующихъ* корень „не есть корень, какъ отецъ, не имѣвшій никогда дѣтей, не есть отецъ“.

14 Опредѣленіе
корня.

„Корень въ индо-европейскихъ языкахъ, по Курціусу, есть *знаменательное сочетаніе* звуковъ, которое остается отъ слова по отдѣленіи всего формальнаго, случайнаго“, т. е., чисто фонетическаго, какъ напри- мѣръ опущеніе *ε* въ *γί-γυ-ο-ρα* при словѣ *γένος*. Оставаясь на этой точкѣ зрѣнія, Потѣбня дополняетъ опредѣленіе Курціуса: „корень есть знаменательное сочетаніе звуковъ, которое остается по выдѣленіи изъ слова *всѣхъ остальныхъ знаменательныхъ сочетаній**“ и по устраненіи звуковыхъ случайностей“, и затѣмъ приводитъ слова М. Мюллера, которыми какъ бы обобщаются оба эти опредѣленія: „корень есть то, что получается въ остаткѣ *послѣ* полнаяго анализа нашего нарѣчія или всѣхъ нарѣчій, въ своей совокупности составляющихъ арійскую группу“.

15 Корень не есть
слово и объек-
тивнаго значенія
не имѣеть.

«Какъ всякое *отвлеченіе*, корень не можетъ совпадать ни съ однимъ изъ *конкретныхъ* явленій языка» и, слѣдовательно, не можетъ еще составлять слова, вопреки Курціусу, который признаетъ, что въ дофлексивный періодъ многіе корни уже были словами. Потѣбня видитъ тутъ противорѣчіе: «корни добываются *отвлеченіемъ*, а между тѣмъ, по Курціусу, существуютъ *объективно*», т. е. въ видѣ *словъ*, заключающихъ въ себѣ конкретное значеніе, что, конечно, невѣрно, ибо, отвлекая общіе признаки волка, лисы, собаки, мы получимъ «только *общее понятіе*, которое не будетъ характеристикою никакого дѣйствительнаго животнаго».

16 Итакъ, *корень* и *слово* совершенно различныя понятія. «Корень, какъ *отвлеченіе*, заключаетъ въ себѣ (лишь) нѣкоторыя указанія на свойство корня, какъ *настоящаго слова*, но не можетъ никогда равняться этому послѣднему». Корень есть какъ бы *родоначальникъ*, а слова—суть поколѣніе его, въ которомъ сохраняются лишь *общія* свойства родоначальника; и какъ родоначальникъ не есть поколѣніе, происшедшее отъ него, такъ и корень не есть слово.

*) т. е., корней образовательныхъ суффиксовъ. И. Б.

Поэтому и «реальною основою производнаго слова служить не корень, какъ *дофлексивное* слово (которое не было еще дѣйствительнымъ словомъ), и не тема, которая есть *отвлеченіе*, а *флексивное же слово*», какъ по отношенію къ *сыну* производителемъ его является *только отецъ*, а не какой-нибудь отдаленный предокъ.

«Слѣдуетъ ли выставлять для каждаго языка особые корни, или одни общіе для всего семейства языковъ?» спрашиваетъ Курціусъ.

Какіе корни
нужно призна-
вать въ языко-
знаніи.

«Гейзе допускаетъ только индо-европейскіе корни, и Штейнталь соглашается съ нимъ, между тѣмъ какъ Я. Гриммъ держится мнѣнія, что то, что считается корнемъ въ одномъ языкѣ, можетъ не признаваться корнемъ въ другомъ». Курціусъ же думаетъ, что «языкознаніе въ частности всегда будетъ имѣть дѣло *только съ относительными* корнями, которые въ *каждомъ* языкѣ являются въ *другомъ* видѣ». Потенія приходитъ къ среднему заключенію и говоритъ, что, «безъ сомнѣнія, слѣдуетъ выставлять тѣ и другіе», т. е. корни и *отдѣльныхъ* языковъ, и *общіе индо-европейскіе*, такъ какъ «въ общихъ чертахъ и тѣ и другіе совершенно сходны» и «ни тѣ, ни другіе не суть слова. Они—*отвлеченія*, но добытыя не изъ *всего семейства* словъ, а только изъ *древнѣйшаго члена* семейства въ *отдѣльномъ* языкѣ, какъ напримѣръ въ греческомъ или индо-европейскомъ». «Корни *спеціально*—народные (греческ., славянск. и пр.) и корни *общиндо-европейскіе* суть не болѣе, какъ необходимыя *посылки* начатаго, но недоконченнаго языкознаніемъ *умозаключенія* о корняхъ, какъ *дѣйствительныхъ* словахъ, о свойствахъ языка, неизвѣстнаго намъ *исторически*. О такихъ корняхъ, конечно, нельзя (еще) сказать, что *съ нихъ началось созданіе языка*: ими *только кончается наше знаніе* строенія языка», а «кто напр. въ значеніи корней, добываемыхъ нами языкознаніемъ, усматриваетъ дѣйствительныя свойства *первобытнаго* языка, тотъ принимаетъ... подмостки за самое зданіе».

Невѣрно мнѣніе Боппа, что языкъ ведетъ свое начало отъ 82 кардинальныхъ понятій: ихъ были сотни; невѣрно и мнѣніе М. Мюллера, что человекъ даетъ имя (т. е., создаетъ слова) извѣстному предмету только тогда, когда открываетъ въ немъ какое-либо *общее качество*; напротивъ, «за исходную точку мысли слѣдуетъ признавать *чувственныя* воспріятія...

Количество ос-
новныхъ кор-
ней.

Созданіе словъ
на основаніи
конкретныхъ
признаковъ, а
не общихъ
свойствъ пред-
мета.

нѣчто весьма *конкретное* сравнительно съ *отвлеченностью* общаю *качества*. «Правильный ходъ мысли» всегда идетъ «отъ частнаго къ общему», отъ *вышшняго признака*, какъ *представителя* слова (см. гл. 2), къ *значенію*, содержащемуся въ словѣ; сперва *знакъ* для новаго слова *по сравненію*

17

18

19

20

21

22

23

24

съ предшествующимъ ему другимъ словомъ, а потомъ уже *значеніе* новаго слова, на свойство котораго человекъ направляетъ свое вниманіе.

IV.

Грамматическія формы.

5
Опредѣленіе слова со стороны лексической и грамматической.

Опредѣленіе слова, какъ *единства звука* и соединяемаго съ нимъ *внутреннюю значенія*, еще не полно: это опредѣленіе касается лишь *частнаго* или *лексическаго* значенія слова, разсматриваемаго въ отдѣльности. Но, кромѣ частнаго, каждое слово въ рѣчи имѣетъ еще значеніе *общее* по отношенію къ другимъ словамъ того же разряда; напр. «верста» по отношенію къ другимъ словамъ этого же разряда есть *имя существит., жен. рода, ед. ч. именит. надежъ*. Такое значеніе слова называется *общимъ* и *грамматическимъ*.

Слова вещественныя и чисто формальныя.

Со стороны лексической *ближайшее* значеніе слова, сравнительно съ содержаніемъ соответствующаго образа, есть только *внѣшній знакъ* или *пустая форма* (ср. стр. 8); но по отношенію къ категоріямъ *грамматическимъ* само это формальное значеніе является *вещественнымъ*. Поэтому, слова, какъ *верста*, имѣющія и частное, и общее значенія, называются *лексическими* и *вещественными*. Итакъ, *вещественными* словами называются тѣ, которыя имѣютъ и лексическое, и грамматическое значеніе.

Но есть слова, которыя *не имѣютъ своего частнаго* (лексическаго) *содержанія* и служатъ только указателями функций другихъ словъ и предложений. «Такия слова называются *чисто формальными* и *грамматическими* или *служебными*» *), въ противоположность *вещественнымъ*, которыя называются еще *знаменательными*.

26
Такимъ образомъ, слова разсматриваются со стороны *лексической* (ихъ *вещественность, содержаніе*) и со стороны *грамматической* (*форма*).

27
Вещественность и форма бываютъ *различны* для насъ не тогда, когда мы говоримъ, а лишь тогда, когда дѣлаемъ слово *предметомъ наблюденія*; обыкновенно же въ *арійскихъ* языкахъ содержаніе и грамматическая форма составляютъ какъ бы *одинъ актъ мысли* и живутъ въ сознаніи *говорящаго*, какъ *недѣлимая единица*. Этимъ существенно и отличаются *арійскіе* языки отъ тѣхъ, которые грамматической формы не имѣютъ.

28
*) Но не въ смыслѣ Буслаева (Гр. §§ 138, 159), который къ служебнымъ словамъ, кромѣ *предлоговъ* и *союзовъ*, относитъ еще *числительныя, мѣстоименія, нарѣчія мѣстоименныя и вспомогательныя глаголы*.

V.

По чемъ узнается присутствіе грамматической формы въ данномъ словѣ.

29

Грамматическая форма указываетъ на *общее* значеніе слова; «но въ то же время она тѣсно связана и однородна и съ *вещественнымъ* значеніемъ». Отсюда естественно является вопросъ: *всегда ли* созданіе *новаго вещественнаго* значенія въ словѣ влечетъ за собою и измѣненіе звуковой формы? Нѣтъ; напр. есть нѣкоторые глаголы, которые въ совершенномъ и несовершенномъ видѣ имѣютъ одну и ту же грамматическую форму: я *жизню*—и настоящему, и будущему времени. Дѣло въ томъ, что въ виду *единства* вещественнаго и формальнаго значенія языкъ мало дорожитъ грамматическими формами и позволяетъ имъ *разрушаться*. Разрушеніе начинается съ конца слова, гдѣ преимущественно сосредоточены формальные элементы. Такъ наприм. потерялось различіе между именительнымъ и винительнымъ падежами *мужеского* рода (неодушевлен.), т. е., между *подлежащимъ* и *объектомъ* (напр. «*святъ* созданъ» и «*Богъ* создалъ *святъ*»), но въ послѣдствіи языкъ опять отличилъ эти падежи, придавъ винительному падежу окончаніе родительнаго (одушевл.). Однако замѣна винительнаго родительнымъ не повлекла за собою смѣшенія въ смыслѣ значеній, и въ то же время языкъ создалъ *новыя* грамматическія категоріи: *одушевленности* и *неодушевленности*.

Измѣненіе вещественнаго значенія не всегда влечетъ измѣненіе формальное.

Разрушеніе грамматич. формъ и созданіе новыхъ грамматич. категорій.

30

И *звуки* *вещественнаго* значенія словъ (т. е. коренные) могутъ также исчезать безъ ущерба для самого значенія. Напр. въ «*подъ*» (вм. *пѣди*) коренное и потерялось.

Потеря звуковъ вещественнаго обозначенія (корня).

31

Такимъ образомъ, языкъ мало дорожитъ исчезновеніемъ звуковъ какъ грамматическаго, такъ и вещественнаго значенія. Въ словѣ все зависитъ отъ традиціоннаго *употребленія*. Самое созданіе слова обуславливается употребленіемъ, такъ какъ «созданіе есть лишь *первый* случай *употребленія*».

Важность *usus'a* въ созданіи и измѣненіи словъ.

32

Спрашивается, какимъ же образомъ значеніе слова (и вещественное и формальное) сохраняется въ теченіе вѣковъ при столь слабой поддержкѣ *звуковой*?—Въ *одномъ* словѣ это было бы, конечно, невозможно, потому что *отдѣльное* слово «есть звукъ пустой»; значеніе слова и сохраняется, и понимается *только въ рѣчи*, въ которой всякое смѣшеніе формъ выясняется: гдѣ есть конь (имен. п.) мой?—помяну конь (вин. п.) свой.—отбѣгоша конь (род. мн.) своихъ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ существительное «конь» въ звуковомъ отношеніи

Сохраненіе значенія словъ и понятность ихъ только въ рѣчи.

представляется какъ бы *общей* формою для именит. и винит. пад. ед. ч. и для родит. множ. числа; но это кажется такъ только при разсмотрѣніи каждой формы *въ отдѣльности*, въ дѣйствительности же такъ называемаго «*общаго* значенія словъ», какъ формальнаго, такъ и вещественнаго существовать въ живомъ языкѣ не можетъ. Невозможно представить себѣ, чтобы *всѣ отдѣльныя* значенія сидѣли въ *одномъ* звукѣ *вмѣстѣ* и *въ одно время*: конь именит., винит., родит. пад., или: *знай*, какъ повелительное наклоненіе, такъ и условное. «Слово въ каждый моментъ своей жизни есть *одинъ* актъ мысли», а не два. «Слово не можетъ стоять въ повелительномъ наклоненіи и въ *то же время* въ условномъ», но оно можетъ быть и условнымъ, и тогда станетъ уже *другимъ* словомъ. И все это выясняется лишь *въ рѣчи* и въ *отдѣльныхъ* случаяхъ. (Срав. стр. 3—4).

Но, въ свою очередь, и для пониманія рѣчи, какъ части языка, необходимо присутствіе въ душѣ многочисленныхъ отношеній даннаго явленія языка къ другимъ явленіямъ подобнаго рода. Употребляя, напримѣръ, какую-либо *именную форму*, я, хотя и не перебираю всѣхъ формъ *склоненія*, тѣмъ не менѣе нахожу смыслъ данной формы лишь по тому мѣсту, которое она занимаетъ въ склоненіи. Или когда говоримъ: «я кончилъ», то совершенность вида этого глагола сказывается намъ *не непосредственно звуковымъ* составомъ, а тѣмъ, что мысленно сопоставляемъ мы эту форму съ другою—вида *несовершенною*: «я кончалъ».

VI.

Формы этимологическія и синтактическія.

Итакъ, присутствіе и функція формы узнается только по смыслу, т. е., по связи съ другими словами и формами въ рѣчи и языкѣ.

Выходя изъ этого положенія и можно только дѣлать опредѣленіе этимологіи и синтаксиса.

Буславевъ говоритъ, что всѣ флегивные языки съ теченіемъ времени теряютъ или искажаютъ *этимологическія* формы и недостатокъ ихъ допoлняютъ формами *синтаксическими, описательными* (Грам. § 117), грамматику же, какъ ученіе о *формахъ* языка, дѣлитъ онъ на *этимологію* и *синтаксисъ*, изъ коихъ первая разсматриваетъ *каждое* слово *въ отдѣльности*, а второй разсматриваетъ слова во *взаимномъ ихъ сочетаніи*, при чемъ этимологія ограничивается *только звуковою* частью реченій, синтаксисъ же объясняетъ *значеніе* и *употребленіе* частей рѣчи.

Опредѣленіе
этимологіи и
синтаксиса Бу-
славевымъ.

Потебня признаетъ это невѣрнымъ: 1) этимологія раз- Опроверженіе Потебни.
сматриваетъ не каждое слово въ отдѣльности, а цѣлые разряды
словъ, *независимо отъ ихъ роли въ предложениі; 2) этимологія не есть*
фонетика, иначе не пришлось бы объяснять въ этимологіи, наприм., что 38
«неопредѣленное наклоненіе есть существительное, отъ глагола произведен-
ное» (Бусл. Гр. § 51); пришлось бы опускать всѣ *описательныя* формы,
какъ формы *сложныя* и, слѣдовательно, синтактическія, какъ напримѣръ
буду дѣлать и т. п. Поэтому должно быть предложено другое
дѣленіе грамматики, какъ ученія о формѣ языка: 1) на *фоне-* Дѣленіе грам-
тику, которая рассматриваетъ *звуки*, не касаясь ихъ *значенія*, матики на фо-
но *предполагая* ихъ *знаменательность* (т. е. значеніе звуковъ нетину и ученіе
въ словѣ), и 2) *ученіе о значеніи*, въ которомъ, наоборотъ, вниманіе о значеніи.
сосредоточивается *на значеніи*, а звуки только предполагаются. Такимъ
образомъ, первая часть грамматики занимается изученіемъ *внѣшнихъ*, зву-
ковыхъ *формъ* слова, а вторая - изученіемъ *внутреннихъ формъ*, или спо-
собовъ представленія содержанія, и «въ языкѣ нѣтъ ничего, кромѣ *внѣшней*
и *внутренней формы*».

Но въ области *внутренней формы* есть различіе между Значеніе веще-
представленіемъ *содержанія* и представленіемъ *формы*, въ какой ственное и
мыслится содержаніе. Первому въ языкознаніи соотвѣтствуетъ формальное.
ученіе о значеніи въ *тѣсномъ смыслѣ* (вещественное значеніе), второму—
ученіе о *грамматическихъ формахъ*.

Каждое изъ этихъ двухъ дѣленій можетъ рассматриваться И то и др. уче-
не съ одной, а съ двухъ точекъ: *этимологической* и *синтак-* ніе о значеніи
тической, т. е., или а) мы *опредѣляемъ* вещественное и *фор-* можетъ рассма-
мальное значеніе слова изъ *контекста* (синтактически) или б) триваться какъ
изыскиваемъ путь, которымъ языкъ дошелъ до этого значенія съ этимолог.
(этимолог. точка зрѣнія). Такимъ образомъ, этимологія и синтаксисъ идутъ (историч.), такъ
рука объ руку другъ съ другомъ, при чемъ этимологія такъ относится въ и съ синтактич.
синтаксису, какъ *исторія* къ *описанію современнаго состоянія*; поэтому (описат.) точки
этимологическая точка зрѣнія называется еще *исторической*, а синтакти- зрѣнія.
ческая—*описательною*. Согласно этому взгляду этимологія должна быть 39
исторической, а *исторической синтаксисъ «немислимъ»**). Вообще
опредѣленіе этимологіи можетъ быть правильнымъ или вѣрнѣе—
годнымъ только тогда, когда въ опредѣленіе ея входитъ изслѣ-
дованіе *вещественнаго значенія* словъ (а не звуковъ, какъ у
Буслаева) и 2) когда она *не совпадаетъ съ фонетикой*.

*) Но возможна, конечно, «исторія синтаксиса», когда синтактическія формы
и ихъ замѣны и смѣны рассматриваются въ хронолог. порядкѣ. **И. Б.**

40

Дѣленіе Буслаевымъ синтаксиса на древнѣйшій и позднѣйшій.

Потебня не соглашается съ Буслаевымъ (Грам. § 155) и относительно дѣленія синтаксиса на древнѣйшій и позднѣйшій: древнѣйшій, основанный на этимологическихъ формахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядный, конкретный, и позднѣйшій, отступающій отъ этимологическихъ формъ *по требованію мысли* и потомъ отвлеченный, абстрактный; напр. «*та* десять копень описана» (древн.) и «*Ть* десять копень описаны», или «десять копень описано» (поздн. сочетаніе по смыслу, а не на основаніи этимологическихъ формъ). Потебня

41

Опроверженіе этого взгляда Потебнѣю.

въ послѣднихъ двухъ оборотахъ видитъ тутъ не сочетаніе, отступающее отъ этимологической формы, а *совствѣз инья, новья* формы. Мысль въ языкѣ, имѣющемъ формы, «никогда не разрываетъ связи съ грамматическими формами: удаляясь отъ одной, она перемѣнно въ то же время создаетъ *друцю*, новую, на основаніи которой и проеходитъ новое сочетаніе, но *не по требованію мысли*, а *формальное*. Въ выраженіи: «два человекъ» съ теченіемъ времени категорія *двойственности* забылась, и стали употреблять ее въ смыслѣ *нѣсколько*: три, четыре человекъ, т. е. создалась *новая* категорія «*нѣсколько*», занимающая средину между *единствомъ* и *множествомъ* *), которое начинается съ *пяти*: пять, шесть... человекъ (род. п. множ. ч., а не дв.). Словомъ, тутъ нѣтъ несогласія между значеніемъ и употребленіемъ, между этимологіей и синтаксисомъ. Точно также въ выраженіи: «надѣяться на Бога» Буслаевъ

42

видитъ синтаксическое сочетаніе, *основанное на этимологической формѣ* (*полагать* что-нибудь на что-нибудь), а въ выраженіи: «надѣяться чего» (=ожидать чего) видитъ сочетаніе, основанное уже *не на формѣ*, а на *отвлеченномъ* понятіи, по смыслу. Потебня же во второмъ выраженіи видитъ опять *новую грамматическую форму*, въ которой глаголь «надѣяться» въ значеніи *ожидать* сочетается именно съ род. п., а не при помощи предлога *на*. «*Всякое* послѣдующее слово есть болѣе сложное произведеніе чѣмъ предыдущее»; сложнѣе становится и самое значеніе послѣдующаго слова. Напр., значеніе цвѣта «наваринскаго дыму съ пламенемъ» сложнѣе, чѣмъ *сырый, бѣлый*, но нельзя сказать, чтобы *сырый, бѣлый* были конкретнѣе и изобразительнѣе, чѣмъ «наваринскаго дыму съ пламенемъ», хотя послѣднее названіе цвѣта и позднѣйшее. Слѣдовательно, если раздѣлимъ языкъ на два періода: предшествующій (конкретныхъ значеній) и послѣдующій (значеній абстрактныхъ), то это было бы неточно и произвольно. «Нельзя допустить строя языка, выказывающаго господство этимологій (съ болѣе конкретнымъ значеніемъ) или синтаксиса (съ болѣе абстрактнымъ)»: «этимологія и синтаксисъ, какъ *двѣ* взаимно *усиливающія* себя точки зрѣнія, *нераздѣльны*».

43

44

45

*) Сравни. далѣе III, 447. И. Б.

Изъ всего сказаннаго Потебни выводять слѣдующее о формахъ этимологическихъ и синтактическихъ: а) «звучковые элементы отдѣльныхъ формъ съ теченіемъ времени стираются; б) формы, какъ значенія, смѣняются другими; в) эти послѣднія могутъ состоять болѣе чѣмъ изъ одного слова («буду дѣлать») и слѣдовательно не составлять звукового единства», что не противорѣчитъ, конечно, единству звука и значенія въ словѣ.

Противоположеніе же этимологіи синтаксису есть лишь неудачное преобразование другого противоположенія: *созданія и паденія* (разрушенія) *формъ*, или *созданія и употребленія формъ*.

VII.

Созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ.

М. Мюллеръ говоритъ, что въ языкѣ съ теченіемъ времени является порча, и что слова и ихъ части удерживаются искусственно, путемъ традиціи. Во время этой-то фонетической порчи и появляются *грамматическія формы*. Потебни считаетъ такой взглядъ произвольнымъ: «порча» эта не уничтожаетъ языка, а приводитъ его къ высшему совершенству: къ грамматическимъ формамъ; что же касается «традиціи», то она не можетъ появляться *только въ позднее* время; она одновременна съ самимъ языкомъ; *звуковая изменчивость* есть тоже явленіе *первоначальное* и всеобщее въ языкахъ. На этомъ основаніи Потебни видитъ особое проявленіе *жизни* въ томъ, что Мюллеръ считаетъ болѣзнию языка: «измѣненіе функціи слова, образованіе *новаго* слова изъ прежняго»—это «не отсутствіе жизни въ словѣ», а «*новое* появленіе жизни»: это—не разрушеніе, а созиданіе. Напр. въ русскомъ языкѣ вытѣсненіе чуждой ему (славянской) формы причастія на *щій* формами на *чи*, *че* (знаючи, знающе) есть не что иное, какъ стремленіе къ образованію *новой* грамматической категоріи *двѣпричастія*.

Итакъ, что же такое *созданіе и разрушеніе* грамматическихъ формъ, если то и другое дѣйствительно характеризуетъ два различныхъ періода въ жизни языка?

Гумбольдтъ смотритъ такъ. Въ періодъ образованія формъ народы усиленно выразить мысль, и это стремленіе ихъ производитъ и поддерживаетъ ихъ творческую славу. Поэтому, чѣмъ первобытнѣе языкъ, тѣмъ онъ богаче формами. Періодъ созданія формъ оканчивается тогда, когда языкъ, какъ орудіе мысли,—на *лицо*. Тогда духу остается только *употреблять* его и вовлечься въ немъ.

Выводъ о формахъ этимологическихъ и синтактическихъ.

46

Взглядъ М. Мюллера на порчу въ языкѣ и появленіе грамматич. формъ.

47

Опроверженіе этого взгляда Потебни.

48

Разрѣшеніе вопроса о созданіи и порчѣ грамматическ. формъ.

Дѣленіе языка В. Гумбольдтомъ на два періода: 1) періодъ созданія языка и 2) пользование имъ, какъ орудіемъ.

49

Значить, въ первомъ періодѣ языкъ создается и самъ служитъ цѣлью, а во второмъ—употребляется и становится средствомъ.

Возраженіе По-
тебни противъ
такого дѣленія.

Однако, это дѣленіе на два періода не объясняетъ, почему настааетъ будто бы время уменьшенія (разрушенія) формъ. Противоположности созданія и употребленія (цѣли и средства), какъ и противоположность этимологиче- и синтаксиса, это—не различные *периоды*, а лишь различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же періодъ. «Языкъ всегда есть столько же цѣль, сколько и средство, настолько же создается, насколько употребляется». Впрочемъ, и самъ Гумбольдтъ далѣе говорить: «ни одного періода въ жизни человѣчества или народа нельзя считать исключительно предназначеннымъ для

Непрерывное
развитіе языка
какъ со сторо-
ны лексической,
такъ и грамма-
тической.

развитія языка». И дѣйствительно, наблюденіе свидѣтельствуетъ о непрерывномъ измѣненіи языковъ во всѣхъ частяхъ его строенія. Языкъ постоянно остается посредникомъ между познаннымъ и вновь познаваемымъ. Какъ *вещественныя значенія*, такъ и *формы языка* должны быть разсматриваемы какъ *средства*, такъ вмѣстѣ и *акты* познанія. Нѣтъ предѣловъ лексическому развитію языка, слѣдовательно, не можетъ быть и черты, ограничивающей количество *формъ* языка. Языкъ можетъ «падать» или останавливаться въ своемъ развитіи только развѣ «отъ ухудшенія породы, отъ перерыва въ преданіи, причиненнаго *внѣшними* вліяніями», а все остальное, совершающееся въ языкѣ, зависитъ отъ *усложненія мысли*. Самъ Гумбольдтъ признаетъ фактъ, что строеніе языковъ, происшедшихъ отъ индоевропейскаго, наиболѣе возбуждаетъ дѣятельность духа и потому сохраняетъ наиболѣе прочную *силу производить новыя образованія*, вызываемыя теченіемъ времени и судьбами народовъ. Наиболѣе выдающимися грамматическими категоріями являются *глаголь*, создающій предложеніе, и *мѣстоименія съ союзами*, связывающія предложенія въ болѣе *сложныя* единицы.

Потеря одной
формы, какъ
отжившей, смѣ-
няется новою,
болѣе пригод-
ною для выра-
женія болѣе
сложной мысли.

Фактъ *стиранія флексій* не есть уменьшеніе общаго количества формъ, составляющихъ *не звукъ* только, а и *значеніе*. За потерю одной формы слѣдуетъ рожденіе новой, причемъ стирающаяся форма или а) можетъ *перерождаться* въ другую, какъ напр. форма «два рубля» изъ категоріи «двойственности» переродилась въ категорію «нѣсколько»: «три, четыре рубля», или б) вовсе исчезать, потому что оказывается она негодною, съ увеличеніемъ способности къ отвлеченному мышленію, а иногда и лишнимъ бременемъ для мысли, если на мѣсто исчезающей формы остается другая соответствующая и болѣе пригодная. Кромѣ того, самый счетъ грамматическихъ формъ часто бываетъ невѣренъ. Говорятъ, напр., объ одномъ творительномъ падежѣ, а ихъ въ русскомъ

языкъ нѣсколько категорій: все это *новые* надежи. Каждое особое значеніе предлога даетъ *новый* надежь.

Конечно, нѣкоторыя формы исчезли, какъ напр. форма глагола дезидеративная, оптативная, но это не говоритъ объ *уменьшеніи* формъ вообще: исчезнувшія замѣнились новыми, болѣе пригодными къ выраженію сложности современной мысли. Древніе языки потому и важны въ *педагогическомъ отношеніи*, что они проще и доступнѣе анализу, чѣмъ языки новые.

Съ совершенствованіемъ языковъ нетрудно примирить и фактъ *вывѣтриванія звуковъ*, поддерживающихъ даже *значенія* формы, а также—*чередованіе формъ простыхъ и описательныхъ*. Естественно, что чѣмъ сильнѣе энергія мысли, тѣмъ она меньше нуждается въ звукѣ, какъ внѣшней опорѣ, и наоборотъ. Поэтому, если извѣстный звукъ въ окончаніи лишь замедляетъ теченіе рѣчи и мысли, то онъ выкидывается; если же въ звукѣ этомъ является нужда, то онъ сохраняется. И, конечно, это значить не то, что въ языкѣ ослабѣваетъ творчество, а то, что мысль не нуждается болѣе въ этой внѣшней опорѣ звука, довольствуясь лишь *значеніемъ мѣста*, которое занимается словомъ въ рѣчи.

Что же касается *описательныхъ формъ*, то онѣ свидѣтельствуютъ не о паденіи формы, а о торжествѣ ея въ принципѣ, объ освобожденіи *вещественнаго* слова отъ всякаго *вещественнаго содержанія* и о возведеніи ихъ въ чисто формальныя: это есть не вырожденіе, а *перерожденіе*, созданіе новой формы, которая, несмотря на свою сложность, сохраняетъ *единство* значенія, таковы напр. сочетанія предлоговъ, образовавшихся изъ имени, съ именемъ же, сочетаніе личнаго мѣстоименія съ глаголомъ, какъ одно цѣлое, чего не было въ древнихъ языкахъ, ибо тамъ, если личныя мѣстоименія ставились при глаголѣ, то они имѣли *не формальное, а вещественное* значеніе.

Вывѣтриваніе звуковъ въ связи съ энергіей мысли.

Замѣна простыхъ формъ описательными, какъ освобожденіе слова отъ всякаго вещественнаго содержанія и какъ окончательное торжество форм.

VIII.

Грамматика и логика.

Эта глава направлена противъ Я. Гримма, а съ его легкой руки и противъ тѣхъ педагоговъ, которые считаютъ подлежащимъ (по смыслу) не только именительные надежи, но и косвенные: *мнѣ* не спится, у меня нѣтъ *книжъ*. Но какъ для логики безразлично *словесное* выраженіе, такъ и для грамматики, изучающей между прочимъ *функции* надежей, безразлично логическое подлежащее.

Грамматика не есть логика.

57

58

59

60

Штейнталь еще въ 60-хъ годахъ доказалъ логическую немыслимость «логико-грамматическаго подлежащаго». Потехия, ссылаясь на книгу Штейнталя «Grammatik, Logik und Psychologie» (1855 г.), ограничивается здѣсь лишь нѣкоторыми главнѣйшими положеніями о различіи грамматики и логики.

61 Слово не есть понятіе, и предположеніе нетождественно съ сужденіемъ.

1) Прежде всего, самое «слово отлично отъ понятія и не можетъ быть его эквивалентомъ или выраженіемъ уже потому, что въ ходѣ развитія мысли *предшествуетъ* понятію».

2) Грамматическое *предложеніе* нетождественно и даже непараллельно *сужденію*, и хотя въ томъ и другомъ есть подлежащее и сказуемое, но члены эти сходны только по названію. Такъ а) въ грамматикѣ подлежащее, какъ предметъ, и сказуемое, какъ признакъ, не могутъ замѣнять другъ друга, между тѣмъ какъ въ логикѣ все равно, скажемъ ли мы: «лошадь — животное» или: «животное — лошадь», потому что «для логики въ сужденіи существенна только *сочетаемость* или *несочетаемость* двухъ понятій, а которое изъ нихъ будетъ названо субъектомъ, которое предикатомъ, это для нея должно быть безразлично». б) Иногда предложеніе соотвѣтствуетъ не сужденію, а только одному понятію, напр. «гремить», гдѣ дѣйствіе выражается безъ дѣйствителя, и наоборотъ — предложеніе можетъ соотвѣтствовать болѣе чѣмъ *одному* сужденію; наконецъ, каждая пара членовъ предложенія (подлежащее и сказуемое, подлежащее и опредѣленіе, сказуемое и дополненіе) и даже *одинъ членъ* предложенія могутъ соотвѣтствовать сужденію. Напр. малорусское «пичкуръ» — человекъ, курящій пещи, «дривітня» — мѣсто, гдѣ рубятъ (тнутъ) дрова.

62 3) Грамматическихъ категорій въ предложеніи больше чѣмъ логическихъ въ сужденіи.

Индивидуальныя различія языковъ для логики безразличны.

63 4) Индивидуальныя различія языковъ не могутъ быть понятны «логической грамматикѣ», такъ какъ логическія категоріи «народныхъ различій» не имѣютъ: для всѣхъ народовъ одна логика.

Различіе логической и грамматической правильности.

5) Логическая и грамматическая правильность совершенно различны: что правильно грамматически, то можетъ быть неправильно логически, и наоборотъ.

Наибольшая формальность логики.

6) Хотя и логика, и грамматика формальны, но формальность ихъ различна: формальность логики *абстрактна*, а формальность языка *вещественна*: она связана съ *словомъ*.

IX.

Трудности при опредѣленіи предложенія и его членовъ.

Въ языкахъ, подобныхъ нашему, необходимо различать *содержаніе* и

форму. Но ни то, ни другое еще не выяснено надлежащимъ образомъ, что отъывается и на опредѣленіи предложенія.

Наше предположеніе безъ глагола невозможно, а потому всѣ опредѣленія предложенія безъ глагола должны быть выкинуты.

Буслаевское опредѣленіе предложенія, какъ сужденія, невѣрно, потому что «добрый человекъ» есть сужденіе, но тутъ нѣтъ предложенія. Какъ существенный признакъ въ составъ предложенія должны входить *части рѣчи*.

Разсмотрѣніе
Буслаевскаго
опредѣленія
предложенія.

По Буслаеву, во всякомъ предложеніи должно отличать 1) *содержаніе*, т. е. *названіе* самыхъ понятій, входящихъ въ составъ предложенія, и 2) *способъ сочетанія* ихъ въ предложеніи. Но то, что Буславъ называетъ содержаніемъ, матеріей предложенія, *не есть матерія*, ибо «названіе понятій» глаголомъ, существительнымъ, прилагательнымъ *есть грамматическія формы*, а *не дѣйствительное бытіе*, которое выражается только *извѣстнымъ* существительнымъ, прилагательнымъ и глаголомъ, составляющимъ часть *живой* рѣчи въ опредѣленной связи съ другими живыми словами. Слѣдовательно, у Буслаева *матерія* есть та же форма, и такимъ образомъ *оба признака*, входящіе въ опредѣленіе предложенія, составляютъ одну форму, отнявши которую, мы разрушаемъ предложеніе флексивныхъ языковъ.

Далѣе, когда говорится у Буслаева, что предложеніе состоитъ изъ подлежащаго и сказуемаго, и затѣмъ *порознь* опредѣляется то и другое, то опредѣленіе подлежащаго и сказуемаго исключаютъ другъ друга. Напр. въ предложеніи: «(я) говорю» личное окончаніе *ю* (или вмѣстѣ съ нимъ и личное мѣстоименіе *я*), составляя подлежащее, *въ то же время* входитъ и въ составъ сказуемаго. Значитъ, подлежащее и сказуемое въ предложеніи не суть *отдѣльные* члены.

Разсмотрѣніе
подлежащаго и
сказуемаго и от-
ношеній ихъ ме-
жду собою и къ
др. членамъ.

Нелѣпность отождествленія подлежащаго съ главнымъ предметомъ въ рѣчи очевидна сама по себѣ: «не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ» — здѣсь *единственный* предметъ рѣчи: «завтрашній день», и однако это не подлежащее.

Не менѣе сбивчивы въ грамматикахъ (а въ томъ числѣ и у Буслаева) отношенія подлежащаго и сказуемаго и къ другимъ членамъ предложенія 1) по способу *согласованія*, или 2) по способу *управленія* словъ: согласованіе и управленіе предполагаютъ *части рѣчи*, *флексіи*, а въ опредѣленіи подлежащаго и сказуемаго у Буслаева части рѣчи и флексіи не входятъ.

64

65

66

67

Разсмотрѣніе
второстепен-
ныхъ членовъ
предложенія

Второстепенные члены предложенія у Буслаева раз-
сматриваются 1) по синтаксическому употребленію и 2) по
значенію.

68

1) по синтакси-
ческому употре-
бленію:

а) слова обяза-
тельны и управ-
ляемы.

1) По синтаксическому употребленію слова *согласуемая*
суть опредѣленія, а слова *управляемая*—дополненія. Но тер-
мины *согласованія* и *управленія* здѣсь неточны и нерѣдко
совпадаютъ другъ съ другомъ. Напр. въ «*добрый* человекъ»
есть и *уподобленіе* (согласованіе), и *зависимость* (управленіе), такъ какъ
форма *добрый* (а не *добрая*, *доброе*) зависитъ отъ слова *человекъ*.

Различіе опредѣлительныхъ и дополнительныхъ по *разряду* словъ,
къ коимъ они присоединяются, тоже неудачно. Напр. опредѣлительныхъ
словъ при глаголъ и прилагательномъ по Буслаеву не бываетъ. Но 1)
куда отнести прилагательное въ выраженіи: «остался *бѣденъ*»? Оно вѣдь вхо-
дитъ въ составъ сказуемаго какъ *опредѣлительное*; 2) въ выраженіи: «это
такой добрый человекъ, что»—слово *такой* можетъ быть только *опредѣ-
леніемъ прилагательнаго*: «добрый».

б) Слова, не со-
стоящія въ види-
мой синтакси-
ческой связи
(обстоят.).

Подъ *согласованіе* и *управленіе* словъ не подходятъ *об-
стоятельства*: они «не состоятъ въ видимой синтаксической
связи съ словами, къ которымъ присовокупляются», говоритъ
Буслаевъ. Напр. *очень* хорошій, итти *въ* городъ. Но—если

они не состоятъ *въ* связи, то, значить, стоять *внѣ* предложенія, что не-
возможно; а если стоять *въ* невидимой связи, то какъ узнать о существо-
ваніи этой связи?

Вотъ слабыя стороны различенія второстепенныхъ членовъ предложе-
нія по синтаксическому ихъ употребленію, и несмотря на неудачную по-
пытку опредѣлить второстепенные члены съ этой точки зрѣнія, все-таки
она *единственно вѣрная*, по сравненію съ другой точкой зрѣнія—по *значенію*.

70

2) По значенію.

2) При разсмотрѣніи второстепенныхъ членовъ предло-
женія по *значенію* оказывается а) что опредѣлительныя слова
являются и согласуемыми, и управляемыми (домъ *отцовскій* и домъ *отца*),
б) между обстоятельственными, сверхъ несогласующихся и неуправляемыхъ,
большая часть должна быть отнесена къ дополненіямъ (подниматься *на*
юру); в) что же касается дополненій, то они опредѣляются уже *синтакси-
ческимъ употребленіемъ*, именно—управленіемъ.

Такая путаница въ опредѣленіи по *значенію* произошла отъ того, что
дѣленіе это основано не на *наблюденіи надъ языкомъ*.

Слова опредѣли-
тельные, разли-
чаемыя по во-
просамъ.

Распознаваніе опредѣлительныхъ словъ по значенію при
помощи вопросовъ: *какой*, *чей*, *который*, *сколько* оказывается
неграмматическимъ.

71

Какой есть вопросъ о качествѣ *независимо отъ грамматической*

формы. На этомъ основаніи *всѣ* слова, отвѣчающія на вопросъ *какой*, должны быть опредѣлительными словами, т. е. не прилагательныя только и не родительный падежъ существительнаго *безъ предлога*, но и другіе падежи съ предлогами, которые *по синтаксическому употребленію* должны быть дополненіями: *любовь къ чтенію*.

Чей есть вопросъ о принадлежности, на который безразлично отвѣчаютъ и родительный падежъ существительнаго, и прилагательныя: *сынъ отца, отцовскій сынъ*, какъ будто это одинъ и тотъ же членъ предложенія.

На вопросъ *который* отвѣчаютъ и мѣстоименія указательныя, и числительныя порядковыя, и всякое обозначеніе мѣста, занимаемаго опредѣляемымъ предметомъ въ ряду другихъ.

Сколько. Отвѣты на этотъ вопросъ приводятъ къ различнымъ синтаксическимъ категоріямъ: *двѣ версты—много людей—много сдѣлать*. Кромѣ того, въ такихъ выраженіяхъ, какъ: «выступало *семь* коровъ», слово *коровъ*, по Буслаеву и Гатталѣ, въ одно и то же время есть и *подлежащее и опредѣленіе* (къ «семь»).

Дополненіями означается отношеніе предмета къ дѣй-
ствію и къ лицу дѣйствующему чрезъ непосредственное или посредственное управление, причеиъ въ *страдательномъ* оборотѣ лицо дѣйствующее обозначается *творительнымъ* падежомъ.—Это—точка зрѣнія *не грамматическая*, ибо съ грамматической точки зрѣнія дѣйствующее лицо есть *именит. падежъ* (подлежащее). Отъ смѣшенія разныхъ точекъ зрѣнія, выходитъ неразрѣшимая путаница: дѣйствующее лицо выражается и *творительнымъ*, и *именительнымъ* падежомъ, а предметъ дѣйствія обозначается и *винител. падежомъ* (при дѣйствительномъ оборотѣ), и *именит.* (при страдательномъ оборотѣ), т. е. дополненіе смѣшивается съ подлежащимъ, какъ будто косвенные падежи имѣютъ какое-либо право наслѣдства на значеніе подлежащаго (*мнѣ* думается=я думаю; его убило *громомъ*=громъ его убилъ).

Слова *обстоятельственыя* съ точки зрѣнія *по значенію*
употребляются для обозначенія обстоятельства мѣста и другихъ
и отвѣчаютъ на такіе-то вопросы. Категорія эта *въ цѣломъ* не можетъ быть отличена отъ дополненія, когда не знаешь, по чему судить: по формѣ, или не по формѣ: «войти *въ городъ*» по значенію—обстоятельство мѣста, по синтаксическому употребленію—дополненіе.

Въ сбивчивости опредѣленій особенно второстепенныхъ членовъ *виновата*, конечно, не логика, потому что она второстепенныхъ членовъ, на примѣръ, вовсе не знаетъ.

Х.

Члены предложенія и части рѣчи.

1. Первоначальное слово есть уже предложеніе, но только не

Психологическое предложение и отношеніе его къ словесному предложению.

логическаго, а *психологическаю сужденія*. Такое первобытное предложение «есть актъ *apperceptionii*», т. е. сравненіе и объясненіе того, что уже разъ воспринято. Оно связываетъ двѣ мысленныя единицы: *объясняемое* (психологическій субъектъ) и *объясняющее* (психологическій предикатъ), и въ *этомъ смыслѣ* такое предложение *двучленно*. Словесно же выражается въ такомъ предложеніи *только объясняющее*, т. е. *сказуемое*, напр. «мама!» Значить, первообразное словесное одночленное предложение *предикативно*. Сюда относятся: *сюда! пора!* и т. п., образовавшіяся впоследствии.

Въ первообразномъ *словь-предложеніи* не мыслится ни субстанціи, ни ея атрибута или дѣйствія, словомъ—оно еще безформенно, между тѣмъ простѣйшее предложение *нашихъ языковъ* заключаетъ уже въ себѣ *форму грамматическую*, и эта форма составляетъ *формальное содержаніе предложенія*, какъ того *глагола*, въ коемъ совершается жизнь этихъ формъ. Жизнь формъ проявляется въ *образованіи* и *измѣненіи* ихъ*); вслѣдствіе этого происходитъ *измѣненіе и въ самомъ предложеніи*. Такъ, напр., *личный глаголъ* русскій чрезвычайно разнообразенъ въ формахъ своихъ, которыя образовывались и мѣнялись. Точно также и *имя*. Съ измѣненіемъ грамматическихъ категорій неизбежно мѣняется и самое предложеніе, въ которомъ возникаютъ и измѣняются онѣ. На этомъ основаніи *исторія языка* должна давать *рядъ опредѣленій предложенія****).

2) Переходя отъ *безформеннаго* (психологическаго) предложения—сказуемаго къ формальному, Потебня говоритъ, что *главное предложеніе не возможно безъ личнаго глагола*, который самъ по себѣ есть уже предложеніе, какъ *минимумъ*: слѣдовательно, предложеніе прежде всего есть *verbum finitum*****); максимумъ же опредѣленія предложенія будетъ зависѣть отъ внесенія въ него другихъ чертъ, зависящихъ отъ другихъ грамматическихъ категорій.

*) Это изложено далѣе во II части изслѣдованія: „Составные члены предложенія и ихъ замѣны“ (стр. 125 и дал.). **И. Б.**

) Но самаго опредѣленія предложенія Потебня не даетъ ни для одного періода развитія языка. **И. Б.

***) Между тѣмъ Поповъ въ своемъ изслѣдованіи „Именит. зват. и винит. падежи“ допускаетъ предложенія и *изъ одного имени*, какъ *древнѣйшія и первообразныя*. Поэтому Потебня въ примѣчаніи опровергаетъ всѣ предположенія Попова объ одночленныхъ предложеніяхъ *безъ глагола* и считаетъ такія предложенія не первообразными, а зависящими отъ строя *нынѣшняго языка* при *опущеніи глагола*. Такъ, а) одночленные *именныя* предложенія: *пожаръ! пора! стыдъ!* и т. п. Потебня принимаетъ за составныя *сказуемыя* съ опущенною связкою; б) *именительный восклицательный* въ предложеніяхъ какъ „ой я несчастный!“ есть подлежащее съ атрибутомъ при опущенномъ *сказуемомъ* („что буду дѣлать?“); в) *винительный восклицательный* есть дополненіе при опущенномъ

76

77

78

70—80

Содержаніе предложенія, какъ сказано выше (стр. 76), не вещественно, а *формально*; поэтому и сказуемое-глаголь должно отличаться отъ имени только формально, равно какъ и всѣ остальные члены предложенія или части рѣчи.

Въ глаголахъ (всегда) и имени (почти всегда) должно различать два корня; или вѣрнѣе—*два составныя части*: вѣсть=вѣд+ть (3 л. настоящ. вр.) и вѣсть=вѣд+ть (существ. жен. рода).

Глагольные и мѣстоименные корни, какъ составныя части словъ

Одни называютъ эти части корнями *вещественными* (вѣд) и *формальными* (ть), другіе—*глагольными* (вѣд) и *мѣстоименными* (ть), третьи—*глагольными* (вѣд) и *именными* (ть).

По мнѣнію Фика, мышленіе начинается со способности разлагать воспріятіе (апперцепція) на двѣ основныя его части: *носителя дѣйствія* и *самое дѣйствіе*. Это и выразилось въ созданіи первобытнаго слова, гдѣ глагольный корень означаетъ дѣйствіе, а именной—носителя дѣйствія, и если въ ихъ сочетаніи перевѣшиваетъ глагольное значеніе, то возникаетъ глаголь, въ противномъ же случаѣ возникаетъ имя.

Взглядъ Фика на актъ первоначальнаго мышленія.

Но по мнѣнію Потебни мышленіе начинается *не съ разложенія* воспріятія на субстанцію и предикатъ, а *съ обозначенія иълаго воспріятія*. Напр. слово, предполагаемое лексическою частью (лек) глагола *летитъ*, означало *летающую птицу*, а не *полетъ* только птицы, какъ отвлеченное понятіе дѣйствія. То же самое слѣдуетъ думать и о *ворняхъ* мѣстоименныхъ: и они обозначали *иълое воспріятіе*, а не субстанцію только, отдѣльно отъ ея атрибута. Вся разница обозначенія тѣмъ и другимъ корнемъ состоитъ въ томъ, что *мѣстоименіе* отмѣчаетъ воспріятіе *указаніемъ относительно* говорящаго (*этотъ*—т. е. близкій ко мнѣ; *тотъ*, т. е. болѣе далекій), а корень *лексическій*—*безотносительно* къ говорящему. Поэтому глагольные корни слѣдуетъ назвать *безотносительными* (*качественными, объективными*), а мѣстоименные—*относительными* (*указательными, субъективными*).

Опроверженіе Потебни и взглядъ его на корни глагольные и мѣстоименные.

соотвѣтствующемъ глаголь или стоящихъ на лицо частицахъ, имѣющихъ глагольную, предикативную силу, хотя бы частицы эти были и мѣстоименнаго происхожденія, напр. „о me miserum!“—„ну тебя!“—Сюда же относитъ Потебня г) *родительный надежъ* при восклицаніяхъ, который у Миклошича называется *родительнымъ* причины, напр. ц.-слав. „о преславныхъ чудеса!“—греч. *ὦ παραδόξων πραγαμάτων!* и д) наконецъ, *дательный* при восклицаніяхъ: *ὦ μοι τῆς τύχης!*—Охъ-ти мнѣ!

84

Опредѣленіе глагола по признаку возникающему и опредѣленіе имени по признаку данному, готовому.

Итакъ, понятіе о качественныхъ (= глагольныхъ) *корняхъ* не даетъ еще возможности отличать *глаголь* отъ *имени*: выраженія «зеленая трава» и «трава *зеленѣетъ*» по *содержанію* безразличны, хотя первое выраженіе не есть предложеніе, а второе есть предложеніе. Но чего нѣтъ въ *корнѣ*, то находится въ самомъ словѣ-*глаголь*, образованномъ отъ этого корня: «глаголь (*зеленѣетъ*, въ отличіе отъ имени *зеленый*) изображаетъ *признакъ во время ея возникновенія* отъ дѣйствующаго лица, а имя—*нѣтъ*», т. е., глаголь, (*зеленѣетъ*), какъ слово въ предложеніи, показываетъ признакъ имени (трава) въ тотъ самый моментъ, когда признакъ этотъ возникаетъ отъ этого предмета; имя же, замѣняющее глаголь (т. е., «зеленый» вмѣсто «зеленѣетъ») *возникновенія* признака не обнаруживается, такъ какъ признакъ зелени травы присущъ былъ травѣ *и прежде*, или вообще присущъ ей, какъ имени *). Словомъ, признакъ предмета въ глаголь представляется *дѣйствующимъ*, или непосредственно *вытекающимъ* изъ дѣйствующаго лица или предмета, а признакъ, выражаемый *именемъ*, какъ бы пребываетъ въ покое, не обнаруживая никакой энергіи своего проявленія.

85

Личныя мѣстоименныя окончанія, какъ знаки связи связуемаго съ подлежащимъ.

Что же касается *личныхъ мѣстоименныхъ окончаній*, которыя составляютъ необходимую принадлежность глагола—*сказуемаго*, то они есть только *знаки связи* или отношенія *сказуемаго съ подлежащимъ*, а не *замѣна подлежащаго*, какъ думаетъ Буслаевъ (Гр. §§ 122, 124); даже въ *безличныхъ* или *безсубъектныхъ* предложеніяхъ — и тамъ личное окончаніе не замѣняетъ подлежащаго, а указываетъ только на отношеніе къ *скрытому* подлежащему средняго рода «нѣчто», почему безличный глаголь—сказуемое въ прошедшемъ времени и выражается среднимъ родомъ: *разсвѣло*.

3) Какъ опредѣленіе *сказуемаго* совпадаетъ съ опредѣленіемъ глагола, такъ опредѣленіе *подлежащаго*, а равно и опредѣленіе простого *аттрибута*, *предикативнаго атрибута* (въ составномъ *сказуемомъ*) и *дополненія* должны совпадать съ опредѣленіемъ имени.

86

Обычныя опредѣленія существительныхъ и прилагательныхъ съ неграмматической точки зрѣнія.

Существительныя и *прилагательныя*, образованныя отъ *безотносительныхъ* (качественныхъ) корней, чрезвычайно близки между собою, что доказывается, между прочимъ, общностью ихъ именного склоненія; поэтому они называются вообще *именемъ*, въ отличіе отъ глагола.

Обычныя предложенія существительныхъ и прилагательныхъ, какъ *названій предмета* и *свойства* его, невѣрны: «добрякъ» и «добрый» — оба

*) Ср. далѣе I, стр. 86, 87, 89. И. Б.

суть названія *свойства, качества*, равно какъ и глаголь «бѣлѣть». Не-вѣрность эта зависитъ отъ *неграмматической* точки зрѣнія на *грамматическій* предметъ.

По отношенію къ лицу познающему и акту познанія «имя относится къ глаголу, какъ *воспоминаніе прежде познанныя* къ *познававшему вновь*», т. е., въ имени представляется признакъ данный, готовый, еще прежде въ немъ бывшій, а не теперь возникающій или производимый предметомъ, ибо возникновеніе признака свойственно глаголу.

Готовые, данные признаки въ именахъ и отличіе этихъ признаковъ въ существительныхъ, прилагательныхъ и причастныхъ.

87

Въ частности, имя *прилагательное* есть готовый признакъ, находящійся въ чемъ-то другомъ и именно въ томъ, что опредѣлено грамматической формою прилагательнаго (родъ, число и падежъ), напр. *зеленая* (трава).

Причастія, какъ *глагольные* (а не *отглагольные*) прилагательныя, заключаютъ въ себѣ признакъ и глагола, и имени; въ «*зеленѣющей*» глагольною чертою служитъ признакъ, обнаруживающій *энергію, производящую* силу; но этотъ же признакъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и признакомъ *даннымъ, готовымъ*: «*зеленѣющая*» трава значить не только имѣющая *зеленость* (какъ признакъ данный), но и *сама производящая* этотъ признакъ. Отсюда вѣдъ всякаго сомнѣнія, что *первобытное имя* (до созданія существительныхъ и прилагательныхъ категорій) ближе всего подходило къ причастью по способу представленія въ немъ признака (глагольнаго и именного), съ тою только разницею, что въ *первобытномъ* причастьи—имени не отличалось, повидимому, категорій времени и залога, и было оно предикативнѣе, чѣмъ позднѣйшее имя.

Близость первобытнаго имени къ причастью.

88

Когда прилагательное или причастіе становятся существительными, то признакъ прилагательнаго и причастія сначала не измѣняется. Вся разница состоитъ лишь въ томъ, что въ прилагательныхъ и причастьяхъ признакъ является вопросомъ: *бѣлъ* (кто?), *ветхъ* (кто?), такъ какъ нѣтъ того, кому или чему слѣдуетъ приписать этотъ признакъ, въ существительныхъ же признакъ является въ видѣ отвѣта: (бѣлъ) *бѣлокъ*, (бѣла) *бѣль*, (ветха) *ветошь*, т. е., первоначальное *существительное*, въ отличіе отъ прилагательныхъ, является *признакомъ, заключеннымъ* (даннымъ) въ чемъ-то *опредѣленномъ* и *безъ помощи другою слова*.

90

Способъ, какимъ пользуется языкъ для обозначенія признака въ существительномъ, *чисто-формаленъ*, т. е., прибавка въ существительномъ новаго, иногда чуть-чуть видоизмѣннаго суффикса по сравненію съ прилагательнымъ не опредѣляетъ еще того, что именно означается признакомъ въ существительномъ. Наприм. *бѣль*—это есть «нѣчто бѣлое», а что именно—неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе, та совокупность неизвѣстныхъ признаковъ (комплексъ), къ коимъ отнесенъ

Существительныя конкретныя и абстрактныя.

91

данный признакъ, представляется *дѣйствительно существующею*: «бѣль» — бѣлая пряжа. Таковы существительныя *конкретныя*. Что же касается существительныхъ *отвлеченныхъ* (абстрактныхъ), какъ «бѣлизнѣ», то совокупность въ нихъ признаковъ *фиктивна*; но все-таки и въ отвлеченномъ существительномъ *данный* признакъ мыслится *самостоятельно*, а не *въ чемъ-либо другомъ*, какъ это бываетъ съ признакомъ прилагательнаго. При чемъ, какъ говоритъ Гейзе, абстрактнаго не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ, что не подлежитъ чувствамъ; напротивъ, часто не подлежащее чувствамъ, но не фиктивное, а самостоятельно и объективно существующее, бываетъ конкретно; напр. Богъ, душа, время. Абстрактное же реально не существуетъ, а только *мыслится*.

92

Съ теченіемъ времени данный отдѣльный признакъ во множествѣ существительныхъ *забывается*. Это происходитъ отъ того, что признакъ, входящій въ существительное, бываетъ часто не существеннымъ, не характернымъ. Поэтому, напр., хотя въ словѣ «дубъ» и былъ нѣкогда свой явственный признакъ, но теперь, съ забвеніемъ его, мысль относитъ это слово не къ отдѣльному признаку, а ко *всему кругу* признаковъ, составляющихъ содержаніе слова «дубъ».

Опредѣленіе существительнаго.

Т. обр., въ концѣ концовъ, общимъ признакомъ всѣхъ родовъ существ-го служитъ то, что «оно» есть названіе *грамматической субстанціи* или вещи», какъ комплекса или совокупности всѣхъ признаковъ существ-го*), при чемъ, само собою, нельзя смѣшивать *грамматическую субстанцію* съ *метафизической*: въ то время какъ метафизич. субстанція есть *вещь сама по себѣ, отдѣленная отъ всѣхъ своихъ признаковъ*, — грамматическая, напротивъ, «*есть совокупность признаковъ* однородныхъ съ тѣмъ (признакомъ), который можетъ быть данъ этимологически въ существительномъ», не обращая вниманія на то, будетъ ли эта совокупность признаковъ *дѣйствительная* или *фиктивная* (**).

93

Субстанція грамматическая и метафизическая.

Въ опредѣленіе имени входятъ не только слова съ *качественнымъ корнемъ* (ср. стр. 83), но и *мѣстоименія*, которыя бываютъ или существительными, какъ имена субстанцій: я, ты, онъ, или прилагательными, какъ имена признаковъ, относимыхъ къ субстанціи, обозначенной другимъ словомъ: тотъ, этотъ, мой, твой.

*) Ср. дал. III. 2. 3.

(**) По Миклошичу, существительное отличается отъ прилагател. *по значенію* тѣмъ, что первое можетъ означать носителя признаковъ, а второе — нѣтъ (Грам. IV 3). при этомъ подъ признаками онъ разумѣетъ не тотъ признакъ, который *въ существительномъ* можетъ противопоставляться *совокупности другихъ* признаковъ, а тѣ, которые даются въ предложеніи опредѣленіемъ и сказуемымъ.

4) Послѣ опредѣленія глагола-сказуемаго и имени Потѣбня даетъ опредѣленіе **подлежащаго**: «оно есть *вещественное* указаніе на *непосредственною производителю* признака, означаемого сказуемымъ», при чемъ личн. мѣстоименіе бываетъ подлежащимъ только тогда, когда оно *вещественно*, т. е., означаетъ вещь, а не тогда, когда оно равносильно личному окончанію, какъ напр. въ выраженіи «я *сказалъ*», равномъ латинскому *dixi* безъ личнаго мѣстоименія *ego*. Опредѣленіе это относится и къ подлежащему при *страд.* зал., несмотря на то, что самостоятельность субъекта страдательнаго сказуемаго фигитивна.

Опредѣленіе
подлежащаго.

94

Им. и зв. пад. есть *единственные* выразители подлежащаго. Шлейхеръ и Миклошичъ не считаютъ зват. п. за падежъ: это-де есть имя въ формѣ *междометія*, Потѣбня же признаетъ его *прямымъ* падежомъ наравнѣ съ именит. и считаетъ способнымъ выражать субъектъ въ предложеніи. *Синтактическое различіе* им. и зв. п., по мнѣнію Потѣбни, состоитъ лишь въ томъ, что им. пад. выражаетъ подлежащее *во встьхъ трехъ лицахъ*, при чемъ для 1 и 2 лица служатъ личн. мѣстоим. (я, ты; мы, вы), а для 3-го—остальныя мѣст. и имена качественныя *), зват. же пад. выражаетъ подлежащее *только* при 2-мъ л., согласуясь со 2-мъ лиц. сказуемаго. Сходство значеній обоихъ падежей выражается и въ сходствѣ этимологическомъ: въ двойств. и множеств. числахъ зват. пад. сходенъ съ именительнымъ.

Им. и зват. п.
какъ выразители
подлежащаго.

95

Впрочемъ, въ народныхъ пѣсняхъ зват. п. въ функціи именительнаго бываетъ подлежащимъ и при 3-мъ лицѣ. Въ этихъ случаяхъ Миклошичъ считаетъ *самый* зват. п. падежомъ субъекта (Гр. IV, 370), но Потѣбня думаетъ, что зват. п. употребляется лишь въ *функціи* именит-го и что употребленіе зват. п. вмѣсто именит-го произошло отъ обращенія къ 3 лицу отсутствующему, *какъ бы ко 2-му присутствующему*. Примѣры такого употребленія звательнаго падежа встрѣчаются въ малорус. думахъ, въ серб. пѣсняхъ, а у Гомера—обычны.

96

Обыкновенно говорится, что «всякая часть рѣчи въ качествѣ подлежащаго *становится существительнымъ*». Но это неточно: «субстантивность подлежащаго и дополненія есть *лишь стремленіе* нашихъ языковъ, а не постоянное свойство». Въ слав. языкахъ и чистыя прилагат. бываютъ подлежащимъ и дополненіемъ, вопреки мнѣнію Миклошича (Гр. IV, 6, 1), который говоритъ, что или къ субстантивированному прилаг. прибавляется сущ., или же прилаг. стало обращаться впоследствии прямо въ существительное: *мѣдрьнъ* вмѣсто *мѣдрь*. Однако, въ глубокой древности встрѣчаются примѣры, какъ: «*алгыпано* накрьми», гдѣ мѣстоименное (пол-

Имя прилаг. въ
роли сущ-го.

97

98

*) Т. е. им. сущ. съ качеств. корнемъ. **И. Б.**

ное) окончаніе вмѣсто именного (краткаго) прямо указываетъ, что «алтъ-нааго» есть прилагательное. Въ подобныхъ примѣрахъ, какъ предыдущій, или: «битый небитаю везеть» субстанціальность хотя и существующая, но не определена, къ кому именно относится, что, какъ извѣстно, есть признакъ прилагательнаго *). И такая неопределенная субстанціальность вполне естественна: иногда определенность ея даже невозможна, и въ подобныхъ случаяхъ употребляется *сред. р. прилагательнаго*, которое становится уже настоящимъ существительнымъ.

Определеніе грамматическаго атрибута.

5) *Грамматическій атрибутъ* (со включеніемъ такъ называемыхъ сокрац. опред. предложеній) есть «названіе признака, который представляется даннымъ (готовымъ) въ субстанціи, обозначенной другимъ словомъ», т. е. въ определяемомъ существительномъ.**).

Атрибутъ изъ существительнаго.

Атрибутъ выражается какъ существительными, такъ и прилагательными. Атрибутивное существительное приписываетъ признакъ определяемой субстанціи чрезъ посредство другой субстанціи (т. е. черезъ другое существ.). при чемъ «вносить въ мысль черту своей прежней***) самостоятельности», что и выражается иногда несогласованіемъ съ определяемымъ въ родѣ и числѣ: городъ Ливны (аттр.)

Случаи несогласованія атрибутивного существительнаго въ падежѣ.

стоитъ на р. Соснѣ. Если же встрѣчается несогласованіе и въ падежѣ, какъ напр. «на Дунай-рѣкѣ», «князь-Василья», то а) это указываетъ только на особую близость опредѣленія съ определяемымъ словомъ, которая проявляется въ соединеніи ихъ въ одно слово. Такимъ же сростаніемъ въ одно слово Потебня объясняетъ и слѣд. выраж.: «купецъ-жена» изъ сокрац. прилагат. «купецк(ая) жена», вопреки Миклошичу (Гр. IV, 21), который видитъ тутъ соединеніе существ. муж. р. съ существ. женскаго****).

Объясненіе несогласованія приложенія въ падежѣ.

б) Дѣйствительное же несогласованіе въ падежѣ атрибутивнаго существ., какъ *приложенія*, бываетъ только тогда, когда при приложеніи бываетъ свое опредѣлит. слово: «Дмитрію—грозиныя очи», «Туромъ—золотые рога». Объясненіе Буслаева, который считаетъ эти приложенія за *опред. прид. предл.*

*) Въ III-мъ т., на стр. 58 Потебня отказывается отъ этого и говоритъ, что подлежащія и дополн. могутъ быть только именами вещей, существительными. И. Б.

**) При чемъ, само собой, предполагается согласованіе атрибута съ определяемымъ существит., хотя въ данномъ мѣствѣ и не упоминается объ этомъ у Потебни. И. Б.

***) Т. е., пока атрибутив. существительное не сдѣлалось еще атрибутомъ определяемаго слова. И. Б.

****) Въ III томѣ на стр. 174 Потебня отказался отъ этого своего мнѣнія и согласился съ Миклошичемъ. И. Б.

(=который имѣетъ грозн. очи, зол. рога) невѣрно: Потебня находитъ такую замѣну неточною и считаетъ эти явленія языка аналогичными съ образованіемъ сложныхъ словъ: «бой-баба», «бой-бабѣ», гдѣ *обычность* употребленія атрибута повела къ *неподвижности* формы атрибута, составляющаго какъ бы одно слово съ опредѣляемымъ.

в) Въ противоположность предыдущимъ атрибутивнымъ сущ-мъ въ неподвижной формѣ слѣдуетъ причислять не къ атрибутамъ, а къ грамматическимъ *объектамъ* тѣ существительныя, которыя стоятъ при опредѣляемомъ существ. въ несогласуемыхъ надежахъ (домъ *отца*) и относятся къ опредѣленіямъ по причинамъ *не грамматическимъ* (ср. стр. 70—71), а на томъ только основаніи, что они могутъ быть замѣнены согласуемыми прилагательными (*отцовскій* домъ вм. домъ *отца*) и отвѣчаютъ на вопросы опредѣлительныхъ словъ. Существительныя эти въ несогласуемыхъ надежахъ «съ *грамматической* точки зрѣнія означаютъ предметы, мыслимые не въ другомъ предметѣ, а внѣ его», т. е., не означаютъ признака, мыслимаго въ опредѣляемой субстанціи, а сами являются самостоятельными субстанціями, на что и указываетъ, между прочимъ, отсутствіе всякаго согласованія ихъ съ опредѣляемымъ именемъ.

Что касается *прилагательныхъ*-атрибутовъ, то они, повидимому, не могутъ получить независимости и согласуются въ родѣ, числѣ и пад. съ опредѣляемымъ. Сюда же относятся и *согласованіе по смыслу*: собирает. сущ. ед. ч. въ дѣйствительности есть *множ.* число: «придоша *Русь*»; несогласованное выраж.: «страстная и святая недѣли были проведены»=страст. недѣля и св. недѣля были проведены. Но требуетъ особаго объясненія *сред. р.* прилагательнаго при сущ. въ *муж.* и *ж.* родѣ: «человѣка два внидета въ цркъвъ, *кѣдино* фарисѣй, а друго мытарь»; «имѣя шесть сыновъ, а седьмое дѣщерь». Такое несогласованіе Миклошичъ признаетъ возможнымъ тогда, когда или полъ опредѣляемыхъ существ. считается безразличнымъ, или сущ-ыя имѣютъ различный родъ (Гр. IV, 32—33). Потебня, повидимому, также раздѣляетъ мнѣніе Миклошича *), но, сопоставляя съ этими примѣрами древне-рус. выраженія: «болное сущю» (Лавр.), «въ тоѣ палату» (Котош.), «за тоѣ веревку»,—признаетъ причину такого сочетанія *сред. р.* мѣстоименій и рѣже прилаг-ыхъ неясною, а потому сложенъ, кажется, принимать формы «тоѣ», «всеѣ», «одноѣ», «самоеѣ» за *особую форму* вин. п. ед. ч. жен. р.

Трудно объяснимыми считаетъ Потебня и несклоняемыя ц.-слав. и др.-рус. слова на ѣ (отъ темы *и*), какъ *исплзнь, различь, свободь, сущубь,*

Атрибутъ изъ имени прилаг. и согласованіе его въ р., ч. и пад.

Объясненіе slu-чаевъ несогласованія.

*) Ср. далѣе III, 64—65. **И. Б.**

испразднѣ *)): «сугубъ грѣси», «свободѣ бѣдете». Миклошичъ несклоняемость этихъ словъ объясняетъ такъ же, какъ составную атрибутивную часть *сложныхъ* словъ: *ворон-коня* (ср. *Дунай-рѣки*), съ тою только разницею, что приведенныя несклоняемыя слова употребляются не только атрибутивно, но и предикативно, какъ можно видѣть изъ послѣдняго примѣра

Приложение и
отличіе его отъ
простого атри-
бута.

Нужно отличать сущ. атрибутивное (князь Петръ) отъ сущ. *приложенія* (appositio): Петръ, царь-преобразователь **); первое можетъ составлять сложное слово (князь Петръ, князь-Петра), а второе никогда; значить, *въ приложеніи больше самостоятельности*, а вслѣдствіе этого и *предикативности*: оно составляетъ «среднюю функцію***) между собственно-атрибутомъ и опред. придат. предложениемъ съ глагольнымъ сказуемымъ». — Анпозиціей можетъ быть и прилагательное, когда оно 1) имѣетъ при себѣ дополн.: «N, *жадный къ деньгамъ*», и 2) когда оно стоитъ при *лич.* мѣст.: «*ходилъ я, молодежь*, по всѣмъ городамъ». Особенно же склонно къ анпозитивному употребленію причастіе, при чемъ «присоединеніе причастія нѣкоторыхъ глаголовъ (въ старин. яз. *сги* и проч.) къ согласуемому имени дѣлаетъ это имя *анпозиціею* или *усиливаетъ* его анпозиitivность; ср. N, царь... и N, *сы царь...*, N, *сы милосердъ*», гдѣ причастіе *сги* «можетъ быть переводимо (въ современномъ языкѣ) посредствомъ *будучи*» ****).

*) Въ выраженіи: «это *особь* статья» „особь“ есть нарѣчіе изъ „о собѣ“.

**) Для избѣжанія всякой сбивчивости, нужно помнить, что Потебня хотя и не формулируетъ нигдѣ отдѣльно, но признаетъ *три вида атрибута: собственно—атрибутъ, атрибутъ анпозиitivный (приложеніе) и атрибутъ предикативный. И. Б.*

***) «Среднюю» въ томъ смыслѣ, что хотя анпозиція и не составляетъ предложенія, но самостоятельнѣе простого атрибута и заключаетъ въ себѣ извѣстную степень предикативности, которой нѣтъ въ *собственно* атрибутъ. **И. Б.**

****) Такимъ образомъ, на двухъ рядомъ страницахъ высказываются Потебнѣ два различныхъ взгляда на Анпозицію или приложеніе: съ одной стороны анпозиція есть видъ атрибута, близко граничащаго съ *опредѣлит.* прид. предложениемъ (Петръ, царь-преобразователь), а съ другой—она есть одинъ изъ видовъ такъ называемыхъ сокращенныхъ *обстоятельственныхъ* придат. предложений (ходилъ я, молодежь=будучи молодымъ, по всѣмъ городамъ; N, сы царь). Спрашивается, есть ли это внутреннее противорѣчіе во взглядѣ Потебни на анпозицію, или же Потебня признаетъ два вида анпозицій—атрибутивной и адвербіальной, обстоятельствоваго? Судя по дальнѣйшему изслѣдованію, слѣдуетъ предполагать, повидимому, послѣднее: сперва анпозиція атрибутивная, являющаяся изъ простого атрибута („N, царь“ изъ „царь N“); затѣмъ—*усиленіе* атрибутивной анпозиціи посредствомъ анпозиitivнаго причастія вспомогательнаго глагола, если анпозиція выражается именами существительными и прилагат. („N, сы царь“, „N, сы милосердъ“), при чемъ подъ «усиленіемъ» анпозиціи Потебня, очевидно, разумѣетъ переходъ атрибутив-

6) **Аттрибутъ въ сказуемомъ.** Имя, входящее въ составное сказуемое, Миклошичъ называетъ *предикатомъ* (Гр. IV, 344), а Курциусъ самое сказуемое называетъ *именнымъ*. Потебня же такія сказуемыя называетъ *составными* и имя признаетъ *аттрибутомъ* (а не предикатомъ), съ тою лишь особенностію, что атрибутъ этотъ присоединяется чрезъ посредство глагола, сообщающаго всему сказуемому грамматическое (формальное) значеніе *времени*: „сѣбѣ (есть, былъ, будетъ) бѣтъ“, и если онъ называетъ это имя предикативнымъ, то потому только, что оно входитъ въ составъ сказуемаго.

Предикативные
аттрибуты изъ
именъ суще-
ствительныхъ и
прилагательн.

105

Предикативное имя, по мнѣнію Потебни, стоитъ *только въ именительномъ* пад., какъ и подлежащее, съ которымъ атрибутъ долженъ согласоваться *въ надежъ*; отличается же отъ простаго атрибута тѣмъ, что обнаруживаетъ *энергію*, проявленіе которой, однако, въ противоположность простому сказуемому, *не подлежитъ наблюденію*, а предшествуетъ ему, а потому «составное сказуемое по значенію менѣе наглядно, чѣмъ соответственный простой глаголъ». Въ выраженіи «Кій—перевончикъ» мы *не видимъ* самаго акта проявленія энергіи, а только знаемъ, что онъ перевозилъ или перевозить *).

Согласованіе
предикативныхъ
существительн-хъ
съ подлежащимъ.

106

Существительное въ составномъ сказуемомъ, такъ же какъ и въ приложеніи, можетъ обнаруживать свою независимость отъ подлежащаго несогласованіемъ въ родѣ и числѣ, но *не въ надежъ*: «Днѣпръ есть *рѣка*», «побой не суть *средство* къ исправленію людей».

Предикативныя
прилагательныя
и согласованіе
ихъ.

107

Предикативное прилагательное по общему правилу согласуется съ существительнымъ и въ родѣ, и въ числѣ, а если и бываетъ несогласованіе, то оно—*мнимое*, потому что въ этихъ случаяхъ прилаг-ое согласуется «съ *наличнымъ значеніемъ* рода и числа въ сущ-мъ», а не съ окончаніемъ его. Такъ, прилагательное ставится во *множ. числѣ* при сущ-мъ *собирательномъ*, которое означаетъ *множественность* при окончаніи единственнаго числа. (Срав. I, 101).

Согласованіе предикативныхъ прилагательныхъ съ существительными, бываетъ вовсе не потому, что въ прилаг-хъ есть форма для муж., жен., ср. р., а потому, что оно «есть *средство производить извѣстные отпѣнки* наго значенія аппозиціи къ адвербіальному; наконецъ—аппозиція адвербіальная, получающая завершеніе обстоятельственнаго своего значенія въ переходѣ аппозитивнаго причастія въ дѣепричастіе („N, будучи царемъ“, „N, будучи милосердъ“). Этой-то адвербіальной аппозиціи и посвящаетъ Потебня въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи отдѣлы о составномъ приложеніи (II, 114), о переходѣ аппозитивныхъ причастій въ дѣепричастія (II, 159, 160), о второстеп. сказуемомъ (II, 184) и объ именит. самост. надежѣ (II, 194 и слѣд.). **И. Б.**

108

*) „Но изъ этого не слѣдуетъ, что *составное* сказуемое менѣе наглядно (конкретно), чѣмъ простое сказуемое“, поправляетъ себя Потебня въ III томѣ (стр. 355, примѣч.). **И. Б.**

Случай несогласованія предик. атрибута изъ имени прилагательнаго и изъглады на это Буслаява и Потебни.

160

мысли». Такъ, согласованное предикатив. прилаг-ое остается все-таки признакомъ, *мыслимымъ въ субъектъ* и измѣняющимся вмѣстѣ съ нимъ, когда же языкъ уничтожаетъ согласованіе, то тѣмъ самымъ онъ *отвлекаетъ* признакъ отъ субъекта и создаетъ *новую грамматическую категорію*: «грѣхъ сладко, а человекъ надко», «умъ хорошо, а два лучше того».... Буслаявъ (Гр. § 239) такое сочетаніе объясняетъ или 1) опущеніемъ: «умъ хорошо» вмѣсто «имѣть умъ хорошо», или 2) тѣмъ, что средній родъ прилагательнаго замѣняетъ здѣсь существительное, а именно: «умъ хорошая вещь, хорошее дѣло», какъ напр. въ пѣснѣ XVIII в. «весновая служба — молодцамъ *веселье*, зимовая служба — молодцамъ *кручинно*» (вм. *кручина*). Это послѣднее мнѣніе Буслаява согласно и съ мнѣніемъ Миклошича (Гр. IV, 29, 19), который считаетъ здѣсь прилагательное сред. р. субстантивированнымъ. Но Потебня отвергаетъ и тотъ и другой взглядъ и говоритъ: «для насъ здѣсь не субстантивированныя прилагательныя, а *нарѣчія*», что и составляетъ новую грамматическую категорію въ развитіи языка *).

110

Предикативная связка.

7) *Предикативную связку* въ составномъ сказуемомъ надо отличать отъ *связи*: связка есть *грамматическая форма* въ личн. глаголь, а связка есть то *особое слово*, которое заключаетъ въ себѣ предикативную связку и служитъ для присоединенія атрибута къ подлежащему.

111

Мнѣніе Буслаява, что терминъ *связка* лишній въ рус. грам., Потебня признаетъ не достаточно обоснованнымъ: 1) нѣкоторые глаголы, составляющіе связку, *никогда* не опускаются; 2) глаголь существительный Буслаявъ желаетъ называть прямо сказуемымъ, но тогда не было бы и *составнаго* сказуемаго; 3) глаголь *быль*, по Буслаяву, тѣмъ болѣе не можетъ быть названъ связкою, что онъ самъ нуждался прежде въ связкѣ: «*быль есмь*», *быль еси*»; но тогда связкою и служило «*есмь*», а «*быль*» составляло *предикативное причастіе*; когда же «*быль есмь*» сплослось въ одинъ актъ мысли и *есмь* стало опускаться, тогда «*быль*» получило возможность быть связкою.

112

Какіе глаголы нужно считать предикативными связками.

Въ противоположность Гейзе и Миклошичу, которые считаютъ собственно связкою только такіе абстрактные глаголы, которые не имѣютъ никакого *вещественнаго* значенія, Потебня признаетъ связками *всѣ средніе глаголы, требующіе предикативнаго* и. м. п: *Κύρος ἐγένετο βασιλεύς — τριτάτοι* (на 3-й день) *ἀπ᾽ ἧλθον* — *вѣсти*

*) Однако вполнѣдствіи Потебня признаетъ и вообще субстантивированныя прилагательныя (III, 55, 59—63), и въ примѣрѣ: «зимовая служба молодцамъ *кручинно*» считаетъ «*кручинно*» *прилагательнымъ ср. р.*, а не *нарѣчіемъ* (III, 456). И. Б.

тридневныъ. Вездѣ здѣсь предикать состоитъ изъ связки и предикативнаго атрибута. Грамматическая форма *времени*, указывающая на вещественное значеніе существованія, не можетъ мѣшать формальности связки. Что же касается *творит.* пад. при связкѣ вмѣсто именит-го въ славянскихъ нарѣчійхъ, то Потебня считаетъ его за *instrumentalis* (а не *ablat.*) и во всякомъ случаѣ признаетъ «своеобразнымъ оборотомъ», свидѣтельствующимъ о дальнѣйшемъ движеніи въ развитіи языка *).

113

Отъ составнаго сказуемаго нужно отличать *описательное время*. Въ составное сказуемое могутъ входить *причастія, сущ.* и *прилап.*, въ описат-ое же время *только причастія*, при чемъ глагол. составнаго сказуемаго можетъ быть словомъ и формальнымъ (абстр.), и веществ-мъ, въ описат-мъ же времени *только формальнымъ*, и переходъ описат-го вр. въ составное сказуемое *невозможенъ*. Напр. «хочу быти» *безъ* обозначенія *хотѣнія* есть описат. буд. вр., а *съ* обозначеніемъ хотѣнія—составное сказуемое; «бываль осужденъ, бывало говорилъ»—составное сказуемое, потому что «бываль» не есть глаг. формальный.

Отличіе составнаго сказуемаго отъ описательнаго времени.

114

Въ соотвѣтствіе терминамъ *составнаго сказуемаго* и *предикативной связки* слѣдуетъ принять и термины *составнаго приложнія съ аппозитивной связкой*: «N, милосердъ *сгг*»—«сы» есть аппозитивная связка въ составномъ приложеніи **).

Составн. приложеніе и аппозит. связка.

115

8) Какъ субъектъ есть несогласуемый ни съ чѣмъ именительный или зв. пад. сущ-го и его замѣны, такъ *объектъ* или *дополненіе* есть *косвенный* пад., тоже *ни съ чѣмъ не согласуемый*. По выраженію Востокова (Гр. § 107, II), это—«*другой предметъ*» въ предложеніи, т. е. другой, кромѣ подлежащаго. На основаніи такого опредѣленія Потебня относитъ къ дополненіямъ *всѣ несогласуемыя имена*, поставленныя въ косвенномъ падежѣ, а именно: 1) слова управляемыя, т. е. требуемыя въ извѣстномъ косвенномъ падежѣ самимъ дополняемымъ словомъ, куда относятся между прочимъ *род.* и *дат.* пад. *принадлежности* послѣ именъ существительныхъ (садъ *отца*), и 2) слова неуправляемыя, т. е. косвенный падежъ которыхъ *не указывается* формальнымъ значеніемъ дополняемаго, каковы напр. обозначенія мѣста, времени, образа дѣйствія, причины посредствомъ именъ существ-хъ, *грамматически не зависящихъ* отъ дополняемаго слова (идти *въ городъ*, не былъ *по болѣзни*) ***).

Грамматическій объектъ или дополненіе.

*) Ср. далѣе ч. II, стр. 509 и слѣд. **И. Б.**

) Далѣе (II, 184) Потебня называетъ составное приложеніе второстепеннымъ составнымъ сказуемымъ, такъ что термины эти у него тождественны. **И. Б.

***) Такимъ образомъ Потебня къ дополненіямъ относитъ и тѣ имена въ косвенныхъ падежахъ, которые *по значенію* принадлежатъ къ обстоятельствомъ. **И. Б.**

30/11/11
116 Составное до-
полненіе или до-
полненіе съ пре-
дикативнымъ ат-
трибутомъ.

9) Языкъ, вѣрный принципу *согласованія*, при обра-
щеніи имен. п. субъекта въ косв. падежъ дополненія согла-
суетъ и предикатив. атрибутъ съ дополненіемъ, которыя
вмѣстѣ образуютъ *составное дополненіе*. Напр. вмѣсто «ни азъ
сътворихъсѧ *достоинъ* приити» говорится: «ни *себе* *достоинна* сътворихъсѧ». Такое же согласованіе предикативнаго атрибута бываетъ съ дополн. и въ *род.* и *дат.* падежахъ, за исключеніемъ *твор.* и *мѣстнаго*, которые въ со-
ставное дополненіе не входятъ.

Замѣну винительнаго творительнымъ («не считаю васъ *рабами*») въ современномъ рус. яз. Потебня считаетъ «измѣненіемъ принципа согласо-
ванія», обращеніемъ къ «инымъ средствамъ», свидѣтельствующимъ о
дальнѣйшемъ движеніи языка *).

117 Какъ въ составномъ сказуемомъ, такъ и въ составномъ дополненіи
нужно отличать простое опредѣленіе и приложеніе отъ предикативнаго ат-
трибута. Напр. «избраша царя Кира (опред.), избраша Кира, царя персѣва
(прилож.), но въ выраженіи: «избраша Кира царя» (=въ царі) винит. падежъ
«царя» есть *предикативный* атрибутъ, входящій въ *составное дополненіе*,
при чемъ простое опредѣленіе и приложеніе обозначаютъ признаки данные,
готовые, а предикативный атрибутъ въ *составномъ дополненіи*—признакъ
возникающій.

118 Падежи первые
и вторые — ат-
трибутивные.

Подлежащее и ближайшее дополненіе съ ихъ простыми
опредѣленіями и приложеніями Потебня называетъ *первыми па-
дежами*, а предикативные атрибуты—*вторыми атрибутивно-*
ными или *согласуемыми*. Что же касается такъ называемыхъ *сокращен-*
ныхъ прид. предложений, выраженныхъ посредствомъ *причастій*, то Потебня
не признаетъ ихъ предложениями и самыя причастія *отожествляетъ со*
вторыми атрибутами. Что это не придаточныя *предложенія*, видно изъ
того, что въ нихъ *нѣтъ сказуемаго*, т. е. *v. finit.*, и современный языкъ
стремится обращать ихъ въ предложения съ союзами и мѣстоименіями, из-
гнавъ причастія.

30/11/11
118 Роль причастій
въ качествѣ вто-
рыхъ падежей.

Причастія, какъ вторые падежи, представляютъ остатокъ
глубокой древности, когда возможно было построеніе рѣчи
изъ предложений, не имѣющихъ никакой *формальной* связи
(союзовъ, мѣстоименій), напр. «увѣдана, князь идетъ» вмѣсто «яко
идеть»; «виждь, уже избобаль есть въдро сочива» вм. «яко избобаль есть». *Для объединенія* такихъ не связанныхъ предложений и употреблялись при-
частія въ качествѣ вторыхъ падежей: «увѣдана князя *идуца*», «виждь
и *изобавша*».

*) Ср. выше I, 114 и дал. II, 507—509. И. Б.

10) Причастія вспомогат. глагола, присоединяющія второй именительный или второй косвенный падежъ къ личному глаголу составного сказуемаго, называются *второстепенными связками*: «кто убо мынить ти съ сѣ ближнии»; «кого (1-й в.) глаголють сына (2-й в.) человекъска *сѣща*».

Второстепенныя связки: а) прич., б) неопредѣл. наклоненіе.

119

Вмѣсто причастія второстепенною связкою въ этихъ случаяхъ можетъ быть и неопред. накл.: кто... ближнии (2-й им.) мынить ти съ *быти*; кого (2-й впн.) глаголють мѡ (1-й в.) *быти**).

11) *Обстоятельствами* бываютъ *только нарѣчія*, косвенные же падежи именъ обстоятельствами не бываютъ, и вообще обстоятельства не бываютъ ни существительное, ни прилагательное, ни глаголѣ. «Подъ обстоятельствомъ или нарѣчіемъ, говоритъ Потебня, разумѣемъ мы *признакъ* (стало быть *знаменательную* часть рѣчи), *связуемый съ другимъ признакомъ* даннымъ (въ именахъ) или возникающимъ (въ глаголахъ) и лишь черезъ его посредство (т. е. черезъ посредство *другого* признака) относимый къ предмету (субъекту и объекту), а самъ по себѣ не имѣющій съ нимъ (т. е. съ предметомъ) никакой связи**).

Обстоятельства или нарѣчія.

Изъ такого опредѣленія нарѣчія, какъ обстоитъ слова, вытекаетъ слѣдующее:

1) Нарѣчіе при прилагательномъ можетъ быть названо *несогласуемымъ* атрибутомъ атрибута, въ отличіе отъ атрибута согласуемаго, такъ какъ въ древнемъ языкѣ вмѣсто нарѣчія могло употребляться при прилагат-мъ и прилаг-ое: «ишу грамоту... *добръ* здоровъ», т. е. *совершенно* здоровъ;

120

2) при сущ-мъ въ современномъ яз. обстоятельства не могутъ быть, потому что нарѣчіе есть признакъ *признака*, сущ-ое же не есть признакъ, а *носитель* признака, поэтому нельзя сказать: «снѣгъ *бѣло*», хотя въ старин. яз., при отсутствіи строгаго различія между сущ-мъ и прилаг-мъ, иногда и встрѣчается нарѣчіе при сущ-мъ: «*люди* хрестьяны *зѣло*»; «научися быти *благочестно* дѣлатель»;

3) такъ какъ при *неопред. наклоненіи* можетъ стоять обстоятель-

* Эти второстепенныя связки нужно отличать отъ связокъ аппозитивныхъ (см. выше I, 114), такъ какъ аппозитивныя связки связываютъ *приложеніе* съ своимъ *сирежалляемымъ*, второстепенныя же связки присоединяютъ къ сказуемому *вторые предикативныя* падежи. — Ср. дал. II, 382—383. **И. Б.**

** Пояснимъ отъ себя это опредѣленіе на примѣрѣ „*И очень добръ*“. Нарѣчіе «*очень*», какъ признакъ, само по себѣ не имѣетъ никакой связи съ субъектомъ „*И*“, но оно связывается съ признакомъ прилагательнаго „*добръ*“ (*очень добръ*); а такъ какъ прил. «*добръ*» составляетъ признакъ субъекта „*И*“, то и «*очень*» вмѣстѣ съ прил-мъ составляетъ признакъ субъекта „*И*“. **И. Б.**

ство (мыть *было*), то, значить неопред. наклоненіе нельзя считать именною формою *).

Виды нарѣчій.

Нарѣчія по происхожденію своему бываютъ 1) *отыменныя* и 2) *образованныя изъ сказуемаго*, какъ напр. *чуть живъ*.

121

Отыменные нарѣчія.

Отыменные происходятъ а) отъ согласуемыхъ частей предложенія и б) несогласуемыхъ (дополненій).

а) Отъ *согласуемыхъ* происходятъ а) *двепричастія*, которыя есть не что иное, какъ *имен. п.* (а не *вин.*) муж. или ж. р. причастія: *дѣлая*, *сдѣлавъ* (муж. р.), *сдѣлавши* (ж. р.); б) *срав. степ.* отъ прилаг-хъ: *бѣлье* и *γ) полож. ст.*: *много*, *мало*, которыя Бонигъ, Бусл. и Микл. (Гр. IV, 393—4) производятъ однако отъ *вин.*, видя въ этихъ нарѣчіяхъ слѣды *объекта*, чего Потебня не желаетъ видѣть **): «*право судить еси*», по мнѣнію Потебни, равно не «*правое* (*вин. п.*) судить еси», а «*правъ* судить еси», при чемъ переходъ прилаг-го «*правъ*» въ *сред. р.* Потебня признаетъ «*средствомъ устранить согласованіе* (котораго въ нарѣчіяхъ не должно быть), а не *субстантивировать прилагат-ое*» ***). Въ нарѣчіяхъ же «*какъ*», «*такъ*», малорус. «*гораздъ*» (вм. *гораздо*) Потебня готовъ видѣть окаменѣлость въ именительномъ пад. даже *муж. рода*.

122

б) Какъ нарѣчія отъ *согласуемыхъ словъ* теряютъ согласованіе, такъ *нарѣчія отъ дополнительныхъ словъ* теряютъ свою субстанціальность, а вмѣстѣ съ нею и способность управленія, что различается, впрочемъ, *только по контексту* ****), пока нарѣчіе не достигло еще окаменѣлости. Напр. *за утра* можетъ быть, судя по пониманію говорящаго, и *сущ-мъ*, и нарѣчіемъ, но *завтра*, въ коемъ разорвана уже видимая связь съ склоненіемъ *сущ-го* «*утро*», принимается только за нарѣчіе (Микл. Гр. IV, 151—2). — Большинство *древнѣйшихъ* нарѣчій — *мѣстоименныя*.

123

Предлогъ какъ связка объекта, и образованіе предлоговъ изъ нарѣчій.

12) *Предлоги*. Когда дополненія переходятъ въ нарѣчіе, (напр. «*коніи приломили конецъ поля половецкаго*»), тогда они, если до превращенія въ нарѣчіе имѣли дополненіе, являются *связкою* своего прежняго дополненія съ дополняемымъ словомъ, вслѣдствіе чего послѣ такихъ нарѣчій и стоятъ

*) Другія доказательства глагольности, а не субстантивности неопред. наклоненія, приведены у Потебни во II ч, стр. 342—360. *И. Б.*

**) Однако Потебня признаетъ образованіе нарѣчій изъ дополненій, слѣдовательно и изъ *вин. п.* Ср. далѣе стр. 123, 170: «*конецъ поля полов.*». Въ III томѣ Потебня совсѣмъ уже отказывается отъ своего мнѣнія, что нарѣчія не образуются отъ *вин. п.* (III, 64). *И. Б.*

***) Ср. выше стр. 110. *И. Б.*

****) Значить, иногда различеніе зависитъ отъ субъективнаго пониманія, а не на основаніи положительныхъ грамматическихъ данныхъ? *И. Б.*

род. п., какъ послѣ именъ существительныхъ; когда же такія нарѣчія теряютъ свое *вещественное* значеніе и дѣлаются неспособными употребляться безъ слѣдующаго за ними падежа, напр. *межь, между*, тогда они становятся *чистыми связками* объекта или *предлогами*. Можно думать, что и древнѣйшіе предлоги произошли такимъ же образомъ отъ *мѣстоименныхъ нарѣчій*. Высшая степень *формальности* предлоговъ обнаруживается въ томъ, что они перестаютъ чувствоваться, какъ *отдѣльные слова*, и становятся *префиксами* (рѣже суф.) *падежа* и *падежа*, хотя первоначально и ставились при глаголахъ отдѣльно, какъ самостоят. слова (Ср. напр. у Гомера); «переходить», «объ-ходить» сначала сходны были съ «ходить *черезъ, — около*».

124

13) Этимъ заканчивается у Потебни обзоръ формъ, составляющихъ простое предложеніе. Что же касается *относительныхъ мѣстоименій* и *союзъ*, то разсмотрѣніе ихъ относится къ ученію о сложныхъ предложеніяхъ.

Часть II.

Составные члены предложенія и ихъ замѣны.

Прежде созданное въ языкѣ отчасти *перестраивается* заново, отчасти же *измѣняетъ* свой видъ и значеніе въ цѣломъ отъ присутствія новаго. Явленія эти принадлежатъ къ *двумъ* разновременнымъ и разнохарактернымъ наслоеніямъ.

Древнѣйшее и позднѣйшее наслоенія въ языкѣ и характеристика ихъ.

125

Древнѣйшее изъ нихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ вторыхъ имени-тельныхъ падежей и изъ вторыхъ, такъ наз. предикативныхъ косвенныхъ падежей: вин-го, род-го, дат-го. Общая черта этого наслоенія есть 1) недостаточное синтаксическое различіе глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ и 2) господство началъ *согласованія*, проявляющееся въ *однородности* членовъ предложенія, сравнительно съ позднѣйшимъ яз. Напр. «избъраша Кира *царя*» (древн.) вм. «царемъ» (поздн.). — *Позднѣйшее* же наслоеніе характеризуютъ слѣдующія явленія:

126

- а) сліянiе составного сказуемаго въ *цѣльное*,
- б) стремленіе языка образовать *чисто формальные* глаголы,
- в) разложеніе составного сказуемаго на сказуемое съ придаточнымъ предложеніемъ,
- г) замѣна вторыхъ предикативныхъ падежей *а)* *несклоняемыми* сло-

вами (прилагательнаго нарѣчiемъ, причастiя дѣепричастiемъ), или 3) падежами съ предлогомъ, или 4) *творительнымъ* падежомъ, и д) нѣкоторыя измѣненiя въ неопредѣленномъ наклоненiи.

Общее во всѣхъ этихъ явленiяхъ позднѣйшаго наслоенiя есть стремленiе къ *дифференцированiю* членовъ предложенiя, въ противоположности наслоенiю древнѣйшему, въ которомъ господствуетъ *однородность* *).

Составное сказуемое и составное приложенiе.

Глаголы, входящiе въ составное сказуемое.

Кромѣ глагола *быть* Потебня отмѣчаетъ и многiе другiе глаголы, входившiе въ составъ сказуемаго старо-славянскаго и другихъ славянскихъ нарѣчiй: 1) *мыньтися, творитися, поведатися, явитися, довольтися, сгжалитися, убоятися, коньчати, прьбыти, прьстати, стати* и *стояти, състи* и *сдьдти, лсжати, вестиса*; 2) страд. обороты: *наванъ бысть, веденъ бысть* и др. Однако указать *общую примѣту* глаголовъ, входящихъ въ составное сказуемое, находить онъ очень труднымъ. Ихъ нельзя назвать ни средними, ни возвратными, ни страдательными, потому что далеко не всѣ глаголы этихъ категорiй входятъ въ составное сказуемое; «безплодно» характеризовать ихъ и признакомъ *отвлеченности* (абстрактности), потому что подъ этотъ признакъ до нѣкоторой степени можетъ быть отнесенъ только глаголъ *быть* (ис, бы, бѣде), который, однако, въ древности имѣетъ большое сходство съ остальными глаголами, входящими въ составное сказуемое, при чемъ только *ис* означаетъ *существованiе, бытiе*, какъ признакъ отвлеченный, а *бы* и *бѣде* долго оставались съ конкретными значенiями «возникнуть, стать, создаться, построиться, случиться, превратиться, пребывать, совершиться, сбудется (см. Остр. Е., Лавр., Супр. рук.); но позднѣе *бы* и *бѣде* слились по значенiю съ глаголомъ *ис*, въ смыслѣ *бытiя* (абстр.).

Причастiя, прилагат. и сущ., входящiя въ составное сказуемое.

Причастiя, прилаг. и сущ., входящiя въ составное сказуемое, хотя въ древнѣйшую эпоху почти не отличались въ функцияхъ своихъ, но *зародыши различiя* между ними лежатъ уже въ древнемъ языкѣ, поэтому удобнѣе разсматривать ихъ отдѣльно.

*) Въ виду важности этого мѣста, характеризующаго древнѣйшiй и позднѣйшiй языкъ и намѣчающаго какъ бы программу дальнѣйшаго изслѣдованiя, я счелъ необходимымъ, для большей ясности и точности, разбить здѣсь основныя положенiя на отдѣльные пункты и тѣмъ указать каждому изъ нихъ свое мѣсто въ системѣ изслѣдованiя Потебни. И. Б.

Сочетаніе причастій дѣйствительныхъ (кромя *лъ*) съ *есмь* и *пр.*

1) *Прич. наст. дѣйств.* съ *есмь*, *буди*, *буду*, *быхъ*, *быхъ*; —напр. «*есмь алычн... есмь десятина даю*» (Остр. Е.) вм. греч. *νῆστερόω. ἀποδεχάτω* и равняются «я—*постникъ*», «я—*плательщикъ десятины*»; «*суть дань дающе*» (Лавр.) = *суть даники*; — «*чающе есмь*» (Шпат.) = постоянно надѣмся; *буди уповая*, ^{129—131} *будеши лоя*, *бысть крестя*, *бысть видя*, *бъ яды*, *бъ обладая*, *быхъ сѣдяще*, *быхе восхищая* и проч. во множествѣ. Случаи опущенія глагола существительнаго при *настоящемъ* причастіи чрезвычайно рѣдки и то сомнительны. 132

2) *Причастіе прош.* на *—ъ*, *—въ* съ *есмь* и *проц.* Сочетанія «*есмь*» съ этимъ прошедшимъ причастіемъ въ Остр. Ев. не встрѣчаются, а въ другихъ церк.-слав. и др.-рус. памятникахъ рѣдки: Хрѣъ *бывъ есть* (Шестодн.); *покаявшися* будемъ (Лавр.); *быхе шазше* (Новг. I.), между тѣмъ сочетанія прич. прошед. съ *другими* глаг. (кромя *ес*, *бы*, *буде*) въ старин. яз. верѣдки: «*мнѣнтся слышавъ*». 133

Совершенную противоположность съ этимъ представляетъ сочетаніе другого причастія прош. вр. на *лъ*: оно въ сочетаніи съ *ес*, *бы* въ славянскихъ языкахъ очень распространено, а съ другими глаголами почти не встрѣчается, такъ что выраженіе: «*мнѣнтся слышалъ*» скорѣе можно считать за два мнѣнтся слышалъ *естъ*. Отсюда выводъ: яз. славянскіе стремились избавиться отъ *излишнихъ* двухъ сходныхъ прич. прош. дѣйствительныхъ, на *въ* и *лъ* и пользовались въ извѣстныхъ случаяхъ однимъ, а въ извѣстныхъ— другимъ, давъ каждому изъ нихъ свое назначеніе, а именно: прич. на *ъ*, *въ* сочетались съ менѣе формальными глаголами, а прич. на *лъ* съ гл. *ес*, *бы*, какъ болѣе формальными. 134

3) Сочетаніе съ *ес*, *бы...* причастій наст. и прош. на *ъ* и *въ* не есть подражаніе древ. греческому; оно встрѣчается и въ другихъ славянскихъ языкахъ: ст.-чеш., ст.-польск., ст.-серб. — Съ появленіемъ *двепричастій*, эти причастія стали переходить въ дѣепр.: «а вы есте *прѣхавъ...* приканчивайте» миръ (Пск. I, 249); въ соврем. великор.: «онъ *пришедши*, *проснувшись*» и т. д. 135

Такія же сочетанія прич. прошедшихъ дѣйствительныхъ бывають и въ *литов.*, и въ *лотыш.*, языкахъ, при чемъ въ лотыш. выражаютъ они видъ *соверш.*, въ рус. же видъ безразличенъ. — Въ пѣмец. яз. сочетаніе *haben* и *sein* съ прич. наст. вр. дѣйств. з. близко къ славянскимъ, а съ прич. *прошед.* — очень далеко, при чемъ причастія прошед. дѣйств. съ *лап. sein* и сходныя съ прошедшими славянскими исчезли съ незапамятныхъ временъ. 136

Прич. наст. вр. дѣйств. з. съ *есмь*.

Прич. прош. вр. дѣйств. з. съ *есмь*.

Стремленіе славянск. языковъ избавиться отъ *излишнихъ* двухъ сходныхъ прич. прошедш.

Переходъ дѣйствит. прич. настощ. вр. и прошед. на *ъ*, *въ* въ дѣепричастія.

137

Отличительныя особенности сочетаній причаст. дѣйств. з. наст. и прош. вр. съ глгемъ по сравненію съ простыми формами.

138

4) Какими же особенностями отличаются сочетанія прич. дѣйств., наст. и прош. (з. гв) съ глгемъ... по сравненію съ простыми глг. соответственныхъ временъ? Вопреки Гриму, Потебня отрицаетъ отношеніе этихъ сочетаній къ греческой аористичности и имперфектности или, вообще, къ русскому виду: видъ зависитъ не отъ сложности формы, а отъ свойства времени личнаго глагола, входящаго въ составную форму. Въ выраженіяхъ: «*суть дань дающе*» и «они—данники», «*быша работающе*» и «были рабами» и т. п., по мнѣнію Потебни, составныя съ причастіемъ формы «занимаютъ середину между вторыми выраженіями («они—данники», «были рабами») и простыми глаголами» (дань даютъ, рабствовали), а именно: причастіе изображаетъ, какъ и имя, признакъ *данный* (готовый), но въ то же время сохраняется въ немъ память и о *возникновеніи* признака отъ усилій лица въ извѣстное время. Напр. въ выраженіи: «они краснобаи» заключается *данный* признакъ безъ ограниченія временными предѣлами (и прежде и теперь краснобаи), а въ выраженіи: «суть хитро *сказующе*» тотъ же признакъ приписывается только, какъ «*современный* (настоящій) по отношенію ко времени глагола *суть*». А такъ какъ время это измѣнчиво (*суть, бѣша, бѣхуть, будутъ*), то признакъ настоящаго причастія, соединяющагося съ глаголами, можетъ получить значеніе *постоянства*; такъ, «будени стена» = будешь *постоянно* стеновать. При чемъ, если при изображеніи *двухъ* событій, первое означено аористомъ съ прич. наст., а второе—предходящимъ, то такое неравенство *временъ* бываетъ незамѣтно: «Адамъ же и Ева *плачущася бѣста*, и диаволь *радовашеся*» (Лавр.), т. е., «диаволь радовался *все то вр.*, какъ они плакались». Разница тутъ не въ длительности времени, а «въ *степени свойственности* признака подлежащему»: степень свойственности признака въ глаголь съ прич. больше, чѣмъ въ простомъ глаголь *).

139

Признакъ прич. *прешедшаго* въ подобныхъ сочетаніяхъ разсматривается тоже, какъ *данный*, возникшій *раньше* времени личнаго гл. «есть»; такъ, въ формѣ *jest služiv* дѣйствіе, заключенное въ прич. «*služiv*» является «лишь *воспоминаніемъ*» по отношенію ко времени глг. *jest*, а «объективная дѣйствительность» (самая служба) доходитъ только до момента, выраженнаго личнымъ глаголомъ, и затѣмъ прекращается.

Различіе между простыми глаголами и соединеніями вспомогат. глагола съ причастіями состоитъ въ томъ, что въ простомъ глаголь *одинъ* актъ мысли, а въ соединеніи съ прич.—*два*, и потому чувствуется нѣкоторая

*) Т. е., признакъ причастія ближе къ признаку *существительнаго*: плачь Ад. и Е. былъ постоянный, непрерывный и, слѣд., какъ бы *данный*, а не *возникающій*, какъ это проявляется въ глаголь «радоваться». И. Б.

двойственность, напр. «есть судя», при чемъ двойственность эта еще болѣе увеличивается, когда глаголь и прич. стоять въ *разныхъ* временахъ, несо-
вѣстимыхъ въ одномъ движеніи мысли: «*бяху лежаще* кости его».

Всѣ подобныя сочетанія причастій (кромя *лз*) суть состав. Сочетаніе дѣй-
сказ., а не описат. времена, какъ считаетъ Бусл., потому что ствѣит. причастій
описательною формою выражается *одинъ* моментъ мысли (какъ наст. и прошед.
напр. въ сочетаніяхъ съ прич. *лз*), и въ этомъ отношеніи (кромя *лз*) не
она равна простой формѣ, выраженія же: «есть судя» и т. п. суть описат.
никогда не были *одною* формою спряж., но всегда представлялись сознанию формъ, а состав-
сочетаніемъ *двухъ* формъ, что очевидно 1) изъ того, что причастія въ этихъ ное сказуемое.
случаяхъ бывають и *членныя*, а членность *удаляетъ* причастіе отъ глагола
и увеличиваетъ *именной* характеръ: «не съ ли іестъ *спѣди* (*ὁ καθ' ἑμὲνος*)
и *просѣ*». 2) Если два слова сливаются для говорящаго въ одну форму,
какъ въ сочетаніяхъ прич.—*лз* со вспомогаг. глаголомъ, то ни одна изъ
составныхъ частей *отдѣльно отъ другой* не можетъ ни привлекать къ себѣ
словъ, ни подвергаться функциональнымъ измѣненіямъ, между тѣмъ при при-
частіи составнаго сказуемаго могутъ стоять нарѣчія, какъ и при именахъ
прилагательныхъ: «бѣ *вельми* *немога*», а самыя причастія переходятъ иногда
въ *двѣнчастія* (онъ былъ *вставилъ*), чего не можетъ быть въ описа-
тельныхъ формахъ, представляющихъ одинъ актъ мысли.

140

Причастіе страдательное съ *іесмь* и пр.

141

1) Исторіи слав. языка извѣстны два способа выраже- Двойное выра-
нія страд. з.: 1) при помощи возвр. м. сѣ и 2) посредствомъ женіе страд. з.
сочетанія страдательныхъ причастій наст. и прош. вр. съ глаголами: *іесмь*,
быхъ... *бываю*, *бываюся* и пр., при чемъ всякое сочетаніе съ причасті-
емъ выражаетъ явленіе изъ *двухъ* событій: одного, означеннаго глаголомъ,
и другого—причастіемъ.

142

Прич. наст. страд. означаетъ дѣйствіе, происходящее Страдательное
одновременно съ тѣмъ, которое означено глаголомъ вспомога- причастіе наст.
тельнымъ, при чемъ признакъ, заключающійся въ прич., не вр. и его значе-
только «занимаетъ все пространство настоящаго вр., обозначеннаго глаго- ніе.
ломъ», но и «выходитъ за предѣлы этого вр. *въ прошедшее*»^{*)}. Что же
касается *длительности* и *множественности*, которыя приписываетъ Шлей-
херъ этому причастію, то отъноокъ длительности и множественности вовсе

^{*)} Поэтому, въ выраженіи: «есть любимъ» признакъ причастія существу-
етъ не только теперь, но былъ и передъ тѣмъ, вслѣдствіе чего признакъ при-
частія наст. страдательнаго пріобрѣтаетъ нѣкоторое *постоянство*, приближаю-
щееся къ *именнымъ* признакамъ, *даннмъ*, *іотсвмъ*, какъ и въ причастіяхъ
дѣйствительнаго залога (Срав. выше стр. 138, 139). **И. Б.**

не заключается въ наст. вр. или страдательности причастія, а зависитъ «отъ темы болѣе длительного глагола», отъ котораго образовано причастіе или съ которымъ сочетается причастіе; напр. «сказаемо есть», «видимо бываетъ» означаютъ длительность и многократность, но въ «видимо есть» длительности и повторяемости нѣтъ.

Страдат. прич.
прошед. и зна-
ченіе его.

Прич. прошед. страд., при сочетаніи съ вспомог. глаг., означаетъ дѣйствіе, возникшее въ прошедшемъ и продолжающееся въ настоящемъ: «писано есть» (какъ и «есть съдвигъ»)

143

«= «оно теперь есть бывшее писаннымъ» *), при чемъ совершенность или несовершенность видовъ присоединились къ причастію уже впоследствии, а не первоначально.

Сочетаніе страд.
прич. съ глагол.
не есть одна ф.

Оба страд. прич., подобно дѣйствительнымъ, при сочетаніи съ вспомогат. глаг., различаютъ изображеніе *двухъ состояній* и *двухъ временъ* и потому, въ качествѣ связуемаго, не могутъ считаться *одною* (описательною) формою.

144

Особенности
этихъ прич. въ
соврем. рус. яз.

Въ *современ. рус. яз.* оба эти прич. удержались съ указаннымъ ихъ значеніемъ, и только для вида совершеннаго употребляется исключительно прош. причастіе, такъ какъ глаголы вида совершеннаго не имѣютъ настоящихъ причастій; въ соотвѣтствіе этому, и для вида несовершеннаго прош. времени стали преимущественно употребляться причастія *настояція* вм. прошедшихъ: *быль* укоряемъ, а не *укорянъ*, *упрекаемъ*, а не *упреканъ* и т. д. Такое устраненіе различія во времени между прич. и глаг. можетъ повести къ сліянію сочетанія страдательныхъ прич. съ глаг. въ *одну форму*, какъ это и произошло съ прич. на *ль*.

145

Степень предикативности причастій страд.

2) Прич. *страд.* съ давнихъ поръ болѣе близки къ прилагательнымъ и тѣмъ самымъ менѣе предикативны, чѣмъ дѣйств. прич. наст. и прош. на *ъ*, *въ*. Убѣдиться въ этомъ можно, если сравнимъ причастія и имена въ роли аппозиціи, которая, какъ извѣстно, стоитъ на переходѣ отъ атрибута къ предикату (Ср. выше стр. 104).

Прич. страд. въ
оноставленіи съ
дѣйствительными
и съ именами

Дѣйств. прич. *безчленные* настолько предикативны, что вовсе не употребляются въ качествѣ атрибута, а какъ аппозиціи, они не нуждаются въ помощи причастія вспомогат. глагола; напр. говорится «вста^{въ} и рече» и никогда не употребляется «вста^{въ} *сѣ* и рече»; безъ причастія вспомогательнаго глагола обходятся они, какъ извѣстно, и въ дат. самост. падежѣ. Между тѣмъ *безчленные прилаг.* въ славянскихъ языкахъ искони могли быть атрибутами, что и теперь наблюдается въ народной поэзіи, а для того, чтобы стать приложеніемъ, безчленные прилаг. какъ и существ., обыкновенно нуждаются въ помощи вспомогательнаго причастія и безъ него встрѣчаются *очень рѣдко*

146

*) Т. е., написанное прежде есть и теперь, какъ признакъ данный. **И. Б.**

даже въ старин. яз., какъ напр.: «Всеволодъ, *благовѣрънъ* и *блгобоязливъ* (безъ «сы»), не хотяше»; рѣдко также встрѣчаются имена прилаг. безъ прич. вспомогательнаго и въ дательн. самост. падежѣ: «въ то же время, черниговскому князю *немирну* (безъ «суцу»), воеваше Олегъ»... Лавр. Такимъ обр. ясно, что безчленные имена прилаг. въ роли аппозиціи менѣе предикативны, чѣмъ причастія дѣйствительнаго залога.

147

Причастія *страд.* въ роли аппозиціи занимаютъ средину между прилагательными и дѣйств. причастіями: подобно прич. дѣйствительнымъ, они въ безчленной формѣ *безъ* вспомога-
Причастія страдательныя въ роли аппозиціи.

тельныхъ, какъ аппозиціи: «гонимъ терши», «хулимъ моли». Лавр. Такъ и въ дат. самост.: «бысть радость велика по всеѣмъ землямъ тѣмъ, *свобоженымъ имъ* отъ поганыхъ» Лавр. Такъ же употреблялись страдат. прич. и въ стихотв. рѣчи XVIII и XIX вв., въ прозѣ же теперь причастія страд. аппозитивныя употребляются *только членныя*. Съ др. стор., подобно суц. и прилагат., прич. страд., какъ аппозиціи, могутъ сочетаться и съ вспомогат. прич. въ старин. яз., а въ позднѣйшемъ—съ дѣепріч.: «прославлени *бывше* (=позднѣйш.: *бывъ* прославлены), не прославихомъ» Лавр. Тоже и въ дательн. самост.: «обрученъ бо *бгвогши*... обрѣтесѣ имѣши въ превѣ отъ дѣха свѣта» Остр. Е. Однако, безъ вспомогательныхъ прич. *сы* и *бывъ* страдательныя причастія не могутъ выразить тѣхъ *четырехъ* аппозитивныхъ отгѣнковъ, какіе выражаются ими съ этими вспомогательными причастіями *): 1) любимъ *сы*, 2) любимъ *бывъ*, 3) изгнанъ *сы* и 4) изгнанъ *бывъ*. Имя же (какъ *не отличающее временъ*) въ такихъ сочетаніяхъ съ *сы* и *бывъ* даетъ (и *можетъ* давать) только два аппозитивныя значенія: 1) добль *сы* и 2) добль *бывъ*, чѣмъ и отличается, между прочимъ, имя отъ причастій страдательныхъ.

148

Несмотря на большую свою аппозитивность, по сравненію съ именами, прич. страдательныя *безъ* личнаго глагола (вспомог.) не бывають однако сказуемыми придаточныхъ предложений, связанныхъ съ главнымъ посредствомъ *относительныхъ словъ*, и лишь съ *сравн.* частицей (агы, яко) употребляются въ качествѣ сказуемаго, подобно и именамъ: «сѣтворися *аки* бодень»**). Между тѣмъ прич. *дѣйств.* и безъ вспомогат. глагола употребляются въ *прід.* предложеніяхъ, какъ сказуемое, напр.: «не бысть, кто *донеса*»***). Отсюда ясно, что въ *дѣйствительныхъ* причастіяхъ есть

Выводъ отсюда о причастіяхъ страдательныхъ—ихъ меньшая предикат-сть и негодство съ описательными формами.

149

*) Не могутъ потому, что 1) прич. *наст.* безъ *бывъ* не въ состояніи выразить отгѣнка *прош.* врем. 2) прич. же *прош.* безъ *сы* не въ состояніи выразить отгѣнка *наст.* времени. **И. Б.**

***) Справ. далѣе II. 215. **И. Б.**

****) Справ. далѣе II. 185—187, 205 и слѣд. **И. Б.**

самостоятельная предикативность, а въ страдательныхъ замѣчается «лишь способность сочетаться съ предикативн. причастіями вспомогательнаго глагола», и, слѣд., страд. прич. менѣ предикативны, чѣмъ дѣйствительныя.

Отсюда выводъ: если дѣйств. прич. съ вспомогаг. глаг. (есть слѣд.) не есть одна описат. форма (срав. выше стр. 139, 140), то тѣмъ болѣе страд. прич. съ вспомог. глаголомъ есть *два* формы (ср. стр. 143): современ.: «онъ *любимъ*» въ грамат. отношеніи, конечно, ближе къ прилагательному «онъ *правъ*», чѣмъ къ описательной формѣ «онъ *любилъ*».

Сочетаніе именъ съ *късмь*, *бѣхъ*... въ древ. яз.

1) Въ древнихъ славянскихъ нарѣчіяхъ предикативное *прилагательное* при *късмь* болѣею частію стоитъ въ им. п. въ *безчленной* формѣ, какъ и въ соврем. рус. яз.: «слѣпи бѣдѣтъ», а для выраженія отбѣнка, отчасти передаваемого современнымъ творительнымъ (будутъ слѣпыми), употреблялось прилаг. *членно*: «да бѣдѣтъ слѣпни», при чемъ членность сближала предикативное прилагательное съ существительнымъ слѣпнъ: слѣпн + и = тѣ, которые слѣпы (слѣпцы). Въ *сравни.* степ. предикативное прилагательное въ ц.-сл. и др.-рус. яз. оставалось прилагательнымъ, т. е., согласовалось съ существительнымъ, тогда какъ позднѣе и теперь въ великорус. говорахъ, по правилу, здѣсь только нарѣчіе: «егда ты *болни* (больше) еси отъца нашего Іакова».

2) *Сущ.* въ древ. яз. ставилось въ этихъ случаяхъ *только въ им. п.*, какъ и слѣдуетъ быть состав. сказуемому и приложенію (ср. стр. 106), въ позднѣйшемъ же—какъ въ им., такъ и въ тв. пад.: «Богъ ти буди *послухъ*» Лавр.

Сочетаніе прич. (кромя *лъ*) съ глаг. (кромя *къс*, *бы*).

Перечисленіе глаголовъ, сочетающихся съ предикативнымъ причастіемъ.

1) Помимо *къс*, *бы*, въ стар. рус. яз., въ соответствіи съ греч. причастію или неопред. наклоненію, ставилось предикативное причастіе при слѣд. глаголахъ съ *непереходнымъ значеніемъ*: мнѣти(сѣд), явитися (показаться), творитися (= притворяться, показывать видъ), повѣдати, довьѣйти, каитися (раскаиваться, сожалѣть), жалѣти, съжалитися, радоватися, не убоитися, моудити, пребывати, прѣстати (въ болѣе поздн. яз. съ дѣврич. ви. неопред. наклон.), остати(сѣд), скончати, съвершити, *прѣити* (прѣиде видѣ), възвратитися, *стати* (ста рака *не поступающи* = остановилась, не двигаясь вперед), *състи* (княжа = княжить Лавр. Ипат.), лежати, вестися, поѣхати, ходити. Напр. «мнѣяхъ духъ *видѣще*» Остр. Е. = думали, что *видятъ*; «мнмемъ Бога *любяще*» Лавр. «Александръ Романовичема не престаяишетъ *хотя* зла» Ипат. «Митрополитъ поѣха изо Пскова *одаренъ*» Пск. Г. При этомъ прич.

страд., въ силу меньшей предикативности, сочетаются не со всеми этими глаголами, но а) съ *мышится, явится, творится, повѣдается*, б) *пребыти* и т. п., в) *ити* и проч. глаголами *вещественнаго движенія*. Менѣе употребительны страд. прич. при глаголахъ аффекта (радоваться) и при *перестать, свершиться*.—Въ новыхъ славянскихъ нарѣчьяхъ вм. этихъ причастій ставятся или а) развитое придат. предл., или б) неопред. наклон., или в) прич. въ твор. п. и г) дѣепричастіе, т. е., замѣчается разнообразіе формъ.

Замѣна этихъ причастій въ современ. русск. языкѣ.

2. Подобныя же сочетанія причастій находятся въ старинныхъ сербскомъ и чешскомъ языкахъ. 155

3. Въ литов. яз. и донынѣ обычны подобныя причастныя сочетанія. 156

4. Въ латышскомъ—то же, за исключеніемъ причастія *будущаго*. 157—159

5. *Русское дѣепр.*, предвлагающее им. п., возникаетъ въ великорусскихъ говорахъ 1) или изъ причастій, входящихъ въ составное сказуемое съ *исс, бы* и съ глаголами *пребыванія* (изъ предикативнаго причастія съ другими глаголами не выходить), или 2) изъ причастія аппозитивнаго (стр. 104)^{*)}, или 3), наконецъ, изъ причастія въ именит. самостоятельномъ^{**)}, напр. «онъ *былъ всташии*» (изъ предикатив. прич.) и «онъ, *вставши*, сказалъ» (изъ аппозит. прич.). Поэтому изъ стариннаго *предикативнаго* причастія *ида* при глаг. «*творится*» (творится *ида*=притворяется *идушимъ*) не можетъ выйти дѣепричастія, но дѣепричастіе выйдетъ изъ причастія *аппозитивнаго*: «онъ *идя* притворяется». Разница между предикативнымъ и аппозитивнымъ оборотомъ въ слѣд.: признакъ стариннаго предикативнаго причастія «*ида*» представляется возникающимъ только *въ силу энергіи глагола «творится»* и потому несамостоятеленъ, въ аппозитивномъ же причастіи: «*идя* притворяется» содержаніе дѣепричастія не возникаетъ вмѣстѣ съ глаголомъ, а только сопровождаетъ дѣйствіе его (=онъ *находу* притворяется) и потому болѣе самостоятельно. Такимъ обр., влрусскіе говоры, допускающіе такіе обороты, какъ «онъ *былъ выпивши*», и не допускающіе оборотовъ «онъ *притворился выпивши*» въ смыслѣ «выпившимъ», съ одной стороны проводятъ грань между наиболѣе формальными глаголами *есть, былъ, будетъ* (сталъ, станеть) и всеми остальными непереходными, входящими въ составъ сказуемое, а съ другой—указываютъ на стремленіе дѣепричастія выдѣлиться изъ составнаго сказуемаго и стать совершенно самостоятельнымъ по отноше-

Обращеніе предикативныхъ и аппозитивныхъ причастій въ дѣепричастіе

160.

*) Всегда при томъ же подлежащемъ, что и при личномъ глаголѣ, за исключеніемъ именительнаго самостоятельнаго (II, 194). И. Б.

**) О дѣепричастіяхъ изъ причастій въ именит. самостоятельномъ у Потебни говорится далѣе II, 198, 199. И. Б.

нiю къ сказуемому, что и достигается въ современномъ литерат. языкѣ, въ которомъ выраженiя, какъ «былъ выпивши», не обычны и лишь только терпимы, какъ слѣды стариннаго предикативнаго причастiя.

Дтепрч. при „здорово“ вместо „будь здорово“.

6. Требуютъ особаго объясненiя дѣепричастiя въ подоб- ныхъ оборотахъ: „здорово женившишь“, „здорово разговѣ- шись“.—По аналогiи съ литовскимъ, эти выраженiя прежде всего=здоровъ женившишь, разговѣвшишь; во вторыхъ, здѣсь, вѣд. сомнѣнiя, опущенъ глаг. *iesi* или *будь*, такъ что дѣепр. великор. образовалось изъ предикат. причастiя, стоящаго при глаг. вспом. съ им. прилагательнымъ: *будь здорово*. По аналогiи съ этимъ выраж. образовались не изъ именит., впрочемъ, а винительнаго причастiя у Котомъ: „бояре... царя и царевну *поздравляють обручися... вѣнчався... сочтается*“.

Характерный признак. вспомог. глаголовъ — от- сутствие при нихъ прямого объекта.

7. Всѣ вышеприведенные глаголы (стр. 151—154), сочетающiеся съ предикативнымъ прич., не допускаютъ прямою объекта (вин. п.) и не имѣютъ вовсе дополненiя, такъ что въ выраж.: „кончаша церковь пишуще“ вин. п. церковь есть дополн. причастiя, а не глагола „кончаша“, который здѣсь субъективенъ, а не объективенъ, т. е., не принимаетъ вин. объекта.*) Что же касается возвратныхъ гл. на *ся*, то въ нихъ *ся* давно потеряло свое падежное значенiе вин. падежа (объекта) и стало знакомъ медiальности и пассивности глагола, а потому и причастiе въ сочетанiи съ этими глаг. (твориться *ида*) согласуется съ подлежащ., т. е., ставится въ им., а не вин. п., при чемъ, по мнѣнiю Потебни, *нѣтъ нужды* предполагать въ отдаленное вр. первенство второго винительнаго, такъ какъ первообразомъ могъ служить второй им.: „твориться *ида*“ (соглас. съ подлежащ.), а не твориться *идуца* (соглас. съ объектомъ).

Сочетанiе прилагател. въ им. (второмъ) съ глаг-ми, кромѣ *iesmь*

1. а) при глаголахъ *твориться, познаться, видѣться, слышатися, мнѣнятся, явится*, и т. п. и при соответствующихъ страдательныхъ оборотахъ. Напр. Изяславъ... не творится *правъ* (а не *права*) Пшат.;

б) при *наречися, прозвачися, именоватися, слуги, сказатися* и соответствующихъ страдательныхъ: „оттолъ прозвачся земля *Уюрьска*“ Лавр.;

в) при *fieri, manere* и страдательныхъ оборотахъ отъ глаголовъ, требующихъ второго вин.: „пробыть *алченъ* и *жаденъ*“ Лавр.—„Адамъ бо *първъ* създанъ бысть, потомъ *Евга*“. Супр. р.;

г) при глаголахъ *вещественнаю движенiя и покоя: стати, стояти, лежати, падати, поклонитися, вильзти, ити*: „добри, гостье, *придоша*“ (сост. сказ.) Лавр.;

*) *Кончаша церковь пишуще*=окончили, *перестали* писать церковь. И. Б.

д) при другихъ разныхъ среднихъ глаголахъ: *преставитися, битися*: „Мстиславъ преставися *унѣ*“ Ипат.

2. Въ болѣе позднемъ великор. яз. сравни: *пустая* слыла (улица); лежитъ *пуста*, холоствъ *хожу*; *пошелъ* = *сталъ*: „народушко *пошелъ* безсовѣстный“; *созданъ, родилея, живеть* (= *бываетъ*) и др.

166

3. При глаголахъ *душев. движенія* (радоваться и под.), *перестать, кончить* не бываетъ *прилагательныхъ*, а причастія есть, пот. ч. прилаг. менѣе предикативно, чѣмъ причастіе; нельзя сказать „*преста живѣ*“, но можно: *преста быти живѣ*, пот. ч. съ прибавкою „*быти*“ предикативность прилагательнаго увеличилась.

167

4. Нѣкоторые *особые* случаи сочетанія:

а) Въ выраженіи: „*а такъ*“ (= *таковъ*) ны (намъ) еси и надобѣ „*такъ*“ есть часть сказуемаго (Ср. «и былъ *таковъ*»).

Особые случаи сочетанія предикативн. прилаг. и мѣстоименій.

Такъ же слѣдуетъ разсматривать и др. в.р. мѣст: *каковъ, таковъ; какой, такой*; „*таковы* греки милостивы“ (Путеш. Лукьян.), «*каковъ* тяжель» (Крыл.) и пр. съ прилаг. качественными. — Нарѣчія: „*какъ*“, „*каково*“ въ выраженіи: *каково* поживаешь = *каковъ* поживаешь и проч.

168

б) Подобно мѣст. „*таковъ*“ съ *кач. прилагательнымъ* могло стоять *другое качеств. прил.*: „*придоши добры* здоровы“; гдѣ „*добры*“ есть атрибутъ прилагательнаго „*здоровы*“ и значить: „*совершенно здоровы*“;*) „*язвень-трудень*“, „*грузна—больна*“. Все это — *трехсоставныя* сказуемыя (2 прил. + связка).

Трехсоставное сказуемое.

γ) Мѣст: *одинъ, самъ* и сложныя съ „*самъ*“: *самъ—другъ, самъ—пятъ* и пр., а также: *правъ, радъ* лучше, кажется, считать не предикативными, а атрибутивными, пот. ч. они такимъ же обр. употребляются не только при непереходныхъ глаголахъ, входящихъ въ составное сказуемое, но и при переходныхъ, въ составное сказуемое не входящихъ; напр. „*азъ единъ* погыну“ Лавр. „*како азъ хочу инъ законъ пріяти единъ*“? Лавр., гдѣ „*единъ*“ лучше относить къ „*азъ*“ въ качествѣ атрибута. Точно также: „*правъ* съдидя ісси“ Остр. Е., „*ради* даемъ медомъ и скорою“ Лавр.

169

Въ *соврем. яз.* прил. *правъ* и *радъ* больше тяготеютъ къ сказуемому, обращаясь въ нарѣчія, между т. какъ *самъ* и *одинъ* постоянно остаются въ *им. п.*, хотя, смотря по занимаемому мѣсту, могутъ относиться то къ подл., то къ сказ. и, слѣдов., могутъ быть и атрибутивными, и предикативными: „*онъ одинъ* пришелъ“ и „*онъ пришелъ одинъ*“. — *Самъ—другъ*... теряетъ согласуемость и становится нарѣчіемъ.

δ) Какъ изъ причастій образуются дѣспр., такъ изъ прилагательныхъ образуются нарѣчія *не только изъ имени-тельнаго, но и косвенныхъ падежей*. Здѣсь отмѣтимъ

Нарѣчія, замѣняющія им. пад. прилагательнаго

176

*) Срав. выше I, 120. И. Б.

а) нарѣчія, образующіяся изъ прилагательныхъ чрезъ *средній* р. или чрезъ *посредство нарѣчныхъ оконч.*: *ь, ѣ*, хотя возможно застываніе и *муж. р.*: такъ (таговъ); м. быть: *ниги, стремлавъ, пшивъ; самъ-другъ*.

б) Нар. на *ѣ*, вытѣсняемое потомъ нарѣчїями на *о, е*: „добрь придетъ“ (вм. добръ), „будеши неразлучно“ (вм. — чытъ), „простъ“ вм. простъ...

в) Нар. на *о* (ср. р.) на мѣстѣ согласуемыхъ пад., особенно же въ *трехсоставномъ* сказ: „пообѣгоша разнѣ“, „зима снѣжна была сильно“.

5. Чѣмъ древнѣе, тѣмъ чаще употребленіе согласуемыхъ прилагательныхъ вм. позднѣйшихъ нарѣчїй: «ста *простъ*», «падоша *ничи*»; срав. Гомеров. прилаг. вм. нарѣчїй, латин.: *serus* (поздно), *rarus* (рѣдко), *nocturnus* (ночью) и т. д.; также и въ литовскомъ, лотышскомъ яз.

6. Въ вѣкорус. это свойство особенно сохраняется въ народ. поэзи.

Два разряда глаголовъ съ им. п. прилагателя - хъ въ соврем. рус. языкѣ:

а) Глаголы возникновенія.

Въ *литерат. соврем. рус. яз.* глаголы, входящіе въ составное сказуемое съ им. п. прилагательнаго, могутъ быть подраздѣлены на два разряда:

а) глаголы *возникновенія*: *стать, становиться* (въ смыслѣ *дѣлаться*, а не «начинать»), *бывать, пребывать, сдѣлаться, казаться, очутиться, остаться* и т. п. При нихъ ставится качественное прилагат. въ им. п. съ *именнымъ* (безчлен.) оконч., которое, впрочемъ, можетъ переходить и въ мѣстоименное (членное), но только въ *твор. п.*; напр. «городъ показался мнѣ *многолюденъ*» или «*многолюднымъ*», но не «*многолюдный*»: послѣднее прилаг. было бы простымъ, а не предикативнымъ атрибутомъ.

Числит. *порядковыя* и прил. относит. съ *членнымъ* оконч., какъ имѣющія одно мѣстоименное окончаніе, ставятся въ *твор. пад.*

При глаг. же *есть, былъ, будетъ* прилаг. можетъ стоять въ имен. п. какъ съ членнымъ, такъ и безчленнымъ оконч., при чемъ членное окончаніе увеличиваетъ связь прилагательнаго съ *подлежащимъ*, и прилагательное какъ бы подчеркивается: «усы его и брови были *черныя*» Лерм.

б) Второй разрядъ составляютъ глаголы *веществ. движенія и пребыванія въ состояніи* (за исключеніемъ *пребыть*): *стану* (=начну), *лягу, стою, иду, брожу, достигаю, докапываюсь, сижу, уязжаю, таскаюсь, скачу, возвращаюсь, сіяю, лягу, силю* и др.

При нихъ слѣдовало бы ставить им. пад. прилагательнаго съ *членнымъ* оконч., въ противоположность первому разряду, но, въ виду *архаическаго и областнаго* вліянія, писатели XVIII и даже XIX вв. употребляли и безчленное окончаніе (Пуш., Лерм., Гог., Брыд., Гриб.).

Глаголы можно дѣлать на входящіе и входящіе въ составное связуемое. Последніе менѣ самостоятельны и въ свою очередь подраздѣляются въ рус. литер. яз. на болѣе служебные и менѣ служебные. Глаголы первого разряда (а), напр. «онъ становится старъ», болѣе нуждаются въ добавленіи составной части сказуемаго, а глаголы второго разряда (б), напр. «онъ идетъ», менѣ нуждаются въ этомъ добавленіи: можно сказать «онъ идетъ» и безъ прилаг., напр., «задумчивый». Измѣненія формы прилагательнаго при этихъ глаголахъ показываютъ, что связь между глаг. и прилагательнымъ «свободна», т. е., чѣмъ менѣ самостоятеленъ глаголъ, тѣмъ менѣ самостоят. и прилагательное, и наоборотъ. *Безчленное* прилаг., какъ древнѣйшее и близкое къ причастию, есть форма менѣ обособленная и самостоятельная, а потому оно и сочетается съ менѣ самост. глаголами первого разряда, *пополняя* собою признакъ сказуемаго и заключая «последній моментъ энергіи» глагола: «онъ становится *старъ*». *Членное* же прилаг., заключающее въ себѣ признакъ болѣе самостоятельный и возникающій не вслѣдствіе энергіи глагола, а *независимо отъ него* и одновременно съ нимъ, сочетается съ болѣе самост. глаголами второго разряда: «онъ лежитъ *больной*», «она вышла *босая*».

Безчленныя и членныя прилагательныя въ связи съ двумя этими разрядами глаголовъ.

177

178-179

Сочетаніе существ. въ им. п. съ глаг., кромѣ есмь.

Кругъ глаголовъ, съ которыми сочетаются предикат. *сущ.*, нѣсколько иной, чѣмъ при сочетаніи прилагательныхъ. Сюда относятся, кромѣ *быти*, только глаг. веществ. и идеальн. возникновенія: *мынится, явится, творится, чинится, наречися, зватися* и т. п.: напр., «Вышегородъ *второй Селунь* явился въ русьскій земли» (Сказ. о Бор. и Гл.); *страд. сочет.*: явленъ, сътворенъ, избранъ, нареченъ и т. п.: «Кирилъ явленъ бысть *пастухъ* и *учитель* словѣнску языку.» Не нужно смѣшивать при этомъ *им. независимаю*, напр. «и прозваша Олега *вѣщій*», гдѣ имен. пад. стоитъ внѣ грамматической связи.

181

При глаголахъ же веществ. *движенія* и *покоя* ити, рости, жить (въ значеніи *vivere*, а не *быть*, какъ: «похвала *живетъ* (=бываетъ) челоуку *пацуба*»), умереть и т. д. им. пад. встрѣчается лишь изрѣдка и уже въ старин. яз. замѣняется *творительнымъ*; напр. съ имен. п.: «старцемъ лежу *притча* (какъ притча) къ наказанію» Кир. Тур. Употребленіе *имен. п. существительныхъ* вмѣсто современ. твор. есть черта общеславянская, не предполагающая посторонняго вліянія. У сербовъ именит. п. особенно употребителенъ.

181

Причастія наст. и прош. (з, въ) дѣйств. какъ второстеп. сказуемыя.

Аппозитивное употребленіе этихъ причастій въ им. п.—Различеніе аппозитивнаго и атрибутив. причастія въ старин. яз. сказывается

- 1) въ замѣнѣ аппозитивнаго прич. позднѣйшимъ дѣепричастіемъ *),
- 2) въ возможности сочетанія аппозитивнаго причастія со вторымъ именительнымъ,
- 3) въ отдѣленія такого причастія отъ главнаго сказуемаго союзомъ соединительнымъ
- и 4) въ именительныхъ самостоятельныхъ.

Аппозитивное
употребленіе
причастія им.
поздн. дѣепри-
частія и смѣ-
неніе причаст-
ныхъ формъ.

182

1. Причастіе *членное*, никогда не переходящее въ дѣепричастіе, тѣснѣе связывается съ им. *существительнымъ*, благодаря членному окончанію; напротивъ, прич. *безчленное*, изъ котораго образуется дѣеприч., ближе примыкаетъ къ глаголу, какъ и дѣепричастіе. Поэтому замѣна безчленнаго причастія позднѣйшимъ дѣепричастіемъ служитъ признакомъ аппозитивности такого причастія.

183

Когда такое причастіе превращается въ дѣеприч., то связь причастія съ подлежащимъ, т. е. согласованіе въ падежъ, р. и числѣ, постепенно разрушается. Въ концѣ XIV в. дѣепричастіе существовало уже, какъ вполне опредѣлившаяся часть р., и причастія аппозитивныя оставались только въ книжномъ языкѣ. Въ лѣт. Лавр., Ипат., хотя и много случаевъ *правильнаго* согласованія аппозитивныхъ прич. въ родѣ, числѣ и падежѣ, но въ этихъ же памятникахъ и другихъ есть множество примѣровъ и *нарушенія* согласованія: причастныя формы *имен. п.* въхъ *трехъ ч. муж.* и *ж.* рода *веда* и *ведъ* (муж. ед. ч.), *ведучи* и *ведъши* (жен. ед. ч.), *ведуче* и *ведъше* (множ. ч.) употребляются почти *безразлично* и даже вм. косвенныхъ надежей. Начало такого смѣненія можно относить къ концу XII или началу XIII в. Изъ трехъ указанныхъ дѣепричастныхъ формъ «*ведуче*» исчезаетъ ранѣе другихъ; равноправность же двухъ остальныхъ формъ (*веда* и *ведъ*, *ведучи* и *ведъши*) въ вѣкорус. видна въ XV—XVI вв. (См. акты Юрод.). Въ наше время преобладаетъ (въ жив. говорахъ) *идучи*, но не исчезла и форма *идя* ни въ одномъ изъ русскихъ нарѣчій.

184

2. *Второй именит. съ причастіемъ аппозитивнымъ (составное приложеніе)*.—Какъ вышеприведенные глаголы сочетаются со вторымъ им. (предикат.), такъ и аппозитивныя причастія отъ этихъ глаголовъ могутъ имѣть при себѣ второй им., вмѣстѣ съ которымъ составляютъ *второстепенное составное сказуемое* или *составное приложеніе*: «Канафа, *архидерей сги* (второст. составное сказ.) лѣту тому, рече имъ» Остр. Е. «Мстиславъ приведе многы, *творяся* (аппозитив. прич.) на Ляхи *ида*» (2-й им.) = *притворяясь идущимъ* на Ляховъ (Ипат.). «Литва, *мяяще мирни суще* (трехсоставное второст. сказ.), придоша къ Берестью» Ипат.

*) Срав. выше II, 159, 160. И. Б.

Въ позднѣйшемъ яз. второй им. п. частью замѣняется творительнымъ (Ср. II, 175 и 180), частью же развивается въ придат. предложение съ личнымъ глаголомъ: «творятся *ида*»=притворяясь *идуцимъ* или «*что идетъ*».

3. Союзъ между аппозитивнымъ причастіемъ и глаголомъ.

Не соглашаясь съ мнѣніемъ Срезневскаго (Мысли объ исторіи русскаго языка стр. 82—83), что причастія дѣйств. на *зъ*, *въ*, подобно причастіямъ на *ль*, употреблялись вмѣсто личныхъ глаголовъ съ опущеніемъ «*есть*», какъ напр.: «Володимерь... вѣсплакавъ *и* рече», не раздѣля также и взгляда Буслаева (Гр. § 205), что эти причастія и дѣспричастія прямо употреблялись въ старинномъ языкѣ *вмѣсто глаголовъ*.—Потѣбня до нѣкоторой степени допускаетъ во взглядахъ Срезневскаго и Буслаева лишь одно, что въ подобныхъ выраженіяхъ даны два почти равносильныхъ предложія, соединенныхъ союзомъ *и*; вѣрнѣе же, что тутъ не два равносильныхъ предложія, а только «два почти равныхъ центра» въ одномъ предложіи, что предложіе это «какъ бы распадается на двое», но все-таки не распалось, такъ какъ аппозитивное причастіе остается *подчиненнымъ* членомъ простаго предложія; что же касается союза между причастіемъ и глаголомъ, то онъ есть явленіе глубоко древнее, указывающее на эпоху «переживанія» того строя рѣчи, среди котораго оно возникло *).

Въ частности а) соединительные союзы *и* и *а* (=и) ставились послѣ причастій и дательнаго самостоятельнаго *передъ глаголомъ*: «благословивъ *и* рѣcloми» Остр. Е.; «приникъши *и* рече» Лавр. (То же самое въ стар. сербскомъ, польскомъ, чешскомъ и литовскомъ языкахъ). «Въшьдъшу Іисусу въ Капернаумъ *и* приступи къ нему сътъникъ» Остр. Е.; «дiаволь испърва *не хотя* добра роду чловѣчу *и* завидьвъ ему *и* воздвиже крамолу велику» Новг. I. Въ тѣхъ же случаяхъ для выраженія *последовательности во времени* употреблялись въ древн. рус. яз. частицы: *ти*, (=и) **, *та* (=да, и), *таже*, *тоже* (=также, тогда), *толи*, *ноли* (=тогда лишь, тогда): «аще

Частіе случая постановки союзовъ *и*, *а*, *ти*, *та* а) передъ глаголами послѣ причастій.

188—
189

190—
191

* Именно, когда при нѣкоторой еще „распущенности“ въ рѣчи языкъ соединялъ иногда не только однородные и равносильные члены предложія, но и *подобные*, каковыми являются здѣсь предикатъ-глаголь и аппозитивное причастіе, какъ два „почти равносильныхъ центра“ одного предложія.—Ср. это явленіе въ языкѣ съ фигурою *ѣу дiа дiавоу* далѣе въ *Запискахъ* Потѣбни III, 231. И. Б.

** Частицу *ти* послѣ нарѣчій *како*, *тако* и др. Потѣбня, вопреки Миклошичу, считаетъ не союзомъ, а мѣстоименнымъ дательнымъ *этическимъ* падежомъ (dat. eth.), который сокращается въ *тъ*, какъ *ми* въ *мъ* (Ср. далѣе II, 244), между тѣмъ какъ союзъ „*ти*“ не сокращается. Поэтому, напр., частица *аъ* съ значеніемъ *пустя*, *да*, *нехай* нужно считать образовавшеюся изъ *а-ти* (Ягичъ, Arch. VII, 65), гдѣ *а=да* (а—быхъ, да—быхъ), а *тъ=дат. ти*.

бо кто и невидѣвъ ея ти слушааше ю бесѣдующу, то начинааше мѣти мужа ю суща» (Жит. Θεод.); «а вы, раздраши (=разсорившись) та прочь» (Новг. I); «како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святого тоже невръжено пребысть» (Жит. Бор. и Гл.).

Такъ какъ эти и другіе примѣры указываютъ, что *и*, *а* послѣ причастій наст. вр. обыкновенно не употребляются («за ними буда, узръ» Ипат.), то можно думать, что и частицы *и*, *а* наравнѣ съ *ти*, *таже* *тоже* послѣ прошедшихъ аппозитивныхъ причастій не столько служатъ для соединенія, сколько усиливаютъ отношеніе *последовательности во времени* и равняются „потомъ“: „вставъ и рече“ = „вставши, потомъ сказалъ“.

192 б) Но союзъ *а* ставился и послѣ глаголовъ, *передъ* причастіемъ, какъ прошедшимъ, такъ и настоящимъ, и тогда получалъ значеніе противительное: „ты, княже“ чужеземли ищещи, *а* (=а между тѣмъ) своея ся охавивъ „Лавр.“ — „Жены русскія въсплавахась *а* (=а при этомъ) ркучи“ Сл. о п. Иг. „Такое употребленіе союза, какъ нѣкоторая непоследовательность языка“, остается и послѣ обращенія причастій въ дѣепричастія и исчезаетъ только въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ.

194 Въ виду „недостатка связности предложенія въ древнемъ и народномъ языкѣ“ союзы „какъ бы назначаютъ еще недостаточно сросшіея швы между частями предложенія“. Этимъ и объясняется постановка союза *и* а) между дательнымъ самостоятельнымъ и главнымъ предложеніемъ и б) между придаточнымъ развитымъ предложеніемъ и главнымъ, гдѣ *и* является идео-настическимъ съ точки современнаго литературнаго языка.

Важно еще отмѣтить постановку союза *да* между подлежащимъ и сказуемымъ въ одномъ и томъ же предложеніи: „сотникъ *да* будетъ умнѣ меня!“ гдѣ *да* „выражаетъ родъ легкаго противоположенія сказуемому“ (*).

Отдѣленіе союзомъ подлежащаго отъ сказуемаго ведется изетари: „аще ли который чернецъ, вышедъ изъ монастыря, *а* (**) почнетъ на игумена... люди подымати“... Ак. Ист. 1416 г. (Дополненія ко II части *Записокъ*).

*) Но, какъ кажется, въ подобныхъ примѣрахъ противоположеніе заключается уже въ противоположности самыхъ значеній подлежащаго и сказуемаго: „детки сему статься, щобъ панъ та (=да) узавъ мужичку?“ а при имени существительномъ подразумевается аппозитивное *сг*, *будучи*: „чтобъ овъ, *будучи* паномъ“, *да* взялъ мужичку“. Слѣдовательно, здѣсь въ современномъ языкѣ надо предполагать старинный остатокъ сочетанія *аппозитивнаго причастія съ глаголомъ* посредствомъ союза *да* въ значеніи *усилительномъ*. Примѣровъ такихъ множество. **И. Б.**

(**) Здѣсь *а* не отдѣляетъ подлежащаго отъ сказуемаго, а соединяетъ аппозит. причастіе „вышедъ“ съ личнымъ глаголомъ „почнетъ“, и, слѣдовательно, примѣръ этотъ долженъ быть относимъ къ тѣмъ, которые приведены выше на страницахъ 158—159. **И. Б.**

4. *Именительный самостоятельный*.—Относительная самостоятельность апозитивнаго причастія въ древнемъ языкѣ и сходство его функций съ функцией личнаго глагольнаго сказуемаго проявляется не только въ отдѣленіи его отъ сказуемаго главнаго предложенія союзомъ, но и въ возможности постановки *отдѣльную самостоятельную подлежащую*, помимо подлежащаго при сказуемомъ главнаго предложенія. Правда, такое явленіе встрѣчается рѣже, чѣмъ дательный самостоятельный, но это не есть признакъ забывчивости пишущаго или невольное высказываніе изъ одной колесы въ другую въ срединѣ предложенія: (*ἀναχολωδία*); напротивъ, именные самостоятельные должны быть оцѣняемы наравнѣ съ дательными самостоятельными, которые трудно назвать неправильностью⁴⁴. Причина употребленія въ древнемъ языкѣ апозитивнаго причастія *со своимъ подлежащимъ* заключается въ большемъ сходствѣ причастія съ глаголомъ, чѣмъ въ новомъ языкѣ; апозитивное причастіе *со своимъ подлежащимъ*, хотя и не вполне заканчиваетъ предложеніе, но даетъ мысли нѣкоторый раздыхъ, намѣчаетъ дѣленіе предложенія на двѣ части⁴⁵; въ родѣ „вставъ и рече“ только при различныхъ подлежащихъ. Напримѣръ: „а вы плотники суще, а (=и) приставимъ вы хоромъ рубити“ Новг. I. „И пришедеъ Изяславъ... и бѣ Игорь разболѣлся“... Ппат. Но бывають случаи и одинаковыхъ подлежащихъ при причастіи и глаголѣ, если подлежащее причастія стоитъ далеко отъ глагола: „мы чловѣки грѣшныи суще и смертныи, то (=и) оже ны (кто) зло сотворить, то хожемъ ѿ пожрети“ Лавр.

Къ самостоятельнымъ же именительнымъ должны быть отнесены и тѣ отрицательныя слова, которыя уже лишены рода, числа и падежа и потому не согласуются съ опредѣляемымъ словомъ, но они не есть и дѣепричастія, потому что стоять не при глаголѣ, что требуется отъ дѣепричастія, а при *своемъ подлежащемъ*. Напр. „выскакавъ же вси прочіи изъ лодья, и рече Олегъ. Лавр.— „По Великой рѣкѣ ледъ идучи, христіаномъ силно много хоромъ подрало“ Пск. I. Сюда же относятся и нѣкоторые примѣры *дѣепричастія независимаго* (Бусл. Гр. § 275, пр. 2), если оно предполагаетъ другой *именительный* падежъ: „Оспѣлавши онъ Екимъ коней, паряжаются они ѣхать“ (Древ. рус. стих.).— (Примѣры именительныхъ самостоятельныхъ употребляются и въ стар. чешскомъ, польскомъ, сербскомъ, хорватскомъ, литовскомъ языкахъ). Когда же дѣепричастіе не имѣетъ при себѣ *явственнаго* именительнаго, то въроятнѣе всего, что оно произошло изъ *дательнаго* самостоятельнаго, какъ болѣе общаго (*); но иногда лучше все-таки производить дѣепричастіе отъ именительнаго, какъ напримѣръ, „убивъ мене (=когда ты убьешь меня), а

*) Срав. дал. II, 334. И. Б.

тобъ волюсть. Ипат. Таковы же дѣепричастія: *рекуче* (—ше), *рекуше*; въ нынѣшнемъ языкѣ: „*исключая*“.

200 Им. самост. съ Очень рѣдко употребл. им. самост. съ опущеніемъ при-
опущеніемъ при- частія, какъ и дат. самостоятельный въ значенія *обст. вре-*
частія. мени: «*тояже зимы, еще послове Псковскіи на Москвѣ, князь...*
и посадникъ заложина градъ новъ» (Собр. рус. лѣт.).

201 Им. самост. съ Прѣдка встрѣчается им. самост. безъ прич., но съ
развитымъ при развитымъ при немъ прид. предложениемъ: «*конь, теже лю-*
вемъ прид. пред- биши...; отъ того ти умрети» Лавр.; *городная осада, гдѣ*
ложениемъ. кто живеть, тому тутю и сидѣти (Собр. гос. гр.). Такіе им. самост. по-
добны неопредѣленному самост. («*знать онъ знаетъ, да не говорить*») и
соотвѣтствуютъ описательному выраженію: «*что касается до того, что...*
что до...*). Н дѣйствительно, въ влкорус. памятникахъ при такихъ име-
нительныхъ иногда ставится «*а что*»: «*а что наши ординци, а тѣмъ*
знати своя служба» (Договор. гр.).

Им. самост. при Въ этимъ им. самоотельнымъ относятся и тѣ случаи,
мѣстоименномъ когда къ *именному* подлежащему присоединяется или *подлежащее*
подлѣж. той же *мѣстоименное*, означающее ту же субстанцію, или мѣстоиме-
субстанцій. нѣе *вз косв. надежъ*: «*князь Андрей Шуйскій, а онъ былъ злодѣй*» Пск. I
«*Епископы, попы и цумены, съ любовью взимайте отъ нихъ благосло-*
202 *веніе*» Лавр. Часто въ былинахъ: «*А и молодой Дунай, онѣдогадливъбыль***»).

203 Им. самост. изъ Подлежащее *собирательное* или стоящее во *множ.* ч.
собирает. сущ. можетъ быть им. самостоятельнымъ, если далѣе слѣдуетъ
перечисленіе предметовъ, составляющихъ его объемъ: «*дру-*
жина же его, они по немъ идоша, а друзія осташа его» Ипат.

Причастіе безъ личн. глагола, какъ сказуемое придат. предлож. связанное съ главн. сказ. посредств. относительнаго слова***).

206 Миклошичъ не различаетъ причастій въ примѣрахъ: «*нѣсть, кто*
милоудъ» и «*вицѣ господѣ висѣшита*», называя ихъ предикативными (Гр. IV,

*) Срав. далѣе II, 439—441. И. Б.

204 **) Становятся самостоятельными и *косвенные надежи* именъ, если за ними
слѣдуетъ *такой же надежъ мѣстоименный* или относит. нарѣчіе: «*обярина князя*
Ромодановскаго, жены его человекъ» (Акты до Юрод. б. относ.). «*Поляковъ же и*
Литву... начаша ихъ побивати» Котош.—Въ народ. пѣс.: «*какъ по мосту... тамъ*
шелъ-прошелъ».

***) Этотъ отдѣлъ, очевидно, является съ одной стороны продолженіемъ
предыдущаго отдѣла объ анпозитивныхъ причастіяхъ, какъ второстепенныхъ
сказуемыхъ (стр. 181), а съ другой—служить и завершеніемъ изслѣдованія
Потебни о др.—русскихъ причастіяхъ вообще, достигающихъ высшей своей
самостоятельности въ роли сказуемаго придаточныхъ предложений. И. Б.

823—5; 834—5); Потѣбня же различаетъ ихъ, считая причастія первыхъ выражений за *второстепенныя сказуемыя* *), а вторыя—просто предикативными причастіями, входящими въ составное сказуемое.

Второстеп. сказуемыя—причастія въ придаточныхъ предложеніяхъ присоединяются къ члену главн. предложенія не прямо, какъ предикативное причастіе (и въ этомъ заключается существенное отличіе), но посредствомъ относительныхъ словъ, а именно:

а) посредствомъ относительныхъ мѣстоименій въ *именит.* пад. послѣ глагола *есть* (нѣсть) въ главн. предложеніи, при чемъ причастіе ставится только въ настоящ. вр. («есть, кто донеса»);

б) посредствомъ относит. мѣст. въ *именительномъ* же пад. послѣ *другихъ* глаголовъ въ главномъ предложеніи;

в) посредствомъ тѣхъ же мѣстоименій въ *косвенныхъ* падежахъ;

г) посредствомъ мѣст. относительныхъ съ *нарѣчіемъ относительнымъ* или одного нарѣчія;

д) посредствомъ *союзовъ*.

и е) очень рѣдко *безъ союзовъ* **).

а) **Второстепенный предикатъ съ относит. мѣст. въ именит. пад. послѣ глаг. «есть» (нѣсть).** Въ примѣрахъ, какъ «нѣсть, кто воды *нося*» (Жит. Θεод.), «не бысть, кто и вѣсть *принеса*» (Лавр.) съ одной стороны и „есть *судя*“, «бяху *ловяче*» съ другой—разница заключается въ слѣд: 1) причастіе безъ относит. мѣстоименія составляетъ *одно сказуемое* вмѣстѣ съ глаголами „есть“ и „бяху“, тогда какъ причастія „нося“ и „принеса“ съ относит. мѣст. сами составляютъ второстеп. сказуемое, присоединенное относит. мѣстоименіемъ къ главнымъ сказуемымъ „нѣсть“ и „не бысть“; 2) причастіе *наст.* вр., въ качествѣ второстепеннаго сказуемаго, можетъ быть и вида совершеннаго, соответствующаго современному *будущему* вр. („есть, кто *донеса*—донесеть“), причастіе же *наст.* вр., входящее въ составное сказуемое, *въ совершенномъ видѣ не встрѣчается*, а если бы и встрѣчалось, то означало бы видъ соверш. *только прошед.* вр. („*посадыче* его на престолѣ, поидете же къ Иерусалиму“ Новг. I), и 3) причастіе съ имен. падежомъ относительнаго мѣстоименія

*) Второстепенными же сказуемыми называетъ Потѣбня и аппозитивныя причастія (II, 181, но аппозитив. причастія, какъ приложенія, лишь приближаются къ самостоятельнымъ сказуемымъ и составляютъ *среднюю функцію* между сказуемымъ и атрибутомъ (Срав. выше стр. 104). **И. Б.**

***) Подраздѣленіе это, въ видѣ вывода изъ примѣровъ, Потѣбня предлагаетъ далѣе на стр. 219, но пункты а и б онъ здѣсь *объединяетъ*, хотя и примѣры подъ этими буквами (стр. 206—208) и приводятся у него *отдѣльно, какъ различныя*. Поэтому пункты а) и б) пришлось формулировать намъ самимъ на основаніи приведенныхъ примѣровъ. **И. Б.**

можеть всегда замѣняться въ современномъ языкѣ неопредѣл. наклоненіемъ(*) съ дательнымъ того же мѣстоименія („не бысть кто принеса“=некому было *принести*“), причастіе же, входящее въ составное сказуемое, такой замѣны не допускаеть.

209-2 0 б) Второстепенный предикатъ съ относит. мѣст. въ именит. надежь послѣ друиыхъ млаоловъ, *кромь іесть* (нѣсть): „ту стояху вси, *иже* отъ Галилен *пришедше*“ Дан. Пал.—„И они, *кто* *свѣдавъ* у кого невѣсту, посылають“... Котош.

в) Второстеп. предикатъ съ относит. мѣст. въ косвенныхъ надежахъ: „невѣстасѧ, *чесо* *просяще*“ Остр. Ев.—„Невѣстася, *что* *творяще*“ Ипат.—„Аште добро твориши, *въжьсѧ, кому* *творя*“ Изб. 1073.—„Ею же *умълючи*, того *незабываите*“ Лавр.—„Приношаху по ней (за невѣстой), *что* *вдадуче*“ Лавр. (м. б.=, *что* *дадутъ*“, т. е. буд. вр.).—„Не мнѣ *іеста* не *управила, еже* *рекиша*, по *Богови*“=не мнѣ не исполнили (того), *что* было *объщали* Ипат.

211—212 г) Второстеп. предикатъ съ мѣст. и нарѣчіемъ относительнымъ: „Вѣдѣаше яко *жну*, *идь же* не *спявъ*.—„*Аще* *кгде* *видѣвъше* такого *отрока*, да *възвѣстите*“ Жит. Θεод.—„А *прокъ* ихъ *разбѣжеса*, *куды* *къто* *видя*“... Новг. I.—„Поима... *скоты* и *овцѣ*, *кдѣ* *что* *чюя*“ Лавр.—„Не-*вѣдѣаху* бо, *камо* *бѣжаше*“ Ипат.—„А *идь* *будешъ* *хотя* *посланъ* на наше *лихо*, а *тамо* *ти* *отъелати*“ (Сборн. Гос. гр.)=а *идь* *хотя* *будешъ* *посланъ*..(**).

213 „И *іегда* *воду* *взливая* въ *котель*, *глаголетъ*“ Жит. Θεод.—„(Мы) *какъ* *скоро* *спдиши* на *стоицы* (престоѣ) *отчины*, такъ же *черезъ* *наши* *послы* тебе *напоминали*“ А. З. Р.—„Се, *якоже* *объщавъся*... *повѣдаю* *ти*“

214 *Посл.* Никиф.—„*Аче* (хотя) *та* *къ* *нама* не *шла*, *яко* *же* *рекише*... Ипат.—*Елико* *хотячи*“... „*елико* *моуще*“... Лавр.

215 216 д) Второст. предикатъ съ союзами *аки*, *яко*, (=что такъ какъ), *а*, *аще*, *бо*, при чемъ причастія съ сравнит. союз. *аки*, *яко* (=какъ будто) заключаютъ въ себѣ иногда отгѣнокъ мнимости: „*лежа* (аор.) *творяся*, *акгъ* *изнемоіа* с *рангъ*“ Ипат.(***).—„*Мнози*... *вознесеша* *умомъ* *яко* *пѣчто* *добро* *сѣтворше*“ (какъ будто...) Дан. Пал.—„*Пошелъ* *бѣше* *Кончакъ*, *пoxуся*, *яко* *пльнити* *хотя*“ („хотя *пльнити*“=буд. вр.) Ипат.—„*Держи* въ *сѣсудѣ* (тѣло Хр.), *и* *хотя* *до* *того* *же* *дни*“ (Вопрош. Кюр.): здѣсь «а *хотя*» (=если хочешь) уже близко къ союзу.—«*Се* *бо* не *поганьскы* *ли* *жи-*

*) т. е. при обращеніи въ безличный оборотъ дѣлается тѣмъ же второстепеннымъ сказуемымъ (Ср. III, 474, 475). И. Б.

**) Здѣсь въ „гдѣ *хотя*“ дѣепричастіе стремится уже стать частью нарѣчія „*идь*“ въ смыслѣ „гдѣ-либо“. Срав. также: «*куды* *хотя*», т. е. «*куда*-либо».

***) *аки* можно соединять не только съ дѣйств. прич., но и *страдам.* и съ именами: «сѣтворися *аки* *боденгъ*», «*лежа* *аки* *мртвъгъ*». (Ср. выше стр. 148). И. Б.

вемъ, *аще усрѣсти върующе*²¹⁷ Лавр.—, „Гюрги же... творяшеть, *ако тако* ту волость *заемъ* (Изяславъ), тамо же и есть“ Плат. (=Г. полагалъ, что такъ какъ Изяславъ прежде занялъ ту волость, то и теперь онъ тамъ же). — „*Не бо него видѣвъ*“ Жит. Θεод.—, „Великъ есть день сей, не (*яко*) часовъ *имья* множае, но великихъ ради чудесъ“ (Кар. Тур.).

е) *Второстеп. предикатъ съ опущеніемъ союза* встрѣчается очень рѣдко: „и самъ съ *придавъ* писано ксть“ (*χαὶ ἐαυτὸν παραδεδωκέναι γέγραπται* = написано, что онъ самъ себя предать). Перев. XIII в. Гр. Б.^(*)

Въ современномъ яз. остатковъ отъ второстепеннаго Остатки въ соврем. яз. отъ второст. сказуемаго — причастія мало:

1) „*куда хоть* (=куда хотя) брошусь... не найти роженаго дитятка“ Барс. Прич.: „кто кого смога, „*пти ку- да зря*“, „*бить чьмъ попадя*“.

2) Въ малор. „*бѣтця з кимъ поповши*“.

3) Союзъ *хотя*, возникшій изъ „а хотя“ (см. д) или изъ оборотовъ: кто, что—хотя, гдѣ—куда хотя, теперь переставляется: „*хоть кто*“, „*хоть куда*“ и т. п.—По аналогіи съ этимъ нужно объяснять происхожденіе „*будто*“: сперва „*какъ бывъ*“ съ соответствующимъ „*то*“ („какъ бывъ, то“), потомъ „*какъ буди*“ (будь), *то*, и, наконецъ, черезъ опущеніе „*какъ*“ является „*будь то*“ = „*будто*“.

Если глав. предлож. *личное*, то подлежащее причастнаго Постановки причастнаго подлежащаго въ глав. предложеніи („естъ, *кто* донеса“), или же ставится въ *ед. ч.*, хотя бы подлежащее главнаго было во мн. ч.: „*ядяхуть, кто* что *замысля*“^(**). Если же главнаго предлож. *безличное*, въ которомъ сказуемое выражается *неопред.* наклоненіемъ (съ наличнымъ или подразумеваемымъ глаг. „естъ“), а вмѣсто подлежащаго стоитъ *дательный дополненія*, то причастіе ставится все-таки въ *именит.* надежѣ, предполагая именительный подлежащаго главнаго предложенія, а не дательный дополненія: „(естъ) *рѣзати* (имъ), *что хочяче*“. Отклоненіе отъ этого правила представляютъ договорныя грамоты XIV—нач. XVI вв. въ *обычныхъ* выраж.: „а что *ти* (вы=дат. п.) *слышавъ* о мнѣ..., то *ти* (вы) мнѣ *повѣдати*“, гдѣ, по аттракціи къ дат.

*) Этотъ пунктъ съ примѣромъ перенесенъ сюда со стр. 219, гдѣ онъ у Потевни стоитъ не совсѣмъ на мѣстѣ. **И. Б.**

***) Безъ сомнѣнія, тутъ у Потевни вкралась маленькая неточность: такая постановка причастнаго подлежащаго въ *един.* числѣ бываетъ только тогда, когда подлежащее причастія состоитъ изъ мѣст. *кто, чьто*, которыя мн. ч. числа не имѣютъ, въ остальныхъ же случаяхъ причастныя подлежащ. бываютъ въ томъ же числѣ, что и въ глав. предложеніи. Срав. выше стр. 207: „*стояху вси* *иже* (мн. ч.) отъ Галилеи *пришедше*“. **И. Б.**

при неопред. накл., подлежащее причастія ставилось также въ дат. п. вм. „что слышавъ (ты), то ти повѣдати“.

Выводъ о причастныхъ прид. предложенияхъ.

220

Итъ основанія объяснять разсмотрѣнныя причастія въ качествѣ второст. предложений опущеніемъ вспомогательнаго глагола, ибо опущеніе гл. *есть* въ наст. вр. въ разсмотрѣнный періодъ не составляло правила, а опущеніе вспомог. глагола въ другихъ временахъ всегда чрезвычайно рѣдко. Поэтому необходимо признать эти причастія стоящими самостоятельно, и какъ лич. глаголь въ древ. языкѣ служить для выраженія „полносильнаго первостепеннаго сказуемаго“, такъ причастіе служило средствомъ для обозначенія второстепенныхъ зависимыхъ сказуемыхъ, такъ что причастныя предложения „*есть нѣчто промежуточное* между членомъ простаго предложения и развитымъ прид. предлож. съ личнымъ глг. въ сказуемомъ“. Затѣмъ въ слав. языкѣ наступаетъ переломъ. Языкъ стремится уничтожить образованія, среднія между предложеніемъ и членомъ предложения и увеличить т. обр. противоположность этихъ категорій“, обособить ихъ; вслѣд. этого онъ „причастія, по функціи, *больше отдаленныя отъ глагола*“, воплощаетъ въ предложеніе“, т. е., дѣлаетъ ихъ *подчиненными* членами, „переводя въ категоріи прилагательнаго и нарѣчія, а причастія *меньше отдаленныя отъ глагола*“—замѣняетъ личнымъ глаголомъ“.

Литов. и Лотыш. причастія въ Им. п., какъ сказ. придат. предложенія.

221

Тождество причастныхъ подлежащихъ съ главнымъ какъ древнѣйшее явленіе въ языкѣ.

1) Сходство литов.-лотышскихъ причастій—сказуемыхъ съ славянскими состоитъ въ томъ, что при личномъ главн. сказуемомъ подлежащія причастныя *могутъ* быть тождественны съ главнымъ подлежащимъ, но это не составляетъ правила, какъ въ слав. яз.

222

2. Другая особенность литов.-лотыш. языка та, что *post v. sentiendi, cognoscendi, declarandi* для выраженія косвенной рѣчи употребляются въ качествѣ сказуемыхъ причастія дѣйств. зал., наст., прошед. и будущаго времени, при чемъ связь между глав. и прид. предлож. можетъ или вовсе не выражаться, или же выражается мѣст. и нарѣч. относительными, или союзами вопросит. и изъяснительными. Нерѣдко бываетъ и такъ, что глаголь глав. пред. „говорить“ вовсе опускается, такъ что вся рѣчь можетъ состоять изъ однихъ причастій. Что же касается предполагаемаго опущенія

223

225

227

*) каковы причастія атрибутивныя и аппозитивныя, граничащія съ опредѣлительными и обстоятельственными словами. *И. Б.*

**) т. е. причастія, употребляющіяся въ качествѣ сказуемаго придаточныхъ предложений. *И. Б.*

вспомогат. глагола при причастіяхъ, то въ литов. яз. обычно опущеніе только *est* и *суть* и при томъ при причастіяхъ *главнаго* сказ., отсутствіе же ихъ въ придаточныхъ предложеніяхъ, какъ и въ рус., нѣтъ нужды объяснять опущеніемъ.

Сравненіе славянскихъ и литовскихъ причастныхъ оборотовъ возбуждаетъ два вопроса:

1) что древнѣе: обязательное ли *единство* подлежащаго въ глав. и причастномъ предлж., или возможность особаго подлежа. при причастіи, какъ „самъ сѣ прѣдавъ, писано іестъ“ (Ср. стр. 217)?

Въ выраженіяхъ: „пѣсть кѣто възыскаѣ“ и „іестъ възыскаѣ“ послѣднее (съ однимъ и тѣмъ же подлежа.) безъ сомнѣнія древнѣе, какъ простѣйшее, изъ котораго могло развиться первое въ видѣ сложнаго предложенія. Такъ же точно, если въ *состав. сказуемомъ* причастіе обязательно имѣеть одно подлежа. съ глаголомъ, равно какъ и аппозитивное причастіе, служащее непосредственнымъ приложеніемъ къ подлежащему, то, значить, различныя подлежащія, встрѣчающіяся въ глав. и прид. предложеніяхъ, есть явленіе позднѣйшее.

2) Что древнѣе: возможное ли присутствіе косвенности рѣчи или отсутствіе этого отбѣнка? Вѣроятнѣе послѣднее. — Прид. предложеніе не отъ глаголовъ *dicendi* не есть еще косвенность рѣчи, а простое различеніе глав. и прид. предложенія. Отбѣнокъ косвенности и затѣмъ сомнительности въ прид. предложеніи могъ появиться сначала только въ силу *вещественнаго* значенія нѣкоторыхъ глаголовъ глав. предложенія съ составнымъ сказ., какъ напр: „мъняахѣ духъ видяше“; *творяахѣ сѣ правдыни сѣше*“, гдѣ косвенность, мнимость *формально ничѣмъ не выражена*, а вытекаетъ изъ лексическаго значенія глаголовъ: *мънѣти, творитисѣ*, и только потомъ уже какъ въ славянскомъ, такъ и литов. яз. для выраженія этого отбѣнка стали прибавляться нѣкоторые союзы, какъ слав. *акы* (будто): „творяахѣ сѣ акы правдыни сѣше“. Но въ слав. языкѣ (за исключеніемъ чешскаго и польскаго, подверженныхъ вліянію латинскаго со-
слагательнаго накл.) косвенность, или мнимость на этомъ и остановилась: она не распространяется на придаточныя предложенія съ мѣстоименіями и нарѣчіями; въ литовскомъ же и латышскомъ отбѣнокъ косвенности и со-
слагательности распространяется на *всѣ* способы сочетанія причастнаго сказуемаго послѣ глаг. *dicendi* etc: вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ соблюдаться и тождество подлежащихъ въ глав. и придаточныхъ предложеніяхъ.

Причастіе *прош. на лз.*

1. Причастная форма на *л* осталась въ качествѣ причастія лишь въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Подобно другимъ причастіямъ, суф. на *лз* самъ по себѣ не заключаетъ указанія на время и залогъ, но образуетъ все-таки

причастіе, котораго нельзя смѣшивать съ *отричастнымъ прилагательнымъ* на *л*: гнилой, вялый, смѣлый, удалой...

Отличіе отри-
частныхъ прила-
гательныхъ отъ
причастій на *ль*

2. Прежде всего а) прилагат. имѣютъ *членную форму*, которой нѣтъ у причастій на *ль*; но и безчленная форма прилагательныхъ отлична отъ причастной формы глаголовъ на

соглас. горт., свистящ., зубную и губную: дохль (прил.)—издохъ (прич.), хриплъ (прил.)—охрипъ (прич.). Отсюда ясно, что часто безчленная форма прилагательныхъ *не совпадаетъ* въ звуковомъ отношеніи съ прич., и доходимъ мы до нея изъ формы *членной*, которая, слѣдов., является «неразрывною съ категоріей прилагательныхъ» и отличительнымъ признакомъ ихъ по сравненію съ причастіемъ.

б) Въ безчленныхъ прилагательныхъ и причастіяхъ на *ль* звуковая разница сказывается иногда и *въ удареніи* им. п. ед. ч. жен. р: тухлѣ и тухла, спѣлѣ и спѣла...

в) Во *множ.* ч. им. п. прил. оканчивается на *ы* (смѣлы), а прич. на *ль* имѣетъ оконч. *и* (смѣли).

3. Прич. на *л* образуется отъ темы *неопр.* накл. *встхъ* глаголовъ, прилагат. же лишь отъ *нѣкоторыхъ* причастій, *не допускающихъ прямого объекта*: налый, лежалый, горѣлый...

4. Отъ глаголовъ *возвратныхъ* прич. на *л* образуется съ *ся*, въ прилагательныхъ же *ся* отбрасывается: разбѣлся (камень) и «отъ камня разбѣлаю». Въ *польскомъ*—«ся» также отбрасывается въ атрибутахъ какъ причастныхъ, такъ и прилагательныхъ.

5. Въ прилагательныхъ на *ль*, какъ «градъ Іерус. людемъ нежилъ... а за городомъ нѣтъ жилихъ мѣсть» (Пут. Лук.)... нѣтъ нужды предполагать *страд.* значенія, а нужно видѣть въ нихъ слѣд. «переходы мысли»: а) «самому предмету приписано дѣйствіе, которое въ немъ совершилось: въ домѣ жили, стало быть—домъ жилъ»; б) «отъ того, что въ домѣ жили въ опредѣл. вр., заключено къ тому, что въ немъ вообще *можно* жить». Значить, прилаг. эти выражаютъ *возможность*, способность и близки по значенію къ латинскому, какъ *ineffabilis* и др. под.

6. Предлогъ *въ* прилагательныхъ на *л* въ большинствѣ случаевъ приближаетъ ихъ по значенію къ причастіямъ: мерзлый и замерзлый, зяблый и озяблый, горѣлый и пригорѣлый. Есть много предложныхъ прилагательныхъ и безъ соответствующихъ имъ безпредложныхъ: огрубѣлый, оголѣлый, осовѣлый, ошалѣлый, обрусѣлый, которыя въ качествѣ атрибута удаляются отъ частного значенія, а въ качествѣ аппозиціи могутъ даже замѣняться прич. на *ъ*, *оъ*: напр. «человѣкъ возмужалый (=возмужавшій) въ трудахъ и

Прилаг. на *ль* предполагающія и близость ихъ къ причастію.

238

239

лишеніяхъ». При этомъ безпредложное прилаг., какъ болѣе удаленное отъ причастія, и въ безчленной формѣ не можетъ быть смѣшано съ глаг.: «*смѣлый* человекъ—онъ *смѣлъ*» (прилагательное), чего нельзя сказать о предложныхъ прилагательныхъ: «*одурѣлый* человекъ»—«онъ *одурѣлъ*» (глаг.).

Русскій языкъ, образовавши дѣепр. и сохранивши членныя причастія прошед. на *шій* и *вшій* (отъ *з*, *вз*) съ *аппозитивнымъ* значеніемъ, чуждается *аппозитивною* употребленія какъ безчленныхъ, такъ и членныхъ прич. на *л*. Уже въ древ. яз. *аппозит.* причастія на *л* очень рѣдки и сомнительны, какъ напр.: «*милостыни, съвзъкнулася* (=совокувившися) съ постомъ и молитвою, отъ смерти избавляетъ человекъ» Нов. I.; «кто се есть царь славы, съ толикою на ны *пришелъ* (пришедшій) властно?» Кир. Тур.—Обыкновенно же прич. на *лз* входятъ въ составъ *сказуемаю* и составляютъ описательную форму съ глаг. «*есмь*», стоящимъ налицо, или подразумѣваемымъ.

Нелюбовъ рус. языка къ аппозитивному употребленію причастій на *л*.

Обычное употребленіе прич. *лз* въ качествѣ *сказуемаго*.

240

Булг. (Гр. § 198, прим. 2) въ примѣрѣ: «гошь (хвостъ) крѣпкой, короткой и неповислой и никуда на сторону *нескинулся* (вм. *нескинувшійся*)» считаетъ «*нескинулся*» за причастіе, но Потебня признаетъ его за глаголь, потому что съ *ся* атрибутивное прич. на *лз* не употребляется.*) Равнымъ образомъ и въ примѣрѣ: «истокъ *заросъ*, стоитъ», слово «*заросъ*» признаетъ Потебня не атрибутив. причастіемъ, а глаголомъ, такъ какъ оба глагола: «*заросъ*» и «*стоитъ*» тутъ равносильны и могутъ быть сопоставлены съ обычной формулой купчихъ XVII в.: «се язъ N, *живу* своимъ дворомъ, *продалъ* есмь» (Акты до Ю. Б.).

241

Въ противоположность рус. языку, въ польскомъ причастія на *з*, *вз*, по возникновеніи дѣепричастій, постепенно исчезли, и на мѣсть ихъ употребляются причастія на *лз*.

242

Въ чеш. употребительны членныя прич. и на *з*, *вз*, и на *л* въ значеніи причастія.

7. Вѣроятно, нѣкогда предикативное прич. на *л* соединялось обычно и съ другими вспомог. глаг., сочетавшимися со 2-мъ именительнымъ причастіемъ, кромѣ *тесмь*, *бѣ*, *бѣдѣ*; но уже въ древнихъ памятникахъ встрѣчаются рѣдко такіа сочетанія: «*чюется* къ Богу *прѣдалъ*» (XII в. «Свѣд. п. 3.» Срез.), «*творяшеса* добро *учинилъ*» Лавр.

Рѣдкіе случаи сочетанія предикативныхъ прич. *лз* съ другими вспомог. глагол. въ древ. рус. яз., кромѣ «*есмь*».

Въ рус. литературномъ яз. прич. на *л*, ограниченное только кругомъ *предикативности*, сочетается не со всѣми вспомогат. глаг., а лишь съ нѣкоторыми формами глагола *существительнаю*, въ позднѣйшее же время съ однимъ *наст.* «*тесмь*», который возвысился до *чисто формальной* предикативной связи.

Употребленіе прич. *лз* въ соврем. литер. яз.

*) Срав. выше II, 234. И. Б.

8. Сочетаніе прич.—*лъ* съ наст. вр. *есмь* и пр.

Употребленіе
вспом. глагола
«есмь» въ древ.
рус. яз.

А) Въ древ.-рус. яз. вспомогат. глг. «есмь» обыченъ при причастіяхъ на *лъ* при существительныхъ и прилагательныхъ во всѣхъ лицахъ:

244—246

Ед. ч.	Дв. ч.	Множ. ч.
1 л. <i>есмь</i>	1 л. <i>есвѣ</i>	1 л. <i>есмы</i>
<i>есми</i>	<i>есва</i> (позднѣе)	<i>есмъ</i> (очень рѣдко)
2 л. <i>еси</i>	2 л. <i>еста</i>	<i>есми</i> (рѣдко)
<i>есь*</i>)		<i>есме</i> ,
3 л. <i>есть</i>	3 л. <i>еста</i>	<i>есмя</i> (влр. въ 14 в.)
		<i>есмо</i> (позже 14 в. въ юж. и зап. памятникахъ)
		2 л. <i>есте</i>
		<i>естя</i> (позднѣе; ср. съ <i>есмя</i>)
		3 л. <i>суть</i> .

Сочетанія съ „есмь“ и проч. не книжныя только, при чемъ вспомогательный глаголѣ ставился и впереди, и позади причастія на *лъ*.

«есмь какъ предикат. связка съ чисто-форм. значеніемъ.

Б) Вопреки мнѣнію Бусл. (Гр. § 177, прим. I), что будто бы *есмь*, *еси*, *есмы* и *есте* (1 и 2 л.), потерявъ силу глагола, стали позднѣе употребляться для обозначенія только

лицъ, т. е. вм. я, ты, мы, вы,—Потебня говоритъ, что глаголы эти теряютъ лишь свое *вещств.* значеніе и становятся, такимъ обр., *формальными*, но остаются все-таки глаголами, именно — *предикат. связками*; поэтому, когда съ теченіемъ времени связки эти начали опускаться все чаще и чаще, то взамѣнъ ихъ стали ставиться личныя мѣст., какъ чисто *формальныя* же слова, безъ всякаго *вещств.* содержанія, а только для обозначенія лица**).

В) Такъ какъ *имя вообще*, а въ частности и *прич.*, само по себѣ есть *3-е лицо*, то легче всего опускать глг. вспомогат. *ес* въ *3-мъ лицѣ*. Такіе случаи опущенія есть уже въ Супр. р.—Въ хорут., серб., болг. опускается только *есть*. Въ рус. яз. съ древнѣйшихъ временъ опущеніе «*есть*» обычно; въ Новгородскихъ грамотахъ XIII—XIV вв. *постоянно*, но «*еси*», «*есме*» удерживаются. Опущеніе „суть“ съ XIII в. обычно; *есмь*, *еста* опускаются рѣже; еще рѣже—другія лица.

*) „Ты *еси* не братъ, но ратный *есъ* ему“ Ипат., при чемъ въ Ипат. лѣтописи «въ звуковомъ отношеніи съ этимъ *есъ* равносильны *мъ* изъ *ми* и *тѣ* изъ *ти*» (dat. ethnic; ср. выше стр. 190): „абы—*мъ* (=ми) дать Богъ мочи изволѣдѣти“; «то—*тѣ* (=ти) Василько побѣдидь Литву».

***) Срав. выше I, 93.— И. Б.

Г) Въ влрусскихъ говорахъ „*еси*“, при—*лз* теперь, новидимому, исчезло, за исключеніемъ „гой *еси*“ въ пѣсняхъ;^{*)} *есть* съ—*лз* встрѣчается изрѣдка, какъ архаизмъ; *е* (= *есть*) при—*лз* въ народныхъ пѣсняхъ употребляется въ значеніи не только 3-го, но и 2-го л. ед. и множ. числа. Какъ полное сказуемое и связка *при существительныхъ и прилагательныхъ* „*есть*“ употребляется во *всѣхъ* лицахъ ед. и множ. ч. безразлично.

Опущеніе «*есмы*» въ влрусскихъ говорахъ.

Д) Въ восточно-млрус. *есть* и *суть* при—*лз* постоянно опускаются, но при именахъ встрѣчаются; *еси* и *есте* встрѣчаются въ пѣсняхъ при именахъ, а при—*лз* не слышно.

Опущеніе «*есмы*» въ влрусскихъ нарѣчьяхъ.

249

Е) Въ Сѣв-западныхъ предѣлахъ млрусскаго нарѣчья:

- 1 л. ед. ч. в.м. «*есмы*» встрѣчается м^{**)}
- 2 л. ед. ч. *іесь* употребляется,
- 3 л. ед. ч. *есть* не слышно, какъ и въ вост. млр.^{***)}
- 1 л. мн. ч. *есмы*, *сьмо*,
- 2 л. мн. ч. *те* (изъ *есте*), особенно съ личн. мѣст. «*ви*»:

„зѣ якогъ *ви-те* краю?“ при чемъ въ иныхъ случаяхъ лишается предикативной силы и становится частью личнаго мѣстоименія: „ой воли моѣ, чемъ *вите не орете*?“^{****)}.

250

Ж) Въ Юго-запад. (галлц.) млр. нарѣчьи:

	муж. р.	жен. р.	сред. р.
Ед. ч. 1 л.	орав- <i>јем</i> (орав- <i>ем</i>), <i>јім</i> (— <i>ім</i>)	орала- <i>м</i> , ходила- <i>ям</i> лишала- <i>сми</i> — <i>сме</i>	орало- <i>м</i>
2 л.	орав- <i>есь</i> , - <i>јісь</i> , - <i>ісь</i> ,	орала- <i>сь</i>	орало- <i>сь</i>
3 л.	орав <i>е</i>	орала <i>е</i>	орало <i>е</i>
Мн. ч. 1 л.	орали- <i>сьмо</i> (— <i>сьме</i> , — <i>м</i>)		
2 л.	орали- <i>сте</i>		
3 л.	орали <i>суть</i> , при чемъ <i>е</i> (3 л. ед. ч.) и <i>суть</i> ближе къ восточ. малороссійи опускаются.		

*) При чемъ *еси* относится и къ *множ.* ч. безразлично (Ср. дал. II, 250): «гой *еси* вы люди работные»; «гой *еси* ты *есми* царь Саулъ». Поэтому здѣсь формы в.пом. глагола не замѣняютъ уже соответствующаго личнаго мѣст. вопреки мнѣнію Буслаева (Гр. § 187, Пр. 1; § 202, Пр. 4.).

**) „еще—*м* я молодой незрадив никого“.

***) О 3-мъ л. *множ.* ч. у Потевни ничего не говорится. И. Б.

****) Въ влрусскихъ областныхъ говорахъ подобно „*те*“ также употребляются част. „*сте*“ (изъ *есте*) и „*ста*“ (изъ *еста*), по видимому, теперь только для выраженія вѣжливости: „пожалуй-*ста*“, или для показанія вводной рѣчи: «опа баеть: я—*ста* и въ домъ не пушу».

251

252 Сочетаніе прич. 3) Въ польск. яз. а) въ древнѣйшихъ памятникахъ при
на *Ń* съ *jesm* въ сочетаніи съ прич. на *Ń* исключительно господствуетъ простое
польск. яз. наст. *jesm* и проч.;

253—255 б) въ XV-XVI вв. появляются въ 1 и 2 лицахъ ед. и мн. ч. соче-
танія *ja-m jest* (=я есмь), *ty-ś jest*, *my-śmy są*, *wy-ście są*, въ концѣ
jest и *są* служатъ для усиленія предикативной связи при именахъ, въ 3-мъ
же лицѣ просто *jest* и *są*;

в) въ нынѣшнемъ литер. языкѣ въ 1 и 2 лицахъ при формахъ *ja-m*
jest, *ty-ś jest*... стоятъ и слитныя: *jestem*, *jestes*, а во множ. только слит-
ныя: *jestemy*, *jesteście*, въ 3-мъ же лицѣ для *обоихъ* чиселъ—*jest*. Форма
byłem (=млр. був-лем) есть стяженіе глагола существительнаго *jesm* въ „em“
(*był+jesm*). Въ памятникахъ XVI в. употребляются формы *tedy-chmu* *pytali* ря-
домъ съ *tedy-śmy* *pytali*, которыя перешли и въ зап. рус. памятники: „под-
твердилихмы“ и пр., гдѣ переходъ *ch* въ *s* объясняется фонетически
(Ср. аор. *приахъ* изъ *приахсь*); что же касается формы на *ech* въ 1 л.
ед. ч. (*bylech*), то она равносильна съ-em,-m (*byłem*) изъ *jesm*, и *ch* фо-
нетически не могло перейти изъ ш.

9. Значеніе сочетанія—*лз* *іесмь*.

Двѣ эпохи соче-
танія—*лз* съ
«іесмь».

Нужно отличать двѣ поры сочетанія—*лз* съ „есмь“:

а) *древнѣйшую*, одновременную съ простыми прош.,
и б) *позднѣйшую*, послѣ потери прошедшихъ простыхъ.

256 Какъ лучше на-
зыв. формы—*лз*
съ «іесмь» и бѣ,
«бѣхъ».

А) Формы, въ родѣ „сѣвлягъ *іеси*“, не есть perfectum,
какъ наз. Микл. въ отличіе отъ „сѣвлягъ *бѣ*“, *бѣаше*, которыя
онѣ наз. *plusquamperf.* п. ч. „сѣвлягъ *іеси*“ не соотвѣтствуетъ
греч. perfectum и въ слав. яз. не заключаетъ понятія о совершенномъ.
Поэтому первую форму лучше называть (согласно съ Восток.) *прошедш.* слож-
нымъ, и вторую—*преходящимъ сложнымъ**).

Эпоха древ.

Древнѣйшее значеніе сочетанія—*лз* съ „іесмь“ должно

257 быть выведено изъ его строенія^{а)}). Сначала—*лз* съ „іесмь“ было
сочетаніемъ *двухъ* формъ, вносящихъ свои отбѣнки *времени*: прошедшаго
(прич.) и настоящаго (іесмь). Т. обр. форма—*лз* съ „іесмь“ первонач.
изображала событіе *прошедшее* по отношенію къ *настоящему*, напр. „ели-
ко насъ *крестилися есмы*, *вляхомъ ся*.“ Лавр., т. е., сколько насъ *есть*
(въ наст. вр.) *крестившихся* (прежде), мы всѣ поклялись. Отсюда пошло,
по замѣч. Бусл. (Гр. § 189, 3, пр. 3), употребленіе *прошед.—лз* въ ста-
258 рин. яз. о морѣ, рѣкѣ и т. п.: море Черное *обтекло* съ полдня; р. Десна
потекла на полдн... Дунай рѣка... къ морю *расшиблась* на многія гирла.

*) Срав. дал. II, 261. *И. Б.*

**) Срав. выше II, 137—139. *И. Б.*

„Старинныя выраженія *прош. вр.* указываютъ на фактъ, нѣкогда совершившійся, напр., на дѣйствіе рѣки, которая *никогда* потекла.. и впала туда-то“, а Потебня прибавляетъ къ этому: „на фактъ, совершившійся и *пребывающій дониндѣ*“, ибо безъ этой прибавки слова Буслаева будутъ относиться не только ко врем.—*лз есмь*, но и къ *прош. простымъ* (которыя выражаютъ то, что кто сдѣлалъ безъ отношенія къ наст. вр.), какъ напр. „Днѣпръ *потече* (*прош.*) изъ Оковскаго лѣса и *потечеть* (*наст.*) на поль днѣ“ (Лавр.*)

В) Въ позднѣйшую пору въ рус., мѣр., польск. чеш., серб. языкахъ сочетаніе—*лз съ „есмь“*, обратившись въ одну глаг. форму и потерявъ двойственность значенія времени (прошедшаго по отношенію къ настоящему), стало выражать *только прошед. вр. безъ отношенія къ настоящему*. Сліяніе—*лз съ „есмь“* въ одинъ актъ мысли совершилось тѣмъ легче, что значеніе времени „есмь“ постепенно забывалось вслѣдствіе вытѣсненія формъ—*лз бѣхъ*,—*лз бѣхъ*,—*лз буду*, съ которыми могло еще сравниваться сочетаніе—*лз есмь*. Когда же исчезли въ языкѣ и простыя формы переходящаго и аориста, тогда по необходимости—*лз есмь* должно было смѣнить ихъ мѣсто въ качествѣ глагола *прош. вр.* Можно думать поэтому, что форма „—*лз есмь*“ стала *одною* формою съ того времени, какъ исчезли *imprf.* и *aog.* А такъ какъ *aog.* и *imprf.* были и въ письменныхъ памятникахъ, и въ живой рѣчи еще въ 12-13 вв., то *слияніе* «—*лз есть*» въ одну форму должно быть отнесено въ рус. яз. только къ 14 в., не ранѣе.

Эпоха позднѣйшая, когда «—*лз есмь*» слилось въ одну форму.

259

10. Въ литовско-лотыш. яз. за отсутствіемъ причастія, равнаго славянскому—*лз*, функционировало въ сложной формѣ причастіе, равное славянскому *з, өз*. Сложная форма эта также стремится вытѣснить прошедшее простое, какъ и въ рус. яз., при чемъ въ народныхъ пѣняхъ гл. вспомогат. опускается во *всѣхъ* лицахъ.

Вытѣсненіе простыхъ прошедшихъ въ лит-лотыш. яз.

250

11. Микл. считаетъ *бѣхъ* и *бѣхъ* за *imperf.* и вслѣдствіе этого описательную форму—*лз съ* этими глаголами—за *perfectif.* какъ—*лз съ* «есмь»—за *perf.* (Ср. II, 256). И дѣйствительно *прошед. прич.* означаетъ здѣсь нѣчто *предпрошедшее*, «запрошлое», по отношенію къ *бѣхъ* и *бѣхъ*.

Рус. причастія *лз съ бѣхъ, бѣхъ, бѣхъ, бѣхъ съ* изъяснит.

261

А) Однако сочетаніе, какъ «далъ *бѣхъ*», можетъ быть называемо *давнепрошедшимъ* «не по своему глаголу, а по причастію», т. е., *запрошлое, предпрошедшее* значеніе сложной формы «—*лз бѣхъ*» находится не въ «*бѣхъ*», а въ самомъ причастіи, и какъ въ формѣ «—*лз есмь*» причастіе означало въ старин. языкѣ про-

Сочетаніе *лз съ бѣхъ, бѣхъ* и значеніе его.

*) Значить, здѣсь „потече“ и „потечеть“ вмѣстѣ равняются какъ бы одной формѣ „потекль есть“. И. Б.

шедшее время по отношенію къ настоящему «тесмъ» (Ср. выше II, 257), такъ и въ формѣ «—лъ бѣхъ» различаются тоже два момента мысли: одинъ, выражаемый глаголомъ «бѣхъ», и другой, заключающійся въ причастиі «—лъ»; этотъ-то послѣдній моментъ мысли и является *предпрошедшимъ* по отношенію къ прошедшему «бѣхъ». Напр. «и ту вси быша; въ то же время пришелъ бѣ Гюргевичъ» Ипат., т. е., Гюргевичъ былъ одновременно съ остальными, но пришелъ-то прежде. — «И видѣ два ангела... идеже бѣ лежало тѣло Иисусово», т. е., въ то время оно уже не лежало, но было лежавшимъ прежде. Такимъ образомъ, вещественное обозначеніе *предшествова* должно быть относимо къ прич. —лъ, а не къ бѣ, въ чемъ можно видѣть признакъ стремленія къ поглощенію времени *глагола временемъ причастиа*, какъ это видно было и въ описат. формахъ —лъ съ «есмъ».

Съ тѣмъ же оттыкомъ, но *юраздо рѣже*, встрѣчается и сочетаніе —лъ съ *быхъ* въ *изъявительномъ* значеніи *): «Пязславъ же не хотяше ис Клева поити, зане *улюбилъ* («улюблялъ» Лавр.) *бы* Кіевъ ему» Ипат., т. е., Кіевъ былъ ему *въ это время* полюбившимся (прежде).

Б) «Бѣхъ» само по себѣ не изображаетъ событія *предшествова*ющаго, но, какъ *преходящее, длительное*, захватываетъ моменты, далье отстоящіе отъ наст. вр., чѣмъ аористъ, (бѣ, бы), означающій *моментъ одновременный* съ другимъ прошед. временемъ: «и *бысть* (Климъ чернориз.) книжникъ и философъ такъ (=такой), яко же въ русской земли *не бѣшетъ*» (*не бывало*) Ипат. Но въ сочетаніи съ прич. —лъ, «*бѣхъ*» отноуд не соответствуетъ нынѣшнему прошедшему длительного глагола *бывалъ*, и вещественное обозначеніе давно прошедшаго вр. относится здѣсь уже не къ причастию —лъ, какъ при аор. бѣ, бы, а къ *бѣхъ*, (*бѣхъ*). Напр. „Иисусъ... обрѣте и четири дни уже имѣща въ гробѣ... мнози же отъ Нудей *бѣхъ* *пришли* къ Марѣѣ и Маріи“ (Остр. Б**).

Оба разсмотрѣнныя сочетанія —лъ съ *быхъ* и *бѣхъ* вношѣ русскія, на что указываютъ даже рус. формы: *бѣшетъ, бѣхуть* (вм. ц. слав. бѣаше, бѣахъ). Въ серб. яз. оба эти сочетанія живы и теперь, въ польскомъ же, чеш. и позднѣйшемъ рус. —исчезли. 12) Сочетаніе —лъ съ *былъ тесмъ* есть болѣе позднее, хотя въ Лавр., Ипат., Нов. I и стоитъ рядомъ съ предыдущими. Что сочетаніе это позднѣйшее, видно изъ того, что 1) въ Остр. Ев. и другихъ древнихъ слав. памятникахъ этого сочетанія нѣтъ; 2) въ древнихъ лѣтонисяхъ оно является *сначала* излишнимъ при фор-

*) Объ употребленіи *быхъ* въ условномъ, желательномъ и сослагат. наклон. см. дал. II, 269 и слѣд. **И. Б.**

) т. е., *были* приходшими *прежде* пришествія Иисусова, тогда какъ „*бѣша* *пришли*“ значило бы: „*были въ то время*“, но *пришли* *прежде*. **И. Б.

махъ—*лъ бы* и *бѣхъ* и только послѣ исчезновенія ихъ, —*лъ былъ есмь*“ стало необходимо, при чемъ „*есмь*“ часто опускалось.

Вопреки Востокову, нѣтъ основанія считать это сочетание „прошедшимъ соверш.“ п. ч. причастіе въ немъ можетъ б. и отъ глаг. несовершеннаго.

Сначала, —*лъ былъ есмь*“ означало только предшественность настоящему и прошедшему безъ тѣхъ, впрочемъ, отбѣнокъ, которые мы видѣли въ, —*ль бѣхъ*“ и, —*ль бѣхъ*“. Напр. „челядь ему вороти, што *была* рать *повоевала*“ Пшат.—Затѣмъ, въ тѣхъ же памятникахъ, влѣдствіе частаго употребленія въ противоположеніяхъ, сочетание, —*лъ былъ есмь*“ получаетъ отбѣнокъ *дѣйствія, не дошедшаго до надлежащаго исполненія*: „се уже *прельстилъ* мя *еси былъ* (=было), дьяволе, . . . а уже не *имамъ* ся *затворити* въ *печерь*“ Лавр.—„Се Володимеръ и Изяславъ хрестъ къ нама *была* *чловала*, . . . и (=а между тѣмъ) хотѣла со мною *лестью*, *убити* мя *хотяча*“ Пшат.

267

Въ вост. и с.-вост. мѣрус. такое употребленіе есть и донынѣ, только съ опущеніемъ „*есмь*“.

Въ вѣрус.: „*имали были*“ и др. оставались до 18 в.; въ сказкахъ: „*жили были*“—болѣе древнее и безъ отбѣнка противоположенія.

Сочетаніе это никогда не было *одною* формою, что видно изъ разложенія его впоследствии на безличное *было* съ прич. *лъ*: „хотѣлъ *было*, да *раздумалъ*“, и подобно тому, какъ въ безличныхъ оборотахъ, въ родѣ „*быть, было, ненастью, да дождь помѣшалъ*“, гдѣ „*было*“ равно безличному сказуемому „*было есть*“, которое *не можетъ сливаться* съ другимъ сказуемымъ въ одну форму, такъ и въ оборотахъ «хотѣлъ *было*, да *раздумалъ*» *было* предполагаетъ посредствующую ступень «*было есть: хотѣлъ есть*», гдѣ обозначается не одинъ, а два момента мысли.

268

Въ ю.-западныхъ малор. и польск. языкахъ сочетаніе это употребляется безъ противоположенія; тоже—въ чеш., серб., хорут., хорватскомъ.

Въ лит.-лотыш. вѣльмъ *тремъ* сочетаніямъ (—*лъ бѣхъ*, —*лъ бѣхъ* и —*лъ былъ есмь*) соотвѣтствуетъ сочетаніе причастія, равнаго славянскому причастію на *ъ, въ* съ вспом. гл. прош. вр.

13. Причастіе — *лъ съ быхъ, бы.*

269

Въ такъ называемыхъ паннонскихъ п.-сл. памятникахъ аор. 1 л. *бимъ*, 3 л. *би*, множ. *бимъ, бисте, биши* встрѣчается съ прич. *лъ* лишь для выраженія *условности* (съ „*анте*“ и безъ него) и *желательности* (съ „*да*“), въ памятникахъ же ст. славянскихъ и древ.-русскихъ аор. *быхъ, бы*... употребляется и въ знач. *изъявительномъ* (Ср. выше стр. 263), а *бы* въ сложеніи съ предлог. (пребысть)—

Причастіе—*лъ съ былъ* въ условіяхъ.

только въ изъяв. и при томъ съ *веществ.* значеніемъ*). Переходъ аор. *быхъ* отъ изъявительнаго къ услов. значенію предполагаетъ уже чистую формальность въ „бы“ и не сочетаніе причастія съ „бы“, а одну граммат. форму, при чемъ прич.—*лъ* иногда опускается: „аще бо *бы* (былъ) перевозникъ Кій, не *бы* ходилъ Царьграду“ Лавр.

А) Прич.—*лъ* съ „быхъ“ съ условнымъ знач. ставится какъ въ условливающемъ (*protasis*), такъ и условливаемомъ (*apodosis*), при чемъ въ *protas.* обыкновенно ставятся союзы (въ старин. рус. яз. *аще, аче, а, да, оже* и проч.), которые, впрочемъ, легко могутъ и опускаться, равно какъ и самыя условія, напр. въ выраженіяхъ вѣжливости, осторожности: „я *бы* думалъ, ... полагалъ *бы*“ (подразумѣв: если *бы*...); „была *бъ* (=если *бъ* была) прежняя молодость, выручивъ *бы* тебя“.

Основаніемъ для перехода прошед. *изъявит.* „бы“ къ значенію условному служить сходство прош. времени со всѣми идеальными наклоненіями (услов., желат., сосл.), ибо какъ идеальныя накл. изображаютъ событія существующими *только въ мысли*, такъ и прошедшее можетъ разсматриваться какъ „отрицаніе дѣйствительнаго присутствія (наличности) явленія“, чѣмъ и объясняется то, что въ нѣмец. и латин. яз. недѣйствительная (ирреальная) условность выражается временами прошедшими. Съ условнымъ значеніемъ употребляется—*лъ быхъ* и въ другихъ славянскихъ нар., а въ серб. и болгар. условное значеніе получаютъ и другія прошедшія изъявительнаго наклоненія, при чемъ условность отъ союза не зависитъ, и сама условная частица, напр. серб. *е*, во видимому, равносильна плеонастичному рус. *что* (древ. рус. *оже, теже*): «Но говори Анѣя Иванова: *е* волнѣхъ Пивлянина Баја» (Пѣв. Црног.). Позднѣе къ такимъ переходящимъ условнымъ, какъ «волнѣхъ» стало прибавляться *би* въ качествѣ союза: „Волнѣхъ *би* Мирковича Вуга“.

Б) Желательное значеніе „быхъ—лъ“, какъ и условное, выражается не только съ союзами, но и безъ нихъ. Въ др.-рус. яз. ставились союзы: *а, да, аже, что, како—быхъ*, откуда образовались потомъ сложные союзы: *абы, дабы, ажебы, чтобы* (Ср. далѣе II, 280, 281): „а *бы* Богъ далъ, вы *быста* уладилася съ своимъ братомъ... а (=и) *быста* вы сидѣла въ Кіевѣ“ Ипат. Въ позднѣйш.: „дай Богъ, ты *бы* (=соврем. литер. *чтобы*), господинъ мой, здоровъ *былъ* на многія лѣта“ (Акт. З. Р. 1536 г.). Можно бы думать, что желательное значеніе «—*лъ быхъ*» возникло изъ условнаго, при коемъ умолчано условливающее

*) Есть случаи сокращенія въ древ. рус. яз. *быша* (3 л. мн. ч.) въ «бышь»; отс., по видимому, является рус. частица „бишь“ черезъ переходъ *и* въ *и*, такъ что „бишь“ есть остатокъ изъявительнаго сочетанія „быша“ съ прич.—*лъ*: „какъ—*бишь* его звали“=„како *быша* звали его“ (Дополн. ко II ч. „Записокъ“).

(protas.), но, по миѣнію Потебни, здѣсь нѣтъ нужды выводить желат. накл. изъ опущеннаго условія: напротивъ, вѣрнѣе, что самая условность появляется изъ желательности: первоначально чисто желательное „ты бы сходилъ“ („а тебѣ бы сходить“), а потомъ уже съ условнымъ отѣнкомъ: „если хочешь“. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что, по видимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мысль можетъ прямо переходить отъ изъяснит. прошедшаго къ желат. наклоненію: то, что желательно намъ, представляется въ нашихъ желаніяхъ уже осуществившимся *событіемъ*, но только *событіемъ въ будущемъ*. Такъ, въ пѣсняхъ литовскихъ и русскихъ, далеко выданная замужъ дѣвушка думаетъ о томъ, какъ бы ей вернуться домой: „пойду я въ лѣсъ къ пестрой кукушечкѣ, займу у ней крыльевъ... полечу къ матушкѣ... тамъ буду куковать, не услышитъ ли матушка“. До сихъ поръ *желаемая* событія изображаются *буд.* временемъ, но затѣмъ, въ силу самообольщенія мысли, будущее, *желаемое* является уже какъ бы совершившимся, и потому пѣсня продолжаетъ въ *прошед.* вр: „Услышала (матушка) голосокъ, открыла окошко“... Т. обр., *будущее событіе* можетъ изображаться по-русски *совершеннымъ прошедшимъ*, въ серб. чаще аористомъ и прошедшимъ „—лъ тесмь“, въ млр.—тоже прошедшимъ.

Выраженіе желательности въ-звительнымъ проищ. времени.

273

274

Середину между такимъ употребленіемъ прошедшаго и образованіемъ изъ него новой грамматической формы занимають, по видимому, формы „—лъ“ послѣ «дай Боже» (млр. бо дай=Богъ дай), а также и безъ такихъ выраженій: „дай Спида, здоровъ *былъ* государь мой батюшка... Дай Господи, здоровъ *былъ* правосл. царь“... (Пѣс. Рич. Джемса 1620 г.). Въ млрус: „бодай волі живі *були*“; „бодай вінъ *здохъ*“.*—Такъ же въ болгар., польскомъ, латынскомъ. Точно также безъ „бодай“ и другихъ подобныхъ въ смыслѣ пожеланія или повелѣнія: „здорова *была!*“—„а *побила* тебе лихая година!“ влкр: „пошелъ!“ „пошелъ вонъ!“—„Пригоже намъ *было* (=было бы) тебя жаловати... да еще есмь лѣты не совершенны“ А. З. Р. Сюда же относятся въ серб. клятвенныя увѣренія (рѣже *безъ прошед. глаг.*): „тако ја здрав *био!*“, „тако ја здрав и жив!“ Отсюда—*переходъ къ условности*: «*била* здрава глава моја (=пусть будетъ... если будетъ здорова...), родиће ми зуба сина».

275

276

277

Въ русскихъ памятникѣхъ до 14—15 в. „*быхъ—лъ*“ въ условно-желат. значеніи вполнѣ обыченъ, какъ *глаголъ*, спрягаемый по вѣмъ лицамъ: „аж *быхомъ* что тако *учинили*, того не дай Богъ“ (Смол. гр. 1229). «Игорь... опять погна къ полкомъ того дѣля, что *быша* (=что бы) познали князя и возвратилися *быша*» (=бы) Ипат.

278

*) Не нужно смѣшивать съ подоб. выраженіями такого: „бодай *би* вінъ *здохъ*“, въ коемъ желательность зависяетъ уже отъ „би“ (изъ „*быхъ*“).

Бы, какъ союзъ,
и отличие его отъ
глаго. былъ въ
древ. памят.

Не позже XIV в. рядомъ съ глаг. „быхъ“⁴⁴, имѣвшимъ еще предикатив. силу съ отношеніемъ къ наклоненію, является въ русскихъ памятникахъ *бы* и какъ союзъ, отличающійся отъ глагола

279

а) тѣмъ, что онъ не согласуется уже съ прич. — *лъ* и подлежащимъ: „аже *бы* (вм. «быхъ»: 1 л.) язъ *хотѣлъ*... а *бы* (вм. бына) въ землю глупоку *не входилъ*“ Плат:

280

б) тѣмъ, что рядомъ съ *бы* появляется *еси, есте* въ качествѣ всемог. гл. при — *лъ*: значить, *бы* потеряло уже предикат. силу. Напр. «аще бысте человекѣи (былъ Плат.), то въ дне *бы есте* пришли (ходили)» Лавр. Тоже явленіе въ морав. говорѣ, юго-зап. м.рус. (бисъ, бисъмо, бисте изъ бы+іесъ...): „ой ко-б була-сь, мати, *знала* таку мою долю, ти(-б) була-сь мня утопила малов дѣтиною“ (Микл. Гр. IV, 811).

в) Еще болѣе внутренней признакъ перехода предикативнаго *быхъ* въ союзъ *бы* проявляется въ связи съ предшествующими частицами: *лише бы* (лишь бы), *только бы*, *хотя бы*, *чтобы*, *како бы*, *кабы*, м.р. *як би*. Въ этомъ видѣ *бы* порываетъ связь съ — *лъ* въ древ.-рус. яз. и получаетъ возможность соединяться съ друг. формами: „лишь *бы* *выйти* замужъ“⁴⁵, при чемъ нынѣшнее: „чтобы *пришелъ*“⁴⁶ возникло не прямо изъ стариннаго „*бы* (=быхъ) *пришелъ*“, а изъ „что+*бы* *естъ* *пришелъ*“, такъ что не въ глаголь „*естъ* *пришелъ*“ заключается условное или желательное значеніе, а въ союзѣ *чтобы*, въ коемъ „*бы*“ вовсе не есть уже глаголь, какъ думаетъ Бусл. (Гр. § 194).

281

Сослагатель-
ность—*лъ* *былъ*.

Г) *Сослагательность*, не свойственная славянскимъ яз., проникаетъ въ ц.-слав. памятники изъ греч. языка, а въ чешскіе и польскіе по преимуществу изъ латинскаго, съ 14-го же в. черезъ польскій яз. проникаетъ сослагательность и въ зап.-русскую письменность.

Сослагатель-
ность въ усло-
внѣяхъ.

а) *Сослагательность въ условныхъ предложеніяхъ*. —

Высшее проявленіе сослагательности въ славянскихъ яз. Потѣбня видитъ въ присутствіи союза *бы*, поставляемаго въ условныхъ предложеніяхъ для выраженія *недѣйствительности* событія, такъ что, по его мнѣнію, всѣ русскія сослагательныя наклоненія образуются только изъ условныхъ предложеній. Но онъ строго разграничиваетъ условность, зависящую отъ формы „—*лъ бы*“, въ которой и проявляется сослагательность, и условность, зависящую отъ самыхъ союзовъ. Онъ говоритъ: „Такъ какъ условные союзы“⁴⁷) сочетаются въ рус. языкѣ не только съ

*⁴⁷) Цслав. *аще*; др.-рус. *аже* (изъ а+оже), *даже* (изъ да+оже), *аче*, *даче* (изъ да+аче), *ачи* (изъ аче+и); позднѣйшіе: *если* (изъ естъ+ли), *ежели* (изъ еже+ли), *буде* (изъ „будеть“: срав. далѣе II, 295, 296). И. Б.

условными формами глагола („—лъ быхъ“), но и съ изъявительными, то условность формы „—лъ быхъ“ есть нечто отличное отъ условности союзовъ и независимое отъ нея, именно: условность значенія „быхъ—лъ“ въ древнемъ языкѣ, какъ видѣли выше, есть *отрицаніе дѣйствительности* событія (Срав. выше II, 270), условность же, зависящая отъ союзовъ, представляетъ событіе дѣйствительнымъ, почему и ставится часто послѣ условныхъ *союзовъ* въ ст.-слав. и другихъ языкахъ *изъявительное* накл. будущаго или наст. вр. тамъ, гдѣ по-гречески и по-латинѣ стоитъ послѣ условнаго союза *сослагательное* накл.; въ польскомъ же и чешскомъ языкахъ, подъ вліяніемъ латинскаго и нѣмецкаго, въ этихъ случаяхъ можетъ ставиться *кромѣ* изъявительнаго и условное *наклоненіе* съ *сы*. Папр. ц.слав. *аще кѣто не родитьсѧ* (= *ἐὰν μὴ γεννηθῆι*, nisi genitus sit) съвыше, не можетъ вѣдѣти цѣсарствія божія; въ рус. и серб. стоитъ *изъявительное*, въ польскомъ же—*сослагательное*, а въ другомъ такомъ же случаѣ—*изъявительное*. Или др.-рус.: „аж оубѣть моужь моужа, то мьстити братоу брата“ (Рус. Прав.). Въ этихъ и подобныхъ оборотахъ условное накл. въ ц.-слав. и рус. языкахъ не есть *сослагательное*, но если въ *apodosis* ѣ вм. *изъявительнаго* (не родитьсѧ) или *дебитивнаго* (мьстити) *наклоненія* явится сочетаніе съ *бы*, то и *protasis* въ рус. языкѣ обратится въ *сослаг. наклоненіе*: „если *бы* кто не родился..., не могъ *бы*“. Въ памятникахъ же зап.-рускаго яз., подъ вліяніемъ польскаго, и послѣ *изъявительнаго* и *дебитивнаго apodosis*’а могло ставиться въ условномъ предложеніи *бы*: „*есть ли бы* хрестьянинъ жидѧ *забилъ*, маеть быти каранъ (Акт. З. Р.).*“

б) Латин. *conjunct.* въ независимыхъ вопросахъ: quis hoc credat? quid enumerem? передается или 1) *изъявительнымъ* личнымъ: „кто этому *повѣритъ*“? или 2) *дебитивнымъ неопред.* съ подраз. „*есть*“: „*зачѣмъ мнѣ перечислять*“? Отвѣтомъ на эти вопросы должно быть: никто этому *не повѣритъ*, *не зачѣмъ* мнѣ перечислять. Но если эти вопросы передадимъ по-рус. *условнымъ* выраженіемъ съ „*бы*“: „кто *бы* этому *повѣрилъ*“? (подраз. „*если бы* даны б. такія-то условія).—то въ отвѣтъ получится также *условное* выраж.: „*никто бы* этому *не повѣрилъ*“. А такъ какъ по-русски *условныя* предл. съ *бы* выражаютъ *условіе недѣйствительное*, то надо здѣсь подразумевать, что *условія* этихъ *не дано*; вслѣдствіе этого на вопросъ: „кто *бы* этому *повѣрилъ*“ въ отвѣтъ получается уже „*а между тѣмъ вѣрятъ*“. Так. обр., *сослагательное* выраженіе *незав. вопроса* по-русски имѣеть совсѣмъ *противоположное* значеніе, чѣмъ

*) Вообще, по мнѣнію Потебни въ рус. языкѣ *изъявительность* или *сослагательность apodosis*’а влечетъ за собою *изъявительность* или *сослагательность* и *protasis*’а. Формъ смѣшанныхъ Потебня, по видимому, не допускаетъ. И. Б.

по-латинѣ, и это оттого, что выраженію: „кто этому повѣрить“ придается форма условнаго предложенія съ „бы“. Поэтому латинскіе независ. вопросы по-русски можно передавать только *изъяв.* или *дебитивнымъ* неопред. наклоніемъ.

Сослагатель-
ность въ косвен-
ныхъ вопросахъ.

285

в) То же самое слѣдуетъ сказать и о косвенныхъ вопросахъ: *difficile dictu, quanam causa sit?* по-рус. можно передать только *изъяв.* накл.: „трудно сказать, какая (есть) причина“. Поэтому, встрѣчающіяся въ косвенныхъ вопросахъ условныя накл. въ смыслъ *сослагательномъ* Потебня считаетъ *несамостоятельнымъ* явленіемъ въ славянскихъ языкахъ: напр. въ Зограф. Ев.: „вънѣ же помышленіе въ нѣ, кѣто ихъ вѣштей *би былъ* (*quis esset, τίς ἔν εἴη*). — Недоумѣхъ, чѣто *бѣ отвѣщтали* (*τί ἀποκριθῶσι*). Смѣшанное употребленіе въ косвенныхъ вопросахъ то изъявительнаго, то условно-сослагательнаго въ польск. и чеш. языкахъ д. считать случайнымъ, подъ вліяніемъ латин. яз., а тамъ, гдѣ сослагательное употреблено правильно, нужно подразумѣвать умолчаніе условія. — Въ литов-лотыш. зависымыя вопросы условными наклоніями не выражаются; но въ стар. юж.-рус. писемъ подъ вліяніемъ польскимъ: „пыталъ есмы того вязия, хто *бы былъ*“ (1593 г.): также у Гоголя: „любопытно бы однако знать, кто *бы* такая (вм. „кто такая“) была писавшая“ (Мертв. Д.)

286

Сослаг. съ *ни*
послѣ мѣст. и
нарѣч. относи-
тельныхъ.

г) На мѣстѣ латин. сосл. въ придаточныхъ предл. съ *quisinque...* и въ рус. *можетъ* стоять сосл. „бы—ль“ условнаго значенія, но непременно съ „ни“: „что бы *ни* случилось, надѣйтесь на меня“, т. е.: „если бы *все* случилось, надѣйтесь на меня“. Когда же послѣ мѣстоименій и нарѣчій относительныхъ съ „ни“ ставится *изъявительное* накл., тогда получается *концессивное* значеніе: „что *ни* случится (= *хотя бы* случилось *все*), надѣйтесь на меня“. По мнѣнію Потебни, въ этихъ случаяхъ условный рус. оборотъ, благодаря „ни“, исчерпываетъ *весь* кругъ возможныхъ условій и „заключаетъ въ себѣ не отрицательный смыслъ, какъ можно бы думать, судя по тому, что условность есть отрицаніе дѣйствительности, а положительный: непременно что-нибудь случится“; тогда какъ *безъ* „ни“ русское „кто бы“, „что бы“ съ прич.—*ль* указываетъ только на *одинъ* случай и при томъ *недѣйствительный*: „кто бы сказалъ это (=если бы кто сказалъ это), солгалъ бы“, но подразумѣвается, что никто *не* сказалъ этого. Когда же нужно выразить случай *дѣйствительный*, тогда ставится по-русски *изъявит.* накл.: „кто *приметъ* одно изъ такихъ дѣтей (греч. *ἕν ε. conj. aor.*) во имя Мое, тотъ принимаетъ Меня“, между т., въ польск. и чешск. въ этомъ случаѣ ставится прич.—*ль* съ *бы*, а въ стар. Зап.-рус. и съ „бы“, и съ *изъяв.* накл.: *Kto by przijał... Kdoż przijał...* «А кто *бъ* мѣлъ нарушити, рассу-

287

дится со мною“ (Акт. З. Р. 1483 г.); „а хто се слово наше *порушитъ*... , разуздится со мною предъ Богомъ (Кіев. гр. 1446).

д) Въмѣсто латинскихъ сослогательныхъ въ придаточныхъ предложеніяхъ съ *qui* послѣ главныхъ отрицательныхъ: *nemo est, nihil est*, а также послѣ *quis est, qui...* и *non dubito, quin*

Сосл. въ придаточныхъ предл. съ *qui* послѣ отрицательныхъ главныхъ и выражающихъ сомнѣніе.

1) въ стар.-рус., какъ и въ старо-чеш., ставилось *причастіе безъ глаг.*: «нѣсть *къто донеса*» и неопред. накл.: „нѣ-кому принести“,

2) въ соврем. же литер. яз. *относительное мѣст.* ставится какъ съ *изъяв.* накл., такъ и съ „бы“: нѣтъ никого такого, *кто можетъ*... нѣтъ человѣка, *который бы, кто бы, идъ бы, куда бы*...; общемо же замѣною этихъ относительныхъ словъ служатъ *чтобы*, при чемъ „чтобы“ сплошь и рядомъ у образцовыхъ писателей ставится *вм. что и будто* съ *изъяв.* накл.: „Не слыхиваль, *чтобъ* (=будто) рыбка говорила“ Пушкин.— «Я еще въ жизни не слыхиваль, *чтобы* собака могла писать» (=что можетъ...) Гоголь.

288

Потѣбня и здѣсь во многихъ случаяхъ предполагаетъ *первоначальныя* условныя предложенія; уже одно *влр.* „будто“ наводитъ на эту мысль (*будь=если бы было что ниб.,—то бы*...; *отс. будь... , то... , будто*): „нѣтъ такого, *кто бы* (=что-бы) могъ сдѣлать то-то“ (если бы онъ былъ). Съ теченіемъ времени „предполагать опущеніе условія становилось все труднѣе, а личное условное (кто-бы...) все болѣе подходило къ тому сослогательному (съ „чтобы“), образцы коего давались латинскимъ и франц. языкомъ“. Т. обр. и вошло въ употребленіе сослог. наклоненіе съ „чтобы“ *взамѣнъ первоначальныхъ условныхъ*, а *глав. обр.*, кажется, *взамѣнъ случаевъ*, гдѣ въ ст.-славянскомъ и сербскомъ стоитъ *да* съ *изъявит.*: „да всякъ... *не погыбнетъ*, нѣ *имать* живота *въчънаго*“.

289

е) Въ латинской *oratio obliqua* первое изъ придаточныхъ предложеній ставится въ *асс. с. inf.*, а слѣдующія въ *сосл. obliqua*. накл. Въ нѣмец. и чеш. уже *вм. асс. с. inf.* ставится *сослаг.* съ союзомъ *изъяснит.* или безъ него, а въ ст.-слав., серб. и рус. на этомъ мѣстѣ ставится *только изъявит.* накл. съ *изяснит.* союзомъ: *яко, что*; но въ стар. зап.-рус. письменности употреблялось и *сослаг.* накл. подъ вліяніемъ польскаго: „если бы жидъ... *рекъ, ижъ бы позычилъ*...“ (Грамота Витовта 1388 г.).

290

ж) Послѣ союзовъ: *пока, пока не, прежде нежели* Гоголь ставитъ сослог. съ *бы*: «прежде нежели онъ *объяснилъ бы*» *вм. буд. изъяв.*: „объяснить“. Въ чеш. яз. также встрѣчается въ этихъ случаяхъ „бы—лъ“ въ смыслѣ условно-сослогательномъ.

Сослаг. послѣ *пока, прежде чѣмъ* и под.

Изъ этого обзора видно, что отгѣнокъ сослогательности, *чуждый слав.*

языку, въ рус. литературномъ яз. привился только въ одномъ случаѣ, именно: „чтобы—лъ“ послѣ отрицательныхъ предложеній.

291

14. Прич. на—лъ съ „буду“.

Прич.—лъ съ „буду“ не есть условное только, какъ думаетъ Вост. (Гр. 92—93), не есть и условное—совершенное, какъ считаетъ Бусл. (Гр. § 88. А. II, 4), ибо сочетание это употребляется и безъ всякаго условнаго отгѣнка, а причастіе образуется отъ глаголовъ и несоверш. вида.

Въ древ. яз. „—лъ буду“ не представляетъ единства грамматической формы, а составляетъ сочетание формъ, изъ коихъ одна (—лъ) изображаетъ *прошедшее событіе*, а другая (буду)—*отношеніе* этого событія къ другому, еще не наступившему событію (Ср. выше II, 257) и заключающемуся въ другомъ предложеніи, которое выражается или будущ. временемъ (часто съ союзомъ *да*), или повелит. накл., или неопред. въ смыслѣ долженствованія.

Такое сочетание (—лъ буду) выражается

А) въ *неусловныхъ* и Б) въ *условныхъ* предложеніяхъ.

Отгѣнки не-условнаго условнаго сочетанія „—лъ буду“.

А) Въ *неусловныхъ* предложеніяхъ употребленіе „—лъ буду“ имѣеть слѣд. отгѣнки: а) „буду“ въ сочетаніи—*лъ буду* можетъ имѣть значеніе *одновременности* съ тѣмъ событіемъ, которое еще не наступило и которое выражено въ другомъ предложеніи. Напр. „не на мнѣ та будетъ кровь (событіе не наступившее), но на томъ, кто *будетъ* криво *учинилъ* (Ипат. 612), т. е., кто *окажется* (въ день суда) *сотворившимъ* (прежде) неправду“.

292

б) „Буду“ можетъ потерять значеніе одновременности съ ненаступившимъ еще событіемъ, *прошедшее* же вр. причастія—*лъ* еще чувствуетъ ся какъ *прошедшее* по отношенію къ „буду“. Напр. „да аче стрый (дядя по отцу) *придетъ* на тя, Дюрги (Георгій, в. кн. Сузд.), поиѣ (послѣ того какъ) ты ся съ людьми *утвердилъ* *будеши*, годно ти ся съ нимъ умирити“ Ипат. Здѣсь будущія времена: „*придетъ*“ и „*будеши*“ при прич.—лъ неодновременны („будеши“ предшествуетъ времени: „придетъ“), *прошедшее* же вр. причастія еще чувствуется: послѣ того к. ты *будеши* *утвердившимся*—окажешься, что *утвердилъ* *прежде*, *передъ* тѣмъ.

293

в) „Буду“ можетъ вовсе потерять значеніе будущаго вр. и взаи́мнъ этого получить модальный отгѣнокъ *въроятности*, *предполагаемости* (м. б., д. б., пожалуй, чего добраго и т. п.): „княже, не-лап(ь) (=непроста*) ти велита брата (дв. ч.) крестъ *цъловати*: цѣ (=чи, чи) *да будутъ* зли чловѣчи... *взложили* *будутъ*“) зло слово“ Ипат.

*) Въ словарѣ Срезнев. „не-лапъ“=необдуманно. И. Б.

**) Частица *чи* (ци) не всегда бываетъ вопросительною, какъ и здѣсь: она усиливаетъ модальный отгѣнокъ сочетанія «вложили будутъ» (=должно быть, въроятно, насплетничали).—Потебня.

г) Наконецъ, уже въ старин. рус. яз. могъ теряться отбѣнокъ и прошед. вр. въ—лъ, такъ что „буду—лъ“ становилось какъ бы одной формой вм. *буду съ неопред. начл.*: „будеши отвѣтъ имѣлъ“ = будешь имѣть отвѣтъ Ипат.—Польскій язл, а за нимъ и зап. нлр. особенно стали употреблять „буду—лъ“ въ этомъ послѣднемъ значеніи.

Б. „Буду—лъ“ съ союзами и безъ нихъ въ условномъ значеніи:

а) „Аще ли *взялъ будетъ* (= если окажется *взявшимъ*) = „Буду—лъ“ съ услов. знан. если окажется, что *взялъ*), да заплатитъ сугубо“ Лавр. „И кто *будетъ былъ* въ разбоѣ... и такихъ пытають“. Котоших.—Въ стар. чеш. и нынѣш. болг. то же самое.—Такую условность въ „буду—лъ“ п. отличать отъ условности въ „быхъ—лъ“ и съ союзомъ „бы“: «даже (=если) *быхъ* тако *сѣтворилъ*, а(=то) *былъ быхъ правъ*» Отличіе этой условности отъ услов. „быхъ—лъ“ и будущаго простого. выражаетъ *недѣйствительность*; „даже *ясмь* тако *сѣтворилъ*, язъ *правъ*“ изображаетъ *дѣйствительное* прошедшее событіе, *послѣдствіе* котораго продолжается до *наст.* времени; та же дѣйствительность явленія и въ будущихъ условныхъ временахъ какъ простыхъ, такъ и сложныхъ: „даже тако *сѣтворю*... даже тако *сѣтворилъ буду*, язъ *правъ буду*“. Однако есть разница между послѣдними двумя выраженіями: «въ первомъ случаѣ, гов. Потебня, событія нѣтъ, но оно само совершится, а во второмъ совершится не оно, а откровеніе того, что оно уже совершилось, при чемъ появятся и другое условленное имъ»*).

б) Отс. происходитъ то, что „все сочетаніе (=лъ буду) „Буду—лъ“ для обознач. совершившагося. становится изображеніемъ уже не прошедшаго *по отнош. къ будущему*, а *прямо прошедшаго*, дѣйствительно совершившагося, какъ основанія для будущаго“, что и доказывается нѣкоторыми примѣрами (правда, рѣдкими) въ старин. языгъ. Напр. „како (=т. какъ) ны *будетъ* отецъ твой (уже умершій!) *кормилъ и любилъ*, а (=то) *хочемъ*...

*) Т. е., въ обѣихъ этихъ условныхъ формахъ *apodosis* не выражаетъ *событія*, какъ факта, вытекающаго изъ условія (*protasis*). и въ этомъ—сходство обѣихъ условныхъ формъ; что же касается *условливающихъ* предложеній (*protasis* овъ), то они разнятся, а именно: условіе съ буд. *простымъ* (сѣтворю) указываетъ лишь на то, что слѣдствіе („событіе“) произойдетъ: «если я такъ поступлю, то я *буду правъ*»; условіе же съ будущимъ *сложнымъ* («сѣтворилъ буду») = *окажусь сотворившимъ* прежде не только указываетъ на то, что слѣдствіе («событіе») произойдетъ, но и *предуказываетъ* (заключаетъ „откровеніе“), что *условіе* уже *совершилось* (прич. на—лъ), а слѣдоват. и «событіе», вытекающее изъ этого условія, обязательно совершится.—Такъ обр., условіе съ буд. *сложнымъ* есть не условіе только, какъ предположеніе, но и реальное *основаніе* для того, чтобы совершилось событіе: основаніе это заключается въ прош. прич.—лъ, при сочетаніи съ которымъ гл. «буду» теряетъ, очевидно, свою функцію указывать на отношеніе къ будущему времени, о чемъ и говоритъ дальше Потебня. И. Б.

головой своя сложити“ Плат., т. е. „т. какъ отецъ твой кормилъ и любилъ насъ, то мы готовы сложить свои головы“.

Переходъ «будеть» при-лъ въ союзъ услов. в) Съ теченіемъ времени, отъ употребленія „буду—лъ“ съ условнымъ значеніемъ, на самомъ вспом. глаголѣ отпечатывается значеніе условности. Напр. „и *будешь* у которыхъ государей *отвѣдала*, (что) дочери есть, ... и ты *бы* о томъ ко мнѣ отказала“ (увѣдомила) А. З. Р. Въмѣстѣ съ этимъ, *буду* постепенно разрываетъ связь съ прич. — *лъ* и становится простымъ модальнымъ указателемъ изъявительнаго *накл.* съ услов. значеніемъ. Въ качествѣ такого указателя изъявительнаго *накл.*, „буду“ ставится даже при *паст.* вр., то согласуясь съ нимъ въ лицѣ и числѣ, то безлично (въ 3 л. ед. ч.). Напр. „и *будутъ* (другіе послы) въ чемъ упорно *стоятъ*, и (=то) они (москов. послы) о томъ нишуть въ Москвѣ“ Котош. — „А *будетъ* мы *учинемъ* на него царю бити челомъ, то...“ Оставаясь же съ такимъ условно-модальнымъ значеніемъ при прич. на *лъ* и не согласуясь съ нимъ, *будетъ* перестаетъ уже быть знакомъ предикативности причастія, которая съ того времени переносится на опускаемый *есмь*, а «будеть» остается только указателемъ *условности* и дѣлается союзомъ. Съ такимъ значеніемъ «будеть» можетъ быть и при другихъ состав. сказуемыхъ: «и *будетъ* (=если) вамъ папѣ *кланяться* (есть) ... и (=то) вамъ у папы *быти*» (*есть*). 1583 г. (И. Хр. Бусл. 889).

Отъѣнки союзъ «буде» и имѣеть свой отъѣнокъ значенія по сравненію съ *если* (изъ «если»). г) Союзъ «буде» вслѣдствіе своего происхожденія, м. б., имѣеть свой отъѣнокъ значенія по сравненію съ *если* (изъ *есть-ли*). «Если» выражаетъ *условность* съ *нѣкоторымъ сомнѣніемъ* въ существованіи событія (не даромъ и происходитъ изъ вопросительнаго: «есть-ли?»); «буде» же, какъ видѣли выше, кромѣ условности, заключаетъ въ себѣ и *основание* существованія обусловливаемого имъ событія.

По аналогіи образованія отъ глагола союзовъ *буде* и *если* образуются союзы и отъ *мѣстоименій*. Таковъ союзъ *се* (=такъ какъ): «се (=такъ какъ) сынъ твой зайлъ Половци, зачалъ рать..., а (=то) поиди на Русь» Плат.—Мрус. *се* (=если) и стар. влрус. *восе*: «Вернись, муй милый, вернись до дому, А *се* (если) не вернешя, то Бигъ с тобою». — «*Восе* же (=если же) того не уговорятся, ино (=то) бы приишь съ печатъми привезти» Акт. З. Р. — Съ союзомъ *бы*: «*се-б* в мори втопнвся, то-б Дунай разлився».

Сходно съ *се* переходятъ къ значенію *условныхъ* союзовъ въ влрусскомъ: *такъ*, *только*, *ужо*: «*такъ* (=если) насъ понимаютъ, уже намъ живымъ не быть». — «*Только* (=если) того земельного вала не укрѣпить, и соборной церкви *будеть* поруха» Акт. до Ю. Б. — «*Ужо* (=если) тебя Н велѣлъ неволити, и (=то) кому то у тебя вѣдомо?» Ibid.

Вторые косвенные падежи*).

Второй винительный.

1) Второй вин. или вин. предикативный по свойствамъ своимъ напоминаетъ винит. первый, т. е. винительный непосредственнаго, безпредложнаго *объекта* послѣ глаг. дѣйствительныхъ. Напр. постави *мя* (перв. вин.) *попа* (втор. вин.).

Предикативность второго винительнаго въ древ. языкѣ.

Кругъ употребленія *перваго* вин. падежа въ древ. яз. былъ шире, чѣмъ теперь. Напр., *post v. sentiendi, cognosc., declar.* (а также и *faciendi*) теперь въ вин. п. безъ предлога ставится только ближайшій объектъ, а дальнѣйшій или употребляется съ предлогомъ, или замѣняется цѣлымъ оборотомъ съ союзомъ; въ древнемъ же яз. оба рода объекта могли выражаться *простымъ* винительнымъ. Напр. «слышавъ *смерть* (вм. о смерти) Изяславию» Ипат. — «Знаю твое за Адама *постраданіе*» (вм. «что ты *пострадалъ*» Кир. Тур. — «Узрѣша наши сторожеве и мняху *Болмарской полкзъ*» (вм. «что это болг. п.» Лавр. — «Сказали *ею* въ городъ» (вм. «что онъ въ городъ»). Но рядомъ съ этими примѣрами въ тѣхъ же памятникахъ древности стоятъ и обычные теперь обороты съ предлогами и союзами: «увидаша, *оже, аже, яко* и пр., и чѣмъ дальше отъ древности, тѣмъ рѣже начинаютъ употребляться подобные вин. безъ предлога, замѣняясь падежами съ предлогомъ или цѣлыми оборотами съ союзомъ.

300

301

302

Для характеристики *вторыхъ* винительныхъ важно разграничивать первые винит. отъ вторыхъ въ древнихъ памятникахъ: такое разграничение ведетъ, между проч., къ правильному истолкованію оборота *асс. с. inf.* въ тѣхъ языкахъ, гдѣ онъ есть (лат., греч., нѣм.). Прежде всего, оборотъ *асс. с. inf.* можетъ б. только послѣ глаголовъ, сочетающихся съ *прямымъ объектомъ* (первый вин. п.); напр. «*puntiabant Cugum*», «видѣша стада». Затѣмъ, когда къ первому винительному прибавляется второй—предикативный, то въ древ. языкѣ является выраженіе: «видѣша стада *възята*». Въ этомъ выраженіи слово «*възята*» м. б. и простымъ опредѣленіемъ (=увидали *възятая* стада), и *предикативнымъ* причастіемъ (=увидали стада *възятыми*—что они *възяты*). Этотъ-то второй винит. (предикативный) стариннаго языка и обращается въ *асс. с. inf.*: «извѣщали Кира *побѣдившимъ*—что онъ *побѣдилъ*—*puntiabant Cugum vicisse*. Поэтому *infinitivus* является здѣсь замѣною *второго*

303-304

Объясненіе оборота *асс. с. inf.* изъ *второго* винительнаго.

*) Покончивъ со вторыми предикативными *именительными*, Потенія, послѣ изслѣдованія сказуемыхъ изъ сочетанія «—лъ» съ вспомог. глаг. настоящаго, прошед. и буд. вр., естественно переходитъ къ изложенію вторыхъ предикативныхъ *косвенныхъ* падежей. *И. Б.*

винительнаго, и вин. падежъ существительнаго въ оборотъ асс. с. inf. справедли-
вѣе так. обр. считать не подлежащимъ при неопред. накл., а *первымъ* ви-
305 нительнымъ при глаголѣ глав. предложенія.

Причина, почему *второй* вин. не смѣшивается съ атрибутомъ или
атрибутивнымъ приложеніемъ, лежитъ въ *вещественномъ* значеніи самихъ
глаголовъ sciendi, cognoscendi, declarandi, faciendi: если бы въ выраже-
ніи: «постави мя *попа*» слово «попа» имѣло значеніе простого приложенія,
то рѣчь была бы не докончена (меня, *попа*, поставилъ онъ *чѣмъ?*); при-
нимаемая же «попа» за *второй, предикативный* винит., мы имѣемъ въ пред-
ложеніи *полный* смыслъ: «онъ поставилъ меня *попомъ* = *въ попу*».

Второй вин. свойственъ всѣмъ индо-европ. языкамъ и выражается
именами существительными, прилагательными и причастіями.

2. *Второй вин. изъ им. существительнаго при глаголахъ*
306 *cognoscendi, nominandi, faciendi*: «Отца своего глаголаше *Бога*» Остр. Е.—
«Сына *Божия* познаша» Кир. Тур.—«Сына моего примите собѣ *князя*» Новг. I.—
307 «Постави *Меодія епископа*» Лавр.—«Кого прикажешь на свое мѣсто *иу-*
мена» (Акт. Ист. I, 1533 г.).—«Князю, дажь еси *приставъ* (=приставомъ)
своего челоувѣка *Проконію*» Грам. 2300 г. (Дополн. ко II ч. *Записокъ*).—
Тоже—въ чеш., серб., латыш. яз.

Въ позднѣйшемъ яз. вторые вин. замѣняются или тво-
308 рительнымъ, или винительнымъ съ предл. *за*, при чемъ вин.
съ *за* употребляется послѣ глаголовъ «мысленной дѣятель-
ности», когда вин. съ *за* «означаетъ предметъ, *идеально* замѣ-
няющій собою другой предметъ», выраженный винительнымъ безъ пред-
лога; напр. *счесть* что *за* рѣдкость, *иусть* кого *за* виновника (полонизмъ),
309 *вдать*, *принять* мѣдъ *за* золото. Исключается отс. выраженіе, заим-
ствованное, м. б., изъ другихъ славянскихъ нарѣчій: «*взять за жену*» не
вмѣсто жены, а *въ* *качество* жены, *женою*, *въ* *жены*.

3. *Второй вин. изъ им. прилагательнаго* съ именнымъ (без-
членнымъ) окончаніемъ, какъ болѣе предикативный, чѣмъ сущ., употребляется
не только при глаголахъ cognosc., nominandi, faciendi, но и при глаголахъ
движенія: яти, вести, нести, съзати и др., а также: *ясти*, *жьрати*. Изъ-
рѣдка встрѣчаются позднѣе и мѣстоименныя прилагат. въ *качество* вторыхъ
310 винительныхъ. «Что ма глаголаши *блага*» Остр. Е.—«Вы есте нарекли мя...
311 *старыйшаю*» Ипат.—«Мняхуть и *своею*» Лавр.—«*Нельнива* мя былъ сотворилъ»
Поуч. Вл. М.—«*Живы* пожрѣли быша ны» Псал. 123, 2.

Такое употребленіе прилагательнаго, хотя и съ большимъ ограниченіемъ,
продолжается и нынѣ: «Ты свой долгиъ носъ изъ горла *цѣль* (вм.
цѣлымъ) унесъ» Крыл.—Есть у Пушки., Лерм., Гоголя.—*Одинъ* (= „solus“)

можетъ употребляться въ подобныхъ случаяхъ *только въ вин.* и никогда въ твор: «оставить ее *одну*, его *одного*, ихъ *однихъ*».

Таково же употребленіе вторыхъ винительныхъ прилагательныхъ и въ м.р.с., серб., лит., латыш.

Изъ вторыхъ винительныхъ прилагательныхъ развились два главныхъ оборота рѣчи: а) прид. предл. съ изъяснит. союзомъ (узнали, что онъ живъ) и б) твор. п. на мѣсть второго вин.—Другіе обороты съ предлогами («въ живыхъ», за мертвого) и нарѣчія (,я не такъ вм. «не такимъ» воображалъ врага⁶⁶ Лерм.) менѣе важны.

Обороты, развившіеся изъ вторыхъ винительныхъ прилагательныхъ.

312

4. *Второй вин. изъ предикативнаго причастія* перемѣняется съ причастіемъ атрибутивнымъ, такъ что не всегда м. различать ихъ. Такъ, въ примѣрѣ «видѣша юношѣ съдѣши» (Остр. Б.) въ греч. и лат. «съдѣши» стоитъ въ видѣ приложения: юношу, «съдѣшаго»^{*}), но далѣе причастія предикативны: „Видѣше людье князя бѣжавша (что кн. бѣжалъ), возвратиася Києву“ Лавр.—«Видѣ тьмою вся воя прикрыты» Сл. о. П. II.—«Слышавше идуча Изяслава..., даша ему миръ» Ипат.

313—4

Въ лит. господствуетъ второй вин. причастія, но есть и замѣны его. Въ латыш. преобладаютъ замѣны съ союзомъ *что*.—

315

Въ позднѣйшихъ славянскихъ языкахъ второй винит. частію удерживается, частію же замѣняется *творит.* падежомъ и *дѣепричастіемъ*, что указываетъ на предикативность второго винительнаго.

5. *Дѣеприч. изъ 2-го винит. прич. наст. и прош. дѣйств. зал.*—Въ стар. рус. яз. въ теченіе нѣкотораго времени *дѣепричастія изъ 2-го вин.* употреблялись рядомъ со вторыми вин. причастіями, въ виду постепеннаго превращенія причастій въ дѣепричастія. Формы на *е* и *ь* (=е) до нѣкоторой степени можно еще считать причастіями вин. п. множ. ч. въ виду возможности фонетическаго перехода звука *е* изъ *я* (=а); формы же на *и* нужно считать уже *дѣепричастіемъ*, такъ какъ трудно допустить фонетическое образованіе *и* изъ *я*=а, равно какъ и формы на *ше* (пришедше) вм. вин. ед. (пришедши): „Слышавше (прич.) Болгаре в малѣ дружинѣ князя *пришедше* (дѣепр), идуща опять съ полономъ, dospѣша въ борьзѣ“ Ипат.—«Невидалъ есми мертвеца на свинняхъ *вѣдичи* (дѣепр.) Дан. Зат.

316

Въ народ. сѣв. влр. языкѣ Бусл. (Гр. § 275, 2, прим. 2) считаетъ *независимыми* (=дат. сам.) дѣепричастія въ такого рода примѣрахъ: «видѣли молодца *сѣдучись*, а не видѣли удалаго *побдучись*»; но это невѣрно, п. ч. дѣепр. эти образовались изъ прич. *винительнаю* и, слѣд., *зависимаю*

317

^{*} Однако *καθήμενος* (Марк. XVI, 5) по-гречески поставлено *безъ члена*; а употребленіе прилагательныхъ и причастій безъ члена обыкновенно считается или *предикативнымъ*, или *адвербиальнымъ*, но не атрибутивнымъ. И. Б.

падежа; что же касается *возвратной* формы въ этихъ и подобныхъ дѣепричастіяхъ, то *ся* не зависитъ отъ предполагаемаго дѣепричастіями падежа: она бываетъ въ дѣепричастіяхъ и при им., и дат. падежахъ: «я *смотрючися* на красоту Чурилову..., помutilись у меня очи ясныя» Рыбн.

Въ соврем. рус. литер. языкѣ дѣепричастій, образовавшихся изъ вин. п. причастій, нѣтъ, въ м.р. они рѣдки; въ польскомъ—есть, въ литов.-лутыш. обычны образования дѣепр. изъ 2-ю винит. (предикат.) падежа.

6. Въ предполагаемыхъ двухъ отдѣльныхъ предложеніяхъ, напр. «видѣ ны: стоять праздыны», при слияніи ихъ въ одно, образуется второй вин. *составной*: „видѣ ны на трѣжиши *стоящѣ праздыны*.“—Остр. Е.—„Обрѣтоша тѣло святою (Бор и Гл.) *лежаще црво*“ Ж. Б. и Гл. Чаше же второй составной вин. п. употребляется въ причастіяхъ глагола существительнаго: «отидоша оставльше и лѣ *живи сѣица*» Остр. Е.—«Видѣвъ ю *добру суцу*» Лавр.—«Видячи его *болна суца*» Плат.

Въ нов. рус. яз. второй вин. составной *неумѣстенъ*, п. ч. языкъ нашъ стремится замѣнять придаточными предлж. даже и не составной второй вин. п.—Литов. яз. болѣе склоненъ къ составному сказ. съ прич. существительнаго глагола, чѣмъ даже стар.-слав., въ которомъ вм. составнаго встрѣчаются и простые вторые винит., и неопр. накл. *быти* съ винительнымъ

7. Русскіе вторые винительные одного строя съ подобными же винительными греческими: «увѣдаша *князя идуча*» (=что князь идетъ) по конструкціи своей равносильно греческому: *Хερρόνησον κατέμαθε πόλιεις ἐνδεκα ἔχουσαν* (=онъ узналъ, что Х. имѣеть 11 городов.—Курціусъ и др. въ подобныхъ оборотахъ видятъ такъ наз. *πρόληψις* и аттракцію, т. е. перенесеніе подлежащаго прид. предложенія въ главное, гдѣ оно дѣлается дополненіемъ (*Χερρόνησον*), а причастіе придаточнаго предл. по аттракціи принимаетъ падежъ этого пролептического дополненія (*ἔχουσαν Χερρόνησον*); между тѣмъ тутъ нѣтъ ни *πρόληψις*, ни аттракціи: это—первый и второй винительный къ глаголу главнаго предл. и въ развитіи рус. языка замѣчательно, конечно, не то, что здѣсь второй предикативный винит. согласовался съ первымъ винительнымъ, а то, что *помогъ* онъ перешелъ въ *творит.* вопреки требованіямъ согласованія. Что же касается винит. перваго, то онъ остался и тогда, когда второй винительный сталъ развиваться въ полное прид. дополнит. предложеніе съ относительными нарѣчіями и союзами, какъ напр. «Половци же услышавше *Русь* (1-е допол.), *оже прииди* на нихъ (вм. 2-го вин. *пришедия*) (=и); «номысли *убоихъ* (1-е допол.), *како лежатъ нынѣ*» (вм. 2-го винит.); *καί μοι τὸν οἶδον* (1-й в.) *εἰπέ εἰ με μᾶθ η κ ε τήν τεχνην* (вм. 2-го вин. предикат. причастія).—Такихъ замѣнъ 2-го винит. придаточными дополнительными предложеніями при сохраненіи перваго винитель-

318
319
320
321
322
323

наго въ древ. рус. яз. очень много; встрѣчаются онѣ и у новыхъ писателей, если глаголь глав. предложія можетъ имѣть при себѣ прямой объектъ: «видя *мотылька*, что онъ вокругъ свѣчки вьется» (вм. вьющимся). То же явленіе наблюдается и въ чеш., и серб. языкахъ.

Второй родительный.

1. По Миклошичу, славян. родительный п. въ синтактич. отнош. соотвѣтствуетъ *ablativ'у* и *genetiv'у*, изъ коихъ первый означаетъ предметъ, отъ которато нѣчто *отдалается* (отнятіе, отдѣленіе, разлученіе), и второй означаетъ *принадлежность*. Слѣдов.,

Появіе о род.
п. по Миклош.
(Гр. IV, 447-9).

324

325

аблятивенъ славянскій родительный при значеніяхъ

а) удаленія, отнятія, отвращенія, лишенія, *страха*, *стыда*,
б) при сравнит. степ., а равно положительной и превосходной, употребленныхъ сравнительно,

и в) при обозначеніи *происхожденія*, *матеріала*, *основанія*.

Генитивенъ родительный, когда онъ означаетъ

а) *принадлежность* (владѣніе, собственность),
б) когда онъ бываетъ *при именахъ*, стоящихъ въ связи съ транзитивными глаголами,

и в) когда, какъ *партитивъ*, означаетъ часть цѣлаго.

Для опредѣленія *второю* родительнаго важень въ славян. яз. первый род. только при глаголахъ *съ отрицаніемъ*.

Взглядъ на род.
п. послѣ отрицательныхъ глаг.
и подобныхъ имъ

Миклошичъ вмѣстѣ съ другими причисляетъ этотъ падежъ къ родительному *части* цѣлаго, Потебня же относитъ его, согласно съ Востоковымъ (Рус. гр. § 129), къ *аблятиву удаленія*, *лишенія*, пбо «выпить вина» (род. части) не то же, что «непить вина». Къ этому же аблятиву удаленія, лишенія Потебня относитъ и род. при глаголахъ *алкать*, *жаждать*, *хотѣть*, *желать*, *ждать*, *требовать*, *искать*, *просить*, такъ какъ, чего я жду, хочу, прошу и пр., того у меня *нѣтъ*.

326

Къ той же категоріи Потебня причисляетъ род. при глаг. *плакаться*, *жалеть* и при *жаль*, *люто*, *мило*, *школа* и пр., хотя родит. при нихъ и отличается отъ родительныхъ отрицанія: отрицаніе отрицательнаго глагола передается и неопредѣленному накл., зависящему отъ отрицательнаго глаг. («неумѣть сдѣлать *чего*»), при глаголахъ же *жалеть* и пр. этого нѣтъ: «жаль *денегъ*», но: «жаль тратить *деньги*».

327-8

2. Второй род. ставится въ славянскихъ языкахъ послѣ всѣхъ отрицательныхъ глаголовъ, которые безъ отрицанія принимаютъ послѣ себя второй винительный, а также и послѣ нѣкоторыхъ другихъ съ отрицаніемъ; напр. «Уже не глаголю васъ *рабъ*» (2-й род. вм. позднѣш. *рабами*) Остр. Ев.—«Не заста отца *живого*» Плат.—«Не жаль матери *стары суща*» (2-й составн. род.) Лавр.

Второй род. при отрицательныхъ глаголахъ.

329

3) *Родительн. самостоятельный.*—Род. пад. времени, неясный по происхожденію, б. м., означаетъ *мысленное движеніе* отъ начала извѣстнаго періода *времени*, напр. *сею дня*. Къ такому род. въ стар.-русскихъ памятникахъ могъ присоединяться второй род. причастія, но только отъ глаголь, *лексически* означающихъ время, и такъ обр. получался оборотъ на подобіе лат. *abl. abs.*, означающаго время. Напр. «Того же дѣта *исходячи* приходи Романъ ко Вручеву» Лавр.—«И съде Романъ въ Киевѣ мѣсяца июля *наставши*» Ппат.

Съ дѣеприч. вм. 2-го род. причастія: «того же дѣта *исходячи* разбо-дѣся князь Мстиславъ» Ппат.

Второй дательный.*)

330

Когда къ дательному падежу имени присоединяется причастіе, то оно можетъ б. и атрибутивнымъ, и предикативнымъ. Различать это можно лишь по контексту. Напр. въ выраженіи: «всѣ мнѣ чужи были на чужбину *пошедшей*» причастіе «пошедшей» можетъ быть и атрибутивнымъ, и предикативнымъ. Но когда поставимъ дательный имени «мнѣ» какъ при глаголь, такъ и при причастіи, тогда явственно расчленимъ это выраженіе на предложенія главное и придаточ.; «всѣ мнѣ чужи были, мнѣ на чужбину пошедшей», т. е., «когда я пошла на чужбину, всѣ мнѣ чужи были». Значить, пока дательный имени одинаково тяготеетъ какъ къ глаголу, такъ и причастію, предикативность причастія явственно не выражается; когда же причастіе имѣетъ свой отдѣльный дат. п. имени, тогда предикативность его обозначается явственно. Такой предикативный дательный причастія съ *отдѣльнымъ* дательнымъ имени называется *дат. самостоятельнымъ*. Когда же за такими придат. предлож. «укрѣпляется значеніе обстоятельства», тогда дат. самостоятельные становятся возможными и тамъ, гдѣ главное сказуемое *не допускаетъ* дополненія въ дат. падежѣ. Это второй шагъ въ развитіи дат. самостоятельнаго въ смыслѣ удаленія его отъ главнаго сказуемаго.

Дат. самост.,
какъ дательный
предикативный.

обозначается явственно. Такой предикативный дательный причастія съ *отдѣльнымъ* дательнымъ имени называется *дат. самостоятельнымъ*. Когда же за такими придат. предлож.

«укрѣпляется значеніе обстоятельства», тогда дат. самостоятельные становятся возможными и тамъ, гдѣ главное сказуемое *не допускаетъ* дополненія въ дат. падежѣ. Это второй шагъ въ развитіи дат. самостоятельнаго въ смыслѣ удаленія его отъ главнаго сказуемаго.

331

Но *рядомъ* съ предикатив. дательнымъ причастіемъ уже въ древнихъ русскихъ памятникахъ стоятъ и дѣепричастія, замѣняющія *дат. пад. причастія***).

*) Сюда не входятъ сочетанія дательнаго съ *неопредѣленнымъ* наклоненіемъ, о чемъ см. далѣе II, 391 и слѣд.—И. Б.

***) Такъ обр., по мнѣнію Потєбни, причастія въ дат. самост., съ одной стороны, *предикативны* и потому причисляются ко *вторымъ* косвеннымъ падежамъ, а съ другой—*переходятъ* они въ *дѣепричастія*. Между тѣмъ выше (II, 159—160) Потєбня доказалъ, что предикативное причастіе можетъ обращаться въ дѣепричастіе только въ составномъ сказ. со связкою *и* и что замѣна причастія дѣепричастіемъ служитъ признакомъ не предикативности, а *аппозитивности* этихъ причастій (II, 182). Такое разнорѣчіе во взглядѣ Потєбни на случаи перехода

А) Итакъ, на первой ступени должны б. поставлены еще не вполне развитые дат. сам., когда при главномъ сказ., будетъ ли оно личное или безличное, *стоитъ или подразумивается дат. пад. тою же имени*, что и первый падежъ въ дательномъ самостоятельномъ: «да оуже едно отъ двоего прѣдложимъ вамъ: или, *жъръжемъ* (вамъ) богомъ, ... чьстѣмъ и даромъ достойномъ быти (вамъ), или *непокорившемся* отъати (вамъ) поясы»... Supr. 53.—Въ томъ же памятникѣ въ другомъ мѣстѣ (Supr. 51) стоитъ и дѣепричастный оборотъ: «едно отъ двою прѣдлежитъ вамъ: или *жъръже* богомъ въ саны и чьсти достоинъ быти, или *непокорившемся* отъати»...—«Мнѣ ли геть, *пришгдъше* къ семоу попоу, ти (=и) исповѣдати грѣхы свои» Supr.—«Нелѣпо есть намъ, братіе, *инокомъ сущимъ и отъръшимся* мирскихъ, събрание пакы творити»... Поуч. Θεод. Печ.—«Тобѣ съ нами *увдавшеся* то же (=потомъ) ѣхати (тобѣ) въ Пальсковъ» Новг. I.

Дат. самост. при
одинаковомъ
дат. имени какъ
въ глав., такъ и
прид. пред.

332

Въ приведенныхъ примѣрахъ причастія, потерявшія согласованіе съ дат. падежомъ главнаго сказуемаго, но еще не лишеныя близкой связи съ нимъ, представляютъ собою *среднюю* форму между причастіемъ и дѣепричастіемъ. Когда же связь эта съ первымъ дат. падежомъ, *общимъ* для глагола и причастія, разрушается, тогда этотъ *бывшій* первый дат. падежъ причастія начинаетъ тяготѣть къ *одному* только глав. сказуемому и дѣлается *его* дополненіемъ, а причастіе, сдѣлавшись вполне дѣепричастіемъ, относится къ главному сказуемому уже непосредственно и *только черезъ главный глаголъ* связывается съ его дополненіемъ въ дат. падежѣ. Напр. (сласть) «*сладка ти* есть *въкоушалъише*, нъ горька по *въкоуѣ*» Supr. Если же при глав. сказуемомъ дополненія въ дательномъ пад. вовсе не бываетъ налицо, тогда и первый дат. падежъ дѣепричастія становится *неопредѣленнымъ* (=«всякому»), «чего при существованіи *причастія* не могло случиться». Напр. «а в-ыны дни *цѣловавше* крестъ ясти все», т. е., *всякому, кто* поцѣдуетъ кр., ѣсть все. (Впрош. Бюр.)—«Дитя *крестяше*, дати причастье» (т. е., *всякому, кто* крестить дитя, слѣдуетъ дать (крещенному причастье); но „въ *крестяю* (безъ 1-го дат. пад.)... достопть...» хотя при причастіи

333

334

причастій въ дѣепричастія не можетъ быть объяснено ничѣмъ инымъ, какъ только ошибочнымъ стремленіемъ его причислять причастія дательнаго самостоятельнаго къ *предикативнымъ* вторымъ падежамъ, что однако невозможно: одно уже *обстоятельствоное* значеніе дательныхъ самостоятельныхъ заставляетъ считать причастія въ этихъ оборотахъ рѣчи *апозитивными*, а не предикативными. Поэтому ученіе о дат. самост. должно бы быть отнесено въ грамматической системѣ Потебни не ко вторымъ (предикативнымъ) падежамъ, а къ *апозитивнымъ причастіямъ*, и можетъ быть поставлено вслѣдъ за именительными самостоятельными (II, 194 и дал.). Къ апозитивнымъ же причастіямъ слѣдуетъ относить и род. самост. (II, 329). **И. Б.**

и нѣтъ налицо относительнаго подлежащаго (т. е. 1-го дат. пад.), но есть опредѣленное указаніе на этотъ надежь^{46*}).

Такія дѣепр. безъ опредѣленнаго перваго дательнаго донынѣ остаются въ рус. яз: „позволено было *сидя* дремать“ Пушк.—, *невши* тощо, а *повши* тошно“. Всѣ эти дѣепр. должно считать образованными не изъ именительныхъ самостоятельныхъ, а изъ дательныхъ: „невши тощо, а повши тошно“ (т. е. всякому).

То же явленіе наблюдается въ мрус. и другихъ слав. нарѣчіяхъ.

335 Б. Встрѣчаются иногда и такіе примѣры (въ мрус.), что при дѣепричастіи ставится *дат.* пад. существительнаго, если при глав. сказуемомъ стоитъ также допол. въ дат. п: „як-же-таки *Галочці*, будучи *хозяйщи* (=тв. вр.), та не турбоватись“ (заботиться, хлопотать). Квитка.

Дат. самост. въ совершенной независимости отъ дательнаго при глав.сказуемомъ

336 В. Когда, наконецъ, глав. сказуемое *вовсе не допускаетъ* дополненія въ дат. п. или же допускаетъ только по *вещественности* своей и притомъ другое, чѣмъ дательный при причастіи, тогда дательный самост. не сохраняетъ уже и слѣда зависимости по отношенію къ дательному въ глав. предложеніи; напр. „*епископу* слезы *проливаючю*... онъ же невоехотѣ“ Ипат.—, „*Сьдячю* же *Глбови* Юрьевичю въ *Кыевѣ*... приде множество *Половць*“ Ипат.—При этомъ,

или а) 2-й дат. причастія правильно согласуется со своимъ (первымъ) дательнымъ имени, какъ можно видѣть изъ предыдущихъ и другихъ многочисленныхъ примѣровъ,

б) или при первомъ дат. стоятъ несогласуемыя отричастныя формы: „*идуци* ми сѣмо, видѣхъ бани *древены*“ Лавр.—, „*Свитаюци* же дни... сторожеве *рекоша*“ Ипат.—, „*Идуще* же ему с Чюди, и вииде въ *Пльсковѣ*“ Ипат.—, „Добрымъ мужемъ главами своими *пжывающе* на св. Софию, мигосердый Господь посла“... Новг. I.—Оба эти вида дат. самостоятельнаго особенно любимы волынскимъ лѣтописцемъ (Ипат.), у котораго часто при стеченіи множества дательныхъ самостоятельныхъ забывается даже глав. предлож. **), „Такія излишества (въ употребленіи дательныхъ самостоятельныхъ)

*) Однако едва ли можно согласиться съ тѣмъ комментариемъ, который предлагаетъ Потехня при передачѣ этихъ дѣепричастій на современный языкъ, и если ужъ причастія въ этихъ оборотахъ аппозитивны (но не предикативны, какъ называетъ ихъ Потехня), то тѣмъ болѣе аппозитивны дѣепричастія; поэтому и передавать ихъ на современный яз. слѣдуетъ не посредствомъ атрибутивныхъ придаточ. предложеній (всякому, кто поцѣлуеть..., всякому, кто креститъ...); но посредствомъ временныхъ или условныхъ союзовъ (когда (если) кто поцѣлуеть крестъ... когда (если) кто креститъ... И. Б.

**) Т. обр., Потехня не признаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ нѣкоторые дат. самостоятельные сами замѣняютъ глав. предложенія. И. Б.

служать, конечно, признакомъ искусственности языка *писателя*, но не доказываютъ искусственности *самого построения*⁴⁴, гов. Потебня.*)

в) Наконецъ, въ дательныхъ самостоятельныхъ перваго дательнаго все итъ на лицо, а вм. второго стоитъ дѣепричастіе, при чемъ не нужно смѣшивать эти обороты изъ дательныхъ самостоятельныхъ съ именительными самостоят. (срав. выше II, 194), нот. ч. къ послѣднимъ лучше относить тѣ, въ которыхъ при дѣеприч. бываетъ им. пад. налицо а не такіе, какъ напр. «зажъжеса пожаръ... въ говѣніе, *идуше* въ заутреннюю» (= *идучемъ* людѣмъ; слѣд., здѣсь дѣеприч. замѣняетъ собою дат., а не им. самоств.). Новг. I. — «А отъ мѣста св. Георгія, *пидуци* въ горы (вм. дат. с.), до Іерусалима 20 верстъ» Дан. Полом.—

338

Въ позднѣйшемъ языкѣ дат. самостоятельный первыхъ двухъ видовъ, т. е. съ *первымъ* дательнымъ, передается почти всегда полнымъ *временнымъ*^{**}) обст. предложениемъ, причѣмъ первый дат. обращается въ подлежащ.: «*когда* я шелъ сюда, то увидалъ»... Что же касается послѣдняго вида, т. е. безъ перваго дательнаго, то и нынѣ встрѣчается онъ въ народ. словесности: «бобы не грибы, *не посявѣ*» (т. е. непосѣявшю или «непосѣявшемъ людѣмъ») не взойдутъ».

Замѣны дат. сам.
въ позднѣйш. яз.

339-340

Когда дат. лица «мнѣ» въ глав. предл. можетъ замѣняться выраженіемъ «у меня», то въ народ. словесн. можетъ стоять въ придат. предл. также дѣепричастіе, если оно относится къ тому же лицу, что и въ глав.: «какъ ретивое сердечушко позаныло *у меня*..., *живуци* безъ своей матушки».^{***)} Послѣдній видъ замѣны дат. самостоятельнаго дѣепричастіемъ сохранился въ мѣрус. и серб. языкахъ.

[Итакъ, въ основу объясненія дат. самостоятельнаго дательнаго быть положень *первый* дат. при причастіи, которое Потебня называетъ предикативнымъ.

Общій выводъ о
дат. сам.

Сначала первый дат. въ дат. самостоятельномъ былъ тождественъ съ дат. главнаго предложенія или вѣрнѣе—повтореніемъ сего послѣдняго, а причастіе при первомъ дат. носило обоюдный характеръ: и атрибутивный, и предикативный, судя по контексту. Затѣмъ, причастіе стало тяготѣть больше къ

*) Если такъ, то, значить, Потебня, въ противоположность Срезневскому, признаетъ дат. сам. вполне свойственнымъ духу рус. яз. (ср. выше „Зап.“ стр. 195). Поэтому и сожалѣніе Ломоносова о потерѣ дат. сам. имѣетъ свое основаніе (Лом. Гр. § 533, изд. 1847 г.). **И. Б.**

) Не только временнымъ, во причиннымъ, условнымъ и уступительнымъ: „не мози, чадо, неяденіемъ плоть свою изнуряти. *юну ти сущу*“; „изыди противу варваръ и, *Богу помогающу* ти, побѣдиши“; „*прѣбывающу* жс'ему въ таковоѣ любочестіи у царя, и отъ всѣхъ сихъ не вознесеса селне его“. — **И. Б.

***) Дѣеприч. въ народ. пѣсняхъ ставится и тогда, когда оно относится не только къ дат., но и къ *род.* п. имени главнаго предлож.: „*невиздрѣвши* *рябины* нельзя заломать“ (Шейнъ). Значить, дѣеприч. въ нов. яз. ставится, когда оно относится къ *им.*, *родит.* и *дат.* пад. главнаго предлож., въ старинномъ же яз. дѣеприч. ставилось и вм. второго *вин.* причастія (II, 315—8). **И. Б.**

глаголю глав. предложенія, чѣмъ къ дательному надежу *имени* при глав. глаголь, и вслѣд. этого съ одной стор. получался перевѣсъ предикативности надъ атрибутивностью, а съ другой—дат. надежь при глав. глаголь сталъ игнорироваться, такъ что явилась возможность употреблять первый дат. при причастіи, несмотря на *отсутствие дательнаго при глав. сказуемомъ*. Т. обр. и явился при причастіи *первый* дательный самостоятельнымъ или независимымъ отъ дательнаго при главномъ сказуемомъ*).

Въ свою очередь, и съ предикативнымъ (вторымъ) дательнымъ уже въ древ. памятникахъ происходитъ измѣненіе: онъ вслѣдствіе потери атрибутивности, требующей согласованія съ *первымъ* дательнымъ, постепенно утрачиваетъ надежныя, родовыя и числовыя формы и превращается въ дѣепричастія. Такимъ образомъ, въ позднѣйшемъ яз. является *новый* видъ дательнаго самостоятельнаго: *дат. съ дѣепр.*, а наконецъ—уже *одно* дѣепр., какъ остатокъ въ новомъ яз. отъ древняго дат. самостоятельнаго]²²).

341

Взглядъ Микл.
на дат. сам.

Такое объясненіе наиболѣе вѣроятно, и передъ нимъ падаютъ два объясненія Миклошича: первое, будто-бы «дат. имени съ причастіемъ въ именной формѣ означаетъ *первоначально* отношеніе времени дѣйствія, выраженнаго причастіемъ, къ дѣйствію, выраженному посред. *verbum finitum*» (Гр. IV, 615), и другое, что «объясненія дательному самостоятельному слѣдуетъ искать въ употребленіи, впроч. рѣдко, *дательнаго въ значеніи времени*»; но, какъ справедливо замѣчаетъ Потебня, время причастія будетъ находиться въ такомъ же отношеніи ко времени главнаго сказуемаго и тогда, когда причастіе стоитъ *не* въ дат. надежь, что же касается второго объясненія, то простой дательный, безъ причастія, въ значеніи времени не употребляется.

Неопред. наклоніе ***).

342

1) Приведа опредѣленіе неопредѣленнаго накл. по Іоанну экз. Болгарскому, который смотритъ на инфинитивъ какъ на *имя* и *глаголь*, только не имѣющій предикативной силы наклоненія, и указавъ невѣрность взглядовъ Буслаева (Гр. § 195) и Н. Некрасова (О значеніи формъ р. гл. стр. 17), которые вмѣстѣ съ Боппомъ смотрятъ на неопр. накл., какъ на *отглагольное имя* (течь, печь, честь у Некрас.),—

343—4

Опредѣленіе инфинитива.

2) Потебня останавливается на «рѣшительно и прочно господствующемъ мнѣніи, что инфинитивъ *только былъ нѣ-*

*) Срав. далѣе II, 394. *И. Б.*

**) Приведеннаго общаго вывода о дат. самостоятельномъ у Потебни нѣтъ, но для большей отчетливости мы позволили сдѣлать его отъ себя. *И. Б.*

***) Внутренняя связь этого отдѣла со вторыми предикативными падежами вытекаетъ изъ взгляда Потебни на неопред. наклоніе: въ *синтактическомъ* отношеніи онъ смотритъ на неопред. н., какъ на часть составнаго *сказуемаго*. *И. Б.*

когда именемъ (задолго до начала славян. письменности), но не остался имъ», что онъ есть *имя въ этимологическомъ отношеніи* и родъ глагола въ синтаксическомъ». 345

А) Лишившись падежности, неопр. накл. потеряло и другія свойства имени: родъ и число. Поэтому *синтаксическое* сопоставленіе имени существительнаго, особенно на *nie* и *tie*, и неопредѣленнаго наклоненія взаимнъ того или другаго падежа въ древ. рус. и соврем. языкѣ Потебня считаетъ стилистической ошибкой; напр. «и тѣ бы священники... оучили своихъ учениковъ *страху* Божию, и *грамоть*, и *писати*, и *пѣти*, и *чести*» Стогл.*); рав. обр., принимать при себѣ предлоги и членъ, подобно греч., нѣмец. и романскимъ яз., неопредѣленное накл. въ рус. яз. не можетъ. 346

Б) Потерьъ *числа* неопред. наклоненіемъ не противорѣчатъ уменьшительныя окончанія неопредѣленнаго накл. (млр. «спа-т-оньки», влрус. «пора спатеньки»), пот. ч. формы эти съ оконч. имен. п. множ. ч. *непервообразны* и во всемъ прочемъ имѣють *функции глагола*, а не именныя. 347

В) Отсутствію въ неопр. накл. *рода* не противорѣчитъ постановка прилагательнаго въ сред. родѣ при неопр. накл.; напр. «въ бою *не уступить* великой честью *озарило-бъ* мои молодые годы» (Булс. Гр. § 195): здѣсь сред. р. согласуется съ неизвѣстнымъ подлежащимъ (безлично: ср. III, 403), а самому неопр. наклоненію сред. р. чуждъ. 348

Г) Не имѣя родовъ и чиселъ, какъ средствъ къ согласованію, неопред. накл. не м. б. и атрибутомъ къ существительному, а за отсутствіемъ падежности оно не м. б. и подлежащимъ или дополненіемъ; неопр. наклоненіе «можетъ принадлежать лишь къ глаголу въ обширномъ смыслѣ». Отъ личнаго глагола неопр. наклоненіе отличается тѣмъ, что у. *finite* самъ обозначаетъ свое лицо, въ неопред. же наклоненіи лицо опредѣляется или а) при помощи личнаго глагола: я хочу ѣсть (=чб я ѣлъ), ты хочешь ѣсть (=чб ты ѣлъ) и т. д., или б) опредѣляется *косвеннымъ* падежомъ того же предложенія: прошу *васъ* притти (=чб вы пришли), прошу *его* притти (=чб онъ пришелъ) и т. д., или в), наконецъ, субстанція лица вовсе не опредѣляется, если при личномъ глаголѣ нѣтъ дополненія: отдай (неизвѣстно кому) спрятать эту вещь. 349

Когда лица личнаго глагола и неопредѣленнаго накл. совпадаютъ («хочу ѣсть»=я хочу, чтобы я ѣлъ), то неопр. накл. наз. *субъективнымъ*, когда же субстанція лицъ бываютъ *субъективное и объективное неопр. накл.*

*) Однако, такія сопоставленія были и есть; слѣд., приходится считаться съ ними, какъ съ фактомъ. И. Б.

различны (прошу *васъ* притти=я прошу, чѣ *вы* пришли) или когда главное предложеніе безлично, то неопред. накл. наз. **объективнымъ**.

Неопр. накл. не
есть существ.
отглагольное.

Д) Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ «неопр. накл. вносить въ языкъ *особое составное**) *сказуемое*, состоящее... изъ двухъ видоизмѣненной глагола», и не можетъ быть дополненіемъ къ

личному глаголу, пот. что неопред. наклоненіе не имѣетъ уже косвенныхъ надеждъ и не есть субстанція: «я хочу ѣсть» не равно «я хочу *пды*»; равн. обр. неопр. накл. не м. б. и подлежащимъ, а только *выдвигается иногда на мѣсто подлежащаго* при безличномъ выраженіи, напр. «унѣиѣ *тесть умръти*», но это выраженіе не равносильно «унѣиши *тесть смърть*», пот. ч. «умръти» имѣетъ глагольное, а не именное значеніе. Что же касается грамматическихъ уравниваній, какъ «просилъ *пустить*» и «просилъ *чтобы* пустили», то они также не должны считаться тавтологіями въ строгомъ смыслѣ: «неопред. наклоненіе точно предполагаетъ предложеніе съ личнымъ глаголомъ, но *не придаточное*, снабженное союзами, вносящее въ рѣчь большую сложность и опредѣленность, чѣмъ неопр. накл., а предложеніе *независимое*»**).

Е) Неопред. накл. не можетъ быть названо существительнымъ еще потому, что и опредѣляется оно *нарѣчіемъ*, а не прилагательнымъ.

Ж) Неопр. накл., подобно нѣкоторымъ причастіямъ, можетъ сливаться съ глаголомъ въ одну грамматическую форму (буду читать), а *отглагольное существительное* не можетъ.

З) Въ греч. и лат. неопред. н. имѣетъ *время* и *залогъ*, въ славянскомъ можетъ имѣть *видовые* отбѣнки, между т. отглагольные сущ. на *нѣ* и *тѣ* не отъ всякаго вида глагола могутъ быть удобно образованы; напр. отъ начинательныхъ и однократныхъ глаголовъ: сохнутіе, толкнутіе не удобны; «разлитіе» м. значить, что рѣки *разливались* и *разлились*: «для предупрежденія *разлитія* рѣкъ» = чтобы рѣки не *разливались* и не *разлились*.

И) Въ славян. языкахъ неопред. накл., какъ и прич., можетъ принимать прямой объектъ (вин. п.), послѣ же существительныхъ этого не бываетъ: создать (создавшій) *что*, но создатель, созданіе *чего*. Исключенія крайне рѣдки (напр. «по пригати ми отъ Бога великій *даръ*» (Супр.) и представляютъ остатокъ той древнѣйшей эпохи, когда граница между причастіемъ и отглаг. существительнымъ не была еще рѣзко проведена.

*) Конечно, не само по себѣ неопред. накл. есть *составное* сказуемое, а *вмѣстѣ съ личнымъ глаголомъ*; въ отдѣльности же неопред. накл. Потевня называетъ сказуемымъ *второстепеннымъ* (Ср. далѣ III, 474). **И. Б.**

) Трудно понять, въ какомъ смыслѣ „независимое“, особенно если сопоставить этотъ взглядъ съ тѣмъ, что говорится на стр. 349: „неопред. накл. есть такой родъ отглаголенія имени, котораго особое назначеніе есть *служить второстепеннымъ, зависимымъ* сказуемымъ“. **И. Б.

Г) Наконецъ, и самъ Бусл. (Гр. § 195—197) дѣлаетъ уступку высказанному имъ прежде взгляду на неопред. накл., какъ на отглагольное существительное: инфинитивъ имѣть де способность обозначать наклоненіе (возможность, необходимость), существительное же этой способности не имѣть.

354

З) Продолжая дальнѣйшую характеристику неопредѣленного накл., Бусл. говоритъ, что оно содѣйствуетъ большей отвлеченности мысли (Гр. § 195, пр. 5).

А) Но въ какомъ отношеніи содѣйствуетъ большей отвлеченности: по сравненію ли съ личн. глаголомъ, или только съ причастными формами? Что касается сравненія съ личными

Степень существительности неопред. наклоненія.

355

формами, то, конечно, неопр. накл., если признавать его за имя дѣйствія съ мнимою субстанціей, болѣе отвлеченно, чѣмъ личный гл., при которомъ бываетъ дѣйствительный производитель; но замѣна неопредѣленнымъ накл. частныхъ формъ сама по себѣ вовсе не представляется шагомъ къ отвлеченности. Правда, при этомъ появляются въ романскихъ, напр., и германскихъ языкахъ несомнѣнные признаки превращенія неопредѣленного накл. въ отвлеченное существительное, каковы члены и предлоги, которые бывають *только при именахъ*, но другая категорія неопредѣленныхъ наклоненій *безъ члена и предлога* по прежнему остается *глагольною*. Въ слав. языкѣ незамѣтно даже и такихъ признаковъ субстантивированія неопредѣленнаго накл. Подтвержденіемъ того, что слав. неопр. накл. больше тяготеетъ къ глаголу, чѣмъ къ имени, служитъ то, что греч. *субстантивированныя* неопред. наклоненія *съ членомъ* передавались въ лучшихъ образцахъ древ.-слав. яз. не неопред. наклоненіемъ, а существительнымъ на *иисѣ* и *тисѣ*, чего не было бы, если бы славянское неопр. накл., какъ и греческое, могло субстантивироваться; напр. τὸ ἔχειν = имѣніе, τὸ γράφειν = писаніе, πρὸς τὸ λαβεῖν = на взятіи, τοῦ πράττειν = дѣянція (XIII слов. Григ. Бог.).

356

А что касается оборотовъ «*еже*» и «*во еже*» съ неопр. накл. вм. греческихъ τὸ и εἰς τὸ съ неопр., то слав. *еже* могло равняться не τὸ, греческому члену, какъ признаку субстантивированія неопредѣленнаго накл., а русскому союзу «что»: «*а еже състи*» (τὸ δὲ καθ΄ ἵστα) равно выраженію «*а что до того, чбы състь*»; «*а еже на доухъ хоула*» (ἵ δὲ τοῦ πνεύματος βλασφημία) = «*а что до хулы на Духа*».

Вытѣсненіе неопредѣленнымъ причастіемъ на *ту* и *тъ*.

Б) Неопр. накл. вытѣсняетъ двѣ причастныя формы α) на *ту* и β) на *тъ* (достиг. накл.), что также должно служить подтвержденіемъ стремленія неопредѣленного накл. къ *глагольности*.

α) Форма на *ту* могла быть первоначально дат. п. причастія: «да не мнеть ново что *быту*» (XIII сл. Гр. Богосл.).

β) Достигат. форма на *тъ* и *тъ*, происходящая отъ винит. п. (ср. лат. sup. на *tum*), встрѣчается въ рус. яз. до XIV в. включительно и ставилась

357

не только послѣ глаголовъ движенія въ пространствѣ, но и послѣ *пояти, звати, пристраивати ся, просити, хотѣти* (съ *веществ.*, а не форм. знач.). Падежъ послѣ дост. накл. ставится не вин., а род. что указываетъ конечно еще на *существительность* достг. накл.: «придоша видѣть *гроба*» (Кир. Тур.). Точно также и форма *ти*, съ давнихъ поръ ставившаяся на мѣстѣ *тъ*, сохраняла послѣ себя *род.* падежъ: «пошлетъ своихъ писцовъ *Москвы* писати и московскихъ *становъ*» (Собр. Г. Гр.). И только въ новыхъ русскихъ нарѣчійхъ исчезаетъ различіе между достг. и собственно неопред. наклоніемъ, за исключеніемъ мѣрускаго, гдѣ сохранилось еще множество примѣровъ *род.* падежа послѣ неопредѣленнаго накл.: «якъ послала мене мати в степ *пшеницъ* жати». Но если бы даже съ увѣренностью можно было сказать, что родительный при достигательномъ ставился потому же, почему и при отглагольномъ существительномъ, то позднѣйшая замѣна достигательнаго неопредѣленнымъ *уже съ вин. п.* служила бы новымъ подтвержденіемъ стремленія неопред. наклонія къ глагольности въ смыслѣ второстепеннаго сказуемаго.—Кромѣ вытѣсненія причастныхъ формъ на *ту* и *тъ* неопред. накл. еще замѣнилось въ немногихъ случаяхъ болѣе древнія причастія, о чемъ сказано будетъ ниже*); въ серб. же и болгарскомъ языкахъ само неопред. накл. замѣнилось *личнымъ* глаголомъ, что еще больше говоритъ о глагольности неопред. наклонія.

В) Ограниченіе употребленія неопред. наклонія въ серб. и болгар. языкахъ.

а) Въ серб. яз. *чрезвычайно часта* замѣна неопред. наклонія личнымъ гл. съ частицею *да* въ случаяхъ, подобныхъ ст. слав.: «неприде *да послужитъ* тебу, но *да послужитъ*». (Остр. Ев.) вм. «приде послужитъ». Такою замѣною сербскій яз. пользуется для различенія вещественнаго значенія нѣкоторыхъ глаголовъ отъ формальнаго. Такъ, если надо указать на знаменательность, а не вспомогательность личного глагола *хочу*, при которомъ стоитъ неопред. накл., то въ серб. обязательно ставится «*да*» съ изъявит.: «хочу *да пишемъ*» (желаю писать); когда же „*хочу*“ бываетъ глаголомъ формальнымъ, тогда и по-серб.: „*хочу писати*“.

б) Въ нов. болг. вовсе потеряно окончаніе *ти*, и вм. неопредѣленнаго накл. остается *чистая глагольная* тема: „насилемъ можеше ми *зе* (=вѣзѣ), но не можеше ми *да*“ (=дать).

Разсмотрѣніе случаевъ употребленія неопредѣл. наклонія въ рус. языкъ.—Въ рус. языкѣ разсмотрѣніе случаевъ употреб-

*) Ср. II, 382, 387). И. Б.

ленія неопредѣленного накл. можно подраздѣлить на неопред. накл. *субъективное* и *объективное* (срав. II, 349).

Непред. накл. субъективное,

т. е., неопредѣленное при одномъ и томъ же подлежащемъ съ личнымъ глаголомъ, ставилось

при глаголахъ, близкихъ къ формальности или формальнымъ.—Въ слав. яз. одни изъ этихъ глаголовъ, входя въ составное сказ., сочетались и съ причастіемъ, и съ неопред. накл., другіе же только съ неопредѣленнымъ. Къ послѣднимъ относятся

4) *имаамъ* и *имѣ съ неопредѣленнымъ*. Глаголы эти съ значеніемъ *имѣть* и *брать* въ сочетаніи съ неопред. накл. бываютъ то вещественны, то формальны и даютъ смыслъ буд. времени.

а) *Имаамъ* = $\mu\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omega$: „прити имать сынъ чловѣчскый“ *Имаамъ* съ формал. знач. для выраж. буд. вр. ($\mu\acute{\epsilon}\lambda\lambda\epsilon\iota$ $\xi\rho\chi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$).

б) *Имаамъ* съ чисто формальнымъ значеніемъ и выражаетъ будущее время, которое слѣдуетъ за другимъ будущимъ: „продаждъ—и *имѣти имааша*“, т. е., *посль тою* какъ продашь... *будеши имѣть*.—„аще сего не сътворимъ, *погубити ны имать* Святославъ“ Лавр. Здѣсь неопр. наклоненіе получило перевѣсъ надъ *имаать*, оттого и наст. вр. уже не чувствуется.

в) Кромѣ того, *имамъ* съ неопр. накл. *иногда* имѣеть модальный оттънокъ *необходимости, увѣренности*: „сребромъ и златомъ *не имамъ нальзти* (не въ состояніи я пайти, навѣрное не пойду) дружины, а дружиною *нальзу* (найду) сребро и злато“ Лавр.

г) Гл. *имамъ* при неопред. накл. сохраняетъ еще иногда значеніе и наст. вр. съ оттънкомъ *вѣроятности*: „взяша и, мертвѣ мняще, ... и узрѣша, яко живъ есть, и рече Θεодосій, яко се *имать быти* отъ бѣсовскаго дѣйства“ Лавр., т. е., что это, *вѣроятно, д. б., происходитъ* (а не произойдетъ) отъ бѣсов. *навожденія*.

д) Въ южно-рус. и зап.-рус. „*маю*“ съ неопр., болѣе чѣмъ *имаамъ*, даетъ чувствовать свое наст. вр. съ оттънкомъ *долженствованія или возможности*: „а какъ Петръ... *имаетъ* намъ *служити* двѣма ковыи“.—„Жидъ *маеть присягнути*, яко не вѣдѣлъ“.—„Купцы... *маютъ* (=могутъ) огонь у своихъ домѣхъ *держати*“...

е) *Иму* въ др.-рус. яз. въ сочетаніи съ неопред. накл. вида *несоверш.* образуетъ будущее *начинательное*: „си *имуть имати* (=начнутъ брать) дань на насъ“ Лавр. Съ этимъ именно значеніемъ въ нынѣшнихъ влрус. областныхъ и млр. говорахъ употребл. выраженія: „*иму дѣлать, имѣмъ ѣсть, нему* (не стану) *пахать*“.

362

363

364

365

366

5) *Хощѣ* и *хочу* (=θέλω) съ *неопр.* имѣеть еще вещественное знач. и потому не образуетъ грамматической формы буд. времени, а заключаетъ лишь отбѣнокъ этого времени, при чемъ употребляется

а) для выраженія *въроятности* (можетъ быть, должно быть): „лють се мужъ *хоче быти* (=д. б., стало б., онъ лють, когда...) яко имѣнья не брежеть“ Лавр.

б) Для выраж. *дебитивнаго* отбѣнка: „како азъ *хочу* инъ законъ *пріяти* единъ (=какъ мнѣ *принять*, т. е. *нельзя*, не могу *принять*), а дружина сему смѣятся начнуть“ Лавр.—„А ты овчая купѣли жадаеша, помалѣ *пресохнути хотяща*“ (=долженствующей...) Кир. Тур.—Съ такимъ же дебитивнымъ отбѣнкомъ употребляются серб. ћу и болг. штъ съ *неопр. накл.*

в) Для выраженія *сомнительности*: „пожалуй“, „чего добраго“, какъ переходъ уже къ *буд. вр.*: „како я *хочу* молвити (дебитив.)? а на мя *хотять* молвити (=пожалуй, станутъ *говорить*) твоя дружина и моя, рекуще: *хочеть* погубити (=чего добраго погубить) смерды“ Ипат.

г) Для выраженія *будущаго наступающаго*, пмѣющаго быть „неубоснительно“: „се уже *хочемъ* помрети отъ глада, а отъ князя помочи нѣту“ Лавр.*)

д) Для выраженія *будущаго* же времени употребляются и сочетанія *неопредѣленнаго накл.* съ формами *хотѣаше, хотя, хотѣти*: „хотѣаше оумрѣти“ (ἤμελλεν ἀποθνήσκειν) Остр. Е.—„Погибель *хотѣаше быти* сему“ Лавр.—Самъ бо вѣдѣаше, что *хотѣ* сѣтворити (τί ἔμελλε ποιῆναι) Остр. Е.—„егда начынетъ *хотѣти свѣнути*“ (=свѣтать) Златоостр.—Въ обоихъ послѣднихъ сочетаніяхъ (г, д) видѣнь переходъ глагола *хочу* отъ вещественнаго значенія θέλω къ болѣе формальному μέλλω (=имаамъ: ср. выше II, 363), но *двойственность* моментовъ мысли все-таки замѣтна: грамматическія формы глагола *хочу* указываютъ на *настоящее* (хочу) или *прошедшее* (хотѣашъ) время, а вещественное значеніе тяготеетъ къ *будущему*. Поэтому можно сказать, что сочетанія эти выражаютъ *будущее* по отношенію къ *настоящему* (хочеть быти) или къ *прошедшему* (хотѣаше быти), какъ „будеть былъ“ обозначаетъ *прошедшее* по отношенію къ *будущему*. (Срав. выше II, 291).

6) *Начну, стану* съ *неопр. наклоненіемъ* Бусл. признаеть *описательною формою* начинательнаго буд. вр. вида соверш. (Гр. § 158), но Потебня отрицаетъ и совершенность вида, и описательность формы:

*) Въ *единственномъ* выраженіи древ.-рус.: „не дождочу“ (Ипат. 457) Потебня хотѣлъ бы видѣть полное формальное и звуковое слияніе „хочу“ съ *неопр. накл.* (=„не дождати *хочу*“, подобно сербскому: «знаћу»=знати хоћу).—Ср. II, 360.

а) совершеннымъ видомъ сочетаніе это не можетъ быть уже потому, что соверш. видъ глагола *начну* не переходитъ на неопр. н: „начну *юзорить*“;

371

б) сочетаніе гл. *начну* съ неопред. накл. въ современномъ яз. не можетъ быть и описат. формою, пот. что *начну* (почну, учну, зачну) теперь имѣютъ свое веществ. значеніе, а потому и при переводѣ на иностран. яз. передаются, какъ самост. глаголы; въ старо-слав. же и др.-рус. яз. „начну“ съ неопр. могло замѣнять *буд. вр.*, какъ *одна* описат. ф: „неради—ти начынетъ“ = *χαταφροσύνη*. По *начинательности* и *несовершенности* вида это сочетаніе близко къ др.-рус: „*иму* творити“ и противопоставляется другому *будущему совершенно* вида: „се работающей мнѣ *пити* начынутъ, вы же *вѣжжасетесь*“.

372

в) Глаг. *стану*, по мнѣнію Потебни, въ древ.-рус. яз. едва ли составлялъ одну описат. форму какъ въ буд., такъ и прош. вр.. Подобно *стану*, съ сохраненіемъ вещественнаго своего значенія, употреблялись и употребляются еще *яти*, *взять*, *приняться*, *пуститься*, *заводить*, *пойти*; напр. „аще *возьмешь* *воздѣвати* рудѣ“ (= станешь возд. р.) Поуч. Θεод.—„Онѣ и *пойдетъ* *вратѣ*“ Гог.—Въ литер. рус. языкѣ формы *сталъ*, *ставши*, *стать*, повидимому, столько же вещественны, какъ и приведенные выше глаголы, но *стану* (т. е. въ буд. вр.) съ неопредѣленнымъ, кажется, можно считать уже вспомогательнымъ глаголомъ съ *начинательнымъ* отбѣнкомъ: „стану *сказывать* я *сказки*“ Лерм.

373

г) Для большей *живости* разсказа при глаголахъ съ вещественнымъ значеніемъ *движенія* или *начинательности* вм. изъявительнаго накл. „стану“ при неопред. наклоненіи

аа) то ставится повелит: „давай“ или „ну“: „давай *бѣжать*“ „Мы *ну* *бѣжать*!“ (вм. *взялись*, *стали бѣжать*),

бб) то глаголь *изъявительнаго* накл. отъ „стану“ опускается и ничѣмъ не замѣняется, напр. „Я—*читать*, а онѣ—*спать*“. При этомъ повелительнаго „давай“ нельзя смѣшивать съ употребленіемъ глагольныхъ частицъ *хватъ*, *глядь*, которыя выражаютъ *быстроту* дѣйствія.

7) *Былъ* и *буду* съ неопред. наклоненіемъ. —

374

а) Въ то вр. какъ причастіе въ древнемъ (отчасти и въ новомъ) языкахъ сочетается съ *личною* формою *вспомог. наст.*, *прошед.* и *повел.* (есмы, бѣхъ, буди, уповалъ),—неопред. накл., напротивъ, сочетается почти всегда съ *безличнымъ* „естъ“ (естъ уповати) и бываетъ *только объективно*. Если же неопр. при *есмы*, *бѣхъ*, *буди* бываетъ *изрѣдка* въ древ. яз. субъективно, то глаголь перестаетъ тогда быть *формальнымъ*, *вспомогательнымъ* и имѣетъ знач. *находиться*, *присутствовать*, а иногда замѣняетъ глаголы *движенія* и означаетъ

Объективность
неопредѣленна-
го накл. съ личн.
ф. *есмы*, *бѣхъ*,
буди.

прибывать, прибыть. Напр. „и сила господиѣ (я) *бѣ иѣмили иѣ*“ Остр. Е.—и находилась въ немъ сила Господня, *чѣ она исцѣляла ихъ*).— „А сами не бывали (=не прибывали, не приходили для того чѣ..) со Псковичи *правити о порубѣжныхъ мѣстѣхъ*“ Пск. I.—Въ этомъ последнемъ случаѣ въ неопредѣленномъ чувствуется остатокъ значенія достигательнаго наклоненія. Аналогіей же съ глаголами движенія объяснять нужно и тѣ, что послѣ неопред. наклоненія съ гл. «быть» въ смыслѣ прибыть, приходиться въ русскихъ пѣсняхъ ставится *род. п.*, какъ и послѣ достиг. накл.: «быль ли ты (=приходилъ ли) *кратъ монастыря* Румянцева».

б) Въ противоположность формамъ *есмь, бѣхъ, буди*, 376 *буду* съ суб. неопр. есть форма подвѣйшая. вспомогат. гл. *буду* сочетается съ субъективнымъ неопред. накл. и при томъ безъ отбѣика начинательности, который замѣтенъ въ гл. «стану». *Это явленіе, впрочемъ, новое и до XIV в. въ др.-рус. яз. не встрѣчается*. Сочетаніе это представляетъ уже *полное единство грамматич. формы* и отличается отъ сочетанія «буду съ прич.» («буду лова», «будемъ покаившеса, покаился»), а равно и отъ сочетаній «имамъ, хочу съ неопредѣленнымъ» тѣмъ, что неопр. накл. бываетъ *только вида несовершеннаго*.

8. *Прочіе глаг. съ неопред. накл. субъективнымъ* трудно подвести подъ какіе-либо разряды по ихъ лексическому содержанию*) и лишь возможно-полное перечисленіе ихъ въ разныхъ періодахъ языка могло бы обнаружить извѣстныя теченія языка.

а) По отношенію *къ подлежащему* эти глаголы или ставятся лично съ опредѣл. подлежащимъ, и тогда неопр. накл. 378 бываетъ субъективнымъ, или—безлично, и тогда подлежащее переходитъ въ дополненіе, а неопред. накл. становится объективнымъ: «Униаше бо *святый* *единъ* за вся умрети» и «униаше *свѣтому* умрѣти».

Къ этимъ же гл. по отнош. къ подлежащему д. б. отнесены α) нѣкоторыя качеств. *прилаг.*, входящія въ составы. сказ., (чаще съ именнымъ оконч.) и β) *существительныя* (*nomina agentis*), сочетающіяся съ неопр. наклон.; напр.

α) «*хытри* соуть зѣло *сзтворити*» (Изб. 1073); «*моштынъ* еси (=можешн) *помыслити*» (Изб. 1076 г.). Здѣсь неовред. н. вполнѣ гла-

*) Вотъ еще болѣе или менѣе служебные глаголы, сочетающіеся съ неопред. наклоненіемъ: *колеблюсь, медлю, спѣшу, пренебрегаю, откладываю, опаздываю, хочу, желаю, изволю, благоволю, люблю, боюсь, опасуюсь, стыжусь, инушаюсь, смѣю, молю, умлю, ишу, пытаюсь, стараюсь, готовлюсь, думаю, замышляю, намѣреваюсь, силюсь, похваляюсь, соглашаюсь, отказываюсь, общаюсь, клянусь, присягаю; начинаю, кончаю, перестаю, привыкаю, учусь; удостоюсь, сподоблюсь*. Также и сред. гл., требовавшіе прежде достигат. наклоненія.

только и отлично отъ греч. субстантивированнаго неопред. съ предлогомъ (*ταχὺς εἰς τὸ ἀκοῦσαι*) и отъ славянскихъ оборотовъ *съ дат.*, какъ „хытръ кынгамъ“. Такъ же употребляются: *радъ* (ради) стараться (обычнѣ: *хотѣхомъ ради битися*, гдѣ неопр. зависитъ отъ сост. сказ: *хотѣхомъ ради*, а не отъ „хотѣхомъ“); *долженъ, ютовъ, способенъ, достоинъ, склоненъ, властенъ, воленъ, любопытенъ* (Фон. Виз.), *привыченъ, ретивъ, лниивъ, скоръ, слабъ, юраздъ, досужъ, охонъ, мотъ, юлосистъ* (Гриб.), *удалъ, ловокъ, золъ*. (Трудно объяснить, почему не встрѣчаются съ неопред. *охотенъ, щедръ, скупъ*).

379

β) *Мастеръ пѣтъ, охотникъ повеселиться, не дуракъ выпить*. Если же *nomina agentis* переходятъ въ *nomina actionis* (охота, власть, сила, возможность, способность, право, надежда, желаніе), то неопр. накл. становится *объективнымъ*, такъ какъ личный оборотъ *переходитъ въ безличный*: „*охота видѣть свѣтъ*“.

380

б) По отнош. *къ залогу* глаголы эти большею частію не допускаютъ винительнаго и дат. объекта, хотя и могутъ имѣть ихъ при себѣ, и сочетаются съ неопр. накл. объективнымъ: „*прошу съѣздить*“=чтобъ *кто-н. другою съѣздилъ*. Встрѣчаются, впроч., и субъектив. неопр. накл. въ стар. яз.: „*Володимеръ же Глѣбовичъ посла къ Игореву, прося у него ѣздити* (т. е. чтобы самъ же Влад. Глѣбовичъ ѣздилъ) напередѣ полкомъ своимъ“ Шпат.

Вспомог. глаголы по отношенію къ залогу и виду.

в) По отнош. къ *виду*, одни изъ этихъ глаголовъ, въ силу своего *лексическаго* значенія, сочетаются съ неопр. накл. вида только несовершеннаго, другіе же—какъ несоверш., такъ и совершеннаго.

Съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ вида *несоверш.* сочетаются глаголы, означающіе *начатіе, продолженіе, прекращеніе* дѣйствія; *привычку, отвычку*, а также „*пойду*“ въ смыслѣ „*начну*“ (Ср. выше II, 372): „*пошелъ* (=началь) *разказывать*“; но въ „*пошеть разказать*“ вида *соверш.* неопред. накл. равняется *достигательному* „*чтобъ разказать*“.

Глаголы, сочетающіеся съ неопред. накл. вида *соверш.* и *несовершеннаго*, имѣютъ слѣд. отбѣнки различія: неопр. накл. вида *соверш.* всегда слѣдуетъ за дѣйствіемъ главнаго глагола и относится къ *буд. вр.*: „*мняхъ сѣ вѣще приидти*“=думали, что *получатъ*; неопр. накл. вида *несоверш.* означаетъ дѣйствіе, то слѣдующее за дѣйствіемъ главнаго глагола, то одновременное съ нимъ: „*Хрестъ цѣловаль есмь имѣти ты сыномъ*“ (Шпат.)=что буду имѣть...—„*Всякъ иже убитьтъ вы, мнить сѣ службѣ приносити Богу*=будетъ думать, что *приноситъ*. . . „*Мнѣять жилище имѣти*“=„*что имѣютъ*“ Лавр.—Въ нынѣш. яз.гѣ при *надпюсь, обыцаюсь, клянусь* неопред. накл. имѣетъ значеніе только *будущаго* времени.—Въ древнемъ

381

Отличіе неопред.
наклоненія отъ
причастія въ со-
став. сказ.

языкѣ. неопред. наклоненіе, выражающее одновременность, бываетъ подобно причастию *наст. вр.* въ составномъ сказ., только неопред. накл. *болѣе глагольно**) и приближается къ развитому прид. пред: „мынѣтся сѣдя“=считаетъ себя *сидящимъ*, а „мынѣтся сѣдѣти“=думаетъ о себѣ, *что сидитъ*; „творяхуть ся бити“=показывали видѣ, *что бьются*.—Достоино примѣчанія, что въ древ. языкѣ позднѣйшее неопредѣленное накл. замѣнялось иногда причастиемъ: „не дай Богъ на поганѣмъ пѣдзя ся отрещи“=отказаться *пѣдѣти* Иват. Такъ же при глаголахъ: *прѣстати, коньчати*: „коньчаша церковь *пишючи*“ (писати)**).

9. *Неопред. со вторымъ именительнымъ*.—Если въ составному сказуемому (напр. „*Н мнѣтся правѣ*“) прибавляется субъективное неопред. накл. („*Н мнѣтся быти правѣ*“), то является *трехсоставное* сказуемое, въ которомъ неопред. наклоненіе становится *второстеп. предикатив. связкою*, а второй им. предикативнымъ атрибутомъ, какъ это бываетъ и при второстеп. *причастной* связкѣ: «мынѣтся *сѣи правѣ****). Въ силу господства *согласованія* въ языкѣ, неопр. наклоненіе не могло бы тутъ стоять, если бы оно не было субъективно, т. е., если бы оно не имѣло при себѣ общаго съ личнымъ глаголомъ подлежащаго. Отсюда являются такіе обороты: «хощеши ли *ишь быти*», «еда и вы хощете *ученици его быти*», «номысли *быти мнихъ*» Лавр.

Въ нынѣшнемъ яз. трехсостав. сказ. наиболѣе употребительно при глаголахъ *хотѣть, желать, надѣяться, бояться, думать, намѣреваться* и др., но нетерпимо послѣ глаголовъ *казаться, считаться, называться, сказываться*: «казался *правымъ*», а не «казался *быть правымъ*», поэтому несправедливо объясненіе втораго именительнаго въ этихъ случаяхъ опущеніемъ будто бы глагола *быти*, который является въ польск. и чеш. языкахъ.

Неопредѣл. наклоненіе *объективное*.

Неопр. наклоненіе *объективное*, т. е., не относящееся къ субъекту глав. глагола, м. б. названо «второстеп. сказуемымъ въ области *объекта*». Къ такимъ объективнымъ неопред. наклоненіямъ относится, между прочимъ, и оборотъ асс. с. *infinitivo*.

10. *Вин. съ неопр. безъ втораго винительнаго или со вторымъ* можетъ быть разсматриваемъ, во-первыхъ, по отношенію къ связи винительнаго падежа съ глаголомъ главнаго предложенія и, во-вторыхъ, по отношенію къ инфинитиву.

Въ первомъ отношеніи вин. съ неопредѣленнымъ можетъ быть сведень къ 4-мъ случаямъ:

*) Срав. далѣе II, 387. *И. Б.*—**) Срав. выше II, 162. *И. Б.*

***) Ср. выше I, 119. *И. Б.*

- а) винительный прямого объекта при глаголахъ *движенія*,
 б) такой же вин. при глаголахъ *просить, заставлятъ* и под. и при глаголахъ *дѣлать кого чѣмъ*,
 в) вин. *post v. sentiendi, cognosc., dicendi* (Ср. выше II, 299 и слѣд.)
 и г) *винительный, независящій отъ глагола глав. предл.*, при безсубъектномъ сказуемомъ *бѣѣ, хрѣ, oportet* и т. д.

По отношенію къ инфинитиву, асс. с. *inf.* возводится къ первоначальнымъ двумъ типамъ: во-первыхъ, къ *достигательному* наклоненію, сохраняющему въ себѣ остатокъ *вин.* падежа, и, во-вторыхъ, къ неопр. наклоненію, равняющемуся *дательному* падежу (*учу читать*—чтенію).

Изъ оборотовъ винительнаго съ неопредѣленнымъ въ цел. и рус. языкѣ обычны типы а) и б), возводимые къ первоначальному *достигательному* наклоненію:

Типы винит. съ неопред.накл. въ и.-сл. и рус. яз.

385

а) при глаголахъ *движенія*: «Азъ вы послахъ жатъ». Но уже изстари встрѣчается и *неопр.* накл.: „посла Олегъ мужи своя... *положити* ряды межъ Гръбы и Русью» Плат.; съ XV же вѣка—только *ти* и *тъ*.

б) Вин. съ неопр. накл. послѣ глаголовъ *просить, заставлятъ, принудить, убѣдить, умолить, уговорить, приласить, позвать, научить, явить, нанять, приставить* кого что дѣлать и проч.: «пристави к нимъ мужи свои *показати* церковную красоту» Плат.; «приставимъ вы хоромъ (род. п.) рубити» Новг. I; «учашеть его мати *креститися*» Лавр.; при гл. *творити* вин. съ неопр. встрѣчается рѣже: «*познати* мя сътвори ташну твою» Супр.

Неопр. накл. съ *первымъ* и *вторымъ* *вин.*: «сподобилъ мя еси недостойнаго *сгноупдателя быти* (Феод. Печ.). На мѣстѣ второго *вин.* теперь ставится творительный.

386

в) *Post. v. sent., cogn. вм.* греч. и лат. *вин.* съ неопр. въ древнихъ славянскихъ и лит.-лотыш. яз. ставится *вин.* съ *прич.* за исключеніемъ *формальной* «*быти*»: увѣдоша князя *идуца* (=что идетъ). Рѣдкія исключенія отсюда считаются замѣтованіями. Что же касается гл. *быти*, то онъ встрѣчается и въ Остр. Е., и въ Лавр. лѣт.: „кого глаголахъ ма *быти* сына челоувѣчьскаго“ (Остр. Е.); «и другій свѣтъ повѣдають *быти*» (Лавр.), хотя встрѣчается и причастіе: «видѣху Христа самого *сущта*» (...*αὐτὸν εἶχα*). Неопр. накл. *вм.* причастія въ этихъ случаяхъ выражаетъ большую *магольность*, т. е. обозначаетъ признакъ *возникающій*, а не *данный*, какъ въ причастіяхъ: «осѣдшиа и повинна *быти*»=что онъ повиненъ, а «осѣдшиа и повинна *сѣща*»=осудили его, какъ виновнаго уже.

Асс. с. *partic. post v. sentiendi* за исключеніемъ *быти*.

387

Но господствующимъ въ славянскихъ языкахъ Потенія, отчасти согласна и съ Миллошичемъ, признаетъ

11. *Дательный съ неопредѣленнымъ.* Въ этомъ случаѣ неопр. наклоненіе можетъ быть двухъ видовъ:

а) или второстепеннымъ *сказуемымъ*, когда въ оборотѣ этомъ бываетъ только *первый* дат: «приказалъ мнѣ *прійти*» = чтобы я пришелъ,

б) или второстеп. *связкою* между первымъ и вторымъ дательнымъ: «достоитъ *ти быти кротъку*», «дать (аор.) *имъ* область чадомъ божиемъ *быти*». Въ обоихъ этихъ случаяхъ неопр. накл. *не можетъ* замѣняться причастіемъ безъ нарушенія смысла.

Два разряда дат.
съ неопр.

По свойству *перваго* дательнаго обороты эти бываютъ двухъ главныхъ разрядовъ.

А. Первый дат. можетъ быть дополненіемъ главнаго глагола *и помимо неопред. накл.* Сюда относятся:

а) *Дат. съ неопредѣленнымъ безъ 2-ю дат.*: «како можетъ съ плоть свою дати *намъ ъсти*» Остр. Е. — «*Петѣ* даша посадничать Новгороду» Повг. I. Здѣсь дат. надежи равно относятся какъ къ глав. глаголу (дати, даша), такъ и къ неопредѣленному накл. (ъсти, посадничать). Тоже послѣ главныхъ глаголовъ: *установити, заповѣдати, повелѣти (лаололати), творити, хотѣти, желати, чаяти, надѣятися* (кому и чему); *запретилъ, помогъ, присудилъ, благословилъ*: «Володимеръ повелѣ исковати *лжицѣ* сребрены *ясти дружинѣ*» Лавр.

б) *Неопред. со 2-мъ дат.*: «дай *намъ* Богъ... къ мученикомъ *причтеномъ быти*» Пнат. Также при *послабити* (= послаблять, поглажать, потакать кому и чему), *любо, уне, луче, подоба* (есть), *подобаетъ, бысть, приключися, нельзѣ*: «подоба (есть) хранитисѣ *чистомъ* (2 дат.) отъ нечистыхъ *дѣлъ*» Изб. 1073; «луче же *потяту быти* (кому), *неже* полонену *быти*» Сл. о П. II. То же и въ нов. рус. яз: «дай Богъ (мнѣ) *живой* убраться» Крыл. — «Хотѣлось бы остаться мнѣ *одной*» Кр. — «Вижу напередъ, какому *трамотею* (2-й дат.) *ему* (1-й дат.) *быть* надобно» Ф. Виз.

в) Изъ оборотовъ предыдущаго типа съ безличнымъ *составнымъ* сказуемымъ („подоба есть“) создается новый оборотъ: въ составномъ сказуемомъ остается только безличное „*есть*“, а въ позднѣйшемъ яз. и оно мож. б. опущено; т. обр. вм. „подобѣ есть сыну пострадати“ является оборотъ: „*есть* сыну пострадати“ и, наконецъ, просто: „*сыну пострадати*“. Отс. со вторымъ дательнымъ: „Не быти нама живымъ отъ тебе“ Лавр. — „Быть тебѣ отъ невѣсты *пстравлену*“ (Горе злоч.). — Отъ опущенія составной части главнаго сказуемаго съ *есть* и представляется, что дат. тяготеетъ какъ бы къ *одному* неопр. наклоненію, но эта иллюзія пропадаетъ, какъ скоро вм. наст. «*есть*» понадобится поставить другое время: «тебѣ *было* послушну бытъ», гдѣ *первый* дат. зависить уже и отъ глав. глагола. (Ср. далѣе

II, 400—401). Это же явленіе наблюдается и въ древнихъ слав. нарѣчіяхъ, и въ лит.-лотыш. языкѣ.

Б. Ко 2-му разряду оборотовъ дат. съ неопр. относятся

а) тѣ, въ которыхъ первый дат. падежъ *не* является непосредственнымъ предметомъ, на который направлено дѣйствіе главнаго сказуемаго: «повелѣ *сбору* быти», «повелѣ *книгамъ* написать се и посланомъ быти», «рѣхъ *прѣмѣдрости* моеѣ сестрѣ быти». Эти обороты допускаютъ двоякое пониманіе—болѣе древнее, образное: «я сказалъ премудрости (какъ лицу), что она сестра моя», и позднѣйшее, когда первый дат. пересталъ быть предметомъ *непосредственною* воспріятія дѣйствія главнаго сказуемаго: «я сказалъ, что премудрость сестра моя». Подобнымъ же обр. нужно объяснять и *вин.* съ неопр. и причастіемъ, гдѣ винительный п. сперва также зависѣлъ отъ *главнаю* сказуемаго.*)

б) Затѣмъ, 1-й дат. съ неопр., подобно дат. самостоятельному (Ср. II, 330), дѣлаетъ скачекъ: онъ вовсе теряетъ отпечатокъ своего происхожденія, т. е. первоначальную зависимость свою отъ *главнаю* сказуемаго и появляется при такихъ главныхъ сказуемыхъ, которые сами по себѣ вовсе не допускаютъ дательнаго падежа: «мнѣю явѣ быти глаголемоуоуму» Супр. (=думаю, что явно будетъ глаголемое); «не мните, яко Евзѣ, прельститися вамъ» (=не думайте, что, какъ Ева, будете вы прельщены) Кир. Тур.—«Домонѣ не стерѣ обидимѣ быти землѣ» Пск. I (=чѣ земля была обидима).—Въ позднѣйшемъ языкѣ обороты эти, какъ асс. с. inf. и с. participio, исчезаютъ безслѣдно.

Дат. съ неопредѣленнымъ, сдѣлавшись независимымъ отъ глав. сказуемаго, получаетъ возможность присоединяться къ сказуемому, имѣющему дополненіе и въ *вин.* падежѣ, и так. обр. отклоняется отъ принципа согласованія: «сподоби *мя* съобщнику *ми* быти» Жит. Феод.

Наконецъ, подобно греч. и лат. асс. с. inf., славянскій дат. съ неопр. получилъ возможность «выдвигаться на мѣсто подлежащаго»: изъ оборота „хорошо (есть кому-либо) быть царемъ“ (вм. дат.) образовалось выраженіе: „быть царемъ—хорошо“ (=βασιλέα εἶναι καλόν ἐστιν), при чемъ неопред. наклоненіе *остается все-таки второстеп. сказуемымъ*, а подлежащимъ къ главному сказуемому является мѣст. это: „быть царемъ—это хорошо“. (Ср. м.р. „з вами менѣ разлучитися, *се* (=это) смерть моя“ Квит.).

Гриммъ говоритъ, что въ примѣрѣ „бысть умрѣти *нищоуоуму*“ дат. не зависить отъ «быеть», иначе „нищоуоуму“ стояло бы послѣ „быеть“; но, какъ справедливо возражаетъ Потебня, дательный 1-й можетъ быть отдѣляемъ отъ неопред. наклоненія и стоять при глав. сказ., даже *если бы неопредѣлен-*

Опроверженіе мнѣнія Гримма. Миклошича и другихъ относительно дат. п. при неопред. п.

*) Ср. выше II, 303, 304. И. Б.

397

наю накл. не было: „добрѣ ти есть бѣднику (2-й дат.) въ животъ вѣннѣти“.—Миклошичъ объясняетъ 1-й дат. зависимою его не отъ глав. сказуемаго, а отъ неопредѣленную накл., какъ глагольнаго имени, по аналогіи съ дат. падежомъ при отвлеченныхъ глагольныхъ именахъ на нѣ «прежде пришѣствія Христосу», «по остатии гему сѣру» (Микл. Гр. IV, 620); но Потѣбня такіе дательные при глагольныхъ именахъ не только отвлеченныхъ, но и конкретныхъ (сзъдатель *миру*), считаетъ дательными принадлежности, тяготеющими исключительно къ именамъ, при коихъ стоитъ дательный падежъ; въ примѣрахъ же, подобныхъ „бысть умрѣти нищюоуму“, дательный тяготеетъ не къ одному неопредѣленному, но и къ глав. сказуемому, и можетъ стоять даже безъ неопред. наклоненія.

398

Потѣбня находитъ неудовлетворительною и ту попытку нѣкоторыхъ ученыхъ (Бенфея, Шлейхера, Миклошича), которые изъ первоначальнаго дат. пад. инфинитива думаютъ объяснить стоящій при немъ дательный цѣли путемъ ушодобленія или аттракціи, какъ напр. въ литов. и др.-рус. яз: «не каждый ротъ брать пить», «бочка пиву вливать», «ведро водъ носить»; «налѣзе мастера... олову ляти» Лавр.—Считая эти дат. падежи дополненіемъ къ неопред. наклоненію и принимая послѣднее за дат. пад. отглагольнаго имени съ суф. *ти*, они объясняютъ дательные, стоящіе вм. винительнаго, аттракціей къ самому неопред. наклоненію, т. е., вм. *брану* пить — *брать* пить, вм. *олово* лить — *олову* лить. Но Потѣбня не допускаетъ этого объясненія, пот. ч. такая аттракція возможна только въ доинфинитивную эпоху; когда же въ славянскихъ и литовскомъ языкахъ неопредѣленное накл. стало безнадежнымъ и сдѣлалось чисто глагольнымъ инфинитивомъ, тогда и аттракція стала невозможною.

Объясненіе Потѣбней дательнаго при неопр. и.

Поэтому Потѣбня положеніе вопроса о дательномъ съ неопредѣленнымъ представляетъ въ такомъ видѣ:

а) съ одной стороны, дательный*) указываетъ на субъектъ неопредѣленнаго: „искова лѣжнѣ ясти дружинѣ“ (=чтобы дружина ѣла); инд: „очищайте сому Индрѣ пить (чтобы Индра пилъ)“;

399

б) а съ другой—дательный указываетъ на объектъ неопредѣленнаго: „налѣзе мастера... олову ляти“ Лавр. (=чтобы олово лили); „проставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ“ Лавр.—Тоже въ стар.-чеш: „kurichu jedno pole rúbníkom hriěsti“. Но, основываясь на общемъ теченіи языка, которое идетъ отъ соподчиненія (паратактичности) къ подчиненію (гипотактичности), а не наоборотъ, Потѣбня, согласно съ Ве. Миллеромъ, видитъ въ дат. падежѣ при неопред. накл. древняю яз. не подчиненіе дательнаго инфинитиву, а соподчиненіе или равномерное тяготѣніе и того и другою

*) съ точки зрѣнія позднѣйшаго языка И. Б.

къ своему общему дополняемому слову,*) такъ что выраженія: „ясти дружинѣ“ и „олову ляти“ первоначально значили: искова для ѣды, для дружины, налѣзе мастера для литья, для олова, т. е., оба дательные: и дѣйствія, (для ѣды, для литья), и предмета (для дружины, для олова) представлялись соподчиненными и одинаково вещественными и субстанціальными. А затѣмъ языкъ отъ отвлеченной, мнимой субстанціальности имени дѣйствія (для ѣды, для литья) переходитъ къ его глагольности: *ѣсть дружинѣ*—*чтобъ ѣла дружина*.

400

12. *Неопр. накл. съ явнымъ или подразумеваемымъ дательнымъ при безлич. „есть“*. Такое неопр. накл. Буслаевъ (Гр. § 196) признаетъ безличнымъ сказ., означающимъ *необходимость* или *возможность*, при чемъ подразум. *льзя, нельзя, должно*. Но, во 1-хъ, подразумѣваніе „льзя“ и т. д. есть фикція, не подтверждаемая исторіей языка: тутъ подразумѣвается или стоитъ налицо *есть, бѣ, будетъ* (ему *есть ѣхати*); поэтому и безличенъ въ подобныхъ оборотахъ *глаголь*, а не неопр. накл., подлежащее коего явственно обозначено дательнымъ падежомъ при глаголь *есть*. На этомъ основаніи обороты „мнѣ ѣхати“ и т. п. должны б. разсматриваемы въ ряду другихъ оборотовъ съ безличнымъ сказ., въ которыхъ неопр. накл. является обычнымъ *второстеп.* сказуемымъ. Таковы безличные глаголы ст.-слав. *довольеть* (ми быти)=довольно, достаточно *есть, достоитъ*, недостойтъ, достойно *есть, подобаетъ, льзь, лтъ* *есть, удобне уне* *есть*.—Въ нов. яз: *хочется, желается* (желательно), *жаль, случается, приключается, доводится, приходится, приожается, бываетъ, будетъ* (=довольно), *годится, придаетъ, стѣбитъ, нужно, можно, должно, диво, недиво, нечудо, мнѣ воля, неволя*, при чемъ существительныя съ „есть“ д. б. разсматриваемы не какъ подлежа., а какъ *безлич. сказуемая***).

401

Не сочетаются съ неопр. безличные глаголы *воспріятія*: *кажется, видится, чуется, чудится, грезится, мерещится*..., послѣ которыхъ ставится прид. предл. съ союзомъ *что*.

402

Напротивъ, особенно обычны сочетанія безличныхъ *ес, бы, бѣде* съ неопр. накл.:

а) *бѣдетъ* съ значеніемъ *случится, придется*: „аще вы будетъ крестъ цѣловати..., а ли (то лишь) управивше сердце свое... тоже цѣлуйте“ Лавр.

Сочетанія съ неопред. накло-неніемъ безличныхъ: *будеть, буди, будяше, бѣ-аше* (бѣше), *бѣ-ысть, было*.

б) *буди* съ знач. *пусть случится, пусть доведется*: „а не буди ему отъ Бога мира узрѣти“... Лавр.

в) *будяше* (=бывало *нужно, случалось*): „аще поѣхати будяше Обрину, не дадаяше въпрячи коня.“ Лавр.

403

*) Срав. далѣе III, 207 и слѣд. И. Б.

**) Срав. далѣе III, 461—468. И. Б.

г) *бѣше, бѣше* въ смыслѣ *возможно было*, „*предстояло*“: „когда бѣше брани быти... тогда ся начаша бити межи собою“ Новг. I.—„Тогда весла видѣти, а человекъ бѣшеть невидѣти“ Плат.

д) *бѣ* съ знач. *предстояло, нужно было*: „Данилови же... съѣхати... бѣ со высокихъ горъ“ Плат.

е) *бысть* съ знач. *случилось, не бысть*—нельзя б: „бысть оумрѣти нищоуоуму“ Остр. Е.—„не бысть имъ мимо оны поити къ городу“ Плат.

ж) *было (есть)* съ знач. *слѣдовало*: „намъ было сего у Бога просити“ Плат.—Въ поздн. же языкѣ *было* съ неопр. стало замѣнять собою и другія выражанія съ *бѣ, бѣшеть, будѣшеть*, отчасти съ *бысть*: „быть было пенастью, да дождь помѣшалъ“ (Срав. выше II, 267, 268.).

з) *есть* безлич. съ знач. *предстоитъ, возможно, нѣсть*—*невозможно*: „отъ чего ми *есть* умрѣти“ Лавр.—„Нѣсть убѣжать всякому роженому“ Плат.

404
Неопред. накл. при безличномъ «есть» съ разными отбѣвами по отношенію ко времени и модальности.
Впроч., уже въ древ.-рус. яз. *есть* опускалось, и, вопреки мнѣнію Бусл. (Гр. § 196,2), отъ этого опущенія вовсе не зависитъ ни безличность оборота, ни отношеніе ко времени, ни модальность (необходимость и возможность): „миѣ умереть“ и „миѣ *есть* умрѣти“ совершенно одинаковы.

405
есть, стоящее налицо или опускаемое при неопр. накл., представляеть нѣсколько отбѣнковъ въ отношеніи къ времени и модальности:

406
аа) *есть* почти то же, что *находится, имѣется*: „*есть* поговоритъ“ (о чемъ). „У меня нѣтъ да золотой казны, *нѣту* скатныхъ *отдать* жемчуговъ“ Барс. Причит. Въ этихъ случаяхъ „*есть*“ въ силу вещественнаго значенія своего никогда не опускается, а неопред. наклоненіе настолько самостоятелно, что обороты эти служатъ переходомъ къ тѣмъ, въ коихъ неопредѣленное накл. отдѣляется отъ глагола союзомъ *чтобы*: „нѣтъ *чтобы* заработать, а все поровить украсть“.

407
бб) *Есть* отчасти съ значеніемъ *приходится*, отчасти въ смыслѣ *возможно*, при чемъ *есть* большею частію опускается, и обороты эти никакъ не могутъ передаваться будущимъ вр: „зло *есть* нашимъ головамъ, да (=что) намъ *ясти* (есть) деревянными лъжцами“ Лавр.—„Есть гора Елеонская... *видѣти* же (есть) съ нея всюдѣ... и до Иордана дозрѣти“ Дан. Пал.—Нов. влкр: „*знать* сокола по полету“.—„А *чайтъ* тое казны болши шти тысячъ рублевъ“ Котош. Отс. *чайтъ*—чаятельно, вѣроятно; *знать*—вѣроятно: „*знать*, онъ богатъ“, „*знать*, она сильна“; *незнать*—*незнать*—не то—не то, или—или; *невѣсть*—*невѣсть*: „невѣсть царь, невѣсть король.“—Отъ „*чуть*“ частица *чуть* (сперва: „*чуть* *есть*, журчить“; потомъ—„*чуть* журчить“=едва журчить); отс. *чуть* съ вопросит. *ли* имѣеть значеніе вѣроятности, догадки: „*чуть ли* онъ не умеръ“.

вв) *Есть* съ знач. *предстоитъ*, при чемъ дѣйствіе неопредѣленнаго

накл. отодвигается къ буд. врем: «волхвъ глаголаше... яко... Диѣпру (есть) *потещи* вспять».. Лавр. Дебитивное значеніе здѣсь *не непременно, а только возможно*: «отъ сего ли лѣба смерть мнѣ (есть) взяти?» (Лавр.), и лишь *вещественный смыслъ рѣчи* требуетъ иногда усматривать въ этихъ оборотахъ дебитивность: «аже ны не даи, а намъ самѣмъ о себѣ *поискаши*» Плат.

408

409

Въ другихъ временахъ, кромѣ настоящаго, глаг. «есть» *не опускается*: «зачѣмъ мнѣ *было* на гору всходить» (или: *будетъ* идти, *пойти*)?

410

Опущеніемъ безличнаго «есть» удобно объясняется неопр. накл. и съ *повелит.* значеніемъ; напр. «молчать!» = „есть молчать (тебѣ, вамъ)“⁴⁰. Но въ иныхъ случаяхъ это неопр. наклоненіе можетъ объясняться опущеніемъ какъ безличнаго, такъ и личнаго глагола *движенія*, при чемъ можетъ стоять не только дат., но и им. пад.; напр. «молотники, молотить! *молольщики, молоть* (т. е. *идите*)! Я самъ—лежать съ женою (т. е. «пойду»). Въ другихъ же случаяхъ повелительность неопредѣленнаго накл. можетъ б. объясняема опущеніемъ иныхъ вещественныхъ личныхъ глаголовъ и словъ, въ родѣ „ты долженъ“⁴¹: „ничесоже възьмѣте на пать, ни жьзла, ни шпы, ни хлѣба, ни сьребра, ни двою ризоу *имѣти*“ (=или „*вамъ есть* имѣти“⁴², или „*дѣлѣни есте* имѣти“⁴³, или „*имате* имѣти“⁴⁴). Подобнымъ же опущеніемъ объяснять должно повелительность выраженій: „домой“⁴⁵, „долой“⁴⁶, „вонъ“⁴⁷, „прочь“⁴⁸!

Неопр. накл. съ *повелит.* значеніемъ при опущеніи «есть» и глаголовъ *движенія*.

411

Неопр. накл. съ опущеннымъ «есть» въ условныхъ предложеніяхъ.— Это есть наиболѣ древній способъ условныхъ сочетаній, при чемъ условные и заключит. союзы могли вовсе опускаться: „а на ней (горѣ) *стрѣлити*—перестрѣль *есть*“ Хожд. Дан.—, „*Полядѣтъ*—картина, а *послушатъ*—животина“ посл.—, „*Смотрѣтъ*—такъ выйдешь изъ терѣтня“⁴⁹ Крыл. Глаголь же „быть“ въ *прош.* вр. не опускается: „коли было брать, такъ брать“⁵⁰. Поэтому въ выраженіи: „на Волгѣ жить—ворами слыть“⁵¹ нужно видѣть два предлож., а не подлежа. и сказ. одного и того же предложенія, какъ думаетъ Буслаевъ (Гр. § 195).

412

Неопр. «быть» (при подразум. «есть») съ другимъ неопр.: «сколько ни плакать, а *быть* (есть) *перестать*». Здѣсь «быть» употребляется не вмѣсто „надобно“, какъ думаетъ Бусл. (Гр. § 196, 2), а есть составное сказ. (есть быти), въ которомъ отъянокъ необходимости зависитъ отъ опущеннаго «есть» (=предстоитъ, приходится, слѣдуетъ). Срав. со стар. состав. сказ: «твориться правъ *си* (правъ *быти*)», «мнѣять и мъртва *суца* (мъртва быти)». Это «быть» не равносильно неопредѣленному наклон. въ выраж: «*знать* жить тебѣ богато», гдѣ „знать“ потеряло уже предикатив. значеніе и стало частицею, первоначально же было также сказуемымъ: „*знати* *есть*, *жити* *есть* тебѣ богато“⁵².

413

13. Неопредѣленное наклоненіе съ мнимо-страдательнымъ отглагольнымъ. — Въ этихъ оборотахъ

а) *главное сказуемое* бываетъ опредѣленно—личное,

б) *дополненіе при неопредѣленномъ*—тождественно съ предметомъ подлежащаго при главномъ сказуемомъ,

и в) указаніе на *подлежащее* неопредѣленного накл. большею ч. бываетъ налицо или выводится изъ дат. пад. при глав. сказуемомъ. Сюда относятся случаи:

α) неопр. при *прилагат.*, входящемъ въ сост. сказ: „вода (Иордана) *сладка пити*“ (Дан. Пал.)=полному выраженію: вода сладка *есть* пити *ее кому-нибудь*. (Ср. лат. суп. на *и*: *facilis cogniti*, гдѣ суп. выводится изъ дат. п., какъ въ «*Macedonia divisui facilis*»).—„Хорошъ поглядѣть“.—Ср. у того же Дан. Пал. „столпъ твердъ *ко взятію* (=взять его).

β) Неопр. при глаголахъ: „*есть* бо разсѣлина та на камени томъ *знать*“ и до днешняго дни“ Дан. Пал.—„Изва вся *знать* (есть) на ругъ“ Путеш. Лукьянова.—„*Знать* де полетка соколиная“, „*знать* соколъ по полету“, „у три дни ета ляда *постыла съязь*“ (=чѣ съязь на ней). При возврат. сказ: „калина *недалася* (кому) *ломати*“; „ты книги (им. п.) *юдятся* (кому) *сжжечи* (я)“; нынѣшн: „вода *юдится* (кому) *пити*“. При страд. сказ: „крестъ *поставленъ* (кому) *цѣловати*“ Лавр.—Во всѣхъ этихъ примѣрахъ главное сказ.—личное, дополненіе при неопред. накл. тождественно съ подлежащимъ главнаго сказ., а подлежащее для неопредѣленного накл. выводится изъ дательнаго падежа. Къ этимъ же примѣрамъ слѣдуетъ отнести и тѣ, въ которыхъ Бусл. (Гр. § 196, пр. 3) считаетъ *им.* падежъ

жен. р. поставленнымъ вм. *вин.* при неопр. *отѣст. з.*: „дати ему своя *грамота*“, „молодымъ пѣти *слава*“ (Сл. о. П. П.) „такова *правда* узети Русину“ (Смол. гр.). Первоначально обороты эти были также опредѣленно-личные: „Русину (есть) *правда* взяти (ее)“, „молодымъ (есть) *слава* пѣти (ее)“ и только *теперь* мы можемъ *чувствовать* эти выраженія, какъ *безлич.* предложенія, въ коихъ именительные падежи не могутъ уже быть подлежащими: „безъ денегъ *вода* *пити*“=первоначальному: *есть* вода *пити* *ее* безъ денегъ (Барс. Прич. I).

Подъ влияніемъ перехода личныхъ оборотовъ къ безличнымъ, языкъ сталъ прилавать формамъ жен. р. на *а* значеніе *вин.* падежа и тамъ, гдѣ онѣ никогда не могли имѣть значенія *именит.* падежа**): „а *далъ* *есмы* двѣмъ своимъ сыномъ *кобылка* *гнѣда*“, а иногда рядомъ съ формою *име-*

*) Въ подобныхъ оборотахъ м. стоять еще «видать», «слыхать» которыя въ безличныхъ переходятъ въ «видно», «слышно». Ср. III, 469. **И. Б.**

) Подобную же непоследовательность или скачекъ въ отношеніи зависимости падежа отъ главнаго сказуемаго можно было видѣть и выше въ дат. самост. (II, 330) и въ дат. съ неопред. (II, 394). **И. Б.

нительнаго п. ставился и винительный: „слобуемъ держати цѣлую правду и чиста *вѣра*“ Грамота Дм. Олгерд. 1388 г.*). Въ нынѣш. литер. языкѣ обороты *надо*, *надобно* съ *род.* п. безличны и, конечно, позднѣе личныхъ съ *им.* п. въ народ. яз: «али многа тобѣ надоть золота *казна*», или въ старин. рус.: „ненадобѣ моя *дань*“ (***)).

14. *Неопр. накл.* (субъектив. и объект.), *связанное съ глав. предлож. посредствомъ относит. слова.*—Случаи такого неопредѣленного бываютъ 2-хъ разрядовъ: А) когда при неопр. накл. стоитъ относит. *мѣст.* или *нарѣчье* и Б), когда стоитъ *союзъ одинъ* или же *вмѣстѣ* съ мѣстоименіемъ или нарѣчьемъ. Въ древ.-рус. яз. такія неопредѣленные аналогичны съ причастіемъ (***)).

А.а) Подобно причастію съ *им.* «гѣто» («есть гѣто при-неса»), неопред. при одинаковомъ подлежащ. съ главнымъ употреблялось *только* въ ст. чеш. яз: *nebyl kdo uhasiti*.

А. Неопред. съ
относ. мѣст. и
нарѣчьями.

б) Подобно причастію, неопр. накл. употребляется съ *косвеннымъ* пад. относительнаго мѣстоим. или съ нарѣчьемъ: «неимать *чесо вѣсти*» Остр. Е.—«*Како* ваю *похваляти*, несвѣмъ, и *что рещи* недоумѣю» Сказ. о Б. и Гл.—Таково употребленіе этого неопредѣленного и въ нов. рус. яз., и въ другихъ слав. нарѣчьяхъ, тогда какъ въ греч. и лат. употребляются здѣсь *личные* глаголы.

в) Отлично отъ причастія, неопр. п. *можетъ* имѣть *иное* подлежащ., чѣмъ при глав. сказ., особенно когда послѣднее бываетъ безличнымъ: «есть ей, *чимъ ся пострици*» (Дух. новг. 1270 г.).—«Аже будетъ близъ торгъ, *идь купити*, то недостойтъ» (служити одною просфорою). Вопр. Кюр.—«И не бысть имъ, *куда перепхати*» Иват.—Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ дѣйствующее лицо неопредѣленного накл. указывается наличнымъ или подразумеваемымъ *дательнымъ* при безличномъ «есть», при чемъ въ нов. рус. яз. этотъ дательный, для избѣжанія двусмысленности, можетъ замѣняться *род.* съ предл. *у*: «*у меня* (=мнѣ) есть кому писать». Другіе примѣры въ совр. рус. яз.: есть чему (нѣ-чему) удивляться, есть кого (нѣ-кого=не есть кого) удивить, есть гдѣ (нѣ-гдѣ) жить. Но въ *отрицательномъ* прошед. и буд. (*было*, *будетъ*) не говорилось уже въ древ. рус. яз. «*не было чего вѣтъ*», а замѣнялось однимъ предложеніемъ «*ничего, ныдѣ* было

*) Ср. далѣе въ III ч. стр. 456—459 и 464 подобный же переходъ изъ личныхъ оборотовъ въ безличные: сперва «музыка слышна», потомъ—«музыка слышно», «какъ переходъ къ безличному»: «музыку слышно». И. Б.

**) Великор. *надо* возникло изъ «надобѣ есть», т. е. изъ предл. *на*+мѣст. пад. *добѣ*; въ «надобѣ-тъ», «надо-тъ», какъ и въ «нѣту-тъ», *тъ* есть не знакъ 3 л. ед. ч., какъ думаетъ Бусл. (Гр. § 200, пр. 13), а остатокъ плеонастическаго этическаго дат. *ти* (ср. выноску къ II, 191), и, слѣд., глагольная сила этихъ выраженій заключается не въ *тъ*, а въ опущенномъ *есть*.

***) Ср. выше II, 205—218. И. Б.

(будеть) ѣсть»: «нѣгдѣ будетъ взяти» Вопр. Кюр. Тѣмъ не менѣе отрицательные обороты съ *было, будетъ* предполагаютъ два глагольныхъ сказуемыхъ, а именно: выраженіе «мнѣ нѣчего было (будеть) дѣлать» равняется «мнѣ было (будеть): нѣчего (не есть, чего) дѣлать», т. е., «мнѣ было (будеть) такъ: нѣчего (=не есть, чего) теперь дѣлать, и потому я пошелъ». . .

422

г) Въ примѣрахъ, въ родѣ слѣдъ: «то мнѣ *есть* порока всякаго *не уйти*» Ппат., и „уже намъ *никамо* ся *дѣти*“ Лавр., Бусл. (Гр. § 196, 1, а) считаетъ неопр. накл. безличнымъ сказуемымъ съ подраз. *льзя, нельзя, должно*, между тѣмъ въ первомъ примѣрѣ неопред. накл. соединяется непосредственно съ глаг. «есть» (есть не уйти), а во второмъ глаг. «есть» вошло въ «нѣкамо» (=не есть, камо ся дѣти) вслѣдствіе стяженія «не есть» въ *нѣ*, при чемъ коренное *с* и оконч. *тъ* исчезли, какъ наприм. въ угорско-рус.: «*не іе* мого миленькаго, *не іе* мого квіту». На этомъ основаніи и обычное «нечего» слѣдуетъ писать «нѣчего», такъ к. «нѣчего» образовалось изъ не есть=нѣ+чего, хотя ошибка эта встрѣчается уже издавна: «не ли (=нѣтъ ли) кою, иже бы могъ на ону страну дойти» Лавр. *)

423

424

д) Не слѣдуетъ отождествлять составъ *прямыхъ* вопросительныхъ оборотовъ: «кому (есть) ѣхать» съ *косвенными*: «есть, кому ѣхать», пот. ч. въ первыхъ «есть» опускается, а во вторыхъ ничего не опущено. Кромѣ того, въ косвенныхъ вопросахъ придат. предложенія съ относительными словами не обозначаютъ времени, и время неопредѣленного наклоненія, въ отличіе отъ причастныхъ выраженій, узнается изъ *глав. сказуемаю*. А такъ какъ неопр. наклоненіе глагольнѣе причастія **), то, въ виду стремленія языка къ глагольности, причастные обороты стали замѣняться оборотами съ неопр. накл. вмѣсто «невѣстеса, чесо просаще (просивше)» стало употребляться «незнаете, чего просить»; для выраженія же *будущаю* вр. употребляется лич. гл. „имамъ“ при неопр.: „не нецѣтеса, како или что *имате* глаголати»; мр.: «незнаю, що чинити *маю*» при «незнаю, що чинити».

425

Въ стар.-слав. языкѣ неопр. накл. въ этихъ случаяхъ не выражало греческой и лат. сослагательности и вообще модальности и только послѣ

*) Съ этимъ *нѣ* одного происхожденія *нѣ* и въ слѣд. случаяхъ:

а) мѣст. *нѣкъто* (=кто нѣб.), *нѣчто* (=что нѣбудь), *нѣшто* съ знач. развѣ, неужели въ вопросахъ въ нов. яз. и *нѣдѣ* (=гдѣ-то), *нѣкогда* (=когда-то): ср. въ просторѣчій: «*нѣ* въ *которомъ* царствѣ»;

б) *нѣ* передъ числит. съ знач. „приблизительно“: „и бѣ людей *нѣ* 300“ Лавр.—«Избено *не* (=нѣ) съ 200» Лавр. Оге. «нѣсколько» =«нѣ съ колику», т. е., «*приблизительно* (=нѣ) *равное* (=съ) *колику*», такъ что нѣтъ нужды прибѣгать къ объясненію Миклошича (Ср. IV, 172), что будго бы «*нѣсто*», «*нѣчто*» образовалось изъ «*не вѣсть кто*», «*не вѣсть что*», каковыя выраженія имѣютъ дурной отгвнокъ: «чортъ знаетъ, кто и что», а не *нѣкто* и *нѣчто*.

**) Срав. выше II, 381. *И. Б.*

того, какъ получилась возможность сказать: «незнаю, что бы сдѣлать», стало казаться неопредѣленное наклон. *изъявительнымъ* въ выраженіи: „незнаю, что сдѣлать“.

Б. Трудно разграничивать неопредѣленные наклоненія послѣ союза: стоятъ ли они съ подразумеваемымъ „есть“ и являются т. обр. составнымъ сказуемымъ вмѣстѣ съ „есть“, или же употребляются безъ „есть“ и так. обр. какъ бы прямо соединены со сказуемымъ или, какъ говор. Потѣбня, *безглагольно*. Что же касается употребленія самихъ союзовъ при неопр. накл., то

а) есть указанія, что слав. неопр. съ союзами возникло изъ болѣе древняго безсоюзнаго. Такъ, въ примѣрѣ «имѣли уши слышати, да слышати» неопред. наклон. равносильно инфинитивному имени дѣйствія въ дат. п. цѣли: „къ слышанію“; „посланъ есмь *маюлати* къ тебѣ“ — „*маюлати*“ стоитъ вм. достиг.: *маюлатъ*. Эти явленія чисто русскія. Даже тамъ, гдѣ по-греч. стоитъ союзъ, въ ст.-слав. употреблялось неопр.: „отъѣду намъ . . . хлѣбъ толико насытити (*ѡстѣ хортѣσαι*) народа толико“ Остр. Е.

Эпекзегетическое финальное неопр. накл., считаемое у Миклошича (IV, 858) гречизмомъ, также возможно и по-русски: „исполнише се дньне *родити* іей“ О. Е.; „раздвиге земля уста свои *прияши* кровь брата твоего“ Ппат. (Ср. у Держ.: „зйяетъ время славу *стерть*“). — „Посла ѿ Володимеръ. . . а бы кдѣ изнайти мѣсто городъ *поставити*“ Ппат. (Ср. соврем.: „не могъ найти средствъ *платить* за обученіе“). — „И вложи ему очи видѣти и уши слышати“ Пам. стар. р. лит. — „Еще дай да Боже Господи ему въ домъ жену неумную *плодитъ* (=чтобы плодила) дѣтей неразумныхъ“ Барс. Прич. I, 288.

На мѣстѣ этихъ безглагольныхъ и безсоюзныхъ неопредѣленныхъ наклоненій могли и могутъ стоять неопред. съ союзами

б) *изъявительными*: *же* (еже), *аж*, *а*, позднѣе—*что* *): „азъ того хочу, *же* за Христа пострадати“ — „Умолви съ нимъ про волость свою и про дѣти своя, *а* Києва подъ Рюрикомъ не искати“ Ппат. — „Симъ ли Бога умолите, *что* утопла или удавленника выгрести“ Серап. — „Крестъ къ нему пѣловаша, *что* его не выдати“ Пск. П. — „Для того я пиво пьяное варю, *что* твоихъ-то воѣзжанъ воить“ Шейнъ, Рус. н. и.

в) Неопр. накл. въ ст.-слав. и др.-рус. съ союзами *яко*, *како*, которые ближе къ союзу *что*, но могутъ б. переводимы и черезъ *чтобы*: „свѣтъ сотворишѣ. . . *яко* убити ѿ“ О. Е. — „свѣжате ѿ въ сновы, *яко* съжечи ѿ“ О. Е. — „И судаша *яко* изгнати князя“ Новг. I. — „Король же ако срекъ годъ (=какъ назначилъ срокъ) *како* поити (=что или чтобы

*) на мѣстѣ обычныхъ теперь союзовъ *цѣли*, которые Потѣбня называетъ *заклучительными* (См. далѣ стр. 437—438). И. Б.

Б. Неопр. накл. съ союзомъ или съ союзомъ и относительными словами.

426

427

428

429

430

ити), и посла къ Изяславу⁴³¹“ (Ипат. *) Однако не всѣ случаи неопредѣленнаго накл. съ *яко* слѣдуетъ считать безглагольными: нѣкоторые примѣры м. объяснять и подразумѣваемымъ „*есть*“, при чемъ неопр. накл. было бы сходно формально съ дебитивнымъ выраженіемъ залога: „цѣловаль есмь крестъ на томъ, *како же* (нама) *невоеватися*“ Лавр. = съ вышущеніемъ союза „цѣловаль есмь крестъ на томъ: *не воеватися* (есть) нама“⁴³². Объ опущенномъ „*есть*“ говорятъ здѣсь и дат. п. при „*есть*“, и отглагольн. вр. (что не *будемъ* воевать), чего не могло быть при *безглагольномъ* неопредѣленномъ.

г) Неопр. накл. съ *яко* въ значеніи *такъ что*, при чемъ неопред. наклоніе болѣе самостоятельно по отнош. къ главному сказуемому и болѣею частью имѣетъ налицо дат. п. Такой дат. съ неопр. безъ глаг. „*есть*“ подобенъ греч. ὥστε при асс. с. inf; „и неотвѣща иному... *яко дивитисѣ* игемону (ὥστε θαυμάζειν τὸν ἡγεμόνα). — „Вопіють сильно, *яко вззиремети* всему мѣсту тому“ Дан. Пал. — „И избѣи я, *яко малу* ихъ отъ таковыя бѣды *избѣинути*“ Лавр. — „Олегъ же бѣ... нездравствуюя велми, *яко немощи* ему ни на конь вѣсти“ Лавр. — „Бысть сѣча зла... и стувашася трижды, *яко по* удолюемъ (и долинамъ) *крови тещи*“⁴³³. Въ послѣднихъ примѣрахъ неопр. накл. въ соврем. яз. должно быть передаваемо *прош.* временемъ подъ вліяніемъ *прош.* врем. *главнаю* *сказуемаю* (ср. „*будетъ* сѣча зла, *яко*... *крови тещи* = такъ что кровь *потечетъ*“, гдѣ буд. вр. неопредѣленнаго „*тещи*“ зависить отъ будущаго *главнаю* *сказуемаю*).

Дат. надежъ при этого рода неопредѣленныхъ равносильнъ дател. самостоятельному съ тѣмъ же союзомъ или безъ него: „толикъ бѣ гладь, *яко* и конѣ (вин. мн.) *имъ* (=осажденнымъ) *хотящимъ* ѣсти уже“ Ипат. — „... *потече* небо и *быть* чермно... (*яко* опущено) *мнѣти* же вѣзмъ *человѣкомъ* (=мнѣняемъ), зряче: аки кровь проляна по снѣгу“ Лавр. Но въ примѣрѣ: „и тако страшно *бѣ* зрѣти, *яко* второму *пришествію быти*“ (Ипат.) *яко* = какъ будто, а неопредѣленное наклон. заключаетъ въ себѣ отглагольн. *будущаю*, т. е., такъ страшно было, какъ будто *имѣло* *наступить* второе *пришествіе***).

*) Въ стар. рус. яз. «*како*» есть не только нарѣчіе вопрос., но и союзъ 1) временной *когда...то...* и 2) изъяснительный *что* (=яко, оже, чьто, нѣм. dass, причемъ, подобно мѣст. и нарѣч. относительнымъ, для болѣе явственнаго указанія на предыдущее, послѣ «*како*» ставилось «*то*»: «наши горожане намъ повѣдали, *как-то* (=«что», а не «какъ») еси товаръ отъяль» Грам. Риж. 1300 г. [Ср. «кто-то», «гдѣ-то», «ту то»]. — «Княжо, слышишь самъ, *какъ-то* (=что) мы вашее братие не обидѣли, какъ-то (=какъ) ты, княжо, дѣвешь. Ibid. (См. дополн. ко 2-й ч. стр. III—VI).

**) Едва ли это такъ, потому что 1), при такомъ толкованіи, *бити* должно заключать въ себѣ указаніе *времени*, что противорѣчитъ предыдущему взгляду. Потебни на неопр. н. (см. II, 424), и 2) перевести это мѣсто слѣдуетъ, кажется

д) Хотя греч. обороты *πρίν* или *πρό τού* съ неопр. и передаются въ Остр. Е. личными формами, но слѣдуетъ приписать древнему яз. и обороты съ неопр. накл., чѣмъ объясняется присутствіе и въ *соврем.* яз. такихъ выраженій, какъ „прежде чѣмъ *найти* дорогу“, „чѣмъ на мостъ намъ ити, поищемъ лучше броду“. Кр.—Неопредѣленное послѣ *чѣмъ*, какъ, *прежде чѣмъ* не должно быть объясняемо ощущеніемъ „есть“. То же наблюдается и въ лит.—лотыш. яз. Въ оборотахъ же: „чѣмъ *было* наказать, онъ помиловать“ глаг. „было“ есть *вводное слово*.

434

Неопр. съ бы и союзами, сложными съ бы.—Потебня отвергаетъ объясненіе Буслаева (Гр. § 194 и 196), что *бы*, *чтобы*, *дабы* при неопр. накл. есть дальнѣйшее развитіе первоначальнаго прошед. условнаго вр. (*былъ бытъ*), при чемъ де причастіе „*былъ*“, вмѣстѣ съ которымъ „*бы*“ составляло *описательную* форму, опускается, а неопред. наклоненіе употребляется какъ безлич. сказуемое съ *подразумываемымъ* „можно“, „льзя“, „нельзя“, „должно“; наприм. „пойти бы“=*можно было бы* пойти; „чтобы узнать“=*чтобы я могъ* узнать“, *чтобы я узналъ*“. Но, возражаетъ Потебня, это невозможно какъ потому, что подобныя ощущенія въ языкѣ безпримѣрны, такъ и потому, что смыслъ выраженій въ родѣ «*узнать бы*» и „*можно было бы* узнать“ различенъ.

435

Объясненія неопредѣленнаго накл. съ *бы* нужно искать въ томъ періодѣ развитія языка, когда «*бы*» перестаетъ быть глаголомъ и обращается въ союзъ (съ 14 в.), и какъ при сочетаніи „*бы*“ съ прич. *на лг* въ это время вставлялось *наст.* вр. „*есть*“ для приданія предикативности причастію („что *бы есте* прияли“: ср. выше II, 279), такъ и къ неопредѣленному накл. стало присоединяться „*бы*“ съ явственнымъ или *подразумываемымъ* «*есть*»: «луче ны *бы есте* пріяти я на чюжей землѣ» Ппат. *)

Объясненіе
двухъ случаевъ
неопр. съ *бы*.

436

Нужно различать два случая употребленія «*бы*» при неопр. накл.:

α) «*бы*» при неопред. съ явственнымъ или *подразумываемымъ* «*есть*», но безъ относительныхъ словъ, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ,

и β) съ относительными словами, связывающими придат. предл. съ главнымъ, но безъ глаг. «*есть*». Последній случай наблюдается

аа) въ косвенныхъ выраженіяхъ въ соединеніи съ мѣст. и нарѣч. относительными: «искахуть вое, шѣ-бы привреци граду» Ппат.—«Сотвори совѣтъ, *куда бы* воевати» Ппат.;

такъ: «какъ будто *наступило* втор. прош.» т. е., неопред. накл. заимствуетъ отглагольн. вр. изъ главнаго сказуемаго «*бы* страшно». **И. Б.**

*) Слѣдоват., здѣсь «*бы*» есть союзъ, выражающій *желательность* (ср. II, 280), а не составная часть описательной формы «*было бы*», какъ гов. Бусл. **И. Б.**

бб) для выраженія *цѣли* «бы» въ соединеніи съ другимъ союзомъ: «нача нехати мѣста подобна, а бы кдѣ поставить городъ» Плат.

437

Эти обороты соотвѣтствуютъ соврем. русскимъ съ союзами *цѣли*, которые Потебня называетъ заключительными: *дабы, чтобы, только бы лишь бы* съ неопредѣленнымъ накл., при чемъ въ однихъ случаяхъ связь неопредѣл. накл. съ личнымъ глаголомъ посредствомъ союзовъ *цѣли* явственно выводится изъ союза изяснительнаго (ср. выше II, 428) съ прибавкою къ нему „бы“ (а+бы, что+бы): „не могъ не полюбоваться“ = „не могъ что+бы не полюбоваться“; „азъ хочу за Христа пострадати“ = „хочу еже+бы за Христа пострадати“,—а въ другихъ случаяхъ—явственность такой связи не можетъ уже быть восстановлена. Такое употребленіе *абы, чтобы...* съ неопред. накл. *цѣли* вмѣсто личной формы объясняется отчасти и возникновеніемъ неопредѣленнаго изъ достигательнаго накл., выражающаго *цѣль*, и во всякомъ случаѣ не должно быть объясняемо иностраннымъ (нѣмецко-французскимъ) вліяніемъ, гдѣ въ подобныхъ случаяхъ стоитъ *і n f. сь предлогами* *im, im zu, roug*, а не съ союзами. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ въ современ. рус. яз. „чтобы“ съ неопредѣленнымъ даже неустранимо, какъ наприм. послѣ «вмѣсто того», или въ зависимости отъ *другую* неопредѣленнаго: «вм. того чтобы *наказать, онъ...*» — «Идетъ онъ въ лѣсъ *толкнуться у сосѣдей, чтобъ* съ к. н. знакомство *свѣсть*» Крыл. *)

438

Въ старин. рус. яз. еще равноправны обороты: «како *быхомъ* промыслили» и «како *бы* (союзъ) *умиритися*», при чемъ «како *быхомъ*—ли» мож. б. и *условнымъ* (сослаг.), и *желательнымъ*; въ нынѣшнемъ же яз. «какъ *бы* мы *помирились*» есть только услов. (сосл.), а для отбѣнка *цѣли* съ желательностью требуется непременно сказать: «какъ *бы* намъ *примиритися*», т. е., при союзахъ *цѣли* прич.—*ль* вытѣсняется неопредѣленнымъ, а потому представляются устарѣлыми выраженія, какъ «голоса такого не имѣю, *чтобъ* Феба я достойно *величалъ*» (=чтобъ *величать*) Крыл., хотя въ марус. и теперь: «и се робив не для потѣхи, а Марса *щоб* *удоволивъ*» Котл.

439

Два вида абсолютнаго неопредѣленнаго наклоненія.

15. Абсолютное неопр. наклоненіе вѣдшимъ признакомъ своимъ имѣеть то, что *всегда* стоитъ *передъ* глаголомъ. Въ употребленіи его различаются два случая.

а) Неопр. наклоненіе, *усиливающее* отрицаніе того глагола, предъ которымъ оно стоитъ: «я *знать-незнаю, вѣдать-невѣдаю*», т. е. рѣшительно незнаю. Въ латыш. оно ставится и при утвердительномъ глаг.: «дрожать *дрожить*». [Ср. рус. народное: «самъ *спать* заснулъ» Рыбн.: III, 34]. Оте.

*) Однако, при *отдѣльныхъ* подлежащихъ въ главномъ и придаточ. предложен., послѣ союза финальнаго *чтобы* ставится личный союзъ: «А *чтобъ* мышинный родъ ему не *повредилъ*, такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ» (Крыл). — «Вмѣсто того, *чтобы онъ* *подаль* мнѣ руку, я протянулъ ему свою». И. Б.

видно, что это неопр. накл. ставится какъ нарѣчіе и потому несовѣзмъ можетъ быть названо абсолютнымъ.

б) Неопр. накл. съ *уступит.* значеніемъ, при чемъ оно употребляется или съ постпозитивными частицами *хоть, то*, или и безъ нихъ: «*нашумѣть-то* нашумѣли, а дѣла не сдѣлали»; *любить хоть* нелюби, да почаще взглядывай». Однако есть случаи абсолютнаго неопр. н., которые не подходятъ подъ уступит. значеніе и могутъ быть передаваемы выраженіемъ: „что касается до того, чтобы“: „онъ *пѣть*-не бѣтъ, а *пѣтъ*, такъ пѣтъ“. (Ср. выше II, 201).

Примѣч. Сходно по значенію съ абсолютнымъ неопредѣленнымъ накл. употребляются и другія формы, которыя могутъ быть передаваемы нарѣчіями для усиленія сказуемаго.

аа) Въ литов. глагольная форма на *te*, соответствующая литовскому неопредѣленному на *tì*: *plaukte plauké* (=плавомъ переплылъ).

бб) Въ латыш. уменьшит. форма неопр. наклоненія въ родѣ мнрус. уменьшительнаго неопредѣленнаго „спа-т-ки“;

вв) латыш. причастія и дѣепр. подобно влрус. дѣепричастіямъ: «я *летуши* дорожку пролетѣла бы» Барс. Прич.—Въ рус., кромѣ абсолютнаго неопред. и дѣепр., приблизительно съ тѣмъ же усиленнымъ значеніемъ употребляется твор. п. существительнаго: бѣгомъ бѣжать и форма на *мя*, наминающая творит. двойств. ч.: ливмя лѣтъ. Всѣ эти формы, усиливающія значеніе сказуемаго, *одного* и того же корня съ нимъ.

Творительный падежъ *).

1. Въ силу связи предикативнаго творительнаго съ другими творительными, необходимо рассмотреть и эти послѣдніе.

Въ области изслѣдованія славяно-литовскаго яз. существуетъ большое разногласіе о творительныхъ падежахъ, за исключеніемъ развѣ твор. мѣста и времени, въ которыхъ вещественное значеніе совпадаетъ съ формальнымъ.

Бусл. (Гр. § 246) располагаетъ значеніе твор. по схемѣ членовъ предложенія: 1) подлежащаго, 2) сказуемаго, 3) опредѣленія и 4) обстоятельства, а именно:

1) твор. *дѣйствующаю* лица при страд. залогѣ,
2) твор. признака или состоянія въ *сказуемомъ* при глаголахъ *быть, стать, сдѣлаться*,

3) твор. признака, перешедшій изъ сказуемаго въ *опредѣленіе* („пострижеса дщи его *двоюю*“),

и 4) творит. *обстоятельствъ*: а) *качества* и *отношенія*: *высокъ ростомъ*,

*) Творительнымъ предикативнымъ пад. заканчивается у Потебни изслѣдованіе о составномъ сказуемомъ. **И. Б.**

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

440

441

442

443

444

б) орудія: пишу перомъ, в) образа дѣйствія: шагомъ, высокѣмъ-высоко, г) причины и основанія, д) времени и е) мѣста

Генетическій по-
рядокъ въ выло-
женіи творитель-
наго падежа.

Но самъ Бусл. признаетъ такой порядокъ *искусствен-
нымъ*, поэтому лучше руководствоваться *генетической связью*
между видами твор. падежа.

По *Даниичичу* тв. и первоначально означаетъ путь движенія, по которому идетъ дѣятельность отъ *исходной точки* до *завершенія*. Таково время и орудіе. Отсюда выводитъ онъ и другія значенія.

Зикмундъ изъ значенія „какимъ путемъ“ также выводитъ значеніе не только времени и орудія (средства), но и причины, повода, общности и качества, отношенія, мѣры, примѣриванія (согласно съ чѣмъ), сравненія. И только „твор. сказуемаго“ выводится изъ твор. сравненія.

Миклошичъ также полагаетъ въ основу творительнаго п. *простран-
ственное* (локальное) значеніе, къ которому примыкаетъ представленіе ору-
дія и средства; отсюда выводятся представленія *сосуществованія* (*socialis*),
и дальше всего отстоитъ твор. съ *предикативнымъ* значеніемъ.

Малецкій, напротивъ, въ основу творительнаго неосновательно кладетъ значеніе *образа дѣйствія*.

Шлейхеръ различаетъ въ творительномъ падежѣ два основныхъ значенія: *инструментальность* и *соціативность* (= съ чѣмъ) въ отдѣльности, такъ какъ въ творительномъ есть два совершенно различные суффикса. Остальные значенія, въ томъ числѣ мѣста и времени, онъ выводитъ изъ значенія орудія: „идти дорогою“ равно де „идти *посредствомъ* дороги“.

Дельбрюкъ въ изслѣдованіи «*Ablativ, localis, instrumentalis*» etc. утверждаетъ, что основное значеніе творительнаго п. есть *совокупность съ чѣмъ*; поэтому соціативный или комитативный падежи употребляются для обозначенія: 1) лицъ, связанныхъ съ главнымъ лицомъ, 2) обстоятельствъ, сопровождающихъ дѣйствіе, и 3) частей пространства и времени дѣйствія. Изъ соціативнаго же выводится твор. п. орудія и средства.

Боппъ въ суффиксахъ творительнаго п. также видитъ значеніе соціативности, изъ котораго выводитъ и другія значенія.

Мнѣніе Потебни
о двухъ перво-
нач. творитель-
ныхъ.

Въ виду *двойственности* суффикса творительнаго п., и Потебни склоненъ производить всѣ твор. падежи изъ двухъ первоначальныхъ: *мѣстнаго* и *соціативнаго* (первоначально тоже пространственнаго).

2. Твор. соціативный безпредложный есть наиболѣе устарѣвшій и заслоненный другими падежами въ славянскихъ нарѣчіяхъ, особенно же творительнымъ съ предл. *съ*, который однако не равняется древнему соціативному безпредложному, такъ что многое, принимаемое *Миклошичемъ* и

Зигмундомъ за соціативный падежъ, должно быть относимо къ творительному орудію, причины, образа.

Нужно отличать два вида творительнаго соціативнаго: Два вида твор.
соціативнаго.

а) въ творительномъ соціативномъ предметъ сопровождающій, сосуществующій бываетъ предметомъ самостоятельнымъ по отнош. къ главному; напр. въ санскр. «богъ (съ) богами», «солнце (со) звѣздами», «каша (съ) молокомъ», «равенъ (съ) нимъ»; въ слав.: «солюю и квасомъ муку мѣсимъ», «приобщивша сѣмъ страстьми».

б) Въ тв. соціативномъ предметъ сосуществующій бываетъ не самостоятельный, а составляющій часть или условіе бытія главною предмета, что особенно явственно бываетъ при предметахъ конкретныхъ. Напр. «бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, великыма очима» Лавр.— «Борисъ тѣломъ бяше красенъ, лицомъ круломъ» Сказ. о Бор. и Гл.— «Мы ся доискахомъ оружемъ одною стороною, рекше саблями» Лавр.— «городчане только душою останася» Нов. I.— «а насъ отпустили юлыми юловами за море» Аѳ. Ник. Въ обычной начальной формулѣ завѣщаній до 17 в.: «се язъ рабъ Божій, отходя сего свѣта, своимъ иплымъ умомъ, пишу грамоту» можетъ быть тв. образа: «въ здоровомъ умѣ».

Не нужно смѣшивать: «принимше побѣду славою и честью великою» (Ипат. во многихъ мѣстахъ), гдѣ предлогъ *съ* слился съ слѣд. словомъ «славою»: «(с) славою».

З. Творит. мѣста означаетъ путь движенія на неопредѣленномъ протяженіи и отличается отъ винительнаго тѣмъ, что послѣдній обозначаетъ мѣру движенія на всемъ протяженіи, наприм. «пройти полевъ», «предъ полевъ, за полевъ, подъ полевъ» и т. д. безразлично, съ какими предлогами, и «пройти поле» (т. е. все).

а) Твор. мѣста ставятся при глаголахъ движенія и пребыванія на мѣстѣ, которые могутъ опускаться, при чемъ при глаголахъ пребыванія можетъ стоять и мѣстный пад., который отличается, однако, отъ творительнаго мѣста тѣмъ, что мѣстный означаетъ пребываніе на одномъ пунктѣ, а твор. на нѣсколькихъ и, слѣд., выражаетъ также движеніе. Напр. въ серб. «кад су были полевъ ширикижемъ» — когда были полевъ, т. е. шли, ѣхали не въ полѣ (на полѣ), а въ разныхъ мѣстахъ поля.

б) Есть еще твор. мѣста, употребляющійся въ значеніи «смотря по»: «хохлатыя куры дворомъ ведутся», «это бываетъ человекомъ, лошадыю, юдомъ», т. е. не вездѣ, а мѣстами. Такому творительному Потѣбня придаетъ дистрибутивное, «распредѣлительное» значеніе, по которому одна единица пространства можетъ б. принята за тишь многихъ подобныхъ».

в) Къ твор. мѣста должны б. отнесены нарѣчія: передомъ, кру-

гѡмъ, слѣдѡмъ (а слѣдомъ—есть еще *сущ.*, равно какъ и *дорогою*), прямою; перекры(=поперекъ др.-рус. Лавр., Ипат.).

Въ русскихъ говорахъ *мѣстоименныя нарѣчія*: куды, сюды, туды (ср. млр. кудюю, сюдою, тудюю), вѣроятно, ест. остатки твор. п. мн. ч., какъ и въ чеш. и польск.: kudy, tudy, sudy; tedy... отвѣтомъ на которыя первоначально могъ служить *тв.* п. (полемя), а *не вин.* (въ поле): ити куды?—полемя.

4. *Твор. времени* аналогиченъ съ твор. мѣста и предполагаетъ его: время въ твор. падежѣ представляется *путемъ*, а дѣйствіе во времени—*движеніемъ въ пространство*. Вслѣдствіе этого и разница между *тв.*, *вин.* и мѣстнымъ времени такая же, какъ въ этихъ же падежахъ мѣста: *ѣхать днемъ* (т. е. *нѣкоторое* время въ теченіе дня); *ѣхать, побыть день* (т. е. *весь день*); *утромъ, вечеромъ* (тв. п.) также относятся къ стар. мѣстному *утръ, вечеръ* (=совр. ввечеру), какъ и тв. п. *полемъ* къ мѣстному *въ (на) полѣ* *).

Виды твор. пад. времени.

Твор. времени, какъ и мѣста, восходитъ къ до-славянскому періоду. Въ слав. нарѣчійяхъ онъ употребляется

а) съ значеніемъ „въ теченіе такою-то вр.“: «преложи вся книги... 6-ю мѣсяцъ» Лавр.—«Вои не можахуть перенти *днемъ* до вечера» Ип.— Въ позднѣйшемъ яз. такіе твор. времени являются уже архаизмомъ: «Она въ 3 часа напраказитъ можетъ столько, что и *въкомъ* не пособитъ». Ф. Виз.—Теперь явственнѣе чувствуется, что творительнымъ падежемъ обозначается только *нѣкоторая часть* времени: *мѣтомъ* я написалъ то-то (т. е. на неопредѣленномъ протяженіи лѣта). Въ этомъ же смыслѣ: зимою, весною, осенью; днемъ, ночью, утромъ, вечеромъ, этими днями, тѣмъ временемъ, дорогою, ночьюю темнотою (Держ.), походомъ (=во время ночи, похода); а также: разомъ, махомъ, духомъ, часомъ, сею минутою; стар. единою (=разъ, разомъ вмѣстѣ) для выраженія одного момента. Для *точною* же опредѣленія времени употребляется уже *вин. п.* безъ предлога или съ предлогами: три дня, въ три дня.

б) Къ этому творительному времени относятся или точнѣе—тождественно съ «разомъ», «единою» употребляются и «пятью-пять» и т. д., а м. б. и темныя по происхожденію нарѣчія на *шти, жды*: тришти, трижды и проч.

в) Аналогично съ «куды» къ твор. времени относятся по происхожденію и *нарѣчія времени на ѡ*: тогда, област. колды, чеш. kdu, пол. gdu.

г) Подобно «распредѣлительному» мѣста бываетъ и *дистрибутивный времени*: временами, вечерами и т. д. Когда же единица времени прини-

* Но какая именно разница между *вечеромъ* и *вечеръ* (ввечеру), Потембя не поясняетъ. И. Б.

мается за типъ многихъ подобныхъ, то ставится твор. ед. ч. вл. множественнаго: часомъ, порою.

д) Къ тв. „шестью мѣсяць» (=въ теченіе 6 мѣсяцевъ) примыкаетъ и другое знач.: «за 6 мѣсяцевъ до чего» для обозначенія, быть можетъ, *приблизительности*. Напр. «*тремя деньми*» т. е. *дня за три* (до Успенія Богородицы) повелѣ иугмень рушити...» Лавр.

454

Отсюда, кажется, ведутъ начало нарѣчія и союзы *чѣмъ* изъ первонач. «прежде чѣмъ» (а не «вмѣсто того, чтобы»): «*чѣмъ* на мостъ намъ ити, поищемъ лучше броду» Крыл., съ перестановкою же предложеній послѣ срав. степени «чѣмъ» могло получить значеніе *нежели* (*нечѣмъ*): «ему больше годовъ, *нежели* (*нечѣмъ*) тому», при чемъ «*нечѣмъ*» предполагаетъ употребленіе отрицанія (*не*) при сравненіяхъ*).

е) Примѣры, въ родѣ: «бѣ отроче *лѣтомъ*» (=одного года) Милон. относить къ твор. соціативному (Гр. IV, 726), а Потебня—къ творительному для обозначенія *прожитаго* времени *отъ начала до смерти* или другого событія и т. обр. ставить этотъ твор. въ связи съ предыдущимъ видомъ (д).

455

456

5. Твор. орудія и средства, по мнѣнію Дельбрюка и Шердья, вытекаютъ изъ твор. соціативнаго при глаголахъ движенія, напр. «онъ ѣдетъ *колесницею*» (=вмѣстѣ съ колесницею), но Потебня выводитъ первоначальное представленіе объ орудіи изъ значенія *пути*: «*какимъ путемъ* это сдѣлать», «*посредствомъ* чего это устроить». Отсюда,

а) твор. *орудія* ставится при глаголахъ *идти*, *ѣхать* *посредствомъ* чего: «куряне... *придоша коньми*» Пп.; точно также: *ѣхать каретою*, *возомъ*; перенос.: «чужимъ *умомъ* не далеко уѣдешь» (=посред. чуж. ума, а не св...).

Виды твор. орудія и средства.

457

б) При глаголахъ *двигать* чѣмъ съ *непереход.* знач. въ отличіе отъ тѣхъ же глаголовъ, но переходныхъ: *вертѣть* пальцами, (а не пальцы), *двигать* ногою, (а не ногу); *ворочать*, *ударить*, *хватить*, *хлеснуть*, *колочить*, *бить* (челомъ); *махать*, *помавать*.

в) При гл. *заложиться* чѣмъ (=заслониться, закрыться): «Давидъ же заложися *ночью* и бѣжа Смоленську» Лавр.

458

г) При гл. *владѣнія*: «поидѣте княжить и володѣти *нами*» Лавр.; въ соврем.: *владѣть*, *править*, *руководить*, *распоряжаться*, *начальствовать*, *командовать* чѣмъ (=посред. чего).

д) Твор. *иѣны* при глаголахъ *купли* и *продажи*: *купить* (вѣнито

* Въ славянскихъ языкахъ простое *не*, какъ частица *предпочтенія*, является рѣдкою и употребляется лишь въ сложениі: *неже*, *нежели*, *негли*, *нели*, а *не*, *не какъ*, *ни*: «Луче есть на своей землѣ костью лечи, и *нели* на чужѣ» Ипат.— «Лѣвши бы ми смерть, а *не* (ни) курское княженіе» Дан. Зат.

чимъ); *торювать, дать, взять*: «чимъ купишь хлѣбы» Остр. Е.—„Начаша торговати *тнязи*“ Новг. I.—«Даютъ *скорою*» (=платять шкурами) Лавр.—Аналогичны съ этимъ и твор. п.: платить *нечьмъ*, жить *нечьмъ*, а также послѣ *существительныхъ*: сдача *мелочью*, взятки *щенками* (Гог.). Ср. далѣе II, 489.

450

е) Твор. названія *вещества, изъ котораго сдѣлано что-н.*, при чемъ твор. означаетъ *средство* производства работы: „церковь бѣшеть создана бѣлымъ *каменемъ*“ Ип.—«Столбъ *каменемъ* сдѣланъ» Дан. Пал.—«Тиунъ его (князя), яко огонь *трепетичю* (изъ осиновыхъ дровъ) на-кладешъ» Дан. Зат.

460

ж) Твор. *орудія, выраженнаго лицомъ, а не предметомъ неодушевленнмъ*: при глаголахъ *держати, соблюдать* (блюсти), *поставити, отъ-яти, маюлати, проявляти, постояти* (самъ собою, т. е. самъ *черезъ* себя), *сказати къмъ* въ смыслѣ *черезъ посредство кого*, и др.: «*държати* Новгородъ *сыномъ*» Новг. I; „*всю* волость Черниговскую *собою* держати“ Ппат.—Въ литер. яз. выраженія: «*всѣ* будутъ счастливы *тобою*» Держ. «...*вами* выгодъ тьму по службѣ получилъ» Гриб. устарѣли и удержались только: «самъ *собою*» и «само *собою*»: «самъ *собою* дошелъ» Гог. Но другіе нѣкоторые твор. падежи, примыкающіе къ этому типу, скорѣе могутъ быть названы твор. *образа дѣйствія*: *перомъ, шерстью* (=въ видѣ *черевъ*, въ видѣ *шкурокъ*), *лицемъ* (лично), *юловами* (ноголовно *всѣ, вовсе*). Напр. «свадебную кунцу давати *шерстью*, а не будетъ кунцы *шерстью*, по пять грошей (давати) за кунцу» Акт. З. Р.—«Иванушку и твою сожительницу почти *юловою* (=вовсе) не понимаю» Ф.-Виз.—Въ совр. яз.: «выйти павстрѣчу *всѣмъ юродомъ*» (тв. образа д.): «служба-*службой*, а дружба-*дружбой*» есть также тв. *образа д.*, а не орудія, и равняется выраженію «сама *по себѣ*», а не «сама *собою*».

461

з) При глаг. *оженити-ся* въ стар.-слав. (а въ серб. и теперь) ставится имя жены въ твор. п. въ смыслѣ тв. *орудія*, а не въ *соціативномъ* значеніи (съ *къмъ*): «Всеволодъ жени сына своего Святослава *Васильковною*» Лавр. Ср. млр. *окопити чѣмъ* (=снабдить конемъ); влр. *опыити чѣмъ* (ударомъ, словомъ), *осолицъ* солью, огородить, обоюзить; старин. «*ополонитися* челядью (=снабдить себя челядью), скотомъ» Ип.; *облобитися* множествомъ звѣрей» Ип.; *обвинити* винами, *обличити* дѣлы (=посредствомъ *винъ, дѣлъ, а не въ винахъ, дѣлахъ*); *оклеветати* чимъ; м. б., сюда же относится: *клетати* чимъ; *одарити* (и *подарити*) великими дарами» Ип.

462

и) Тв. орудія *при безличныхъ оборотахъ*: дороги *снѣгомъ* занесло, замело.

і) Въ виду того, что тв. орудія равно возможны какъ при *дѣйствительныхъ*, такъ и *среднихъ* глаголахъ, къ этому же типу должны б. отнесены:

аа) твор. при гл. *дышать* чѣмъ (а не какъ): дышать полною *грудью*, гнѣвомъ;

бб) *плевать, харкать, отфыраться, рвать* (жолчью), *пахнуть, во-
нять, смердѣть, отзываться, отдаваться* чѣмъ: но Малецкій считаетъ
творительные отъ гл. пахнуть за твор. *вещества*, Зигмундъ—за твор. *срав-*
нительныя, а Миклошичъ (IV^е, 718) разсматриваетъ его особо;

вв) *плакать* горькими слезами,

гг) *цвѣсти* кистями: „лицо цвѣтеть прыщами и угрями“. Ср. *кипеть*
сердцемъ, *болеть* душою, *горѣть* любовью, *сохнуть* тѣломъ, *блистать*
золотомъ, *кишеть* червями, *оброси* волосами. Зигмундъ считаетъ эти
падежи твор. причины и основанія, а Микл. относитъ ихъ къ твор. при
страдательныхъ, возвратныхъ и среднихъ глаголахъ (Гр. IV^е, 706—7).

к) Тв. *орудія въ психологическихъ явленіяхъ* обозначаетъ не только
ближайшее къ субъекту орудіе, какъ наприм. *малюлати, чѣсти* «четыреми
языки», «мыслию» *смыслити; слышаша* «своимъ языкомъ», но и даль-
нѣйшее орудіе, что въ новомъ рус. яз. выражается большею частію пред-
логами *о* съ мѣстнымъ и *на* съ вин. п. Такъ, *промышлять* чѣмъ (=за-
ботиться о чемъ): «аще моя глава ляжетъ, то промыслите *собою*» Лавр.;
пѣти, упѣвати: «пѣшвай *собою*» Кир. Тур.; *вѣровати, радѣти* (въ
значеніи *радѣ буду*): «онъ нами радѣлъ, а мы *имъ* радѣли» Пут. Лукьян.
Въ нов. яз.: *бредитъ* чѣмъ, *скучатъ* чѣмъ; м. б. *торопиться* замуже-
ствомъ (Ср. далѣе при глаголахъ возвратныхъ II, 468—471).

л) Параллельно съ этимъ творительнымъ, творительный орудія ставился
и при другихъ многихъ глаголахъ, означающихъ психолог. явленія: шутку,
обманъ, презрѣніе, отвращеніе и т. п.: *играти* чимъ, кѣмъ *вм. нынѣш:*
надѣ чѣмъ, вочто; *блзнити, глумитися, мстити, лгати, измяти*
(помѣшать), *лукати* (desipere), *ругати* кѣмъ, *пряшеться* (оправдывал-
ся), *препирати* (оспаривать посред. чего), *объщати*ся. Въ нов. яз. *шут-*
ить, презирать, пренебрегать, дорожить; хвастать (м. б., и возвр:
хвалиться, *величаться*), *клясться, божиться, присягать, кланяться* кому
чѣмъ (подаркомъ), *бить* (челомъ).

б. Твор. *энергическій* или *условленный страдательнымъ*
сказуемымъ, который у Бусл. неточно называется творительнымъ дѣй-
ствующаго лица. Этотъ твор. весьма близокъ къ творительному орудія, но
отличается отъ сего послѣдняго тѣмъ, что отражаетъ на себѣ особенность
страдательнаго залога и, встрѣчаясь рядомъ съ другими творительными при
страд. з., не смѣшивается съ ними: письмо *мною* (тв. энергич.) написано
перомъ («тв. орудія»); въ примѣрѣ «ови вяжеми и *пятами* пхаеми» (Лавр.)—
«пятами» твор. орудія, при которомъ подраз. другой твор. лица, (кѣмъ-ниб.),
обусловленный страдательнымъ залогомъ, но въ выраж.: «печальни, *зимою*

оцѣпляеми» (Лавр.)—«зимою» есть твор. дѣйствующаго предмета, пот. ч. при обращеніи въ дѣйствит. оборотъ будетъ: «зима (холодъ) оцѣпляла».

468

Смѣшеніе энергич. творительнаго у Зикмунда и Миклош. съ твор. причины при глаголахъ непереходныхъ.

Различіе дѣлаемое Потербней между этими падежами.

Зикмундъ относитъ твор. при страд. сказ. къ творительнымъ причины и основанія наравнѣ съ творительнымъ при непереходныхъ гл.: «Богомъ стоитъ весь свѣтъ». Миклошичъ (Гр. IV, 704—6) также отождествляетъ творительные при страд. з.

съ творительнымъ при непереходныхъ глаг. *быти, мрѣти, гибнути, ѣдсти, потонути, изнемошти, сохнѣти, иштезнѣти, таяти, горѣти, нольти* (горѣтъ?), *помрѣзнѣти, исильѣти* и пр., а равно и помянутые выше: *китѣть,*

Различіе дѣлаемое Потербней между этими падежами.

болѣть чѣмъ. Но Потербня всё творит. при непереходныхъ *безъ ся* относитъ глав. образомъ къ творительнымъ или орудія, или причины и не отождествляетъ ихъ съ творительнымъ при страд. з.,

такъ какъ твор. при страд. з. обязательно долженъ имѣть и имѣть «противнемъ» своимъ им. п. при соотвѣтствующемъ дѣйствительномъ: «письмо писано мною» = «я писалъ письмо», творительный же при непереходныхъ глаголахъ *такою* противня неимѣетъ: для выраженія «женою въ возрастѣ злѣе» не м. б. противнемъ дѣйствительный оборотъ «жена възрасти злѣе», какъ думаетъ Микл., ибо тутъ противопоставлены *не страдательный дѣйствительному, а средній дѣйствительному-причинному*, при чемъ въ первомъ примѣрѣ «женою» будетъ *причиною*, а во второмъ—«жена» *дѣйствующимъ предметомъ*, тогда какъ въ выраженіяхъ: «письмо писано мною» и «я писалъ письмо» *мною* и *я* равно будутъ дѣйствующимъ предметомъ.

Тв. энергическій и орудія при среднихъ глаголахъ на ся.

Что же касается среднихъ глаголовъ *съ ся*, то Потербня признаетъ возможнымъ при нихъ и твор. энергическій, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда медіальное значеніе глаголовъ *съ ся*

возникло не изъ возвратнаго, при коемъ *ся* чувствуется какъ вин. п., а чрезъ посредство страдательнаго. Напр. нынѣшній средній гл. *печься* (заботиться) возникъ изъ возвратнаго: «*печь себя* посред. чего»; но онъ могъ получить и страд. значеніе: «быть некому (озабочиваему) чѣмъ», и слѣдов. тотъ же сред. гл. «печься» могъ соединиться и съ творительнымъ энергическимъ. Так. обр. выраж.: «*непечетесь* душею вашею, что ѣсте» можетъ приближаться или къ страдательному обороту съ творительнымъ энергическимъ: «не *будьте* озабочиваемы душею вашею», или къ возвратному: «не *заботьтесь* о душѣ вашей», т. е. не озабочивайте себя душою вашею (тв. орудія).—«Оженившись *печется* женою, како угодити женѣ» Кир. Тур., т. е., или *бываетъ* озабочиваемъ женою» (твор. энергич.), или «озабочиваетъ себя женою» (тв. причины). Микл. (Гр. IV, 817—818) такіе твор. падежи помѣщаетъ между твор. *основанія* и творительнымъ при глаг. «пахнуть».—Къ такимъ же среднимъ гл. съ *ся* слѣдуетъ отнести: *стыдѣться* и *стыдитсяя*, *мучиться*, *печаловатися*, а также глаголы съ возвр. *си*: *сѣжалитиси* Шпат.,

469

стужатиси (Кир. Тур.), если только эти глаголы безъ дат. *си* вм. *ся* имѣли переход. значеніе: «досады стужаютъ ми»; *ятися* (=яту быти), *повестися* (поведену быти), *сложитися* (=быть соединену), *кончатися* (быть кончену), *хвалятися*, *хулитися*, *растаятися* (=быть растоплену), *располътися* (=б. распалену). Напр. «Мстиславъ же... истинною любовью *обуемся* (=бывъ объять) съ братьею хожаше» Пшат.—Въ нов. литер. рус. яз. слѣды страдательности можно видѣть при глаг. на *ся*: *радоваться*, *веселиться*, *инушаться*, *мяться* (Держ.), *волноваться*, *тревожиться*, *мучиться*, *славиться*, *хвалиться*, *величаться*, *юрдиться*, *чваниться*, *потѣшаться*, *казниться*, *пониматься* (водою), *заниматься* (огнемъ).

7. *Твор., условленный именемъ и нарѣчіемъ*. Въ отличіе отъ творительныхъ орудія, условленныхъ глаголомъ, творительный при имени получаетъ другой отбнокъ уже въ силу того одного, что глаголь означаетъ признакъ *возникающій*, а имя—признакъ *данный, готовый*. Сюда относятся:

А) *Твор. при прилагательныхъ и нарѣчійхъ* Тв. при срав. ст., означущій мѣру того, чѣмъ одинъ предметъ превосходитъ другой. Напр. «аршиномъ длиннѣе», «юловю выше», «малымъ чѣмъ дороже», «бѣ бо ему възвѣщено прежде *днемъ* единымъ» Лавр.; въ союзахъ сравнительныхъ: «*тѣмъ* болѣе, что», «*чѣмъ* дальше, *тѣмъ* больше». Всѣ эти творительные не имѣютъ отношенія ни къ мѣсту, ни къ времени и отличны какъ отъ творительныхъ, стоящихъ при глаголахъ сравненія (превосходить, равняться, удлинить, уменьшить и т. п.), такъ и при прилагательныхъ полож. степени, хотя Зикмундъ, Миклош., Востоковъ, Шлейхеръ и Даничичъ не разграничиваютъ ихъ другъ отъ друга.

Б) *Твор. при прилагательныхъ не сравнительной степ.* и не означущій мѣры; онъ ближе подходитъ къ тв. орудія и дѣйствующаго предмета, но грамматически не мож. б. отождествленъ съ ними, такъ какъ твор. орудія стоитъ при глаголахъ и причастіяхъ, а твор. дѣйствующаго предмета—при страдательномъ залогѣ, разсматриваемый же твор. ставится при прилагательныхъ: *долженъ*, *винннъ*, *повиннъ*, *веселъ*, *печаленъ*, *отлѣченъ*, *безсмертенъ*, *трудоенъ*, *страстенъ*, *красенъ*, *раздѣленъ* и др., а также: *беременна*, *брюхата*, *тяжела* (сыномъ), *ценна*, *супоросна*, *стельна* и под.

Миклош. (IV, 705) тв. при большей части этихъ прилагательныхъ относить къ одному разряду съ твор. при страд. сказуемомъ. Но 1) эти прилагат. съ суф. *ннъ* не суть причастія страд. прош. врем. (Ср. *долженъ* и *одоленъ*, *печаленъ* и *опечаленъ*); 2) даже при причастіи, напр., «*обязанъ чѣмъ*», твор. находится въ связи съ творительнымъ орудія, а не дѣйствующаго предмета, ибо творител. остается и при дѣйств. залогѣ: *обязать кого почитеніемъ*.

470

471

472

473

474

Твор. при прилагательныхъ не сравнит. ст.: *долженъ*, *полонъ* и др.

Несогласіе Потебни съ мнѣніемъ Миклош. и Бусл. относительно этого твор. п.

475

Буслаевъ считаетъ *полонъ, наполненный, исплненный* прилагательными, если послѣ нихъ стоять родит. п. и страд. причастіями, если слѣдуетъ пад. *твор.*, которымъ по общему правилу управляютъ страд. глаголы; но въ выраж.: «стаканъ, наполненный мною *виномъ*» отъ страдательнаго залога зависить только «мною», а „виномъ“ останется и послѣ дѣйств. з.: „наполнить *виномъ*“, какъ и въ „полонъ *виномъ*“, гдѣ тв. п. и Миклошичъ признаеть творительнымъ *орудія*. На основаніи всего этого Потебня склоненъ думать, что разсматриваемый твор. п. занимаетъ средину между тв. орудія и творительнымъ дѣйствующаго предмета, или еще лучше — просто твор. орудія, при чемъ расширяется эта категория и на случаи, гдѣ нѣтъ глагола. Такіе твор. встрѣчаются и въ древ.-рус. яз., и въ ст.-слав., п. въ новомъ рус.: „повинны будуть... *епитимъею*“ Лавр., „единъ должнъ бѣ *пѣтии сѣтъ динарии*“ О. Е. — „...которымъ (гусямъ) нѣкогда былъ должнъ Римъ *спасеньемъ*“ Кр. — «*Грабительствомъ* богаты» Грѣб.

В) *Твор. отношенія* (=по отнош. въ ч.) ставятся:

Твор. отношенія
и виды его.

476

а) При *прилагательныхъ*: „*малыя вѣрстою* (малыхъ по возрасту) *любвѣно приими*“ Изб. 1073. — „Цѣркви несказанны *льпотою*“ Нев. I. — „...*пространствомъ* безконечный, *теченьемъ* времени превѣчный“ Держ. — „*высокъ ростомъ*“, „*весель нравомъ*“, „*скорбень главою*“ и т. д.

477

б) При *сущ. конкретныхъ и абстрактныхъ*: великанъ, дубина, молотецъ, красавецъ (собою), арапъ (рожей), герой, богатырь, казакъ и т. д. Въ стар. яз.: „*моуринъ тѣломъ*“ (αἰθῆρσφ τὸ σῶμα), XIII сл. Гр. Б. — „*сотонины исчадя дѣломъ и нравомъ*“ Пн., именовъ, прозвищемъ, родомъ: „*Скотшпы всѣ родомъ*“, „*именемъ Лазарь*“. — „И быеть *убытокъ* крестьяномъ *хлбмомъ*“ Пск. I.

γ) При *болѣе сложныхъ названіяхъ величины*: „*двадцать тысячъ числомъ*“ Пн. — „*Вышиною съ двухъ-этажный домъ*“.

478

δ) При *глаголахъ одною и даже неодною происхожденія съ прилагательными, сочетающимися съ тв. п. отношенія*: похорошѣть лицомъ, (ср. „хорошъ лицомъ“); при глаголахъ *простить, цѣлѣть* (ср. прил. простъ, цѣль): „*Никита простилъ очною болзнію*“ Нов. II. — Въ связи съ гл. „цѣлѣти“ твор. при *сущ.* „получи *исцѣленіе* своею очною болзнію“ Нов. II. — „*Есмя приобижени отъ поганыхъ пѣмцевъ и водою, и землею, и головами*“ Пск. I. — „И тутъ греки съ нимъ уговорились *пошлиною*“ Пут. Лукьян.

Характерныя
особенности творительнаго отношенія.

479

Въ то время какъ другіе ученые (Малецкій, Зигмундъ, Гаттала и Миклошичъ) смѣшиваютъ твор. отношенія съ творит. причины и орудія и не обособляютъ его, Потебня, на основаніи разсмотрѣнныхъ примѣровъ, выдѣляетъ этотъ твор. изъ другихъ и характеризуетъ его двумя особенностями: а) тѣмъ, что онъ, подобно твор. при

прилагательныхъ сравнительной (А) и несравнительной (Б) степ., первоначально ставился лишь при именахъ, а затѣмъ и при глаголахъ, сперва образованныхъ отъ этихъ именъ, а потомъ — и не происходящихъ отъ нихъ, и б) тѣмъ, что этотъ творительный первоначально есть творительный *дополнения*, или, какъ выражается Потебня, „въ основѣ его лежитъ творительный, *объективно* означающій вышшій предметъ“.

8. *Творительный причины* бываетъ двухъ видовъ: Два вида твор. причины.

А) *Творительный, тяготящій только къ ска-
зуемому*, которымъ бываетъ *средній* глаголь безъ „ся“, *не предполагающій страдательности*. Сюда относятся многіе изъ тѣхъ непереходныхъ глаголовъ, твор. падежъ при которыхъ Миклошъ разсматриваетъ какъ твор. при страд. залогѣ (Ср. выше II, 468): „*гладомъ мръсахъ*“, „*женою Сампсономъ погыбе*“, „*жаждою сохнути*“, и какъ твор. при страд. з. дѣлается именительнымъ въ дѣйствительномъ оборотѣ, такъ точно и твор. причины становится именительнымъ, если на мѣстѣ среднихъ глаголовъ поставить соответствующіе дѣйствительные обороты или глаголы, которые Потебня называетъ *причинными*: «*женою Сам. погыбе*» и «*жена Сампсона погубила*». На этомъ основаніи Потебня исключаетъ изъ этой категоріи „*болѣть чѣмъ*“, такъ какъ не находитъ глаголу *болѣть* соответствующаго противня въ дѣйствительномъ оборотѣ, но находитъ „*сходными*“ съ тв. причины а) творительные при глаголахъ съ значеніемъ „*вонять чѣмъ*“ и б) твор. въ значеніи „*черезъ кого*“, „*черезъ чье посредство*“, „*при чьей помощи*“: „*здѣсь воняеть *детемъ**“ (ср. „*здѣсь воняеть *деиють**“); „*тобою* проидохомъ сквозѣ огонь и воду“ Пшат. ср. „*ты провелъ насъ сквозъ огонь и воду*“ *).

Б) *Твор. причины, независимый отъ качества глагола*.

Эти творительные относятся не къ одному какому-либо члену, а въ совокупности ко всѣмъ членамъ предложенія. Таковы, между прочимъ, образовавшіеся изъ этого творительнаго союза: *имѣже, тѣмъ, тѣмъ же*: «у Клева бяше перевозъ тогда... *тѣмъ* глаголаху «на перевозъ на Киевъ» Лавр. Между тѣмъ, твор. *мѣста, орудія, образа д. и дѣйствующаю предмета* тяготяють только къ своему глаголу. Напр. «и разыде (разъединила) ны съ ними рѣка, и нельзя бѣ ны съ ними *тою рѣкою* (твор. прич.) битися полкомъ» (тв. образа = въ строю) Пшат. — «Льство убъенъ быеть... *Святополкомъ* Одовичемъ (тв. дѣйств. предм.) *совѣтомъ* (тв. прич.) бояръ невѣрныхъ» Ппат. — «Пойде Володимерь въ Новгородъ *своими орудыи* (= по своимъ дѣламъ) Нов. I. — «И ту *иньвы* (= въ сердцахъ) повелѣ воевати много» Пп. — «А сына отцовою *виною* неказнити» Ак. З. Р.

* Эти два вида твор. падежа могутъ быть и твор. *орудія*: Срав. II, 463 и 459. — И. Б.

Въ нов. литер. яз. этотъ тв. рѣдокъ и замѣняется описательно: «по причинѣ», «вслѣдствіе», *отъ* страху, *съ* голоду, *по* лѣности, *за*, *изъ-за*, *черезъ*.

Близость твор.
образа къ нарѣ-
чіямъ.

9. *Твор. образа дѣйствія*. Къ этимъ творительнымъ, за исключеніемъ твор. отношенія «именемъ Лазарь» (Ср. II 477), Потехня относитъ тѣ же случаи, что и Буслаевъ (Гр. § 246, 4, в), а именно: 1) тв. *образа дѣйствія* (въ общирномъ смыслѣ), на вопр. *какъ?* (идти *шагомъ*), 2) тв. *усиленія*: «*высокимъ*—высоко», «*вода водой*» и 3) тв. *уподобленія*: летѣть *стрѣлой* (=какъ стрѣла). Хотя на вопросъ «какъ» отвѣчаютъ и другіе творительные: соціативный, мѣста, времени, орудія, но твор. образа отличается отъ сихъ послѣднихъ тѣмъ, что онъ, отвѣчая на вопросъ «какъ», теряетъ реальность *объекта* и, приближаясь къ адverbіальному значенію, становится затѣмъ нарѣчіемъ, такъ что твор. образа «есть моментъ, предшествующій переходу дополненія въ нарѣчіе», по отношенію же къ «разносоставности» его можно сказать, что «въ него втекаютъ различные творительные при легкомъ измѣненіи своего значенія по направленію къ потерѣ субстанціальности». Такъ, первоначальный тв. соціативный въ выраж.: „только *душою* останася“ можетъ перейти и въ твор. образа; творительные пад.: „*головою* повалю за Новгородъ“, „*костью* падоша“, „упалъ *лицомъ* на землю“ могутъ быть и тв. орудія, и твор. образа, смотря по тому, насколько ясна субстанціальность этихъ творительныхъ: въ выраж.: „удариться обо что *головсю*“—будетъ тв. *орудія* пот. ч. субстанціальность въ словѣ „*головсю*“ ясно чувствуется, но въ выраж.: „того самого *головой* (=лично) возьметъ“ субстанціальность затемняется и потому „*головую*“ будетъ твор. образа. Поэтому Миклошичъ безъ всякой нужды (Гр. IV, 714) вводитъ особую категорію творительнаго, означающаго «то, *согласно* съ чѣмъ нѣчто совершается», напр. „*объ чрьдѣхъ* (=по очереди) служебьницъ“, „судити *правомъ* (=согласно съ правомъ) Майтборскимъ“: въ подобныхъ примѣрахъ творительные п. суть твор. *образа*, пот. ч. въ нихъ видна только „подкладка творительнаго орудія, но нѣтъ уже его субстанціальности“.

Подобно тому, какъ латин. твор. *mente*, независимо отъ вещественнаго своего значенія, прямо переходитъ въ окончаніе *нарѣчій* въ романскихъ языкахъ (итал. *pienamente*, фр. *pleinement*), такъ и въ славянскихъ языкахъ многія выраженія, соответствующія латинскому *mente*, формально переходятъ въ тв. образа *независимо отъ своего вещественнаго значенія*. Напр. „такъ обр.“, „нѣкоторыми дѣльи“ (=ни по какимъ дѣламъ=никакъ=вовсе), «тайнымъ обычаемъ» (=тайно), „звѣринскимъ образомъ“ (=по звѣриному), „никомъ же образомъ“, „явился звѣзда...копѣйнымъ обр.“, „бысть моръ великъ во Псковѣ и знаменіе *жельзою*“ Нов. I. (Въ нов. литер.: „не нужо *оставаться юлодомъ* =впроголодь). Для выраженія способа движенія и пре-

быванія: „ходить *лжесю* (лживо) предъ Богомъ“ Новг. I. „иде Всеволодъ *ратью*“ Новг. I, какъ нынѣ: „войною“ (а не *сз* войною).

Однородно съ „ити *войною*“: „пойти *изъездомъ*“ Ипат., „разбоемъ“ 487 „грабежемъ“—„опоромъ“ (=стремительно) Пск. I., „торонемъ“ *ibid.* „посольствомъ послаша“ Новг. I. „сторѡжа маеть чергою быти (=д. отбываться по очереди) Акт. З. Р. I. — Миклошичъ эти и под. твор. относить безъ нужды къ особому разряду творительныхъ, означающихъ *намъреніе* и *послѣдствіе* (IV, 722); но „одра (ободра) *мъхомъ* козель“—не *для мѣха* (тв. цѣли), какъ думаетъ Микл. (IV, 734), а тв. образа, аналогично съ выраж.: „драть кожу *ремнями*“, „снять кору *дудкою*, а не *полосою*“ 488.

Однородно же съ „ити *войною*“ употребл. „*вечеромъ* сташа“, „*пѣлкомъ*“ (въ видѣ строя), „*шатры*“ (какъ нынѣ: „стоять *обозомъ*); „*Ѳеодосій*... лежашъ *мощми*“ Лавр. (по Микл. это твор. соціатив: IV, 723—4).

Къ твор. образа, *вещественно* означающему мѣру и число (Микл. IV, 711), какъ напр. летать, ходить, лежать, ставить... *десятками*, *сотнями*, лить *ведрами*, *бочками*, примыкають многочисленныя выраженія (Микл. IV, 708—11): писать *каракулями*, молотить *сыромолотомъ*, птицы летаютъ *стадами*, люди снуютъ *толпами*, кровь льетъ *ручьемъ* и т. д.

Зикмундъ и Микл. (IV, 635) въ выраж.: „даромъ дати“ считают „даромъ“ твор. предикативнымъ и, слѣд., соответствующимъ второму винительному, какъ въ оборотѣ „зятя имѣти *князя*“ (=княземъ). Потєбня же признаеть „даромъ“ твор. *образа*, происшедшимъ отъ твор. орудія: „надѣлнть кого подаркомъ“. Ср.: „отецъ и мати чадо свое въсажаше въ лядю *даромъ* гостемъ“ Новг. I; отс. наше нарѣчіе „даромъ“ 489.

Подобно тому какъ твор. п. можетъ стать дополненіемъ *одной* существительнаго (безъ глагола), напр. „знаменія *птицами*“ Лавр., такъ точно и твор. образа можетъ соединяться съ *однимъ* существительнымъ: „присла Гюрги *дары* многы *паволокою* и *скорою*“ Ип.; „дары *златомъ* и *сребромъ*“; въ нов. яз.: „взятка *щенками*“, „рубель *серебромъ*“, „подати *натурою*“ (Ср. выше II, 458, д; 459, ж).

Нерѣдко трудно бываетъ провести границы между творительнымъ существительнаго и нарѣчіемъ, а, слѣд., между дополненіемъ и обстоятельствомъ образа. Критеріемъ для этого до нѣкоторой степени м. служить, во-первыхъ, то, что существ. въ твор. образа употребляется еще во всѣхъ падежахъ, напр. „говорить *шопотомъ*“, а нарѣчіе—не употребляется: „пѣшкомъ“, «босикомъ», и во-вторыхъ—для отличенія существительнаго отъ нарѣчія русской яз. пользуется иногда удареніемъ, напр. *верхомъ*, *бѣгомъ* (нарѣч.) и *вѣрхомъ*, *бѣгомъ* (сущ.); но все зависить тутъ отъ *сознанія говорящаго*; напр. „рысью“, „иноходью“ 490.

м. б. въ извѣстныхъ случаяхъ и существительнымъ, и нарѣчиемъ. Изъ другихъ средствъ различенія нарѣчій отъ существительныхъ можно указать

а) на рѣдкій случай приставки *несогласуемаю* слова къ твор. образу для указанія нарѣчности падежа, напр. въ мдр. яз.: „*паномъ-дѣло* (?) жив.“;

б) на существительныя изъ имени прилагательнаго, которыя употребляются въ твор. пад. только въ смыслѣ нарѣчій: „*Андрееви же гнавшю ратные маломъ не до полковъ ихъ*“ Ип.

в) Нарѣчности содѣйствуетъ*) плеонастичное употребленіе существ-хъ и прилаг-хъ въ творител. *усиленія*, который, согласно съ Миклош., подраздѣляется на слѣд. разряды: аа) твор. существительнаго *съ* прилагательнымъ, которое составляетъ здѣсь «самое главное»: „*вздръмавъ се сномъ тежкомъ*“ т. е. тяжело (Микл. IV, 713, § 8, IV), бб) тв. существительнаго *безъ* прилагательнаго, при чемъ существительное бываетъ одного происхожденія съ *лаоломъ* (Микл. IV, 713, § 10, I, II), при которомъ онъ является въ качествѣ обстоятельства: *въжделаніемъ збло въждѣлахъ**, *слыхомъ* не слышать, *ходенемъ* ходить, и вв) твор. существительнаго и прилагательнаго, которые являются *повтореніемъ* корня того слова, которое усиливается: „*полнымъ* полно, *однимъ* одинъ, *никъмъ* никого, *болванъ болваномъ*“.

г) Множ. число благоприятствуетъ образованію нарѣчій изъ творительнаго образа. Напр. „*единъ же изъ нихъ, тихы* шедъ, послушааше“ Жит. Теод.—, „*Малы бо насъ невзяша Печенѣви*“ Лавр.—, „*Матерны* лаяти кому“ Акт. Ист. XVI в.— Сюда же: *опакы* (назадъ), *пакы* съ разными значеніями**) *акы* (=как. обр. и какъ срав. союзъ), *такы* (=, же“, „все-таки“ и „тави“ для усиленія: *такъ-таки*, *притомъ-таки*). Сюда же нужно отнести нарѣчія отъ относительныхъ прилагательныхъ на *иск*: русьскы, поганьскы, потьскы (по-птичы), пьсьскы.—Въ литер. яз. эти нарѣчія обыкновенно только въ соединеніи съ прилагат., онъ дѣтски добръ“, а *безъ* прилагательнаго къ нарѣчю прибавляется *по*, напр. „*подѣтски*“ вм. „*подѣтску*“ („*подѣтскому*“), какъ въ польск. и чеш.: *rogusku*, въ словен.: *romalu*, *rotichu*.

10. Твор. на мѣсть вторыхъ (согласуемыхъ) падежей.

Взглядъ разныхъ ученыхъ на тв. предикативный пад. I. Это своеобразнѣйшее явленіе славянскихъ и литовскаго языковъ Потебня признаетъ позднѣйшимъ (вытѣсняющимъ), а не древнѣйшимъ (вытѣсняемымъ), какъ думаютъ

*) Но не превращаетъ въ нарѣчіе? И. Б.

**) а) назадъ, обратно, б) вторично, опять, в) обратно, въ свою очередь, взаимно, г) «пакы ли» съ условно-противит. значеніемъ «иначе», «въ противномъ случаѣ», «если не»: «Любо дай Изяславу, чего ти хочеть, *пакы ли* (=если вѣтъ,=если не дашь=иначе...), и (=то) пойдѣ полкъ своими ко мнѣ» Ип. д) *Пакъ* союзъ постпозитивный для выраженія легкой противоположности (=а, же). Ср. выраз. «въ другую сторону»=«иначе», «въ против. случаѣ», «а не то»: «подай-ка мнѣ супротивника: *въ другую сторону* я твою силу побую» Сказки Ав. VI, 315-

Шлейхеръ, Миклошичъ, Гаттала и Буслаявъ. „Болѣе всего развитъ этотъ оборотъ (твор. предик.) въ польскомъ, гов. Микл., между тѣмъ какъ другіе слав. яз. *совсѣмъ оставили его, первоначально же онъ былъ всѣмъ свойственнъ*... Такъ по-русски говорится: я видѣлъ его *здороваго* въ здоровымъ“ (Гр. IV, 727).

494

2. При недостаточномъ отдѣленіи грамматики отъ логики, отъ синтаксическомъ значеніи этого творительнаго, по сравненію его со вторыми (согласуемыми) падежами, выводились заключенія, напоминающія взглядъ Аристотеля на разные роды сказуемаго. Такъ, Миклошичъ (Гр. IV, 740) согласно съ Гатталою и Смитомъ говоритъ: надежомъ сказуемаго бываетъ у насъ не только именительный, но часто и творительный съ тѣмъ различіемъ, что именительный опредѣляетъ, *что такое подлежащее само по себѣ*, а творительный лишь *ничто приписываетъ* подлежащему. Согласно съ этимъ содержаніе сказуемаго, выраженнаго именительнымъ п., *вполнѣ* равно содержанію подлежащаго, какъ $2+2=4$, сказуемое же, выраженное творительнымъ п., такого соответствія не имѣетъ. Однако *языкъ* не всегда слѣдуетъ такому *логическому* взгляду на сказуемое. Напр. въ предложеніяхъ „человѣкъ есть *разумное животное*“ и „человѣкъ есть *животное*“ сказуемое выражено въ обоихъ случаяхъ именительнымъ падежомъ, между т. о равенствѣ сказуемаго съ подлежащимъ во второмъ предложеніи не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ этомъ сказуемомъ заключается лишь одинъ признакъ подлежащаго — „животность“.

495

496

497

Предложенія, въ которыхъ сказуемое опредѣляетъ, *что такое подлежащее* по существу своему, Зигмундъ называетъ предложеніями *сущности*, а тѣ предложенія, въ которыхъ сказуемое приписываетъ подлежащему лишь *ничто*, отличающее его отъ другихъ предметовъ, называетъ предложеніями *случайности*. Въ предложеніяхъ сущности, по словамъ Буслаява и Гатталы, сказуемое-имя ставится въ *им. п.* (Ломоносовъ былъ *великій человекъ*), а въ предложеніяхъ случайности — въ творительномъ (Ломоносовъ б. *рыбакомъ*), при чемъ *вм. „быть“* въ последнемъ случаѣ можно поставить *сдѣлаться, стать, казаться*. Неправильность такого взгляда очевидна. Мы говоримъ: „я былъ *боленъ*“, хотя *им. п. „боленъ“* есть признакъ несущественный; говоримъ также: „люди остаются *людьми*“, хотя тутъ творительнымъ п. сказуемаго выражается признакъ весьма существенный.

498

Уже Востоковъ намѣтилъ вѣрный путь къ опредѣленію разницы между *им. и твор. сказуемаго*, хотя и держался категорій „прирожденности“ и „случайности“, именно: когда гл. „былъ“ составляетъ *связку*, тогда сущ. ставится въ *им. падежѣ*, какъ предикативный атрибутъ, согласующійся съ подлежащимъ; когда же „былъ“

Взглядъ Востокова на *им. и твор. сказуемаго*.

499

обращается въ *сказуемое*, тогда существительное служить *дополнѣнїемъ* къ нему и полагается въ падежѣ творительномъ (Рус. Гр. § 121).

Держась намѣченного Востоковымъ взгляда, Потебня выводитъ разницу между именительнымъ въ *сказуемомъ* и такъ наз. твор. предикативнымъ

а) изъ *измѣненія функции глагола* въ то время, когда согласуемый падежъ (онъ былъ *рыбакъ*) переходить въ несогласуемый (онъ б. *рыбакомъ*),

б) изъ *различія согласуемости и несогласуемости* падежей,

и в) изъ *разницы* между такъ наз. *творительнымъ предикативнымъ* и *тѣмъ творительнымъ* (образа), *изъ котораго твор. предикативный выводится**.

3. Такъ наз. *твор. предикативный*, название котораго удерживается Потебней только для краткости, долженъ быть точнѣ названъ *творительнымъ, замѣняющимъ вторые согласуемые падежи*, по происхожденію же своему имѣть онъ отношеніе *только къ творительному образу* и съ нимъ только можетъ быть смѣшиваемъ.

500

Грамматическая субстанція (I, 93) творительнаго образа и остальныхъ творительныхъ падежей по отношенію къ субстанціи подлежащаго и объекта то бываетъ совершенно отдѣльна, то совпадаетъ или сливается вмѣстѣ съ ними. Такъ, напр., въ твор. *орудія*: „*клинъ клиномъ* выгоняется“ вещь, означенная творительнымъ, со всѣмъ не та, которая означена именительнымъ, хотя обѣ и названы однимъ именемъ „*клинъ*“; точно также въ твор. *образа* (усиленія) „*клинъ-клиномъ*“, *свинья-свиньей* (=настоящій *клинъ*, настоящая *свинья*) субстанціи обоихъ падежей также различны: въ именительномъ субстанція реальная, а въ творительномъ *фиктивная*, напр. „и изъ гостей домой (Хавронья) пришла *свинья-свиньей*“; или въ выраженіи: „*Хъ иде войною*“ субстанціи именительнаго и творительнаго образа (вообще) совершенно раздѣльны. Но въ нѣкоторыхъ творительныхъ *образа*, напр: „*игумень иде съломъ*“, (оборотень) „*рыщеть лютымъ звѣремъ*“ замѣчается „*частное сляніе***“) субстанціи именительнаго и творительнаго падежей, пот. ч. какъ именительнымъ, такъ и творительнымъ пад. означаетъ одинъ и тотъ же предметъ: *посоль* и есть *игумень*, *лютый звѣрь* и есть *оборотень*. Въ *подобныхъ творительныхъ образа* „можно видѣть уже первую ступень творительнаго предикативнаго“, въ которомъ *всегда* бываетъ *совпаденіе* субстанціи съ субстанціей именительнаго.

Но къ творительному образу, какъ сказано выше (II, 483), кромѣ образа вообще и усиленія, относится еще твор. *уподобленія*, подъ которымъ разумѣется съ одной стороны простое *сравненіе* (*летѣть стрѣлою* = какъ *стрѣла*,

*) Эти три основныя мысли и примѣняются далѣ Потебней при объясненіи твор. предикативнаго. **И. Б.**

) т. е. не полное совпаденіе всѣхъ признаковъ, а лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ. **И. Б.

подобно стрѣль, но не *будучи* стрѣлою), а съ другой—и *превращеніе* (у дороги осталась *бѣлымъ камнемъ* Марья Царевна). Между этими творительнымъ простого сравненія и превращенія есть разница, но разница не грамматическая (формальная), а вещественная, которая можетъ быть опредѣлена въ каждомъ случаѣ только на основаніи извѣстнаго круга знаній: напр. въ выраж.: «Всеславъ скочи *вълкомъ* до Немигы» *вълкомъ* мы можемъ признать творительнымъ превращенія (а не простого сравненія) потому только, что знаемъ, что современники и авторъ Сл. о П. П. смотрѣли на Всеслава, какъ на чародѣя, грамматическими же средствами отличить ихъ не можемъ. Равнымъ образомъ, въ грамматическомъ отношеніи все равно, что „идти въ походъ *воеводю*“ (=въ качество воеводы), что „ходить *воеводю*“ (=подобно воеводѣ), «ходить *юголемъ*»; плн: „клохтать *насъкъю*“ (=въ качество насѣдки*) и «пѣть *соловьемъ*» (=подобно соловью); но въ отношеніи вещественнаго значенія эти творительные не одно и то же. Вслѣдствіе этого, а также и потому, что субстанція творительнаго предикативнаго всегда совпадаетъ съ субстанціей именительнаго, можно думать, что изъ творительнаго *собственно-сравненія*, субстанція котораго не совпадаетъ съ субстанціей именительнаго, не выводятся случаи творительнаго предикативнаго и «только вообще изъ творительнаго образа и то въ случаяхъ совпаденія субстанцій» именительнаго и творительнаго (выводятся другіе случаи творительнаго предикативнаго**). Миклошичъ (IV, 732 и сл.) справедливо относитъ къ твор. предикативнымъ слѣд. примѣры: «Бавкида *липою* стала», «бѣлымъ *камнемъ* осталась Марья царевна», хотя Бусл. первый примѣръ относитъ къ твор. предикативному, а второй—къ твор. образа (уподобленія) (Гр. § 246, прим. 1 и 10).

501

512

53

Глаголы, входящіе въ *составное* сказ., какъ извѣстно изъ предыдущаго (II, 174 и сл.), бываютъ двухъ разрядовъ: 1) глаголы *возникновенія* (стать, бывать, дѣлаться, казаться, оставаться, называться и др.) и 2) глаголы *вещественнаго движенія* и *пребыванія* (иду, лежу, стою, сижу; жить, расти, умереть и др.). При глаголахъ перваго разряда *второй (предикативный) именительный* какъ прилагательныхъ, такъ и существительныхъ былъ обыченъ въ старин. яз., а отчасти есть и теперь; при глаголахъ же втораго разряда *второй именительный* прилагательныхъ также обыченъ, а *существительныхъ* былъ рѣдокъ и замѣнялся творительнымъ; поэтому выраженіе «стала (1 разр.) *липою*» есть оборотъ *позднѣйшій*, который можетъ быть возстановленъ древнѣйшимъ оборотомъ съ *именительнымъ* пад: стала *липа*, выраженіе же «лежала (2 разр.)

Глаголы, входящіе въ составное сказ. и твор. предикат. при нихъ.

*) Ср. «Князья *насъдкою* не клохчуть» Держ. **И. Б.**

) Изъ предыдущаго ясно однако, что твор. предикативные могутъ выводиться и изъ творит. *превращенія* въ случаяхъ совпаденія субстанцій, о чемъ дальше и говоритъ Потебня. **И. Б.

камнемъ» есть оборотъ древній, который на основаніи памятниковъ древ.-рус. письма съ трудомъ могъ бы быть замѣненъ оборотомъ съ именительнымъ падежемъ. [Ср. выше II, 180].

Причина ранней замѣны именительнаго творительнымъ предикативнымъ при глаголахъ движенія и пребыванія лежитъ, съ од. стороны, въ *различной степени энергичности* глаголовъ того и др. разряда, а съ другой—въ *неравномерной служебности* ихъ при образованіи составнаго сказуемаго (Ср. II, 177—9). Глаголы первого разряда наиболѣе служебны, т. е., проявляютъ наибольшую энергію въ образованіи составнаго сказуемаго, вслѣдствіе чего и связь (согласованіе) предикативнаго атрибута съ подлежащимъ тѣснѣе и крѣпче; напротивъ, глаголы второго разряда наименѣе служебны, т. е., принимаютъ меньшее участіе въ образованіи состав. сказуемаго и могутъ даже обходиться вовсе безъ предикатив. атрибута, вслѣдствіе чего и связь (согласованіе) сего послѣдняго съ подлежащимъ естественно бываетъ менѣе крѣпка и легко разрушается. При этомъ дѣятельность подлежащаго при глаголахъ первого разряда *предшествоуетъ* появленію признака въ предикативномъ атрибутѣ, который вслѣдствіе этого является уже *результатомъ* дѣятельности подлежащаго: «N бысть (явился, нарѣчеся...) воевода», т. е., N сперва не былъ воеводой и сталъ имъ уже *послѣ*, вслѣдствіе энергіи подлежащаго, проявляющейся въ глаголѣ, тогда какъ при глаголахъ второго разряда признакъ предикативнаго атрибута представляется возникающимъ не послѣ, а слѣдов. и *не вслѣдствіе* энергіи подлежащаго, а *одновременно* съ дѣятельностію его: «N иде пѣшь», т. е. онъ былъ пѣшь *въ то самое время*, какъ шелъ. Так. образ., при глаголахъ меньшей энергіи признакъ предикат. атрибута, вслѣдствіе *одновременнаго* возникновенія его съ дѣятельностію подлежащаго, представляется какъ бы даннымъ, готовымъ и потому можетъ смѣшиваться съ простымъ атрибутомъ (Ср. I, 99—102). Такое смѣшеніе предикативнаго атрибута съ простымъ опредѣленіемъ становится еще легче, когда на мѣстѣ прилагательнаго является существительное, пот. ч. трудно представлять *возникновеніе множества признаковъ* предикативнаго существительнаго *одновременно* съ дѣятельностію подлежащаго и легче мыслить ихъ данными, готовыми, какъ это бываетъ въ простомъ атрибутѣ. По этой причинѣ предикативн. существительное, *согласованное* съ подлежащимъ, какъ напр. «княгыня съде вдова лѣтъ 40», тѣмъ легче можетъ быть понято за простой атрибутъ: „княгыня вдова съде лѣтъ 40“. Языкъ, чувствуя это, долженъ былъ, *для избѣжанія смѣшенія простого атрибута съ предикативнымъ*, разорвать связь *согласованія* въ падежѣ между подлежащимъ и предикативнымъ существительнымъ и перенесъ послѣднее въ *несогласуемую* область *дополненія*: «преставися княгыни Глѣбовая..., съдѣвши по князи своемъ *вдовою* лѣтъ 40». Ипат.—Итакъ,

древнѣйшій предикативный твор. существительнаго, подобно творительному образу: «игумень иде съломъ», означаетъ *одновременность* представленія какъ признака предикативнаго атрибута, такъ и дѣятельности подлежащаго, (княгиня сидѣла, *будучи въ то же вр. вдовою*), тогда какъ *позднѣйшій* предикатив. творительный при глаголахъ большей энергій (1 разр.): «липой стала», «оборотилась кукушкою» означаетъ *ничто, слѣдующее за дѣятельностью* подлежащаго (въ то время какъ она становилась, оборачивалась, *не была еще липою, кукушкою*). И чѣмъ слабѣе энергія глагола, тѣмъ слабѣе и связь согласованія между предикатив. атрибутомъ и подлежащимъ. Этими и объясняется то обстоятельство, что при глаголахъ меньшей энергій (2 разр.) прежде всего порвалась связь согласованія съ подлежащимъ, и появился твор. предикативный *вм. именительнаго*.

505

4. По аналогіи съ тв. предикативнымъ, сюда же долженъ быть отнесенъ и творительный *простой аппозиции*, не замѣняющій и не предполагающій второго согласуемаго именительнаго, какъ это бываетъ въ творит. предикативномъ; напр. «ребенкомъ лишилась она матери». Этотъ твор., повидимому, еще древнѣе, чѣмъ творительный предикативный существительнаго при глаголахъ меньшей энергій, и *отъ энергій глагола вовсе не зависитъ**), по отношенію же ко времени онъ не означаетъ ни послѣдующаго за дѣйствіемъ, какъ это бываетъ при глаголахъ 1-го разряда, ни строго одновременнаго съ дѣйствіемъ, какъ при глаголахъ 2-го разряда, а выражаетъ скорѣе состояніе, *совпадающее съ временемъ дѣйствія*.

Твор. аппози-
тивный и виды
его.

Твор. аппозитивный замѣняетъ собою приложеніе и ставится

а) *при именительномъ*: «мати, *непознавши мужьска ложа, дѣвичество* породѣ» Кир. Тур., «пострижесе дщи его *дѣвою*» Лавр. Эти твор. равняются въ соврем. яз. выраженіямъ: «еще въ дѣвѣцахъ», «въ дѣвахъ», «будучи еще дѣвою», тогда какъ въ творительномъ *предикативномъ* послѣ глагола 1-го разр. «пострижесе дѣвою» означало бы результатъ дѣйствія: «постриглась *въ дѣвы*». Ср. въ нов. яз. твор. аппозитив: «сколько слезъ *ребенкомъ* пролилъ я» Батюш., «ты *дѣтей* съ нимъ часто танцовала» Гриб.^{**}).

506

*) а составляетъ простое приложеніе къ своему опредѣляемому имени. **И. Б.**

) Нужно отличать отъ этихъ аппозитивныхъ творительныхъ творительные *сравненія*, которые Потебня называетъ здѣсь почему-то *предикативными*, хотя передъ этимъ и говорить (II, 502), что изъ творительнаго сравненія предикативные творительные не выводятся. Такъ напр., «она плететь косы въ тросе, *дѣвкою*» (=какъ дѣвка, тв. сравн.), но—, «женщина *дѣвкою*» (=въ дѣвкахъ, тв. аппозитив.) иначе плететь косы, чѣмъ *женкою* (=будучи замужнею). Нельзя также смѣшивать съ аппозитивными и тѣ твор. предикативные, которые Миклош. и Давничъ причисляютъ тоже къ аппозитивнымъ, какъ напр., «служи иподьякономъ», «сѣлъ *господаремъ*» и под., гдѣ творительные *входятъ въ составное сказ.* и не служатъ приложеніемъ къ подлежащему. **И. Б.

б) Тв. аннотитивный при *вин.* (или *род.*): «слышу же се, яко се-
стру имата *дъвоюю*» (въ дѣвицахъ) Лавр., «*дитей* (еще во время дѣтства)
возили (меня) на поклонъ» Гриб. И эти твор. аннотитивные нужно отли-
чать отъ творительныхъ предикативныхъ: «*дъвоюю* (какъ дѣву) сохрани *я*»
«остави его *сиротою* (въ *качествахъ* сироты, а не въ то время, когда онъ
былъ сиротою).

в) Твор. аппозит. при *дат.*: «еще *юнкеромъ* случилось мнѣ быть по
казенной надобности»... Лерм.

При им. и *вин.* творительный аппозит., можетъ быть, въ отличіе отъ тв.
предикат., не согласуется въ *числь* съ опредѣляемымъ именемъ: «бѣху
дъвоюю (=въ дѣвахъ) дштери четьри прорискаюште», тогда какъ въ твор.
предикативномъ было бы: „дѣвами“, согласно съ греч.: „*εἰρον τετροχόσιας*
νεανίδας παρ' ἑνούου“.

**5 Твор. предикат. на мѣсть второго косвеннаго падежа
существительныхъ.**—Микл. (IV, 727, 8) прежде всего относитъ сюда тѣ

твор. предикат., которые соответствуютъ 2-му *вин.* (и *род.*) при глаголахъ
съ знач.: *называть, считать, дѣлать* кого чѣмъ. Возникновеніе ихъ, какъ
сказано выше, Потѣбня считаетъ болѣе позднимъ. По крайней мѣрѣ, въ
Остр. Е. и Савв. книгѣ (за исключеніемъ Супр. рук., языкъ которой позд-
нѣе, чѣмъ Остр. Ев.) на мѣсть этого твор. ставится *второй винит.*, а въ
старыхъ *русскихъ* памятникахъ равно употребляются и 2-й *вин.*, и твор.
именъ существительныхъ (но не прилагательныхъ): «поставиша Ѳектиста
епископа Чернигову» Новг. I; „нарекъ ю *дщерью* собѣ“ Лавр.—И 2-й *дат.*,
должно б., началъ замѣняться творительнымъ гораздо раньше XV в.: „писаться
господару нашему... во всякихъ грамотахъ *братомъ* молоднимъ“ А. З. Р.
1448 г.—Въ нов. литер. яз. твор. существительнаго вмѣсто 2-го *вин.* и
2-го *дат.* сталъ уже необходимымъ. Даже въ 18-мъ в. не встрѣчаются уже
подоб. выраж.: „называю васъ *друзей*“ (вм. друзьями), „человѣку нельзя
быть *аниелу*“ (вм. ангеломъ).

**6. Тв. существительнаго на мѣсть предикативнаго име-
нительнаго при глаголахъ большей энергичности.** Въ Остр. Ев.

этотъ твор. предикативный также отсутствуетъ, какъ и тв. *вм.* вторыхъ
косвенныхъ п.: въ Супр. р., Шестод. Іоан. Экз. употребителенъ, а въ стар.
русскихъ памятникахъ равноправенъ съ предик. именительнымъ: «у Ярополка
жена *грекини* бѣ и бѣше была *черницею*» Лавр.—«Съгна отця съ престола
и самъ *царемъ* ста» Нов. I.—«Поставленъ бысть Никола Гречинъ *еписко-
помъ*» Ипат.—Гораздо раньше появился предикат. твор. при *страд. при-
частіи* аннотитивномъ въ косв. падежѣ («о отроцѣ сиротою оставленѣмъ»
Микл. IV, 732) и при *именахъ отричастныхъ* («хочеть ми помочи на
поставленье *митрополитомъ*» А. З. Р. I, 1395 г.).

Въ нов. рус. яз. этотъ твор. появлялся постепенно при различныхъ глаголахъ большей энергичности, а при нѣкоторыхъ и до сихъ поръ остается предикат. *именительный*, при чемъ постановка творительнаго зависитъ и отъ различія *глагольныхъ формъ*. Такъ,

а) при глаголахъ большей энергичности *стать, сдѣлаться, казаться* и под., стоящихъ въ личной формѣ, рядомъ съ твор. до позднѣйшаго времени упорно сохраняется и им. п. (Ф.-Виз., Крыл., Пушк., Гриб., Гог.): «теперь большой онъ баринъ сталъ», «сдѣлалась моя Матрена ни пава, ни ворона».

б) При остальныхъ *v. finita* этого разряда (за исключеніемъ *быть*) теперь им. п. долженъ считаться уже совѣтъ устарѣлымъ. Таковы глаголы: *изываться* (ирозываться, именоваться), *слыть, считаться, остаться, стать* (въ знач. оборотиться во что); но до сихъ поръ въ письмахъ: «остаюсь вашъ покорн. *слуша*».

в) *Причастія* и *дѣеприч.* отъ этихъ глаголовъ, какъ предикативныя, такъ и аннотивныя, равно и *неопр. н.* еще менѣе способны теперь сочетаться съ им. п.: «ставшій (ставши) *человѣкомъ*»; «захотѣлъ *сынокъ бахрономъ* сдѣлаться» Хемн.—Это же наблюдается и въ мдр. яз.

г) Въ формахъ отъ существительнаго глагола *быть* слѣдуетъ отличать не только причастныя формы отъ остальныхъ, но и личныя настоящаго времени отъ другихъ временъ. Такъ,

а) *будучи, бывши* сочетаются только съ твор.: «будучи честнымъ *человѣкомъ*», а форма *быть* при обычномъ творительномъ удерживаетъ и им. п. *прилательныхъ качественныхъ, причастій* и даже *существительныхъ*, если «быть» слѣдуетъ послѣ «можетъ», «долженъ», составляющихъ вмѣстѣ съ «быть» какъ бы *одну* модальную форму личнаго глагола; напр.: «Царь долженъ быть судья, министръ и воишь» Крыл.

б) При *быль, буду, будь* им. и тв. падежи теперь *равноправны*, хотя и съ тонкими оттънками: «мужикъ *работникъ* былъ прямой» Кр.—«Я *быль* самъ нѣкогда *юнкеромъ*» Лерм.—Востоковъ не правъ, утверждая, что *буду* и *будь*, употребленныя предположительно, сочетаются съ им. п., а употребленныя положительно—съ творительнымъ (Гр. § 121); и въ томъ и въ другомъ смыслѣ правильно могутъ употребляться оба падежа: «я буду *волкъ* и *волкомъ*» (предполагается въ игрѣ), «онъ будетъ *богачемъ* и *богачъ*», «будь *царемъ* и *царицей* (положительно). Въ мдр. яз. скорѣе замѣтна архаичность въ употребленіи им. п., а въ польскомъ употребляется болѣе твор.

в) При наст. вр. *есмь—суть* Буслаевъ считаетъ тв. п. въ рус. лит. яз. полонизмомъ (Гр. § 246, пр. 2), но это не точно: не только у новыхъ писателей, но и въ стар. рус. яз. и въ народ. произведеніяхъ твор. п. употребителенъ; напр. «ино ся моя грамота не *грамотою*, а дѣло не *дѣломъ*» А. З. Р. 1448 г.—«И кто жь у насъ *вогведолоу?*... Васильевичъ

512

513

514

515

воведу» Рус. п. Шейнъ.—Изъ наблюдёнія надъ примѣрами видно, что им. и твор. употребляются при этомъ въ опредѣленныхъ случаяхъ, а именно:

516 1) при наличномъ «есть—суть» твор. п. *невозможенъ*, въ отличіе отъ польскаго, поэтому слѣдуетъ считать полонизмомъ у Дмитр.: „и смѣлый, дерзкій шагъ *есть* подвигомъ геройства“;

2) при *опущенныхъ* же „есть—суть“ ставятся и им., и твор.: им. п. тогда, когда «есть» бываетъ *формальною связкою*, и твор. тогда, когда «есть» заключаетъ въ себѣ *вещественное* значеніе, сходное съ глаголами *служить, являться, оказываться, оставаться**). Напр. „Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ“ Держ.—«Признайтесь, вы этому одни *виною*» Лерм.—„А тетушка? все *двушкой*, *Минервой*? все *фрейлиной* Екатерины первой?“ Гриб.

7. *Им. и твор. прилагательныхъ на мѣсть вторыхъ винительныхъ, родительныхъ, дательныхъ и именительныхъ.*

517 Твор. предикативный прилагательныхъ въ ст.-слав. яз. не встрѣчается, а въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ очень рѣдокъ: «ти бо мимоходячи прославятъ челоуѣка любу *добрымъ*, любу *злымъ*» (Лавр.), въ *новомъ* же *рус. литературномъ* языкѣ

а) замѣтна рѣшительная наклонность ставить твор. прилагательныхъ какъ на мѣстѣ *именительнаго аппозитивнаго* („*живымъ* погребшійся въ могилѣ“), такъ и на мѣстѣ *винительнаго* (и *род.*) *предикативнаго* („и видѣль онъ себя богатымъ лишь во снѣ“ Крыл.), хотя вторые винит. и род. прилагательныхъ употребляются еще у писателей 18 и даже 19 в., чего нельзя сказать про вторые вин. и род. *существительныхъ*, а обороты изъ вторыхъ винительныхъ и родительныхъ *съ неопр.* «*быть*» нынѣ рѣшительно невозможны, какъ напр. „я считалъ себя *быть благополучнаго*“.

518 б) Что касается 2-го *дательнаго* прилагательныхъ и причастій при *неопр.* накл., то 1) „одному“ и „самому“ донныѣ не могутъ б. замѣнены творительнымъ: скучно *быть* (оставаться, жить, ходить, толкаться и проч.) *одному*, *самому*, 2) въ другихъ же прилагательныхъ этотъ дат. удерживается донныѣ при гл. „*быть*“ послѣ *можно, должно, слѣдуетъ, нельзя* и под. („за чѣмъ же *быть*... такъ *невоздержну* на языкѣ“ Гриб.), 3) вообще же замѣна дательнаго творительнымъ при неопред. н. началась не позднѣе 15 в., въ 18 вѣкѣ твор. сталъ равноправенъ съ дат., а теперь тв. вм. дательнаго сдѣлался правиломъ: *быть, лежать убитымъ*; *стать, сдѣлаться, очутиться, казаться, притворяться... богатымъ*. Въ м.р. твор. п. составляетъ правило.

в) При употребленіи именительнаго и творительнаго прилагательныхъ на мѣстѣ *именительнаго предикативнаго* нужно различать слѣд. случаи:

*) Въ Серб. яз. глаголь существительный ставится *съ твор.* даже тогда, когда «сам» (есмы) стоитъ налицо.

а) при *неопр. накл.* (за исключен. „быть“) въ им. п. ставится только *одинъ*, а остальные прилагательныя—въ твор: „не хотѣла жить *одна*“, „не хотѣла жить *одинокою*“; что же касается прилагательныхъ при глаголѣ „быть“, то 1) *одинъ* (*solus*) ставится въ им. пад., а числит. *одинъ* (*unus*)—и въ им., и въ тв. п., напр. „они боятся быть *одни*“, „ты можешь быть *однимъ* (или *одинъ*) изъ первыхъ“; 2) при оборотахъ: „могу *быть*“ и „долженъ *быть*“, близкихъ къ *одной* модальной формѣ, именит. над. прилагательныхъ употребительнѣе, чѣмъ твор., при другихъ же глаголахъ съ „быть“ издавна употребляется уже твор. прилагательныхъ, хотя не устарѣлъ еще и им. п., напр. „эгоизмъ можетъ б. *отвратительнымъ*“ Пушкин.; „работа не могла быть *окончена*“, всякій *хорошъ* будетъ“, „ты хочешь быть *богатымъ* (и *богатъ*)“; 3) причастія страд. съ „быть“, также составляющія какъ бы одну форму, болѣе склонны къ удержанію им. пад.: „здѣсь я имѣлъ честь быть *представленъ* гр. Паскевичу“ Пушкин.

519

б) *Прич.* „бывшій“, равно какъ и дѣйств. причастія другихъ глаголовъ, употребляющіяся только въ мѣстоименной формѣ, сочугаются съ твор. какъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ: „N, бывшій въ то время *богатымъ* (богачемъ)“, *дѣявр.* же *будучи* и *бывши*, какъ болѣе формальныя, требуютъ творительнаго *лишь существительныхъ*, а не прилагательныхъ и причастій: „будучи вамъ вовсе *незнакомъ*“ Лерм., но: „будучи *героємъ*“.

в) При *личныхъ формахъ* (со включеніемъ страд. сказуемаго составнаго) глаголы *называются, слыть, считаются, остаются* требуютъ творительнаго прилагательныхъ, какъ и существительныхъ. (Ср. выше II, 512, б): «прикинулся *влюбленнымъ*» Гриб.

г) При глаг.: *стать, сдѣлаться, казаться* и подобныхъ ставятся и тв., и им. п. какъ прилагательныхъ, такъ и существительныхъ (Ср. выше II, 511, а); напр. «когда ночь показала намъ *коротка*, то утро за-то показало очень *долгимъ*» Пушкин.; стоялъ *первымъ, послѣднимъ*.

520

д) При *быль, суду, будь* твор. существительныхъ обычнѣе, чѣмъ твор. прилагательныхъ: «будь *добръ*», «будь *братомъ*».

е) При наст. *есмь* прилагательное въ твор. п. не ставится *никогда* ни въ рус., ни въ мѣр.-восточ. литератур. языкѣ.

Что касается существенности и случайности признаковъ въ предикативномъ именит. и творительномъ, то отгѣнки эти «взаимно условлены»*), и различіе между им. и тв. состоитъ въ слѣдующемъ.

Отличіе значенія твор. предикативнаго отъ именительнаго.

Все грамматич. содержаніе предложенія съ предикативнымъ твор. мыслится въ *три одинаковые* приема, какъ музыкальный тактъ изъ *трехъ чет-*

521

*) т. е., и въ томъ и въ др. падежѣ могутъ быть существенные и случайные признаки. И. Б.

вертей; напр. въ предлож.: «онъ былъ офицеромъ» *былъ* есть не связка, а самост. сказуемое, *офицеромъ* же является *дополненіемъ* къ нему (Ср. II, 499) и, слѣдов., мыслится не въ подлежащемъ *онъ*, а *особо* отъ него, хотя и есть между ними *частное совпаденіе* признаковъ на ряду съ другими подобными объектами, возможными при томъ же подлежащемъ и сказуемомъ: онъ былъ офицеромъ, стало быть, былъ и чѣмъ-то другимъ. Такъ обр., твор. предикативный согласно съ происхожденіемъ его отъ творительнаго образа (Ср. II, 500—502), выражаетъ *одинъ* изъ *соподчиненныхъ* признаковъ, приписываемыхъ данному подлежащему, но *еще не вошедшихъ въ содержаніе его*. Предложеніе же съ предикативнымъ именительнымъ не мыслится въ три *одинаковые* приема, такъ какъ здѣсь подлежащему противопоставляется лишь *одинъ сложный членъ*—составное сказуемое: „онъ былъ офицеромъ“; поэтому мысль *не* останавливается на *связкѣ* „былъ“, и между подлежащимъ и предикативнымъ именительнымъ иадежомъ устанавливается такая тѣсная связь, что въ моментъ рѣчи не является побужденія приписывать къ подлежащему другой какой-либо признакъ, кромѣ даннаго въ именительномъ предикативномъ, хотя бы признакъ предикативнаго именительнаго и былъ несущественнымъ. Конечно, въ данномъ примѣрѣ „онъ“ не только былъ офицеромъ, но и многими другимъ болѣе существеннымъ, напр. человекомъ, но мысль говорящаго въ моментъ произношенія предложенія: „онъ былъ офицеръ“ не останавливается на другихъ соподчиненныхъ признакахъ, могущихъ совмѣщаться въ субстанціи даннаго подлежащаго *).

*) Всѣмъ этимъ Потебня, безъ сомнѣнія, хочетъ сказать, что предикат. именительный не тѣмъ отличается отъ предикат. творительнаго, что въ именительномъ будто бы заключается признакъ *существенный*, или что содержаніе его *равно содержанію* подлежащаго, какъ думаютъ Миклошичъ, Гаттала и др. (II, 495 и сл.), а тѣмъ, что самый *грамматическій составъ* предложенія съ им. и творительнымъ предикативнымъ *неодинаковъ*, а потому и содержаніе ихъ *мыслится* неодинаково: въ предложеніи съ предикативнымъ именительнымъ этотъ послѣдній, входя въ *составное сказ.*, *тѣснѣе* обближается съ подлежащимъ, и потому говорящій, такъ сказать, *не успѣваетъ* припоминать другихъ признаковъ, исчерпывающихъ содержаніе подлежащаго, вслѣдствіе чего и *кажется*, что сказуемое *исчерпываетъ* все *содержаніе* подлежащаго (Ср. дал. III, 74) или, по крайней мѣрѣ, указываетъ на *существенный* признакъ его; въ предложеніи же съ *творительнымъ* предикативнымъ этотъ послѣдній связывается съ подлежащимъ при помощи самостоятельнаго сказуемаго и потому мыслится какъ *дополненіе*, лежащее *внѣ* подлежащаго и только *частію* совпадающее съ нимъ, подобно твор. образа; поэтому и *становится очевиднымъ* для говорящаго, что сказуемое съ предикативнымъ творительнымъ лишь *частію* исчерпываетъ содержаніе подлежащаго, именно—обозначаетъ *одинъ только* какой-либо признакъ изъ всѣхъ, какіе могутъ входить въ субстанцію подлежащаго, хотя то же самое можетъ бы и въ предикативномъ именительномъ, но только здѣсь это прикрывается *иллюзіей* въ виду тѣснѣйшей связи между подлежащимъ и предикативнымъ именительнымъ, входящимъ въ состав. сказуемое. **И. Б.**

8. Ходъ развитія творит. предикативнаго въ польскомъ

яз. тотъ же, что и въ русскомъ, но послѣдніе результаты значительно разнятся.

а) На мѣстѣ 2-го *вм.* тв. ставится съ 14—15 в., а при нѣкоторыхъ глаголахъ замѣняется предлогами *za, na* какъ съ существительнымъ, такъ и съ прилагательнымъ, между тѣмъ какъ въ рус. яз. лишь существительное возможно съ „за“.

б) На мѣстѣ 2-го *дател.* по правилу ставится твор. какъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ, за исключеніемъ *samemu* (самому).

в) На мѣстѣ 2-го *именительнаго*

α) твор. п. *существительнаго* также издавна составляетъ правило;

β) *прилагательное* при составн. сказуемомъ изъ причастія *страда- тельнаго* теперь можетъ стоять только въ твор., а въ старинномъ иногда встрѣчается и им. падежъ;

γ) при *простыхъ* сказуемыхъ (кромѣ *jes*) прилаг. ставится до сихъ поръ и въ им., и въ тв., но различіе между глаголами большей и меньшей энергіи не сказывается;

δ) при *jes, by*, по мнѣнію Малецкаго, предикативныя *существительныя* ставятся въ им. и твор.; прилагательныя же *только въ им.*, а въ творительномъ *по исключенію*, именно—когда они замѣняютъ сущ. или когда при нихъ можетъ подразумѣвать существительное *опущенное*, напр. *pisarz może być narodowym* (т. е. *pisarzem*). Но Потебня не соглашается съ этимъ и подтверждаетъ примѣрами изъ лучшихъ польскихъ писателей, гдѣ никакихъ существительныхъ при прилагательныхъ подразумѣвать иногда нельзя или не слѣдуетъ, употребленіе же прилагательнаго въ *несогласуемомъ* творительномъ, по его словамъ, не должно быть отождествляемо съ субстанціонированіемъ прилагательнаго, такъ какъ употребленіе существительнаго въ тв. п. на мѣстѣ падежа именительнаго *совершенно разрушаетъ* его грамматическую согласуемость, между тѣмъ какъ прилагательное въ твор. предикативномъ теряетъ согласованіе *только въ падежъ, а въ родъ и число согласуется*.

ε) При неопредѣл. нак. *być* дат. п. какъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ обязательно замѣняется творительнымъ, кромѣ *samemu*, но и теперь еще обыченъ именительный, какъ и въ рус. яз., при выраж.: *можетъ быть, долженъ быть* (Ср. выше II, 518, 519).

ζ) При *будучи* (*będąc*) сущ. ставится въ твор., а прил.—въ им. п.

η) О значеніи творительнаго существительныхъ при глаголъ *быть* Малецкій гов., что этотъ падежъ, въ отличіе отъ именительнаго, высказываетъ не то, *что́* кто есть, а то, *какъ* кто есть, и, слѣдов., этотъ тв., по Малецкому, есть твор. *сравненія*, выражающій *неодѣйствительность, мнимость*. Однако Потебня представляетъ множество примѣровъ, гдѣ въ творительныхъ при *jest, był* не видно никакого слѣда сравненія; напр. *zól*

nierz był młodym *chłopcem*, т. е. (солдатъ) былъ не какъ бы хлопцемъ, а *дѣйствительно* таковымъ. Болѣе удовлетворительно мнѣніе Миклошича, по которому тв. предикативный означаетъ то, чѣмъ подлежащее *становится* и, слѣдов., служить выраженіемъ *движенія*, а именительный обозначаетъ то что подлежащее *есть* и, слѣдов., служить выраженіемъ *покоя*; но такъ какъ бытіе, существованіе представляется слѣдствіемъ, результатомъ движенія, то творительный часто стоитъ и при глаголѣ *быть* съ значеніемъ *оказываться, являться*: „nie każdy człowiek *jest* (=оказывается, является) *Sezarem*“.

528

Но Потебня не можетъ согласиться и съ Миклошичемъ, такъ какъ въ примѣрахъ, въ родѣ *żołnier był młodym chłopcem*, глаголѣ *былъ* есть не глаголѣ движенія, а скорѣе вещественный глаголѣ пребыванія въ покоѣ (=находился въ состояніи), а потому творительный при немъ падежъ должно объяснять такъ же, какъ и въ рус. яз., т. е., что онъ означаетъ признакъ, *находящійся въ сочетаніи съ другими* соподчиненными, между т. какъ именительный означаетъ признакъ *безъ отношенія къ другимъ* (Ср. выше II, 521, 522), съ тою только разницею, что въ польск. языкѣ больше случаевъ сочетанія существительнаго глагола съ твор. п., и что *есть, былъ, будетъ, будь* чаще понимаются *вещественно* и употребляются въ смыслѣ *сказуемаго*, не обращая вниманія *на время* глагола и на существительное или прилаг., между которыми въ польск. яз. разница менѣе выдерживается, чѣмъ въ рус. яз.

530

9) Въ предложеніяхъ съ подлежащимъ *to*, по словамъ Малекаго и Миклош., сказуемое всегда ставится въ именительномъ, напр. *była to święta prawda* (IV, 737—8), но по объясненію Потебни въ предложеніяхъ этого рода им. п. существительнаго есть *подлежащее*, а *to*—сказуемое, поэтому существительное и стоитъ въ им. п., какъ и въ рус. яз., напр. „первый предметъ, поразившій меня, *была береза*“, „это *была береза*“, „это *были березы*“, гдѣ уже одно *согласованіе* (*была береза, были березы*) указываетъ что береза, березы есть подлежащее.—Сюда же должны б. отнесены личные обороты съ неопред. накл.: „знать—это *заслуга*“, гдѣ существительное является также подлежащимъ, а *это (to)*—сказуемымъ: „заслуга есть вотъ это: „знать“; или: „*poznać ludzi—najpierwsza nauka*“ *).

531

т) Прилаг., мѣстоим. и причастія, какъ части рѣчи болѣе предикативныя, чѣмъ сущ., и способныя къ болѣе тѣсной связи съ глаголомъ, ставятся въ именительномъ, но прокрадывается аналогія и съ существительными, вслѣдствіе чего встрѣчается и твор. п.; напр. „*Franciszek Puławski był rannym*“

532

*) Нужно различать при этомъ тѣ указат. мѣстоименія, которыя служатъ замѣною неопредѣленныхъ наклоненій, выдвигающихся на мѣсто *подлежащихъ*, и потому являются *подлежащими*, а не сказуемыми; напр. „жить и ненавидѣть—это несчастье“. Чаше всего такія замѣны бывають въ безличныхъ оборотахъ (Ср. II, 350) и при дат. съ неопред. (II, 395—6). И. Б.

(=, *„находился раненымъ“*, а не *„быть ранень“*), «*matka była z kazdym rokiem spokojniejsza*».

9) *Твор. предикатив. въ литов. языкѣ.* Въ то время какъ въ серб. яз. предикативный твор. ограниченъ, а въ латышскомъ весьма рѣдокъ, въ литовскомъ, напротивъ, твор. предикативный изъ существительныхъ и прилагательныхъ употребляется, какъ и въ русскомъ, на мѣстѣ

533

а) второго *винительнаго*: „мы Авраама имѣли *отцомъ*“.

б) на мѣстѣ второго *дательнаго*: «далъ имъ силу стать *дѣтьми* Божиими»;

534

в) на мѣстѣ *второго именительнаго* при личныхъ формахъ и неопред. накл., при страд. сказуемомъ ставится творительный, а при *есмь* (*esmi*), согласно съ рус., обыкновенно именит. п., хотя встрѣчается и твор., быть можетъ, въ силу польскаго вліянія.

Общій выводъ изъ всего изслѣдованія слѣдующій.

Общій выводъ
изъ предыду-
щаго изслѣдованія.

1. Въ живыхъ языкахъ „разрушеніе стараго есть вмѣстѣ созданіе новаго“.

2. Въ рус. яз. чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ больше „увеличивается противоположность имени и глагола“; такъ, причастіе, составляющее *промежуточную форму между именемъ и глаголомъ*, въ древ. языкѣ могло имѣть такую степень самостоятельности и предикативности, какая возможна теперь лишь въ *личномъ* глаголѣ и отчасти въ неопр. накл. Слѣдов., близость и общность между именемъ и глаголомъ въ древ. языкѣ была большая, чѣмъ въ языкѣ позднѣйшемъ.

3) Согласуемость (аттрибутивность) древняго языка съ теченіемъ времени ограничивается и замѣняется

а) разложеніемъ составнаго сказуемаго на два предложенія, связываемыя союзомъ,

б) образованіемъ дѣеучастій,

в) употребленіемъ нарѣчій вмѣсто согласуемыхъ прилагательныхъ,

г) употребленіемъ неопредѣленнаго вм. причастій

и д) употребленіемъ несогласуемыхъ падежей вмѣсто вторыхъ согласуемыхъ, а именно:

аа) на мѣстѣ двухъ *одинаковыхъ* косвенныхъ падежей становятся *вин. съ твор.*, *род. съ твор.*, *дат. съ творительнымъ*;

бб) на мѣстѣ *предикативнаго* аттрибута, *согласуемаго съ подлежащимъ*, во многихъ случаяхъ ставится твор., при чемъ *оставшіеся еще два именит.* (подлеж. и предикативный аттриб.) *получаютъ новый смыслъ* (Ср. II, 521, 522, 528), въ чемъ должно видѣть усложненіе духовной жизни и усовершенствованіе языка: внесеніе въ предложеніе этого творительнаго *расширяетъ*

535

область *несогласуемыхъ* падежей (объекта) на счетъ согласуемыхъ (аттрибута), т. е., вносится *новая* категория дополненій, и чрезъ это дѣлается *болѣе определенной* категория аттрибута, суживаясь до *простой* аттрибутивности, тогда какъ въ древнемъ языкѣ аттрибутивность была и *предикативная*.

4) При этомъ при замѣнѣ согласуемаго предикативнаго существительнаго несогласуемымъ творительнымъ возникаютъ новыя разграниченія существительнаго, какъ слова по преимуществу самостоятельнаго и несогласуемаго, и прилагательнаго, какъ слова аттрибутивнаго и согласуемаго, отъ чего понятіе о существительномъ еще болѣе обособилось отъ понятія о прилагательномъ.

5) Наконецъ, происходили измѣненія отношеній предиката и предикативной связки. Въ началѣ связокъ было много, но потомъ значительная часть глаголовъ вовсе лишается способности быть связками и дѣлается *сказуемыми*; нѣкоторые сохраняютъ эту способность быть связками лишь при помощи аттрибутивности прилагательныхъ, и только глаголь существительный, особенно въ наст. вр., остается *формальной* предикативной связкой (за исключеніемъ одного случая *вещественности* содержанія), что еще раньше достигнуто было въ сочетаніи глагола «есть» съ чисто предикативнымъ причаст. *мз.* Въ этомъ стремленіи бывшихъ связокъ быть самостоятельными сказуемыми видна склонность языка *сосредоточить предикативность исключительно въ глаголь*, какъ это же видно и въ замѣнѣ *причастнаго* сказуемаго придаточныхъ предл. (нѣсть кто *милоуиѣ*) глагольнымъ (См. II, 206 и сл.), а до этого—въ превращеніи доинфинитивнаго слова въ глагольную форму.

Часть III. *)

Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго.

Введеніе**).

Вслѣдствіе расширенія области *несогласуемыхъ* падежей (объекта) и уменьшенія *согласуемости* (аттриб.), произошло увеличеніе разницы между

*) Эта часть *Записокъ* (посмертное изданіе) является непосредственнымъ продолженіемъ части предыдущей: вслѣдъ за составнымъ сказуемымъ, которому посвящена вся вторая часть, слѣдуетъ другой членъ предложенія—опредѣленіе. А такъ какъ опредѣленіемъ бывають *именныя* части рѣчи, то первая глава третьей части *Записокъ* и посвящена изслѣдованію природы именъ существительныхъ и прилагательныхъ и употребленію ихъ въ качествѣ опредѣлительныхъ словъ. *И. Б.*

**.) Издатели неправильно въ оглавленіи III го тома ставятъ *введеніе* въ скобкахъ послѣ общаго заглавія этого тома, какъ будто содержаніе введенія и составляетъ трактатъ «Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго».—*И. Б.*

существительными и прилагательными (II, 534—5). По этой причинѣ не могло не произойти измѣненія и въ кругѣ дѣятельности существительнаго, что въ свою очередь повліяло на усиленіе глагола и обособленіе прилагательнаго и нарѣчія.

Мысль и языкъ находятся въ тѣснѣйшемъ отношеніи между собою, поэтому необходимо коснуться наименованія грамматическихъ терминовъ и съ точки зрѣнія философіи.

Существительное есть грамматическое названіе вещи, (Ср. I, 92, 93), которая кромѣ того называется *субстанціей*, *субъектомъ*, *объектомъ*. **Вещью** наз. связка явленій (качествъ, силъ), разсматриваемая *отдѣльно* отъ другихъ связокъ. **Субстанція** есть *носитель*, *средоточіе* и въ то же время *источникъ* и *причина* явленій, въ которыхъ вещь проявляется и познается нами. Такъ, познавать *Бога*, какъ Субстанцію, значитъ познавать Его творенія или обнаруженія. **Субъектомъ** называемъ вещь *познающую*, *дѣйствующую*, а **объектомъ** (предметомъ)—вещь *познаваемую*.

Прилагательнымъ, какъ опредѣленіемъ существительнаго (аттрибутомъ), называемъ категорію *качества* и *свойства* вещи, т. е. силу въ *спокойномъ* состояніи.

Глаголомъ или грамматич. *сказуемымъ* называемъ свойство вещи или силу, не въ спокойномъ состояніи пребывающую, а *отражающуюся на другихъ вещахъ* (объектахъ), на взаимной связи между вещами, причѣмъ сила эта въ грамматикѣ называется или *дѣйствіемъ* (со стороны субъекта), или *страданіемъ* (со стороны объекта), или *состояніемъ*, когда дѣйствіе и страданіе разсматривается *независимо* отъ отраженія на другихъ вещахъ.

Понятія *дѣйствія* и *причины* не отдѣльны другъ отъ друга; отсюда выраженіе: *cum hoc* (или *post hoc*), *ergo propter hoc*. По этой же причинѣ какъ грамматич. разряды: подлежащее и сказ., опредѣляемое и опредѣленіе и проч., такъ и соответственные философскіе разряды бываютъ *парны*. А судя потому, что дѣйствіе субъекта *вообще* мы можемъ выразить только *человѣкообразно* («дождь идетъ», какъ *человѣкъ* идетъ),—можно думать, что и вообще понятія дѣйствія и причины возникли черезъ перенесеніе *нашихъ* дѣйствій на дѣйствія *другихъ* предметовъ. Отсюда ведетъ начало свое мнѣніе о языкѣ и исканіе въ немъ рѣшенія психологическихъ задачъ, и «если о мысли нашей узнаемъ мы *по слову*, то для насъ самихъ *рождается и измѣняется она вмѣстѣ съ словеснымъ выраженіемъ*».

Поэтому М. Мюллеръ и говорить, что «истинная исторія *человѣческаго духа* должна б. изучаема въ документахъ *языка*» (Das Denken im Lichte der Sprache, 1888 г., стр. 477).

Тѣсное отношеніе между языкомъ и мыслью.

Опредѣленіе вещи, субстанціи, субъекта и объекта.

Опредѣленіе прилагательнаго и качества.

Опредѣленіе глагола, дѣйствія, страданія и состоянія.

Языкъ есть исторія чловѣка.

Языка вообще нѣтъ, а есть только языки и ихъ разновидности до

языка *лично* включительно; но этимъ не исключается возможность *обобщенія* категорій мысли разныхъ временъ и народовъ до *общечеловѣчности*, только «для правильного сужденія объ общечеловѣческой категоріи субстанцій, качества и проч. нужно знать, въ какомъ она видѣ дана въ языкахъ».

Надо думать, что способность къ *отвлеченному* мышленію, т. е. къ мышленію категорій *отдѣльно отъ вещей*, приобрѣтается народами *постепенно* и, стало быть, нѣкогда отсутствовала.

М. Мюллеръ утверждаетъ, однако, что «языкознание неопровержимо доказало, что человѣч. мышленіе, т. е., человѣч. языкъ направляется *не* отъ конкретнаго къ отвлеченному», что «корни, изъ коихъ построяется всякій языкъ, отнюдь не конкретны, а отвлеченны», и что «единственный путь къ наименованію вещи есть ея *познаніе*, а что же можетъ значить *познаніе*, какъ не подведеніе чего-либо подъ *общее понятіе*?» На этомъ основаніи М. Мюллеръ настаиваетъ на отвлеченности и первоначальныхъ словъ: корни суть не *знаки предметовъ*, а воплощеніе *понятія* о повторяющейся *дѣятельности*. «Производя многократно дѣйствіе, напр. битья, мы доходимъ до сознанія этого дѣйствія, гов. оны, и, сопровождая удары *звуками*, получаемъ въ этихъ звукахъ естественное *воплощеніе* этого сознанія», т. е. первоначальное слово съ *общимъ* и, слѣдов., отвлеченнымъ значеніемъ корня.

Но этому мнѣнію противопоставляется другое, именно, что содержаніемъ *первообразнаго* слова, предшествующаго образованію отвлеченныхъ грамматическихъ и философскихъ категорій, могъ быть *только образъ*. А именно: когда имя въ первый разъ было примѣнено къ *одному* предмету, то оно имѣло *только единичное, конкретное* значеніе, ибо другихъ предметовъ того же рода въ это время еще не было *для говорящаго*, а слѣдов., и слово не могло еще для него быть *родовымъ* понятіемъ. Такъ, я говорю ребенку: «это—рыба», не сообщая ему да и самъ не зная этимологіи этого слова; при *слѣдующемъ* же наименованіи «и это—рыба» въ ребенкѣ совершается уже обобщеніе, котораго у него при *первомъ* взглядѣ на рыбу и при ея *наименованіи* еще не было.

Взглядъ на отвлеченность первоначальныхъ корней, съ од. стор., противорѣчить, какъ видѣли (I, 23-24), конкретности первобытнаго языка, а съ другою—вытекаетъ изъ ошибочнаго приема доказательства. Исследователи языка, приписывающіе первоначальнымъ корнямъ *отвлеченное* значеніе, высказываютъ только свой *личный* взглядъ безъ достаточныхъ на то данныхъ. Во первыхъ, *значенія* корня *не дано ни въ какомъ памятникѣ*, и объ абстрактности или конкретности его судятъ по словамъ *производнымъ*, а промежутокъ между *формальными* словами индоевропейскаго языка и *предполагаемыми* словами *безъ флексій* или, что то же, первичными корнями

Взглядъ М. Мюллера на абстрактность первоначальныхъ корней и словъ.

Опроверженіе этого взгляда у Потебни.

измѣряется цѣлыми тысячелѣтїями. Такой скачекъ, конечно, «есть скачекъ смертельный для всякой достовѣрности», какъ выражается Потебня. Во вторыхъ, приписывая извѣстное значеніе доисторическому корню, мы или повторяемъ значеніе корня производнаго, или вносимъ то, которое возникло въ періодъ производства слова и до того времени не существовало, т. е., идемъ *ὄστερος* *πρωτον*. Наконецъ, положеніе, что всѣ имена предполагають *понятїя* или *общїя* значенїя корней (такъ какъ де всякое познаніе или наименованіе есть подведеніе чего-либо подъ *общее понятїе*)—въ сущности должно быть признано не доказательствомъ, а простымъ тождесловіемъ или *повторенїемъ утвержденїя*, что *общїй* признакъ въ мысли *первобытенъ*, между тѣмъ какъ именно и нужно было *доказать* эту первобытность. Приведенное же выше доказательство *общности* значенїя корня, когда мы обозначаемъ *однимъ и тѣмъ же* словомъ *повторяющееся* дѣйствїе, есть не доказательство, а тоже *ὄστερον*—*πρότερον*: когда корень слова «бить», при повторенїи дѣйствїя, нашелъ для себя *новое* примѣненїе, то значенїе его дѣйствительно *обобщилось*, но до примѣненїя оно могло не быть общимъ.

14

15

I.

Первообразна ли отвлеченность въ существительномъ *качества*?

16

Качество, какъ нѣчто отвлеченное отъ того, въ чемъ оно находится, въ *историческое* время индоевропейскихъ языковъ выражалось существительнымъ *производнымъ* и прѣжде всего *существительными жен. и сред. рода на ѣство, тво, остъ*.

Выраженіе качества существительными производными.

Такъ, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ, и въ слав. языкѣ имена на эти суффиксы означаютъ только качество: сладство, сладость (I. Эвз. Болг.), тогда какъ существительныя, совпадающія съ *сред. родомъ прилагательныхъ*, обозначаютъ не только качество, но и то, въ чемъ качество заключается (ср. дал. III, 59 и слѣд.), при чемъ такое существительное, какъ *тепло*, въ свою очередь отвлеченнѣе самого прилагательнаго, когда это послѣднее мыслится вмѣстѣ съ своимъ опредѣляемымъ и, слѣдов., прикрѣпляется *къ определенной субстанціи*: «свѣтлое и тресвѣтлое сѣнце! всѣмъ *тепло* и красно еси» (Сл. о П. Иг.).

17

Но мыслители прежнихъ вѣговъ и нынѣшнее простонародье за такими абстрактными явленїями, какъ *тепло* и *горьнїе*, *свѣтъ* и *электричество*, усматривали особыя *субстанціи*: флогистонъ, теплородъ, электрическую жидкость. Поэтому и нынѣ для огромнаго большинства качество или свойство извѣстной вещи принимается тоже за вещь *не въ смыслъ метафоры*. Напр. въ Лѣчебн. 18 в. говорится: если сокъ хрѣну «пущать въ ухо, то онъ всю *глухоту* (какъ вещь) *вылоняетъ*»; «сукусъ съ медомъ прикладать до больныхъ очей,

Взглядъ древнихъ мыслителей и простонародья на качество, какъ на реальную субстанцію.

18

то выйдетъ очная бользнь» (ibid.). Въ такомъ же *неметафорическомъ* смыслѣ смотрѣли на качества вещей и древніе ученые. У Плинія губки виваютъ въ себя воду и *близину* луннаго свѣта и инея (*caudorem bibant*). У Апулея *качества* въ атмосферѣ (*serenitas, rigor, crassitudo, raritas*) борются между собою, уничтожаютъ др. друга, чреватѣютъ и рождаютъ, какъ лица. При такомъ воззрѣніи на качество, *вещь* и *качество* ея являются *парою особей* и какъ бы *уравниваются*, въ силу чего «латин. писатели и ставятъ нерѣдко существительное *качества* вмѣсто имени *носителя* этого качества, которое можетъ при этомъ быть выражено прилагательнымъ или родительнымъ принадлежности», напр. *vilitas ossea* (простая кость); *senectas ovium* (старыя овцы).*) Отцы церкви, унаслѣдовавъ воззрѣнія древнихъ на стихіи, въ томъ числѣ и на огонь, объясняютъ (Шест. Іоан. экз.), что *свѣмль*, созданный въ первый день, свѣтилъ въ первые три дня *самостоятельно*, и лишь въ четвертый день вложено было въ свѣтила «свѣтееще соущие прѣвобывшаго свѣта». Объективная раздѣльность субстанціи и ея качества еще болѣе видна въ слѣдующихъ словахъ Шестоднева: «ино тествомъ и родомъ *блгость*, *ино же поблгеное тѣло*... «ино тество свѣтовное свѣтильство, *ино же подлежае свѣтоу тѣло*...; въ загробной же жизни «огненное тество» будетъ раздѣлено: «тѣгда тѣже свѣтъ на освѣщеніе будетъ праведникомъ, а жеженія болѣзнь (т. е. свойство причинять боль) мучимымъ отлучена боудеть». Свѣтъ по отношенію къ свѣтлому тѣлу нѣсколько разъ въ Шестодневѣ уподобляется душѣ, оживотворяющей тѣло, такъ что *качество* является душою *вещи*, при чемъ Богъ сотворилъ сперва «видъ и образъ прѣждесоущенъ», т. е. качества, свойства, «потомъ же вечная соущия на бытше прѣведе».

Выводъ отсюда:
непервообраз-
ность отвлечен-
ности въ суще-
ствительныхъ
качества и дѣй-
ствія.

Т. обр., Потебня возвращается къ тому же, что высказано имъ и во *введеніи*, именно, что древній яз. *конкретенъ* а потому и отвлеченность существительныхъ качества непервообразна: сначала существительныя качества представлялись *реальными* субстанціями и потомъ уже—абстрактными или отвлеченными**).

Сказанное о пониманіи качества, какъ субстанціи и вещества, примѣняется и къ дѣйствию, напр. «въ лоуноу *худьнше* (ушербъ) вложено тество» (Шестодн.). Ошибочно было бы думать, что въ подобныхъ случаяхъ имя дѣйствія *сначала* вполне отвлеченно, напр., по отношенію къ *мьсту* совершенія, а *потомъ* уже къ этой отвлеченности пристають обстоятельства мѣста, дѣлающія отвлеченность конкретною.

*) Ср. Поуч. Серап. XIII в. «наведе на ны языкъ... не щадящъ *краси* уны, *немоци* старецъ, *младости* дѣтей». И. Б.

***) Срав. далѣе III, 634, 635. И. Б.

II.

Предполагаютъ ли сущ. имена качества значеніе *собирательности*?

Съ именами существительными качества нерѣдко соединяется и значеніе *собирательности*. М. Мюллеръ на собирательное значеніе въ такихъ именахъ смотритъ слѣд. образомъ.

Отвлеченныя существительныя качества, бывъ образованы при помощи извѣстнаго суффикса, получали сначала значеніе *собирательности*; таковы напр. имена съ суф. *tas* (= της, τητος): *juventas* (=juvenes), *posteritas* (=posteri), *civitas* (=cives); потомъ собирательное значеніе исподволь переходитъ въ *отвлеченное*: *gaudia*, *tempus juventutis*, и наконецъ появляется единичное, существо въ семьѣ боговъ: *Juventas* (Das Denken... 234).

Того же взгляда М. Мюллеръ и на другія существительныя качества, которыя, по его мнѣнію, происходятъ отъ качественныхъ прилагательныхъ; напр. сущ. *Schönheit* отъ прилаг. *schön* первоначально обозначало *совокупность* прекраснаго, а потомъ—отвлеченное понятіе красоты; съ теченіемъ же времени существительныя качества могли уже производиться отъ прилагательныхъ и безъ мысли о посредствующей ступени собирательности (Das Denken... 425—6).

Не такъ смотритъ Потебня на происхожденіе собирательности въ именахъ, заключающихъ въ себѣ значеніе и качественное, и собирательное. Онъ прежде всего думаетъ, что о происхожденіи собирательности въ подобныхъ именахъ слѣдуетъ судить по тѣмъ случаямъ, когда собирательность *не связана* бываетъ съ тѣмъ или другимъ *суффиксомъ*. Такъ, въ славянскихъ и другихъ яз. есть не только отвлеченныя, но и *конкретныя* существительныя, которыя въ *един.* ч. могутъ относиться и къ отдѣльной особи, и вмѣстѣ съ тѣмъ «являются *образомъ* сплошнаго множества», напр. «привалила *птица* къ круту берегу», «повелѣно брить *имъ бороду*» (Пушк.). Въ этихъ и подобныхъ случаяхъ (муха, рыба, листь и др.) конкретныя имена явственнаго еще отличаются отъ собирательныхъ, какъ напр. «много *жида* (конкретно) на ярмаркѣ» и «много *жибовы*» (Акс.); «нападало *листу* и *листья*». Въ выраженіяхъ «*листь* сухой валится», «*листы* валятся» и «*листья* валятся» разница между «*листь*», «*листы*» и «*листья*» заключается въ *образъ*: въ первомъ случаѣ (*листь*) *единица* служитъ *символомъ* множества, во второмъ (*листы*) представляетъ *раздѣльное* множество и въ третьемъ (*листья*)—*сплошное* множество. Когда же конкретныя имена переходятъ въ собирательныя, тогда они и сочетаются со *множ.* ч., напр. «Черный Клобукъ, весь совокупившеся, *пхаша*» (Инат.), хотя употребляется и *един.* число: «се вои отъ насъ расшлись... а Черный Клобукъ нами *лестить*» (Инат.). Съ такимъ собирательнымъ зна-

Взглядъ М. Мюллера на происхожденіе собирательности въ именахъ существительныхъ качественныхъ.

Несогласіе Потебни съ этимъ взглядомъ.

ченіемъ въ старинныхъ русскихъ памятникахъ употребляются многія сущ. имена ед. ч. безъ суффикса собирательнаго: *юсть, иноземь, ловець, Пско-
30* *виць, мужь, смердъ, купчина, осетръникъ, медоваръ, конникъ, скотъ,
птичь* (птица), *конь, челоуькъ, комонникъ, трунг, Москаль* (Ср. въ нов. яз. *непріятель, Турокъ* и др: «*ходилъ подъ Турку*»); а также: *кость, пото
мокъ, камень, животъ* (=скотъ), *дровно, беревно, жердь, боръ* и др. Напр. «У сего козачтва зобралося... *челоуька* (=людей) сѣмдесять» Лѣт. Самов.
31—32 «Вязю великому дасть сто *рубля*». (Грам. Юанна Данил. 1338—40 г.).—
„*Бойца челоуькъ съ 100*“ (А. Моск. Г.).— „*Звоював Государъ Шведа* (Полит. пам 18-19 в.).

33 Происхождение собирательности отъ единичности и качественно-сти именъ существительныхъ. На основаніи многочисленныхъ случаевъ употребленія съ собирательнымъ значеніемъ существительныхъ ед. ч. безъ собирательнаго суффикса Потебня предполагаетъ, что и существительныя съ суффиксами собирательности первоначально означали также единичность, а потомъ *синекдохически* стало употребляться единственное ч. въ смыслѣ множественнаго. Сюда относить онъ качественно-собират. существительныя съ суффиксами *ина* (изна), *ьство, іе* (ье), *ія, ота, ѡня, ѡба, ежь, ядь, остъ, ѡ*.

Съ суф. *ина* (рѣже *изна*): *зернина* (зерно), *тынина* (тынь); издревле соби-
рат. *дружина* предполагаетъ первоначально единичное значеніе, какъ въ млр: «чолоуьчѣ мій, *дружино* (=другъ) моя».—*Мужьчина, женьщина* первоначаль-
34 но—свойство того, кто мужьскъ, женьскъ (ср. стар. рус. сущ. *дѣтьскѣ*), а потомъ уже могли стать существительными собирательными, слѣдовъ какового значенія въ рус. яз. не осталось.—*Барщина*—сперва барская работа, а потомъ собират: «согнать всю барщину».—*Бѣлизна* въ рус. яз. только свойство бѣлости, а въ польск.—собират. *бѣлье*. Вообще, въ русскихъ именахъ на *ина*, соответствующихъ польск. *izna*, господствующее значеніе есть *качество*, и лишь въ немногихъ словахъ появляется собират. значеніе.—
35 *Лозина*—первоначально въ значеніи единичномъ (*хворостина*), а отсюда—собират: «бѣ бо городъ обинла вода и сильная *лозина* и *вербье*» Ипат.—Отъ собирательнаго значенія можетъ вновь произойти единичное: такъ, соврем. *осина* (единичное) могло нѣкогда имѣть собират. значеніе (Ср. млр. *осичина*), а передъ этимъ—также единичное.

Съ именами на *ина* (изна) сходны имена на *ьство*, которыя во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ сперва означаютъ *качество*; напр. *божьство*—свойство Бога, а потомъ—единичное съ значеніемъ «Богъ»; когда же нѣкоторыя изъ такихъ именъ примѣняются ко многимъ особямъ, тогда они получаютъ и собир. значеніе: «король подымаль *бесерменство* на *христьянство*» Ак. Зап. Р.—*Комоньство* въ стар.-рус. яз. значить *доблестъ коня*, и лишь въ стар.-чешскомъ—*конная дружина*.

Имена на *ие* (рус. *ье*) изъ качественныхъ переходятъ въ собирательныя также только тогда, когда качество или свойство примѣняется ко многимъ однороднымъ особямъ, безъ этого же остаются при значеніи качественности. Таковы сущ. на *ие*, *ье*,

а) образованныя отъ прилагательныхъ качественныхъ: *обилѣе*, *здоровѣе*, *веселье* (качественныя), но *старѣе*, *сырѣе*, *чище*, *бѣлье*—суть сущ. собирательныя.

б) Имена дѣйствій, образованныя отъ прич. страдательныхъ на *и*, *т*, лишь въ немногихъ случаяхъ становятся собирательными; напр. *рожденіе* (цсл.) и *роженіе* (стар.-рус.) въ смыслѣ *συγγενεῖς* (родственники).

в) Существительныя, образованныя отъ косвенныхъ падежей въ зависимости отъ предлоговъ, собирательными не дѣлаются, а получаютъ значеніе α) *лица*: *подружье*, β) *мѣста*: *приморье*, γ) *времени*: *повечерье*.

г) Имена, образованныя отъ прямыхъ падежей, во всѣхъ славянскихъ нарѣчійхъ донынѣ бывають собирательными: *яеліе*, *врѣбѣе*, *смоковіе*, которыя въ влрус. яз. въ 18 и 19 вв. вошли въ склоненіе на *ъ*, какъ собират. множ. ч, напр. *зубья*, *Габьѣ*, *дурачьѣ* и подоб. въ соврем. яз. только собирательныя, но они могли нѣкогда означать и принадлежность, отождествляясь съ сред. р. прилагательныхъ: *бѣбѣе* (то, что принадлежитъ бѣбѣ), какъ въ греч. яз. *ἰππιχόχ* конница отъ прилаг. *ἰππιχός*.

Существительнымъ на *ье* соотвѣтствуютъ имена жен. р. на *ия*: цсл. *братрѣа*, рус. *братья* (зятя, шурья), ставшія потомъ *множ. ч.* съ значеніемъ собирательности при сущ. *братъ*, *зять*...

Черезъ суф. *ота* образуются отъ существительныхъ и прилагательныхъ существительныя качественныя: *красота*, и лишь немногія переходятъ въ собирательныя, напр. *тѣхота*—тѣшее войско, *юлота* (млр.)—голь, *бѣдноста*, *темнота* (бѣдные, темные люди).

Къ именамъ дѣйствія на *ья*, *бя* (стряжня, служба) примыкають только немногія собират: *служня*—прислуга (Догов. Дм. Ив. 1388 г.), *родня*, *гридьба* (отъ *гридь*), *тальба*, *холостьба*, *голытьба*.

Имена жен. р. на *ья* и *дь* даютъ также нѣкоторыя собирательныя: *молодежь*, *холостежь*, *челядь*, *ручлядь*.

Имена на *ость* суть качественныя, какъ сказано было выше (III, 16), но *святость*—собират. (собраніе иконъ) А. Ю. 1546 г.

Имена жен. р. на *ь*, означающія дѣйствіе (дрожь, боль) и качество (чернь), бывають собирательными только въ отдѣльныхъ случаяхъ: *залежь*, *заваль*, *иваль*, *пригарь*, *дрянь*, *молодь*, *чернь* (простой народъ), *погань*, *дичь*, *юль*, *знать* прежде всего качественны, и даже старинныя собират: *чядь*, *дѣть*, *Русь*, *Чюдь*, *Весь* и проч. предполагають качественность.—

Въ собирательныхъ именахъ *Сьвера* (Шпат.) (и *Сьверзъ* Лавр. л.),

Черемиса, Мордва, Муroma, Печора, Ура, Зимнола, Лытьгола (Лавр. л.) собирательность могла возникнуть, какъ въ словѣ *господа*: сперва *господа* жен. рода=господство (значеніе предполагаемое); отсюда а) въ примѣненіи къ *мѣсту*—владѣніе, домъ (въ серб. яз.) и б) въ примѣненіи къ *лицу*: чеш. *hospoda* (господинъ), серб. собират. *господа* (*domini*) съ атрибутомъ въ ед. ч. жен. р. и со связуемыми сперва въ единственномъ а потомъ— во множ. ч. Отсюда тождественное по ударенію съ сербскимъ въ русское *господи* стало собирательнымъ множ. ч. къ сущ. *господинъ*.

Неизвѣстно, такъ ли возникло собирательное значеніе въ словахъ: Волхва, Ляхва, Татарва, дѣтва, жидова, лѣтва. Во всякомъ случаѣ надо думать, что *собирательность именъ происходитъ отъ качественности, а не наоборотъ*, какъ думаетъ М. Мюллеръ, при чемъ въ разныхъ языкахъ переходъ этотъ происходитъ въ разное время и въ разной мѣрѣ. Такъ, теперешнее нѣмецкое *Menschheit* есть только собир. сущ. (человѣчество), а у Гердера и Гёте употреблялось и какъ качественное: человѣчность; французскому качественно-собирательному *jeunesse*, нѣм. *Jugend* въ русскомъ соотвѣтствуютъ качественное *юность*, *молодость* и собирательное *юношество*, *молодежь*. Самый же переходъ отъ качественности къ собирательности совершается (тогда, когда качество, понимаемое какъ *особь*, *лицо*, служитъ символомъ многихъ особей, обладающихъ этимъ качествомъ. Въ извѣстныхъ стихахъ Пушкина:

«Вздохнетъ о славъ *младость*

«И рѣзвая задумается *радость*»

олицетвореніе молодыхъ людей въ существительныхъ *младость* и рѣзвая *радость* находится, т. е. сказать, на перевалѣ къ собирательности этихъ именъ.

III.

Происхожденіе имени прилагательнаго.

Близость существительныхъ качественныхъ къ прилагательнымъ и признаки этой близости существительнаго *увеличивается*.

Въ тѣсной связи съ качественностью именъ существительныхъ находится вопросъ о происхожденіи именъ прилагательныхъ. Чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ *разница* между сущ. и прилагательнымъ *уменьшается*, атрибутивность же существительнаго *увеличивается*.

Близость существительныхъ, означающихъ качество, къ прилагательнымъ качественнымъ же доказывается тѣмъ, что и отъ существительныхъ были степени сравн: *бережье* (ближе къ берегу), *звѣрье*, *скотье*. На болѣшую же качественность старинныхъ существительныхъ съ одн. стор. указываетъ образованіе отъ существительныхъ такихъ глаголовъ, какъ *звѣрять*, *псть*, *цѣрть*, изъ которыхъ видно, что *во время производства подобныхъ глаголовъ* существительное означало не только опредѣленную субстанцію, но

и свойственное ей состоянію, а съ другой—на большую качественность старинныхъ существительныхъ указываютъ мѣстоименныя окончанія ихъ при окончаніи именномъ: *дѣва* и *дѣвая*, *бездна* и *бездѣная* (Псал. XI в.), *Иродова* (Изб. 1073), «великое войское челоомъ бѣть» А. М. Г. 1633; въ соврем. мѣр: «молода поивная».

Кромѣ того, въ ту пору, когда въ прилагательныхъ еще не было членнаго окончанія (*добра-гого*), тогда существительныя отличались отъ прилагательныхъ только по синтаксическому употребленію. Такъ напр., *сѣспѣдъ* значило и *состѣдъ*, и *сосѣдній*: «къ земли *соусѣдъ*» (прилаг.) Шест.; *ладѣ*—согласіе и ровный (ладный); *другъ*—amicus и прилаг. другой; *прокъ*—сущ. (ср. соврем. въ-*прокъ*) и прил. остальной; *покорѣ*, *покорѣ*—покорность и покорный (Кир. Тур.); *сладѣ*—солодъ и прил. *сладъ (слаждь); *лѣкъ*—argus, *лѣка* заливъ и кривой.

Суффиксомъ общіе для существительныхъ качества и прилагательныхъ: *ъ, ѣ; ѡ, я; ая, уя, ия* (уныя) итд.

43

То же замѣчается въ именахъ и съ другими окончаніями:

ь муж. и *а* жен. р. Напр. *лѣжь*—лживый человекъ, *лѣжа*—обманъ и прил: «*лѣжь* съвѣдѣтель»—лживый свидѣтель.—Суффиксъ этотъ образуетъ отъ именъ существительныхъ многочисленныя прилагательныя вритяжат. образца *дѣвичь*, *нашъ*, *вашъ*: *вѣждъ* (peritus), *дрѣвль*, *чюжь*, *штуждъ* (alienus), соврем. рус. *пропаций*, *солоцій* и др. Съ этимъ же суффиксомъ, есть много и существительныхъ, при конхъ, какъ при *межа* (цсл. *межда*) итъ соответствующихъ прилагательныхъ, но значеніе относительности, свойственное прилагательнымъ, можно предполагать при иѣкоторыхъ изъ нихъ. Таковы имена: *прыць*, *хруць*, *свѣрь* (сверчекъ), *хвоць* (конскій хвостъ), *борць*, *прѣждъ* (передняя часть: «съ *прѣжда* іен (главѣ) лежитъ теме» Шест.), *свиць* (относящійся къ свисту)—сквозная дыра, *юспожа* (собств. притяж. отъ *юсподъ*, какъ *теща* отъ *тестъ*), *геча* (соб. греческая: ср. мѣр. гречка), *кожа* (при *коза*), *душа* (принадлежащая духу), *вечеря* (относящаяся къ вечеру), *суша*, *стужа*, *щца*, *чаща*, *туща*, *роща* и др.

Суф. *снѣ, унѣ* (жен. *унья*), *ьнѣ* образуютъ какъ прилагат., такъ и существительныя; напр. *пьянѣ* (пи-панъ), *рѣянѣ* (сердитъ, золь и потому ретивъ), *истуканѣ*, *стоянѣ*; прозвища: *Мазанѣ*, *Скиданѣ*; *брехунѣ*, *ворунѣ*, *тѣвунѣ*, топоръ *колунѣ*; *сочень*, *трутень*, мѣр. *мѣдѣнѣ* (прилаг.); «зъ покрывкою *мѣдѣню*».

Въ образованіи существительныхъ отъ прилагательныхъ безъ присоединенія новаго окончанія, какъ кажется, нужно различать два случая.

А. Первый случай, когда опредѣляемое существительное, какъ легко подразумѣваемое, опускается, и т. обр. опредѣлительное прилагат. принимаетъ на себя значеніе опущеннаго существительнаго; напр. сперва «*портной швецъ*» (А. до Ю.Б.) или *порт-*

Два случая образованія существительныхъ изъ прилагательныхъ.

А. чрезъ опущеніе опредѣляемаго существительнаго.

46

47

48

49

50 ной мастеръ» (ibid), а потомъ одно слово *портной*. По образцу «портной» до XVIII в. влюч. въ рус. и польск. яз. были существительными: *русскій*, (человѣкъ), *Московский*, *Литовскій* (в. кн.), *крымскій* (ханъ), *турецкій* (царь). Этими же путемъ стали существительными фамилии на *скій* и болѣе древнія имена городов и странъ изъ именныхъ формъ прилагательныхъ: *Боровьскъ*, *Курьскъ* и притяжательныхъ на *въ*, *овъ*, *инъ*: *Ярославль*, *Боголюбовъ*, *Люботинъ*, а равно отъ качественныхъ съ опущеніемъ существительныхъ муж., жен. и ср. р. (городъ; весь, деревня, рѣка; село): *Великая* (рѣка), *Красное* (село). Также множество существительныхъ нарицательныхъ: *становой* (приставъ), *мастеровой* (человѣкъ), *заутреня*, *объдня*, *вечерня*, *всенощная* (служба), *Страстная*, *вербная*, *масляная* (недѣля), *сѣнная* (площадь), *косой* (заяцъ), *борзая* (собака); по *праву*, по *льву* (руку) *Инатъ*, *поступная*, *кунчая* (крѣпость) и др. Въ областныхъ влр. нарѣчіяхъ равно какъ и въ мѣр. яз. такихъ случаевъ множество, при чемъ нужно замѣ-
51 тить, что чѣмъ отвлеченнѣе опускаемое опредѣляемое существительное (рѣчь, вина, потреба), тѣмъ труднѣе бываетъ возстановлять его.

52—53

54

Б.—безъ подра-
зумѣяемаго су-
ществительнаго.

Б. Но есть множество случаевъ, гдѣ опущенія опредѣляемаго слова не было, а между тѣмъ прилагательное стоитъ въ качествѣ существительнаго. Напр. загадка: «*Криво-лукаво! куда побѣжало?*» «*Стрижено-брито! **» тебѣ дѣла нѣту» (рѣка съ излучинами и пожня).

55

56

а) Прежде всего въ качествѣ существ-хъ являются тѣ прилагательныя, которыя прилагаются преимущественно къ людямъ, не пуждаясь при этомъ въ опредѣляемыхъ словахъ и ихъ опущеніи; напр. „*инокъимъ* (=инокамъ) и тымничникомъ милостыню даяти“ (Избор. 1073 г.); *родной*, *-ая*; *понятой*, *молодые* (только что повѣчавшіеся), *верховой*, *тѣшій*. Особенно часто—въ пословицахъ: «*босъ лаптей не износить*», *холостъ* много мыслить, а *женатой* болѣ.»—Всякое прилагат. и причастіе, становясь собственнымъ вмѣстѣ становится и существительнымъ: «*Земской судейка Постыль Васильевъ... съ Постыломъ Десятовымъ*» (163 г. А. до Ю. Б.). Ср. чешскія фамилии на *l*.—Въ древ. рус. и ц.-сл. случаяхъ употребленія именъ прилагательныхъ въ качествѣ существительныхъ очень много. Напр. *Хоробръ* (храбръ) въ значеніи *удалецъ*, *богатырь*; «накъ блаженный приде въ манастырь свой, яко *храбъръ* сильнъ (=сильный богатырь), побѣдивъ злыя духы» (Жит. Фод.).—«*Ни хытру, ни юразду... суда Б. не минути*» (Сл. о П. II) = ни *хитрецу*, ни *мудрецу*... Потѣбня думаетъ даже, что сущ. на *ыъ*, *ыиъ* произведены не отъ прилагательныхъ, а прямо отъ существительныхъ же (Ср. далѣе III, 126—7), какъ напр. «*бѣль молодецъ*» отъ „*бѣль молодъ*“, гдѣ «*молодъ*» есть не прилагательное, а существительное, къ которому присоединенъ суф. *ецъ* для того только, чтобы не смѣшивать суще-

57

* По другому варианту: «*зелено-кудряво! тебя стеречи*». И. Б.

ствительныхъ съ прилагательными, обособившимися *потомъ* въ отдѣльную категорию *). [Ср. другія существительныя такого же образованія: *мѣзиньга, правица, десница, шуйца*]. Поэтому Потебня отказывается отъ прежде высказаннаго мнѣнія, что будто бы въ примѣрахъ, какъ «*битый небитаго* везеть», подлежащее и дополненіе не становятся здѣсь существительными (I, 98, 99), а остаются де прилагательными.

б) Не предполагаютъ опущенія опредѣляемаго и существительныя изъ прилагательныхъ *сред. р. ед. ч.*, гдѣ средний родъ служить средствомъ обозначенія качества субстанціи. (Ср. выше III, 16). А такъ какъ субстанція есть или *нѣкто* (лицо), или *нѣчто* (вещь), то и существительныя изъ прилагательныхъ *сред. р.* означаютъ

или α) лицо: «*сужено-ряжено* не объѣдешь въ кузовѣ»; «не ровень *чортъ* навернется либо *старо* (сущ.) одушливое, либо *младо* (сущ.) недужливое»,

или β) вещь какъ чувственную, такъ и отвлеченную (дѣло, произведеніе, дѣйствіе). Напр. *озимое, явовое* (посѣвъ); *ѣсть мясное, рыбное, молочное, постное*; зло, лихо. — «Сыскивать надъ нами всякаго *дурна*, буде что который насъ каково *дурно* учинить (1690 г. А. Ю); говорили про *жилое*, про *былое; постоялое; взятое, даное, приданое*. — Производныя существительныя отъ притяжательныхъ и относительныхъ прилагательныхъ: *мое, твое, свое, чужье, Божье* и нарѣчныя выраженія отъ нихъ: *по-моему, по-Божьему*, а также род. п. существительныхъ послѣ сравнит. ст.: «ѣль больше *нашею*» (=чѣмъ *мы*), «въ Едринополѣ поселянскаго народа больше *цареградскова*» (Путеш. Лугѣян.) — Сюда же относятся сущ. ср. р. отъ прилагательныхъ относительныхъ на *ьска, ѣ, овъ, ѣн* и отъ прич. прош. вр. страд. з. для обозначенія *должности, платы, подати, взысканія*: тысячкое, подымное, вѣзжее и пр

γ) Такъ какъ субстанція съ значеніемъ *нѣчто* обозначаетъ еще *мѣсто, время и состояніе*, то употребляются и такія существительныя изъ прилагательныхъ *сред. рода* безъ подразумѣваемаго опредѣляемаго слова, какъ *жило, пусто*: «дано мнѣ на прожитокъ въ деревняхъ и въ пустошахъ, въ *жилъ* и *пустъ* 25 четвертей» (1680 г. А. до Ю. Б); *черно, бѣло* (на *черно, на бѣло*), до *суха*, «унивахуться до великаго *пьяна*», «умереть со *студена*» (1542 г. А. Ист.), *яро* (т. е. ярая вода, весна), *ведро, мокро* (мокрая погода). — Въ новомъ яз. нарѣчныя выраж: до—*сыта*, съ—*дуру*, с—*полна*, с—*перва*, в—*скорь*, до—*сею*, по—*долу*, по—*часту*. — Всѣ слав. нарѣчія на *о, е* (какъ, *тако, мною, тихо*) образовались изъ существительныхъ

*) Нужно помнитъ при этомъ, что, по Потебнѣ, образовались *прилагательныя* изъ существительныхъ, а не наоборотъ, и что превращеніе существительныхъ въ прилагательныя вызвано стремленіемъ языка устранить *двойственность* теченія мыслей въ сужденіи (Ср. далѣ III, 72, 73, 78—89; 130—131). И. Б.

сред. р. *вин.* и., представляя собою слѣды *объекта* (чего прежде Потебня не хотѣлъ признавать: ср. I, 121); въ примѣрахъ же, какъ «умъ—*хорошо*», (I, 108—110), «пьяный мужъ—*дурно*», нарѣчія образовались отъ надежа именительнаго. *)

Числит. ср. р. ед. ч. въ качествѣ существительныхъ.

63

б) Числительныя сред. р. ед. ч. въ качествѣ существительнаго, переходящаго въ нарѣчіе, ставятся тогда, когда или считаемыя существительныя различнаго рода, или когда роль безразлична. Напр. «въѣхаша безъ вѣсти въ поганыя, взяша б селъ, а *семое* городъ» Ипат.

Мѣст. кое, которое, оно иное, въ качествѣ союзныхъ и нарѣчія въ выраженіи

Сюда же слѣдуетъ отнести и употребленіе мѣстоименій *кое, которое, ово, иное* въ смыслѣ производныхъ частицъ—нарѣчій и союзовъ.

Мѣст. *кое* въ сред. р. получаетъ разнообразныя значенія:

66

а) раздѣлительное *кое-кое* = то... то, одно... другое; напр. «*кое* (=то, одно) на колачи, *кое* (=то, другое) на хлѣбъ 25 рублей на одинъ день» Пск I — «И прибали тое силу великую, *кое* сами, *кое* кони топчуть».

б) При глаголахъ покоя (есть, находится) *кое* близко къ нарѣчію *мѣста* (*идь* и *куда*) и даже переходитъ въ нарѣчіе. Напр. «разбери, *кое* отроки и *кое* дѣвизи» (Палея 1494 г.). — «*Кое* (=гдѣ) ваши златыи шеломы» (Сл. о П. Иг.).

67

в) Къ пространственному значенію примыкаетъ *временное*: «когда», «пока», и удвоенное «кое-кое» съ значеніемъ «когда же наконецъ» или «изрѣдка», «кое-когда»: «Князь великой... уже стоялъ (подъ Новгородомъ) недѣли 3 и 4, а ждя отъ нихъ, *кое* ему челомъ доблюють, а Новгородцы также дожидали, *кое-кое* отъ нихъ самъ прочь поидеть» Пск. I. — «*Кое* (нока) всталъ, *кое* умылся., анъ и разсвѣло».

г) Отъ временнаго «когда» *кое* переходитъ въ *условно-причинный* союзъ „если“, „такъ какъ“, „якъ“ (въ млр. и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Галаціи), а въ влр. — къ значенію *изяснит.* союза „что“: Маруся *як* (=если бы) нестояла в церкві, то ѿ небачила“ Квит.— „У тебѣ на твою землю крѣпость есть ли, *кое* (=что) онъ вашу землю ваетъ“ А. Ю.— «Билъ ми челомъ N и сказывалъ, *кое* купилъ у N полдеревни“ А. Ю.

68

д) Изяснительное „что“ предполагается значеніемъ „почему“: „*что* не ходишь“? „*кое* тебя долго не было?“ (кур. губ.).

69

е) Какъ соврея. влр. *нѣ-что* (нѣштѣ), такъ и старин. рус. *кое* въ значеніи „развѣ“? напр. „на немъ же цѣловалъ хрестъ и что к тобѣ реклъ, *кое* (развѣ) управилъ?“ Ипат.

*) Т. обр., Потебня, вопреки взглядамъ Буслаева и Миклошича (Ср. выше I, 109, 110), сказуемыя «хорошо», «дурно» считаетъ еще *нарѣчіями*, но дальше (III, 456) признаетъ ихъ уже *прилагательными* и притомъ *субстантивированными*. И. Б.

ж) Наконецъ, для выраженія неопредѣленности въ современныхъ врусскихъ говорахъ и литературномъ языкѣ „кое“ (кой) примыкаетъ къ нарѣчьямъ мѣста, времени и къ мѣстоим. „кто“, „что“: *кое-куда, кое-идъ, кое-когда, кое-кто, кое-что*; въ мдр. же яз. такія сочетанія не обычны.

Которое могло употребляться въ смыслѣ раздѣлительномъ: одно... другое, то... то вмѣсто *кое-кое*; но кромѣ этого случая „которое“ ставилось и въ смыслѣ изъянительнаго союза, просоединяясь къ союзу *ишо*: „а что которое нѣмци приняли (=захватили) посла Псковского... или что понимали нашихъ въ Колпиномъ.., а то все отпустиша во Псковъ“ Псков. I.

Ово: «*ово ихъ измьроша, а друзни разидошася*» Новг. I. Отсюда союзъ раздѣлит. *ово—ово* (=кое—кое, то—то): «и тако же възгарахуся голубищцы, *ово вѣсти, ово вѣжъ, ово ли одрины*» Лавр.

Иное: а) «*бяше Новгородцевъ мало... а меньшее они разидошася, а иное померло голодомъ*» Новг. I.

б) *иное, ино* въ значеніи «иной разъ», «иное мѣсто» (о времени), «иному пору»: «а зимою сосну бѣли, а *иное* кобылятины Богъ дастъ» Новг. I.

в) *иное... иное* = то... то: «*иное въ церкви почую, иное къ воеводѣ уйду*» Жит. прот. Авв.

Близость существительныхъ къ прилагательнымъ и указанные выше случаи употребленія прилагательныхъ въ качествѣ существительныхъ даютъ поводъ думать, что существительныя происходятъ отъ прилагательныхъ. Однако *условія образованія* существительныхъ отъ прилагательныхъ заставляютъ предполагать, что *въ древнюю пору образовались не существительныя отъ прилагательныхъ, а наоборотъ—прилагательныя отъ существительныхъ*. И дѣйствительно, когда мы употребляемъ, напр., прилагательное *бѣлыя* и хотимъ сообщить это знаніе другому, не понимающему русскаго яз., то мы указываемъ *лишь на вещь*, въ которой находится качество бѣлости, и говоримъ «*бѣлы!*». При этомъ иностранецъ въ первый мигъ приметъ это слово за названіе *и вещи, и ея качества вмѣстѣ*, а потомъ уже, когда даны будутъ ему сочетанія: *бумага бѣлая, стѣна бѣлая* и пр., онъ своимъ умомъ выдѣлитъ *прилаг. бѣлыя*, какъ названіе *только качества*. Такъ и въ исторіи языковъ, различающихъ названіе вещи и признака, прилагательное (какъ болѣе отвлеченное, чѣмъ существительное) *позднѣе* существительнаго и образовалось изъ него; или иначе говоря: существительное, какъ первоначальное *названіе известнаго признака вмѣстѣ съ субстанціей*, заключающей въ себѣ и другіе признаки, ближе къ чувственному образу и потому *первообразнѣе*, чѣмъ прилагательное, которое обозначаетъ признакъ *безъ опредѣленной субстанціи*.

Взглядъ Петерб. на происхождение прилагательныхъ отъ существительныхъ въ болѣе древнюю пору.

70

71

72

73

Выдѣленіе извѣстнаго признака изъ существительнаго и происхожденіе прилагательныхъ.»

74

Сопоставленіе сужденій аналитическихъ и синтетическихъ и предложеній съ предложеніями у Штейнтала.

Въ выраженіяхъ: «зеленая трава», «трава зелена» признаки «зелень» мыслится нами въ словѣ «трава». Спрашивается, какъ же выдѣлился признакъ зелени въ атрибутъ и предикатъ, т. е., какъ произошло прилагательное?

Согласно съ сочиненіемъ своимъ «Мысль и языкъ» (Ж. М. Н. Пр. 1862 г. и 2-ое изд. стр. 155-9), Потебня рѣшаетъ этотъ вопросъ черезъ сопоставленіе сужденій и предложеній. Сужденія дѣлятся а) на *аналитическія*, въ которыхъ признакъ предиката мыслится и явственно повторяется *уже въ субъектъ*, напр. «тѣло протяженно», «золото желто», и б) на *синтетическія*, въ коихъ предикатъ есть *ничто новое*, непосредственно немислимое въ субъектъ, напр. «тѣла имѣютъ вѣсъ». Но и въ синтетическихъ сужденіяхъ признакъ предиката *тѣсно связанъ* съ субъектомъ и долженъ вытекать изъ содержанія субстанціи его, т. е. долженъ указывать на необходимость, въ силу которой предикатъ соединяется съ тѣмъ, а не другимъ субъектомъ.

На этомъ основаніи Штейнталъ утверждаетъ, что сужденія, а рядомъ съ ними и *предложенія* не бываютъ сложены изъ *двухъ* понятій или представленій, отдѣльных для субъекта и предиката, а представляютъ, съ одной стороны, *одинъ чувственный образъ*, и это есть предложеніе, а съ другой—*разложеніе* этого образа, или *выдѣленіе изъ него одного извѣстнаго признака*, и это есть *сужденіе*. Выдѣленный признакъ мыслится въ качествѣ предиката, и субъектъ *въ моментъ сужденія* мыслится лишь какъ этотъ признакъ, такъ что изъ множества признаковъ субъекта вводится въ сознаніе *только одинъ*, вслѣдствіе чего субъектъ и предикатъ и представляются въ моментъ сужденія тождественными или равными другъ другу: «собака бѣжить» = «эта собака (субъектъ) есть *бѣгущая* собака» (предикатъ).

75

Перенесеніе Потебней вопроса о выдѣленіи признака на почву языка.

Однако разсужденія эти не отвѣчаютъ еще на вопросъ: «какъ происходитъ выдѣленіе признака?» Но дѣло измѣняется, если вопросъ этотъ изъ области *логики* перенесемъ на почву *языка*, который показываетъ, что сочетаніе подлежащаго

и сказуемаго, опредѣляемаго и опредѣленія *не тождественны*, какъ это бываетъ въ логическомъ сужденіи. Такъ, народныя поэтическія выраженія: «лицо бѣлый *снѣгъ*», «*кремень* человекъ», «дѣвчина *юрлиця*», «уроди, Боже, *серebro* стебло» и др. суть сужденія, вовсе не подходящія подъ формулу аналитич. сужденія «*a=a*» (субъектъ=предик.); выраженія эти не подходятъ и подъ формулу синтетическаго сужденія, которое изъ множества признаковъ субъекта выбираетъ только одинъ для предиката: «*A* (равное *a+b+в+г*) есть *a*», т. е., одинъ изъ всѣхъ признаковъ, составляющихъ содержаніе субъекта. „Если имя поставлено какъ предикатъ или опредѣленіе,

76

гов. Пауль, то оно уже не можетъ быть именемъ *вещи* и съ этой точки зрѣнія предикативное и атрибутивное имя становится *прилагательнымъ*. Нынѣшняя разница между существительнымъ и прилагательнымъ могла возникнуть лишь такъ, что одна часть именъ стала употребляться преимущественно для означенія вещей, а другая для обозначенія качествъ. Когда же къ этому прибавилось *формальное* различеніе (существительныхъ и прилагательныхъ), тогда разграниченіе существительнаго и прилагательнаго совершилось⁶⁶. Такого же мнѣнія и М. Мюллеръ: по его словамъ, стоитъ только употребить существительное адъективно, и существительное можетъ быть замѣнено прилагательнымъ; вмѣсто homo м. б. поставлено humanus. Так. обр., путь отъ существительнаго къ прилагательному, по мнѣнію Пауля и Мюллера, есть атрибутивное употребленіе существительнаго: достаточно употребить существительное атрибутивно, и мы отвлекаемся отъ всѣхъ признаковъ обозначаемой имъ вещи, кромѣ одного, обозначаемаго атрибутомъ; но *откуда* самое *стремленіе* превратить существительное въ прилагательное—этотъ вопросъ все-таки не разрѣшается мнѣніями Пауля и Мюллера.

Съ точки зрѣнія *языка*, въ сужденіи «трава зелена» или «зеленая трава» можно усматривать разложеніе единства слова «трава» лишь подъ тѣмъ условіемъ, что качество «зелена» дано намъ *готовымъ*, а не *выдѣлено* изъ существительнаго „трава“⁶⁷, и, слѣдов., словесное выраженіе указываетъ собственно *не на выдѣленіе* признака изъ чувственнаго образа, а на *слияніе* въ сужденіи *двухъ* единствъ, двухъ чувственныхъ образовъ: „трава“⁶⁸ и „зеленость“⁶⁹, какъ это бываетъ въ предложеніяхъ, выраженныхъ посредствомъ *сравненія*: „кремень-человѣкъ“⁷⁰, „лицо-бѣлый снѣгъ“⁷¹, ибо въ первоначальномъ языкѣ всякое прозаическое безобразное выраженіе, какъ „трава зелена“⁷², и *со стороны своего атрибута* бываетъ поэтическимъ, образнымъ (Ср. „Мысль и яз.“ Ж. М. П. Пр. 1862 г., стр. 133; 2-ое изд. стр. 158).

Для всякаго сравненія двухъ понятій или образовъ долженъ быть *общій признакъ* или основаніе; такой же общій признакъ долженъ быть и между подлежащимъ А и сказуемымъ или атрибутомъ Б. Первоначально *различіе* образовъ подлежащаго и сказуемаго сознается *явственно*, а общій ихъ признакъ мыслится безотчетно; отсюда—отсутствіе сосредоточенности мысли въ предложеніи. Но если образъ Б часто приписывается другому образу *на основаніи одною и то же общаю признака*, то признакъ этотъ *выдвигается* въ образѣ Б между другими его признаками и дѣлаетъ образъ Б *качественнымъ*, хотя и не превращаетъ его еще въ *прилагательное*.

Взглядъ Пауля и М. Мюллера на происхожденіе прилагательныхъ, какъ атрибутовъ.

77

Исправленіе Потебней этого взгляда на основаніи языка образнаго.

78

Слияніе въ сужденіяхъ *двухъ* единствъ и вытекающая отс. двойственность теченія мысли.

79

50 Устраненіе этой двойственности превращеніемъ существительнаго въ прилагательное.

Для превращенія же такого качественного образа Б изъ существительнаго въ прилагательное нужно *стремленіе къ устраненію двойственности субстанции* въ сужденіи, или, говоря другими словами, *стремленіе языка превратить существительное въ прилагательное* вызывается *стремленіемъ устранить двойственность течения мыслей въ сужденіи.*

Отсюда, наоборотъ, возвести первообразное прилагательное къ первообразному существительному значить указать *весь кругъ признаковъ*, изъ которыхъ первоначально взять одинъ только признакъ, оставшійся въ прилагательномъ, какъ основаніе сравненія при сочетаніи въ предложеніи двухъ самостоятельно сложившихся чувственныхъ образовъ—подлежащаго и предиката атрибута. Такъ, прилагательныя, служація названіемъ цвѣтовъ, и теперь еще явственно указываютъ на чувственные образы, изъ которыхъ выдѣленъ былъ первоначально признакъ, вошедшій въ прилагательное: *ю-любой* есть цвѣтъ *юлюбя* (т. е. первоначально *сизый*); *зелень* есть цвѣтъ растения, *зелья*; греч. *χλωερός, χλωρός* зеленый отъ сущ. *χλόη, χλόος* зелень; *малиновый* (отъ малина), *брусничный, вишневый, багряный—пурпуровый* (*πορφύρεος* отъ *πορφύρα* улитка багрянца). И пока атрибутъ въ видѣ *существительнаю* мыслится, какъ *совокупность признаковъ*, до тѣхъ поръ и основаній для присоединенія его въ опредѣляемому можетъ быть столько же, сколько въ немъ мыслится признаковъ; напр. «*вода-малина*» можетъ значить вода, какъ малина по *цвѣту*, по *вкусу* ягоды, по *близости* къ водѣ малиника (Ср. у Тургенева «Малиновая вода»), и т. д. По этой же причинѣ многозначность можетъ быть и въ атрибутахъ, выраженныхъ *прилагательнымъ*, образованнымъ отъ первообразнаго существительнаго, указывая тѣмъ самымъ на ту эпоху, когда еще первообразное *существительное* присоединялось къ опредѣляемому для показанія множества признаковъ, составляющихъ содержаніе опредѣляемаго существительнаго. Напр., какъ «*кремень* человѣкъ», такъ и прилагательное серб. «*кршанъ* (човѣкъ)» могутъ означать человѣка и *стойкаю* по характеру, и *жестокую*, и *скудную*.

IV.

Согласованіе прилагательныхъ.

84 Наибольшая согласуемость прилагательныхъ по сравненію съ существительными и глаголами.

Прилагательное въ славянскихъ языкахъ есть часть рѣчи наиболѣе согласуемая, и въ то вр. какъ личный глаголь согласуется со своимъ подлежащимъ въ лицѣ и числѣ, а существительное атрибутивное—почти исключительно въ падежѣ со своимъ опредѣляемымъ,—прилагательное же и причастіе согласуются съ существительнымъ и въ падежѣ, и въ родѣ, и въ числѣ. Изъ всѣхъ трехъ видовъ согласованія прилагательныхъ особенно нуждается въ объясненіи

согласованіе въ родѣ, такъ какъ «грамматическій родъ, пошедшій отъ пола^{*)}», переносится на имена вещей, а не ихъ свойствъ», обозначаемыхъ прилагательными.

Какъ же понимать въ славянскихъ языкахъ согласованіе прилагательнаго въ родѣ?—Поттъ думаетъ, что посредствомъ однородныхъ окончаній атрибута и субстантива языкъ стремится «рифмовать и мысли, изобразить *единство* прилагательнаго и существительнаго, при ихъ полярной противоположности въ другихъ отношеніяхъ», а по мнѣнію Штейнталя, мѣстоименіе указательное, служившее сначала для различенія рода, «было употреблено затѣмъ для обозначенія *аттрибутивности* и присоединено къ имени какъ существительному, такъ и прилагательному“ (Микл. IV, 20). Почему же, однако, обозначеніе рода мѣстоименіемъ указательнымъ стало прилагаться *одинаково* какъ къ существительному, такъ и къ прилагательному?

Объясненіе согласованія прилагательныхъ въ родѣ.

85

Различіе между существительнымъ и прилагательнымъ, какъ извѣстно, не исконно. Мы уже видѣли, что прилагательныя возникли изъ существительныхъ (Ср. III, 72 и слѣд.), и было время, когда *свойство* мыслилось только конкретно, какъ вещь (Ср. выше III, 17 и слѣд.). Въ это-то время, т. е., когда прилагательнаго еще не было, и явилось въ индо-европейскихъ языкахъ обозначеніе грамматическаго рода. А такъ какъ прилагательныя долгое время и послѣ возникновенія «сохраняли слѣды своего происхожденія^{**)}», то родъ ихъ, естественно, обозначался такъ же, какъ и въ существительныхъ. Къ этому же давнему времени относится возникновеніе согласованія прилагательныхъ съ опредѣляемыми существительными и въ числѣ и падежѣ. Т. обр., вопросъ о согласованіи прилагательныхъ съ существительными въ родѣ сводится къ вопросу о согласованіи атрибутивно-предикативныхъ существительныхъ съ другими существительными, а не прилагательными. Такое согласованіе въ родѣ вполне очевидно: въ рус. яз. «сынъ *одинецъ*», «дочка *единица*»; случаи же несогласованія въ родѣ, какъ «шръ-радость», «бѣлка-ходокъ», суть явленія *непервообразныя*, какъ и несогласованіе прилагательнаго съ первоначальнымъ родомъ существительнаго: «*нашъ* воевода» изъ «*наша* воевода».

86

Кромѣ согласованія въ родѣ, замѣтно согласованіе существительныхъ и прилагательныхъ и въ *представленіи*, куда, согласно съ Бусл. (Гр. § 63), относятся, между прочимъ, имена уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя и уничижительныя.

Согласованіе по представленію.

87

Согласованіе въ степени уменьшительности и рѣже увеличительности нѣсколько походитъ на согласованіе въ родѣ, но такое согласованіе не обязательно, такъ что уменьшительность, ласкательность не-

*) Срав. далѣе III, 588 и слѣд. И. Б.

***) т. е. признакъ въ нихъ мыслится конкретно, какъ вещь. И. Б.

рѣдко выражается *только въ опредѣляемомъ существительномъ*, а въ прилагательномъ нѣтъ; напр. родной *батюшка*, милыя *подруженьки*; млр. рід-
 88—89 ный *батенько*, білое *деревице*, бістра *рiченка*. Но рядомъ съ этимъ употреб-
 ляются и «*рiченка бистренька*», «*ко сошкь кленовенкой*.»—[Въ литов.
 и лотыш. языкахъ развиты ласкательныя формы *существительныхъ*, а лас-
 кательныя прилагательныя крайне ограничены]. Есть уменьшительныя формы
 прилагательныхъ и сравн. ст. въ влр. и млр. яз: старшенькій, меньшень-
 90 кій.— Стремленіе къ такому согласованію уменьшительности и ласкатель-
 ности существительныхъ и прилагательныхъ можетъ, впрочемъ, удержи-
 ваться размѣромъ стиха народной рѣчи, не вмѣщающаго болѣе длиннаго
 91 уменьшительнаго прилагательнаго.—Въ русскихъ простонародныхъ говорахъ
 ласкательныя формы распространяются даже на слова *инфинитивнаго* зна-
 ченія (Ср. «Значенія множ. ч.» стр. 71—2) и *междометія* (Бул. § 63, пр. 7):
спатеньки, *асинька*, *ахти мнѣченьки* и др.

Итакъ, согласованіе въ *представленіи* состоитъ въ томъ, что на-
 92 строеніе лица, выражающееся въ ласкательной формѣ *имени вещи*, распро-
 страняется въ извѣстной мѣрѣ и на ея *качества* или дѣйствія, а также и
 другія вещи, находящіяся съ нею въ связи. На этомъ основаніи, если об-
 ращаются, напр., къ высшему лицу, уменьшая свое имя, то уменьшается и
 93 все, принадлежащее низшему: „Бьютъ челомъ дворяне и дѣти боярскіе Вот-
 кіе въ N и N погостѣхъ... Били, государи, челомъ вамъ государемъ... Ва-
 силей Левшигъ на наши *погостишка*... и Петръ *крестьянишекъ* нашихъ
 не изѣхалъ... и онъ сказалъ, будтося наши *крестьянишка* не послушали...“
 А. Ю. 1611 г. Но въ наибольшей мѣрѣ такое согласованіе сказывается въ
 отношеніи *аттрибутивномъ*, при чемъ какъ прилагательныя атрибутивныя,
 какъ видѣли, не всегда слѣдуютъ «согласованію въ представленіи», такъ
 точно то же бываетъ и съ *существительными атрибутивными*; напр.
 94 «*батеньку цвите*», но «*дiвчино серденько*», «*синоньку* Ивашечку», «*Мару-
 сенька сироточка*», «*вишеньки—черешеньки*» и т. п.—[То же замѣчается и
 въ Литов.—лотыш. яз].

Подобно тому какъ ласкательность переходитъ на слова
 95 инфинитивнаго характера, такъ точно сказывается она и въ
 уменьшительныхъ нарѣчіяхъ: „*прилетѣла та тетеречка*, при-
 летѣла та *теперичка* сіла-пала на *виконечку*, питається на-
 96 *здоровьячко*«.—Части тѣла, платье и проч. изображаются со-
 отвѣтственно *возврѣнію* на лицо: «*Як пiйдемо у долину да
 вирвемо лопушину да пошием жупанину*»;—„*Ногаечка дротяненька*, а я
 97—98 *молоденька*»;—„*пiшов дiдище та на базарище*“; поiхав *дiдочок* рано на
торжочокъ“; „*волчище—сѣрое хвостище*“; „*ай же старчицо да пере-
 гримшицо*“, „*какъ бывала тутъ коровища обжорища*“ и проч.

Общій выводъ изъ разсмотрѣннн согласованн существительныхъ и прилагательныхъ можетъ быть слѣдующн *):

1) родъ въ прилагательномъ сохранился отъ того времени, когда прилагательное было еще существительнымъ;

2) въ зависимости отъ этого въ славянскихъ языкахъ прилагательное не отличается отъ существительныхъ согласованьемъ *въ родъ*, ибо въ немъ согласуются очень часто и существительныя между собою: „сивецъ жеребецъ;“ „жеребица сивица;“ „дѣвка шинкарка, дѣвка-шинкарка“;

3) съ согласованьемъ въ родъ сходно „согласованн въ представленнн;“ и такое согласованн прилагательнаго съ существительнымъ идетъ отъ согласованн *существительнаго съ существительнымъ же*, какъ и уменьшительныя суффиксы прилагательныхъ первоначально принадлежали существительнымъ;

4) что касается согласованн атрибута *въ числѣ и надежѣ*, то оно также должно быть отнесено къ тому еще времени, которое предшествовало образованн прилагательнаго отъ существительнаго;

5) наконецъ, изъ согласованн „по представленн“ можно видѣть, что согласованн *вообще* не есть *только вышнее средство* для того, чтобы относить опредѣлительное слово къ опредѣляемому; напротивъ, уподобленн опредѣлительнаго опредѣляемому вызывается *внутреннимъ подобиемъ* ихъ между собою. На почвѣ миѣческаго мышленн опредѣлительное и опредѣляемое это — душа и одушевляемое ею тѣло.

V.

Происхожденн разрядовъ существительнаго.

Если *verba finita* служатъ исключительно для выраженн предикативности, то существительныя должны бы быть только подлежащимъ и дополненнемъ; на дѣлѣ, однако, они сохраняютъ, какъ видѣли, большую или меньшую атрибутивность и извѣстную степень приближенн къ предикативности (Ср. III, 351 и слѣд.). Уже во 2-й ч. (стр. 88) высказано было, что первобытное имя ближе всего подходило къ причастн съ именнымъ и глагольнымъ признакомъ, а теперь можно прибавить, что оно подходило къ причастн *не прилагательному* (позднѣйшему), а къ причастн *существительному* (первообразному), съ опредѣленною субстанцнй и признакомъ, *производимымъ* этой субстанцнй, словомъ — первобытное имя, предшествовавшее выдѣленн или обособленн прилагательнаго, было *именемъ дѣйствующаго лица, nomen agentis*, а прочне разряды существительнаго: имена *оруднй (instr.)*, *дѣйствнй (actionis)*, *произведеннй (arti)*,

Nomina agentis, какъ первобытныя существительныя.

*) Распредѣленн этого вывода по пунктамъ принадлежитъ мнѣ. **И. Б.**

мѣста и *времени* (п. loci) нужно считать производными. Доказательства этому слѣдующія:

103

а) прилаг. качественное, совпадающее по формѣ своей съ существительнымъ (III, 45), ближе по значенію къ ном. agentis, чѣмъ къ другимъ; напр. *ста-ръ* (кор. *sta*)—стоящій, вѣроятно, сначала въ примѣненіи къ стоящему дереву, т. е. высокому, крѣпкому, многолѣтнему. Сл. *тѣскъ*—тѣсный, собств. *тѣснящій*. И *старъ*, и *тѣскъ* значать первоначально: „производящій въ себѣ такое-то качество“, „носитель, обладатель качества“.

б) „Въ существительномъ изъ значенія ном. agentis удобно выводятся прочіе разряды, но не наоборотъ“, а именно.

Имена *орудія*; напр. *косарь*—тотъ, кто косить, и родъ большого ножа (instr.); въ древ. же времена у славянскихъ и многихъ другихъ народовъ смотрѣли на нѣкоторыя орудія (мечи, сабли), какъ на существа вполне чело-
вѣкообразныя и способныя носить собственные личныя имена.

104

Имена *дѣйствія* (п. actionis) и качества „первоначально вполне субстанціальны, т. е., предполагаютъ *дѣйствительную* субстанцію. Поэтому разница между ними и именами дѣйствителя должна по направленію къ прошедшему сводиться на нѣтъ“ *).

Имена *произведенія* (п. acti) также „могутъ непосредственно примыкать къ ном. agentis. Такъ, если, по повѣрьямъ, *кладъ* самъ выходитъ и уходитъ“, то въ первоначальномъ образованіи „кладъ“ могло значить: *самъ себя положилъ*, т. е., могло бытъ ном. agentis. Особенно же nomina acti сближаются съ ном. agentis чрезъ посредство именъ дѣйствія: *кладъ* сперва кладеніе (ном. actionis), а потомъ—то, что кладется.

105

Имена *мѣста* или связываются съ ном. agentis тоже черезъ ном. actionis, напр. *владѣніе*, *имѣніе*, *уездъ* и др., или же прямо мѣсту, какъ дѣйствующему лицу, приписывается дѣйствіе, которое въ немъ совершается; напр. *прихожая* (комната) (Ср. II, 236).

106

Другіе примѣры на то, что многія имена сущ. съ однимъ и тѣмъ же суффиксомъ имѣютъ нѣсколько значеній: *крѣпость* (ном. acti и actionis: закрѣпленіе, купчая крѣпость), *скотскій выпускъ* (п. actionis и loci), *писаніе* (п. actionis и acti), *дача*, *строеніе* (п. actionis и acti), *покупка*—дѣйствіе и вещь, *посылка*—дѣйствіе и вещь, *грабежь*—дѣйствіе и результатъ: награбленное („Татарове сташа на костѣхъ, полонъ весь и *грабежь* (=награбленное) ту оставиша“), *татѣба*—дѣйствіе и результатъ („гдѣ есте ту *татѣбу* дѣли?—Ту есмя *татѣбу* истеряли“ А. Юр.), и проч.

107

Хотя грамматич. родъ и влияетъ на разграниченіе этихъ разрядовъ су-

* т. е. имена дѣйствія и качества въ древнѣйшую эпоху представлялись не только дѣйствительно субстанціальными, но и дѣйствующими лицами. (Срав. выше III, 19). И. Б.

ществительнаго, но и помимо вліянія рода можно видѣть образованіе этихъ разрядовъ съ однимъ и тѣмъ же суффиксомъ, имѣющимъ многія значенія. Рассмотримъ, напр., существительныя съ суф. **ъ** (тема *a*), **ь** (тема *ja*).

Простыя имена съ этимъ суф. по преимуществу суть номіна *actionis*; напр. *прай* (птичій говоръ), *строй* (устроеніе), *вѣдѣ* (вѣдѣніе), *видѣ* (зрѣніе), *слухѣ* (слушаніе), *иноуѣ* (отвращеніе), *мѣтѣ* (волненіе), *рѣвѣ* (поруганіе), *лай*, *варѣ* (жаръ), *той* (гниеніе и навозъ), *ломѣ* (копійный), *водѣ* (воженіе), *родѣ* (рожденіе, происхожденіе), *ловѣ*, *морѣ*, *борѣ* (собираніе), *бредѣ*, *бѣгѣ*, *громѣ* (гремѣніе), *звонѣ*, *пискѣ*, *свистѣ*, *гамѣ*, *скрипѣ*, *крикѣ*, *зыкѣ*, *рыкѣ*, *толкѣ* и др. Но отъ глубокой древности и донынѣ есть имена на **ъ**, которыя означаютъ *лигъ дѣйствующихъ*, переходящихъ въ значеніе *орудій*, какъ *дѣйствователей*, при чемъ нерѣдко совмѣщается и значеніе *дѣйствія* и *произведенія*. Напр. **Богѣ** съ др. инд. — распредѣлитель, податель. **Сокѣ** — слѣдящій (за звѣремъ), юрид. обвинитель; другое **сокѣ** — клей, вытекающій изъ дерева при глаг. *сякнуть*). **Бай** (красно-бай) — раскасчикъ. **Родѣ**: а) собств. родящій, *ближайшій родственникъ*: „вы пѣста князя, ни *рода* (им. дв.) князя“ Лавр; *привидѣніе*, *духъ родственника*: „дѣти бѣгають *рода*“ Дап. Зат.; м. б., множественіи **Родѣ**, какъ родоначальникъ; *родѣ* какъ *fatum* (Шест. 142); б) собир. *gens*: „вѣста родъ на родъ“ Лавр. в) *родѣ* — рожденіе: ном. *actionis*. **Рой** соб. летящій (ср. птица рѣветъ) и *conventus*: ном. *actionis*. **Вой** — *bellator*, какъ ном. *agentis* — гонящій (погоня) отъ *ви* = гнать: Микл. **Бой**: а) ном. *instrum*: цел. *бичѣ*, влр: то, чѣмъ бьютъ, уменьш. *боѣкѣ* (битокъ въ бабкахъ); рыло свиное. б) ном. *actionis*: біеніе, битва; бой часовъ. в) ном. *acti* изъ ном. *actionis* съ переходомъ въ страд. значеніе: *ломѣ* (чугунный). г) *loci*: бойница; лавка на бою = на бойкомъ мѣстѣ. **Кий** (ковать): п. *instr*. *молотѣ* (вующій, бьющій) Избор. 1073; *кій* — биліардный. **Ломѣ** а) *instr*: желѣз. рычагъ, б) п. *actionis*: *ломѣ* въ костяхъ. в) п. *acti*: *буреломѣ*, *поломан*. вещи. **Новѣ**, а) п. *actionis*: *insidiae*, б) п. *acti*: металлъ, который куется. **Ровѣ** — п. *acti*, а ном. *ag*. и *actionis* отсутствуетъ. **Рѣвѣ** — п. *acti* стар. рус. видъ процентовъ (ср. сущ: *наставѣ*, *присопѣ*, *накладѣ*, *ростѣ*, *насыпѣ*) отъ гл. *рѣзати*: то, что прирѣзано (ср. *рубѣ* отъ гл. *рубити*, *кусѣ* отъ *кусати*). **Зѣвѣ**: а) п. *ag*. отсутствуетъ, б) п. *instr*: *пасть*, какъ *зіяющая*, в) п. *actionis*: *зіяніе*. **Съѣ** цел: *instr*. *сосокѣ*; п. *actionis* только въ сложн: „въ *засосѣ*“. **Снокѣ** а) п. *agentis*: скаковой конь (Ип. 289). б) *instr*: въ польск. ноги (охотника), в) *actionis* — скачекъ, прыжекъ, г) *loci* въ серб. *saltus aquae*: Скакавац, Скоковац — соб. имя водопадовъ. **Тѣлкѣ** а) п. *ag*: = переводчикъ, б) п. *actionis* — толкованіе. **Стыдѣ** п. *ag*: „сама *стида* полюбила“. **Гнусѣ** а) п. *ag*. (*гнусѣ* — гадкое насѣкомое), б) п. *actionis*: „до *гнуса*“ — до отвращенія (Шест.). **Плутѣ** п. *ag*: *плутующій*. **Трѣвѣ** а) п. *ag*: робкій человекъ, б) п.

Синтаксисъ рус. яз. въ изслѣдованіяхъ Потебни.

108

109

110

111

112

11

action. трясение. **Блѣдѣ** а) п. actionis отъ п. acti: блудодѣяніе; пол. ошибка; б) п. loci: цел. Iurauar. **Ходѣ** а) п. ag. въ собственныхъ именахъ: Ходъ, Ходько, Ходкевичъ, б) п. actionis: хождение, в) п. loci: ходъ (дѣстница) въ подполое. **Громѣ**—п. ag. Царь Громъ (миоч.) и п. actionis. **Звонѣ**—п. instr. колоколь (мр.), п. actionis и п. temporis: «въ самый звонъ церковный». **Глѣдѣ** п. ag.—музыкантъ, п. instr.—гудокъ. **Писнѣ** а) п. ag.—трубачъ (цел.), б) п. instr.—цел. труба (tibia). **Свистѣ** п. ag. отсутствуетъ; отъ instr.—влр. свистогъ*).—Личныя прозвища дѣтей по крику и шуму и происшедшія отсюда соб. имена должны быть производимы отъ ном. agentis, а не actionis: **Гамовѣ** сынъ **Тыртовѣ**, **Скрыповѣ**, **Рюма**, **Рыковѣ** (уменьш. **Рычко**, отс. **Рычковѣ**) и др. **Перепелѣ**, вм. переперь, отъ гл. «прати» съ значеніемъ не «летать (volare)», какъ думаетъ Миклош., а «бить»: крикъ перепеловъ называется охотниками **бой**.

Отношеніе значеній въ именахъ на **ѣ** сложныхъ съ предлогами. То же отношеніе значеній и въ именахъ на **ѣ** сложныхъ съ предлогами. **Разбойѣ**: а) п. ag. разбойникъ: «ихъ разбой разбили». Это значеніе сущ-го **разбой** предполагаетъ и въ простомъ **бой** (стр. 110) п. ag., безъ котораго не возникло бы въ **бой** значеніе instr.; изъ единичнаго ag. **разбой**—собираетъ **разбойники**. б) п. action. «на **разбой** ити». в) п. acti: «стать онъ... отъ Кучюмова **побою** въ дуднищахъ» А. Ист. г) loci—серб.: мѣсто, гдѣ происходилъ разбой. **Пропой** а) п. ag: пропоецъ, пьяница, б) п. action: агтъ свадьбы пропывать невѣсту. в) temporis—время, когда бываетъ пропой. **Пересконѣ** а) п. ag. др. рус: перебѣжчикъ; б) теперь только п. action. и acti. Ср. серб. **ускок**, цел. **убыгъ** **φουράς**, цел. **ушидѣ**, **ушидѣ** fugax.—Рус: **сунругъ**, **проставѣ**, **неслухѣ**, **послухѣ**, **неукѣ**, **пророкѣ**, **поварѣ**, **спасѣ**; **поводѣ** п. agentis—польск. истецъ, п. action—побужденіе, п. instr.—конскій поводъ; **ухватѣ** п. ag.—ухоръ, п. instr.—рочагъ.

Цел. и др. рус. имена actionis на **ѣ** вм. позднѣйшихъ на **іе**, **ііе**. Въ **цслав.** сложные съ предл. п. actionis на **ѣ**, отчасти замѣнявшіяся позднѣе именами на **іе** (tie): **пръзорѣ** гордость, **прълоѣ** переложеніе, **пръстѣнѣ** преступленіе, **сзкоупѣ** совокупленіе, **пѣхотѣ** похотѣніе, **взскоурѣ** испареніе, **взсходѣ**, **взводѣ**, **расходѣ**, **сзлоѣ** (сложеніе), **поститѣ** (—женіе), **науокѣ** (наученіе), **взвратѣ**, **превратѣ**, **застоупѣ** (—пление), **оукасѣ** (—шеніе), **взспарѣ** (—еніе), **взскоурѣ**, **окоусѣ** (—искушеніе), **отпадѣ**, **сзъмьсѣ**, **видѣ**—зрѣніе, **обоухѣ** (—аніе), **слоухѣ**, **прикосѣ** (прикосновеніе), **взкоусѣ**, **проповѣдѣ**, **прооуставѣ** (проустановленіе), **постпхѣ**, **почѣтѣ**, **подраѣ** (подраженіе), **вздразѣ** (τρόπιον) и др. (См. у I. Экз. Болг.).—Когда эти имена имѣютъ значеніе п. agentis, и actionis, тогда они въ качествѣ атрибута при конкретномъ существительномъ могутъ производить двусмысленность: «Богъ **спасѣ** нашъ» и Спаситель, и спасеніе.

*) п. actionis—свистѣніе у Потебни почему-то опущено. И. Б.

Въ др.-рус. яз. имена actionis на ъ часто вм. ie: *подъемъ* (подыманіе), *сыскъ*, *опытъ* (испытаніе), *указъ*, *отпускъ*, *подмогъ*, *подносъ* (подношеніе), *поворотъ* (возвращеніе), *излюбъ* (избраніе, приговоръ), *изволъ* (—леніе), *розрубъ*, *розрубникъ* (запись о распредѣленіи податей).

118

Имена на **нiе**, **тiе** суть только имена дѣйствія, по преимуществу длительного, и очень рѣдко переходятъ въ имена лицъ и конкретныхъ вещей, а потому заключаютъ въ себѣ субстанціи чисто фиктивные, напр. *зрѣнiе*, *обонянiе* и проч. тогда какъ имена на ъ означаютъ способности, какъ *дѣятелей* или *орудія*: *видъ* (чувство зрѣнія), *обоухъ* (чувство обонянiя).—Точно также: *засовъ*, *совокъ*, *насосъ*, *запоръ* и т. п. суть конкретныя вещи, орудія: *вылонъ*, *подъездъ*, *нарывъ*, *наплывъ*, и проч. суть мѣста и вещи, а *сованье*, *засовыванье*, *сосаніе*, *запираніе*—только дѣйствіе; *удой*, *уловъ*, *недородъ*, *посѣвъ*, *нажинъ* суть *результаты дѣйствія*. Согласно съ Бусл. (Гр. § 59, пр. 1), Потемня заключаетъ, что имена на ъ въ др.-рус. языкѣ и въ просторѣчii, кромѣ конкретности, обозначаютъ еще *однократность*, имена же на *нiе*, *тiе* отличаются большею отвлеченностью и *длительностью* дѣйствія: услышать *крикъ* и *кричаніе*, *выстрѣлъ* и *стрѣлянiе*.

119

120

Имена на **омъ** (ѣтъ), **емъ** (ьтъ) большею частію происходятъ отъ корней, означающихъ *звукъ*, и по преимуществу суть ном. actionis: ропотъ, топотъ, хохотъ, лепетъ, скрежетъ; однако есть между ними и п. agentis, не всегда, впрочемъ, происходящія отъ корней, означающихъ звуки; напр. *животъ*, какъ п. ag.—*скотъ*, животное и *желудокъ*, какъ живущее или то, чѣмъ живутъ; но общеслав. *животъ*—vita есть п. actionis.—*Возъ*—ном. agentis и actionis, *кочетъ*, *чечетъ* (чечетка), *кокотъ* (*кочетъ*) суть п. agentis; *трепетъ* (крыльевъ), *стрепетъ* (шумъ при полетѣ)—ном. actionis; *хоботъ*—хвостъ, какъ качающійся, висящій; *прохотъ*—п. actionis и agentis (большое рѣшето).

121

Имена съ суф. **ота** ж. р. а) отъ глаголовъ: икота, рвота, ломота, клевета, б) отъ существительнаго: красота, срамота, в) отъ прилаг. доброта, кислота.—Лица: сирота, юнота. Въ млр. *собирабельное*—дѣвота, бѣдота, въ варус. пѣхота, голота.

Имена муж. р. на **ень**: грабежъ, дѣлежъ—въ ц.-слав. и влр. суть п. actionis, но въ серб. и хорутан. есть и п. agentis.—Рус. *собирает*. на *ежь* жен. р., но въ областныхъ говорахъ (по искаженію?) употребляются и въ муж. р.: «молодежь—не хорошъ».

122

Сравнивая имена на ъ простыя (ловъ) и предложныя (у-ловъ) со сложными изъ двухъ *словъ* (звѣро-ловъ), можно замѣтить, что первыя изъ нихъ (простыя и предложныя) большею частію бывають именами actionis, т. е. съ мнимою субстанціей, а вторыя—съ

Образцы сложных именъ agentis.

субстанціей дѣятельности, т. е. именами *agentis* и рѣже *instr.* Имена сложныя изъ двухъ словъ бывають нѣсколькихъ образцовъ:

1. Одни изъ нихъ таковы, что первый членъ соответствуетъ винительному и род. падежу при глаголь или причастіи: *звѣроловъ*, *звѣробой*, *сѣноной* (дождь, гноящій сѣно), *листоной* (мѣс. октябрь), *ледоколъ*, *мукоколъ*, *вѣтрогонъ*, *медоваръ*, *шаповаль*, *коноваль*, *конокрадъ*, *волкодавъ*, *мухоморъ*, *живодеръ*, *рукотеръ* (ручникъ), *жилоутъ* (соб. тянущій жилы, мучитель скотины; названіе моста въ 1 Повг. л.) и проч. Рѣже такія имена означаютъ дѣйствіе, время и иногда мѣсто: *мясоудъ*, *сѣнокосъ*, *сѣнозѣръ* (Даль), *сѣноваль*.

2. Ко 2-му образцу относятся такія имена, въ которыхъ первый членъ соответствуетъ или опредѣлительному прилагательному при существительномъ, или нарѣчію при глаголь и причастіи. Напр. *Скорыходъ* (или скорый ходъ, или скоро ходящій), *краснобай*, *пусторай*, *пустомолъ*, *пустолядъ*, *лиходѣй*, *дармомѣдъ*, *кривосудъ* и др.

3. Къ 3-му образцу относятся имена сложныя съ *самъ* (единъ), при разложеніи которыхъ первый членъ или является подлежащимъ, если второй членъ принимать за глаголь (самодуръ), или — предикативнымъ атрибутомъ, если второй чл нѣ разсматривать какъ причастіе или прилагательное (самосѣвъ—самъ сѣющійся). Эти имена большею частью суть ном. *agentis*: *самоборъ* (бѣ), *единоборъ* (бѣ), *самобѣгъ*—ходъ—варъ—стрѣль, *самоудъ*, *самодуръ*, *самокатъ*, *самородъ* (огъ),—*хвалъ*,—*текъ*, *самоукъ*, и рѣже п. *actionis*: *самогонъ*, *самоплавъ*, *самосудъ*. Сюда же къ ном. *agentis* отнести Потебня и слова *самодержецъ*, *самовидецъ*, серб. *самородица*, которыя Миклошичъ причисляетъ къ предыдущему разряду.

4. Къ 4-му разряду образцовъ Потебня относитъ тѣ сложныя имена, при разложеніи которыхъ первый членъ (не мѣст. *самъ*) соответствуетъ тоже подлежащему, а не дополненію или опредѣленію, какъ въ 1-мъ и 2-мъ видѣ образцовъ. Имена эти суть ном. *actionis*, а отсюда—*loci* и *temporis*: *листопадъ*, *воронорай*, *солнопекъ*, *водопадъ* (*actionis* и *loci*), *окомизъ* (Микл.), *ледоплавъ*, *рѣкоставъ*—время замерзанія рѣкъ, по «рѣкоставъ»—сѣв. вѣтеръ, останавливающій рѣки, есть п. *agentis*. Такимъ же обр. различаются и простыя: а) *ставъ*, *станъ* съ непереход. значеніемъ: «стоящій, ставимый» и б) *ставъ*, какъ ставящій, останавливающій: *ставъ мельничный*, заируда, насыпь, а также цсл. и др. рус. *ставъ*—суставъ (связывающій).

Подтверженіемъ первообразности значенія существительныхъ *agentis* въ именахъ на *ъ* можетъ служить значеніе же *agentis* производныхъ отъ нихъ именъ съ суф. *ьць*, *ькъ*, *ьнъ*, *ькъ*, *онъ* (=греч. *χός*, лат. *icus*), *ьнь*: слѣпъць отъ слѣпъ, черноризъць отъ черноризъ, переступень изъ прѣстѣпнь и др. Имена: *борецъ* отъ преднола-

Производныя
имена *agentis*
на *ьць*, *ькъ*, *ьнъ*,
ькъ.

гаемаго ном. agentis «боръ», боеицъ, ловечицъ, чонечицъ, пивеицъ, рѣзечицъ (п. instr.), писеицъ, купеицъ, Judeицъ (стар. рус.) и имъ подобныя предполагають первообразныя ном. agentis на з, хотя бы эти первообразныя на з и не сохранились. Такъ, *глумецъ* (histrio) происходитъ не отъ «глумъ» сцена, а отъ предполагаемаго «глумъ»—п. agentis; *швецъ* отъ предполагаемаго швьъ (п. agentis)—шьющій, хотя въ Шестодн. (212, 4) *швъъ* употреблено въ смыслѣ п. acti: *шовъъ; жънецъ, посецъ* (пропоецъ): «Ой *посецъ, пропоецъ* Авдотинъ батюшка: проишь свою дочку за винную бочку» Шейнъ Р. нар. п.

128

VI.

Аттрибутивность существительнаго.

129

Въ славянскихъ нарѣчійхъ, по словамъ Миклошича (Гр. IV, 3—4), атрибутивное прилагательное нередко замѣняется существительнымъ (человѣкъ *грѣшникъ* вм. *человѣкъ грѣшнѣнъ*), какъ въ латин. и греческомъ: *victor exercitus, ἄνδρες στρατιῶται*. Но Потебня, согласно съ предыдущимъ изложеніемъ, не видитъ въ старин. языкѣ замѣны прилагательнаго существительнымъ, а съ точки зрѣнія позднѣйшаго языка не видитъ и тождества между выраженіями: «человѣкъ *грѣшникъ*» и «человѣкъ *грѣшнѣнъ*», такъ какъ въ первомъ выраженіи атрибутивъ *вещественъ* и имѣеть свою субстанцію, а во второмъ—*лишенъ вещественности* и отнесенъ къ другой вещи (ср. выше II, 87). Что въ старин. яз. не происходитъ тутъ замѣны, это видно изъ того, что выраженія «человѣкъ *грѣшнѣнъ*», «вълкъ *хъщнѣнъ*» должны быть сопоставлены съ выраженіемъ «мѣжъ *борецъ*», гдѣ сущ. «борецъ», какъ сказано выше, происходитъ отъ предполагаемаго *существительнаго* же (а не прилагательнаго) *боръ* (ном. agentis), такъ что «грѣшнѣнъ» и «хъщнѣнъ» до образованія существительныхъ «грѣшникъ» и «хъщникъ» были также ном. substantiva agentis, какъ напр. до образованія сущ. «супротивникъ» было ном. agentis «супротивыъ»: «Изломи Андрей копне свое въ *супротивнѣ* своемъ» Плат. Что же касается *побужденія* къ образованію сущ.—аго на *икъ*, то это объясняется стремленіемъ языка избѣгать *двусмысленности*, которая могла мыслиться, напр., въ «хъщнѣнъ»; такъ к. въ «хъщнѣнъ» соединяются значенія и сущ.—аго, и прилаг.—аго. Въ позднѣйшемъ яз. «хъщнѣнъ» стало исключительно прилагат.—мъ, хотя и съ первоначальнымъ суффиксомъ *нѣнъ*.

130

Если примѣнять къ сужденіямъ (Ср. выше III, 74—80), то предложеніе «вълкъ *хъщникъ*» есть сужденіе синтетическое, въ которомъ соединены *два* субстанціи, а «вълкъ *хъщнѣнъ*» (прилаг.) есть сужденіе аналитическое, въ которомъ разложена одна субстанція, т. е. выдѣленъ изъ субъекта «вълкъ» одинъ признакъ «хъщнѣнъ». Такъ обр., атрибутивность сущ.—аго въ предложеніи

Различіе между атрибутивнымъ существительнымъ и прилагательнымъ и причина позднѣйшей замѣны перваго вторымъ

131

вносить въ сужденіе двойственность и находится въ тѣснѣйшей связи съ фигурою *êv ôçá ôboÿ*: «вълкъ хыщникъ» какъ бы = «вълкъ и хыщникъ», серб. «црвеника вино» (красное вино) какъ бы = «црвеника и вино» (Микл. IV, 5, 2; ср. *Записки* III, 280 и дал.).

Если атрибутивное *прилагательное* есть явленіе въ языкѣ позднѣйшее, то естественно, что тѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ атрибутивность существительнаго должна увеличиваться.

Существительныя атрибутивныя А) могутъ согласоваться и Б) не согласоваться съ опредѣляемымъ и ставятся то препозитивно, то постпозитивно. Съ этихъ точекъ зрѣнія и должно разсматривать атрибут. сущ.—ья. А. *Сущ. опредѣлительное, согласованное въ родъ и число *) съ опредѣляемымъ.*

Здесь относятся:

1. *Сущ. собств. и нариц. муж. р.* съ суф. *ьць*: мужь новгородецъ (по образцу «мужь борець»), людие Черниовиы, «съ мужи Новгородьци», «бояромъ Брянскимъ и всѣмъ мужомъ Брянцомъ (значить, прилаг. — *ьскъ* уравнивалось съ сущ. — *ьиь*), «мужи старожильцы» и пр.—Тоже и въ мдр. яз.—Прозвища по мѣсторожденію: Микита *Переяславецъ* и др., а также: *уроженецъ, иногородецъ, чужеземецъ*; мдр. *родимецъ*, татарове *сыродьци*, крестьяне *старожильцы*; *первоженецъ, двоженецъ* и безъ опредѣляемаго слова; *вьюношь двѣнадцатилѣтцъ, сынъ—первенецъ, сынъ близнецъ, синецъ* съ опущеніемъ суш. ледъ, и др. Тоже въ мдр., бѣлор., серб. яз.—Мужескому *ьиь* должно соответствовать сред. *ьце* и жен. *ьца* (мдр. *ька*).

Сущ съ суф. *ичъ, инъ* (яиниъ):

а) *ичъ*, въ значеніи принадлежности къ мѣстности: «людь *Берендичъ* и *Кзганы*» Ппат., «съ мужи *Псковичи*». — Отчественныя имена на *ичъ* въ рус. и серб. атрибутивны донынѣ и теперь *постпозитивны*, отчего и вытѣсняется въ обращеніяхъ за-просто опредѣляемое: «*Мергулычъ*», но въ стар. рус. и нынѣш. мдр. *patronymicum* ставится и спереди: «за Святославича за Олга», «за Володимирича Ярослава» Ппат.

б) — *инъ* (яиниъ): Русинъ, цел. мѣжь *Июудьянинъ*; мужи *Вильяне, Мецияне* (позднѣе: *Миенскіе*) дворяне, *Орлянъ* дѣтей боярскихъ. Сюда же относятся имена на *инъ, итинъ*: дѣлѣбитъ (кредиторъ), *Псковитинъ* и т. под.—Нарицат: *горожанинъ, чужанинъ, полчанинъ, слобожанинъ*. — Тоже въ мдр., серб.—Мужескому роду на *инъ, яинъ* соответствуетъ женскій въ стар. яз. на *ьини*: жена *Самарьянини*, въ повомъ — *ька, янка*.

Суф. *икъ*. Цел. мѣжь *грьщникъ, вълкъ хщникъ*. Собств. (одно у

*) О согласованіи въ *надежь* не упоминается у Потебни, конечно, потому, что согласованіе этого рода подразумевается здѣсь само собою. И. Б.

Потебни): мужъ *Литовникъ*. Нарин: *безчинникъ, вѣчникъ, благовѣстникъ, пустынный, прикащикъ, доводчикъ, вѣтеръ съверикъ*.— Сюда же относятся образованныя отъ суф. *ын*: *ратникъ, польникъ* (жен. поляница) *тѣльникъ, ельникъ*, и др. Тоже въ млр. и серб. 138

Суф. — *анъ, —янь*: боръ *соснякъ, заяць бѣлякъ, первакъ, друмакъ*. 139

Тоже въ серб. языкѣ.

Суф. *ачь*: голубъ *трубачь, воль роичь*.

Суф. *ягъ*: боръ *соснягъ, липнягъ, ольнягъ*.

Суф. *тай*: свать *сходатай*.

Суф. *тарь*: лѣсъ *кустарь*.

Суф. *унъ*: морозъ *трескунъ, медвѣдь пьстунъ, комарь пискунъ*.

Суф. *ъкъ* отъ темъ, имѣющихъ нынѣ значеніе прилагательнаго: день *пятокъ* (Ипат.) *четвертокъ, сынъ однолѣтокъ* (Ср. суф. *ъко*: конь *Бу- рочко, воронко*), башмакъ *отопокъ* и др. 140

Суф. *ъ*: мечъ *самосъкъ, сапоги скороходы, мѣсяць перекрой, сонъ уюмонъ*. Тоже въ млр: виноград *рукосад*. 141

2. Суф. *опредѣлительныя жен. рода* съ суф. *ъна* (неуменьшительнымъ), который соотвѣтствуетъ муж. *ъ, ѣ* (*ь, ѣ*), или *инъ*, или *ынъ*: *пустолайка* (пустолай), *кѣянка (кѣяинъ), уроженка (уроженецъ), шапка Мурманка, дѣвка чернявка, бѣлка зырянка, (плеть) напайка*.— *Ласточка косатка, бочка сороковка, баба проставолоска*, и др.—Тоже въ млр: *дѣвна Московка, баба украинка, дочка безталанничка, дѣна дубѣвка* и др. Тоже въ серб. 142 143

Суф. *ица*, соотвѣтствующій муж. *иъ, икъ*: (недѣля) *върѣжница*, на улицу *Рогатицу, сосна межница, дѣвка страдница*. Безъ опредѣляемаго: *свѣтлица, юрница, теплица, безприданница; болѣзни: трясавица, жегавица; десница, шуйца, мѣдяница (змѣя), синица, юлублица*.—Тоже въ блр., малор., серб., болгар. 144 145 146

Суф. *уха*, соотвѣтствующій муж. *ухъ*, а въ современ. языкѣ—*унъ* (п. агент.), которому болѣе соотвѣтствуетъ *унья*: птичка *тѣвунья*, муха *юрюха*, вошь *поползуха*, лихорадка *трясуха, нетуха* и пр. Тоже въ млр., серб.

Суф. *иха* въ связи не съ суф. *ихъ*, потерявшимъ образовательную силу (женихъ), а съ —*ъ, —ь*: муха *шумиха, ткачиха* (ткачь), *Поспѣлиха* (мужъ Поспѣль), *Кабаниха* и др., а также млр. *аха*: дочка нетипаха. 147

3. *Средній родъ существительныхъ въ качествѣ атрибута* употребляется очень рѣдко.

Суф. *ят*—въ млрус. (дѣвча шинкарча), а въ велр. ему соотвѣтствуетъ, можетъ быть, —*я*: моя теля *хвостомеля*.

Суф. *ище* съ соотвѣтствующимъ жен. р. *ища*: старчице *уірюмище, бабица дурища*. 148

Суф. *ишно*: ершишко—кропачишко.

Согласованіе по
смыслу, какъ пе-
реходъ въ несо-
гласованію.

На серединѣ согласованія и несогласованія атрибута въ *родь* стоять тѣ существительныя, когда въ опредѣляемому *муж.* р. присоединяется атрибутъ *жен.* или *сред. р.*, который, «сживаясь съ опредѣляемымъ, переходитъ въ его родъ», и такъ обр. получается согласованіе по смыслу: погъ Тереньице, мужикъ невьжи.

В. Существительное опредѣлительное, несогласованное съ опредѣляемымъ*).

Здѣсь нужно различать слѣд. случаи:

1) *Аттрибутъ согласуется въ числѣ, но не согласуется въ родѣ.* Это бываетъ тогда, когда опредѣляемое замѣняется своимъ синонимомъ другого рода: «къ дорогѣ—тельжнику» (первоначально: *путь*—*тельжникъ*); образъ Спасъ *пядница* (первонач.: *икона*—*пядница*). Впрочемъ, во многихъ случаяхъ неясно, какъ произошло несогласованіе въ родѣ при согласованіи въ числѣ: «яблоко Путівка» вм. *яблоня*?—сукно *русакъ*, бѣлка *хорокъ*.

2. *Когда опредѣляемое или опредѣлительное бываетъ собирательнымъ или отвлеченнымъ* (т. е., именемъ качества или дѣйствія), *тогда согласованіе между опредѣляемымъ и опредѣлительнымъ въ родѣ или числѣ можетъ быть только случайное.* Сюда относятся слѣд. 5 случаевъ:

а) При *собирательномъ конкретномъ атрибутѣ* ед. числа *опредѣляемое конкретное* во множ. числѣ: люди *охвочей человекъ*, Псковичи *охвочей человекъ*; «поча воевати *Волу люди* (вин. п.) *Всеволождъ*» (Лавр.), т. е., людей Волжскихъ.

б) При *собирательномъ ствлеченномъ опредѣляемомъ* ед. числа *конкретный атрибутъ* множ. числа или наоборотъ: «дружины *Кіямомъ* и *Смольняномъ*» Ипат.—«Мало дружины—*охочихъ людей*» Пск. II.—«Мужи Псковичи *отчина* вл. князя» Пск. I; «гроши *наемъ*», «собирать казну *деньги*», «встрѣча *государевы люди*», «толща *богатые люди*», «всѣ *казаки*—*Пальевщина*... все *юлудьба* безпорточная» Пут. Лук., «поѣхана съ *передними* съ *дружиною*» Ипат.

Встрѣчаются и *средніе* случаи между а) и б), т. е., сочетаніе ед. числа собирательнаго *конкретнаго* съ ед. числомъ собирательнаго отвлеченнаго: «*маючи комонника* *компаньи* немало», т. е. конныхъ компанейцевъ (Лѣт. Самов.).

в) *Опредѣляемое конкретное не согласуется въ родѣ съ опредѣли-*

* Подъ несогласованными атрибутивными существительными Потенія разумѣть не только тѣ, которыя не согласуются съ опредѣляемымъ ни въ родѣ, ни въ числѣ, но и тѣ, которыя имѣютъ *случайное* согласованіе то въ родѣ, то въ числѣ. *И. Б.*

тельными *отвлеченными* или согласуется *случайно*, при чемъ опредѣлительное какъ препозитивное, такъ и постпозитивное бываетъ въ ед. ч.: «земли *отчина*», «люди *дрань*», «помѣстья *жалованье*», «дрова *сырье*», и лишь при опредѣляемомъ множ. ч., понимаемомъ *раздельно* (а не собирательно), опредѣлительное можетъ ставиться и во множ. ч.: «дани—пошлины» и «дани—пошлина». Если же препозитивный отвлеченный аттрибутъ сливается въ одно слово съ опредѣляемымъ, то опредѣлительное ставится *только въ ед. ч.*: «*бой-баба*», «*дрань-человѣкъ*», «*дрань-люди*» (а не *драни-люди*).

Къ такимъ атрибутамъ, случайно согласуемымъ въ родѣ и числѣ, относятся:

Сущ. съ суф. *ина*: «телка—*лоньшина*», (мясо) *ветчина* (т. е. ветшина, мясо старое: ср. «книги ветчаны»); (мясо) *свѣжина* (првтивопол. ветчинѣ); имѣнье *отчина*, дань *пошлина*, лѣсокъ *рябина**), мужичишо—*деревенщина*, тишина—говоръ, пшеница *ярина*, дерево *дубовина*, рыба *осетрина* и др.

Сущ. съ суф. *ь* жен. р. и отчасти муж.: корова *нетель*, бѣль *серебро*, *кладь* камень, земля (лѣсъ) *недѣль*, лѣсъ *дичь*, камень *дичь*, деревня *пустошь*, подводы *усталь* (усталыя), бѣлка *подпаль***). Такъ и въ соврем. яз.: *дрань* человѣкъ, товаръ *заваль*, лошадь *неималь*, трава *нескошь*, бляска *неличь* (неказистая), народъ *чернядь*.—Тоже и въ мр. яз.—Суф. *ь* муж. р.: «люди (въ Бромахъ) *шерешь* нагольной» (бѣднота).

Суф. *ость*: «пирь—*радость* великая».

Суф. *ть*: «не стало у него духу—*пропасть*».

Суф. *а, я*: купля село, вотчина—*выслуа*, съча лѣсъ, дани—*невиплаты*, «ледомъ *ночьмержею*» (намерзшими за ночь) Новг. I, *надсждо* государь, *краса* дѣвица, народъ *сила*, *сила*—армія.

Суф. *ыня*: *пустыня* деревня.

Суф. *ье*: дрова *сырье*, *несчастье* замужество.

Суф. *нье*: руга *жалованье*, вотчина *жалованье*, царское слово *жалованье*, казна—*собрание*, церковь *строение*, псковская вотчина великихъ князей *страдание*.—Тоже и въ мр.

Суф. *ьство*: «имѣнья ихъ вельми обраны отъ *поганства* отъ татаръ».

Суф. *никъ, някъ*: дерево *молоднякъ*, *дубнякъ*.

*) Сущ. „рябина“ Потебня принимаетъ здѣсь, значить, за имя *собирательное* какъ *качественное*, а не конкретное. Срав. выше III, 34 и 4', а также ниже III, 179.—И. Б.

**) Здѣсь приведенъ, между прочимъ, у Потебни невѣрный примѣръ: „вельзь подставить корыга... чтобъ отъ дождевой воды *рожь* и *досталь* не погнила“ А. М. Госуд. I, 257 (1629 г.). Конечно, тутъ „досталь“ не атрибутивное сущ., а нарѣчіе съ значеніемъ *вовсе, совсѣмъ* (=до остатка). Срав. Слов. Срезнев.—И. Б.

Устраненіе двойственности субстанцій при сочетаніи родового и частнаго имени.

г) Несогласованіе въ родѣ бываетъ, когда и *опредѣляемое, и опредѣлительное конкретны, при чемъ первое — родовое а второе частное* (нарицат. или собственное). Чувствуемая двойственность субстанцій при этомъ сочетаніи устраняется превращеніемъ опредѣлительнаго въ прилагательное. Напр. рѣка Дунай, птица орель, «скипарисъ-древу» и «на деревѣ на *кипарисовѣ*»; «океанъ море» и «посреди моря *океанскою*»; «до рѣки *Иердановы*» (Дан. Пал.); «Иерданъ подобенъ рѣцѣ *сновъстѣй*» (ib.), «во городъ во *Кіевскій*», Буянъ островъ и «ко *Буянову* острову». — Двойственность субстанцій устраняется еще или опущеніемъ родового имени (просто: *Дунай*), или же образованіемъ изъ обоихъ словъ *одного*, при чемъ родовое ставится позади, а *препозитивное частное* уже не склоняется: «Тагиль-рѣка», «Тагиль-рѣкой», какъ «Новгородъ, Новгородъ» (Ср. выше I, 99-100).

Переходомъ отъ *постпозитивнаго* частнаго *склоняемаго* (рѣки Дуная) къ *препозитивному* частному *несклоняемому* (Дунай-рѣкѣ) служатъ тѣ случаи, когда и препозитивное частное еще склонялось; такъ, въ „Книгѣ Большаго Чортежу“ (Кн. Б. Ч.) 1627 г. постоянно встрѣчаются такіе примѣры: „А ниже Павлова города до усть рѣки Оки 50 версть, а отъ *Оки* рѣки пала въ Волгу“. Такъ же ставятся (хотя и рѣже) *колодезь, юра, озеро, юродг*: „на правомъ берегу Волги городъ Ярославль, а подъ *Ярославлемъ* подъ *юродомъ* пала рѣка Которосль“. Обыкновенно препозитивное склоняемое частное, какъ видимъ, употребляется не при первомъ, а при *второмъ* упоминаніи, хотя встрѣчаются и исключенія: „Серпуховъ стоять на рѣкѣ на Нарѣ, а отъ *Оки* рѣки (*неупомянутой* выше) съ версту“. Замѣчательно, что такая постпозитивная постановка уменьшительнаго *рѣчка* встрѣчается въ кн. Б. Ч., кажется, только одинъ разъ (стр. 176), и въ этомъ нельзя не видѣть, повидимому, сохраненія самостоятельной субстанціальности въ словѣ *рѣчка*, не поддающемся сліянію съ собств. именемъ, какъ „Ока-рѣка“; поэтому, для устраненія субстанціальности уменьшительнаго, оно вовсе опускается при второмъ упоминаніи: „отъ рѣчки Рогозенца до рѣчки до Олешинки версть 5, а *Олешинка* („рѣчка“ опущено) пала въ Уды“. *)

Древность препозитивной постановки скло-

Постпозитивность родового имени встрѣчается уже въ старѣйшихъ памятникахъ рус. письменности, при чемъ частное пре-

*) Было бы натяжкой допускать такое объясненіе: какъ въ предыдущихъ случаяхъ, такъ и въ данномъ, родовое имя опускалось и опускается потому, что оно легко подразумѣвается изъ *предыдущаго* упоминанія, и мысль вовсе не нуждается въ повтореніи того, что ясно само по себѣ. Доказательствомъ этого служить уже то одно, что при *первомъ* упоминаніи родовое *не опускается*, какъ скоро частное можетъ быть смѣшано съ другимъ частнымъ, напр. Олешинка Село и Олешинка рѣчка. **И. Б.**

позитивное иногда склоняется: «отъ Царя-города», «по Оцѣ-рѣкѣ» Лавр. л.; также у Дан. Палом. Изъ устныхъ памяти-ковъ въ Голубиной книгѣ—почти постоянно, также—въ стихѣ о Георгии, въ былинахъ: осетра-рыбу, Сафать-рѣка; въ Новг. I лѣт: «угь-вѣтръ», «сѣверь-вѣтеръ». Впрочемъ, въ устной словесности безразличная постановка родового и частнаго имени („въ Кіевъ градъ» и „въ стольномъ городѣ во Кіевѣ», «Владиміръ князь» и «князю Владиміру»), можетъ быть, зависить отъ размѣра стиха, но, повидимому, *князь* чаще употребляется постпозитивно, чѣмъ препозитивно. —Родовое *свѣтъ* ставится и препозитивно, и постпозитивно, при чемъ, сливаясь съ опредѣляемыми, можетъ лишиться склоняемости: „свѣтъ-Иванъ“, „Ивана-свѣтъ“ „Ивану-свѣтъ“. — *Дунай-рѣка* въ мдр. встрѣчается рѣже, чѣмъ въ влр., но обычны въ пѣсняхъ: *клен-дерево*, *сон-трава*, *щука-рыба*.

По общему правилу сказуемое и опредѣлительныя слова согласуются съ *родовымъ* (рѣка, городъ), а не съ *частнымъ*, но при равной субстанціальности родового и видового можетъ быть согласованіе и съ тѣмъ и съ другимъ: „А рѣка Ворсколь пала выше г. Ельца“ (кн. Б. Ч.); „а выше Азова вытекъ изъ Дону протока (жен. р.) Мертвой Донецъ (ib.). — „Городъ Іонія стоитъ убогая“ (Пут. Лук.). — „Ниже Нежеголи пала въ Донецъ рѣчка Волчьи воды, а вытекли изъ-подъ Изюмскія дороги“ Кн. Б. Ч.

д) Наконецъ, несогласованіе или случайное согласованіе въ родѣ и числѣ бываетъ, когда и *спредѣляемое*, и *опредѣлительное* состоитъ изъ *конкретную видовую или частную имени*, напр. *дубъ-столь**). Здѣсь, въ силу большого различія сочетаемыхъ членовъ, атрибутивная субстанція (дубъ) не можетъ подразумѣваться при опредѣляемой субстанціи (столь), какъ это

*) Такъ обр., въ 5 случаевъ несогласованія или случайнаго согласованія опредѣлительнаго существительнаго съ опредѣляемымъ въ родѣ и числѣ сводятся Потѣбною къ выясненію *атрибутивной сочетаемости* собирательныхъ, отвлеченныхъ и конкретныхъ существительныхъ между собою, при чемъ оказывается, что только въ 3-мъ случаѣ (в) при *опредѣляемомъ конкретномъ* атрибутивъ можетъ быть отвлеченнымъ именемъ, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ онъ конкретенъ, и, слѣдов., *сочетанія отвлеченнаго опредѣляемаго съ отвлеченнымъ же атрибутивомъ не бываетъ*. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ проводимыхъ Потѣбною образцовъ типа в) едва ли возможно признать иныя опредѣляемыя имена конкретными, каковы *говоръ тишина*, *пиръ радость великая*, *походъ-набѣтъ* и др. Поэтому слѣдовало бы допустить еще и 6-й случай—сочетаніе *отвлеченнаго атрибутивнаго существительнаго съ отвлеченнымъ же опредѣляемымъ*. А если принять въ соображеніе, что Потѣбия выводитъ атрибутивность существительныхъ изъ фигуры *hendiadys* (Ср. далѣе III, 289), то необходимость признанія этого 6-го случая является еще болѣе настоятельною, такъ какъ сочетаніе отвлеченныхъ существительныхъ посредствомъ *hendiadys* бываетъ очень частое (Ср. далѣе III, 294 и слѣд.)—И. Б.

бываетъ при сочетаніи родового и видового имени, а потому для устранения двойственности въ представленіи сочетаемыхъ субстанцій, атрибутивное существительное не опускается, какъ это возможно въ сочетаніи „Дунай рѣка“, а замѣняется прилагательнымъ: „дубовый столъ“, такъ что оборотъ рѣчи „дубовый столъ“ нужно считать произведеннымъ изъ первоначальнаго «*дубъ-столъ*», а не наоборотъ („дубъ-столъ“ изъ «дубовый столъ»), какъ думаетъ, повидимому, Буслаевъ (Гр. § 240, прим. 5). Поэтому и такія выраженія, какъ „кунецъ-жена“, „кунецъ-дочь“, заключаютъ въ себѣ сущ. па—*еиъ* (ср. „мужъ Новгородецъ“), а не сокращеніе изъ прилагательнаго па—*искъ*, какъ думалъ сперва Потембня (II, 100).—Такимъ же способомъ обозначается мѣсто принадлежности и время: *семга Двина, семга Печера, семга пороги* (т. е. семга, которая ловится въ порожистой части р. Онеги), *вьтеръ сьверъ, вьтеръ западъ; ковры Персія* (Гог.); *Суздамь монастырь* (Салтык.); *семга межень, осень семга, бѣлка петровки* (лѣтняя, убитая въ Петровки).

Частные случаи атрибутивного сочетанія существительныхъ.

Въ частности къ тѣмъ или другимъ атрибутивнымъ сочетаніямъ существительныхъ Потембня относить еще слѣд. случаи. *Святъ-Русь*. Здѣсь собственное „Русь“ должно было рядомъ значеній приспособиться къ сочетанію съ нарицательнымъ „свѣтъ“ (*mundus*). „Русь“—первоначально понятіе частное, Русь Южная, а съ XIII в.—уже *вся русская земля*. Затѣмъ, послѣ нашествія татарскаго, т. е., со второй половины XIII в., Русь является вообще противоположеніемъ татарскимъ кочевьямъ: „Русь-родина, страна красоты, радости, благочестія“ съ точки зрѣнія татарскаго полоняника; отсюда „выйти на Русь“ значитъ не только спастись изъ татарской неволи, но и вообще „спастись“: „я не думала... что быть де мнѣ на святой Руси, что ходить по сырой земль“, говор. спасшаяся дѣвушка во время бури на Онежскомъ озерѣ (Барс. Прич. I). Отъ противоположенія Руси „поганымъ татарамъ“ Русь стала обозначать *миръ человѣческій* въ противоположность міру нездѣшнему, тогосвѣтному, страшному. Такъ, въ сказкахъ Змѣй, Яга-баба, заставши у себя скрытаго богатыря, говорятъ: „фу, Русь-кость пахнетъ“, на что домашніе отвѣчаютъ: „ты по Руси (т. е. по *человѣч. свѣту*) летать, такъ русскаго духу напахался“. Отсюда въ сказкахъ „выйти на Русь“ получаетъ частное значеніе: „спастись изъ нездѣшняго міра“. И какъ въ древ. языкѣ отъ частнаго значенія „миръ—народъ“ образовалось общее значеніе „весь міръ“ и просто „миръ“ въ значеніи *κόσμος*, а въ мдр. Украина получаетъ общее значеніе страны, „весь свѣтъ“, такъ и эпитетъ *святъ* въ выраженіи „свѣтъ-Русь“ лишь закрѣпляетъ въ опредѣляемомъ значеніе „свѣта—міра“ и представляется тавтологичнымъ съ опредѣляемымъ „Русь“: *святъ-Русь=святъ-миръ*, весь міръ. По происшедшее отсюда прилаг. „свѣторусскій“ возвращается

опять отъ общаго къ частному значенію *Руси*: „восходитъ луча (ж. р.) солнца краснаго освѣтитъ всю землю *святоторусскую*“ (т. е. не весь міръ, а одну только Русь), въ стихахъ же исторической пѣсни: „А Скопинъ князь Михайло Васильевичъ, оберегатель *міру крещеному* и всей нашей земли *святоторусскія*“, можно видѣть не только сочетаніе общаго (міръ крещеный) и частнаго (наша Рус. земля), но и *ѣν δὲ ἀ δροῖν* (міръ крещеный и русская земля), такъ какъ по воззрѣнію московскихъ людей до начала 18 в. только Русь Московская есть истово крещеный міръ. Отсюда эпитетъ *свѣто* могъ замѣниться эпитетомъ *свѣто*: *святоторусскій*, *святоторусь*: „*святоторусь-земля* въѣмъ землямъ мати“ (Кал. перек.).

Так. обр., *свѣтъ*—*Русь* въ замѣнѣ *свѣто-Русь* получаетъ новый оттѣнокъ—*качественный*. Съ такимъ качественнымъ оттѣнкомъ употребляются и другія атрибутивные существительныя въ сочетаніяхъ: *Дунай-море* (для выраженія широты, простора), *поле-раздолье*, *вода-крыница* (бѣлор.: ключевая), *травя-мурава*, *лѣсъ-рябина*, *дѣбрь-суходоль*, *долина-суходоль*, *боръ-суходоль*, *мохъ-болото*, *лѣсъ-болото*, *юра-кремень*, *мостъ-камень*, *человкъ-камень* (статуя), *садъ-виноградъ*, *садъ-яблони*, *дубъ-столъ*, *тынг-дубъ*, *число-время* (при гл. *числоватыя*), *млр. вода-поюда* (вода здоровая по объясн. Кулиша), *медъ-патока*, *туча-громъ*, *душа-дѣвица*, *душа-человкъ*. *Свѣтъ* въ значеніи не *mundus*, какъ въ *свѣтъ-Русь*, а *lux*, для выраженія сочувствія, любви къ лицу: «Плья Муромецъ, *свѣтъ-атаманъ* сынъ Ивановичъ», «*свѣтъ-надежа* князь стольно-кѣвскій». — «А *свѣты* вы наши высокіе хоромы», *свѣтъ-батюшка*, *свѣтъ-матушка*, *Господь свѣтъ* милостивъ, *Богородица-свѣтъ*. II препозитивное, и постпозитивное «свѣтъ» можетъ сливаться въ этихъ случаяхъ съ опредѣляемымъ и терять свою склоняемость. Точно также сливаются: *переплетъ-затылокъ* (т. е. переплетъ только въ корешкѣ); *дворъ - частокъ*, *юлюбъ - глинка* (о цвѣтѣ, отс. фамилія Глинка), *серыи-яхонты*, *серыи-лапки*, *сныгъ-пороша*, *приметъ-дрова*, *приметъ-солома*, *кююши-посохи*, *кипарисъ-дерево*, *камка-луданъ* (соврем. псков. луданъ—шелковая вещь, старин. луда—плащъ, верх. одежда: Слов. Срезн.), *свиней-доска*, *жемчугъ-наместо* (млр.), *сребръ-стебло* (млр.), *сафьянъ-черевики* (млр.), *шовкъ-платочекъ* (бѣлор.).

Къ такимъ существительнымъ опредѣлительнымъ, сливающимся въ одно слово съ опредѣляемымъ, прибавляются иногда и свои опредѣленія или дополненія: „сапоги-зеленъ сафьянъ“, „пѣвень—*косы до земли*“; *сложныя* опредѣленія эти сперва согласуются съ опредѣляемыми въ надеждѣ, а потомъ, повидимому, вслѣдствіе преобладанія именительнаго, неизмѣнно ставятся въ именительномъ: „обертываюсъ *туромъ—золотые рога*“. Встрѣчаются, хотя и рѣдко, *сложныя* опредѣленія и съ соціативнымъ

178

Аттрибутивные
существитель-
ныя съ каче-
ственнымъ от-
тѣнкомъ.

179 182

183

184

185

186

Паратакти-
ность и гипотак-
тичность рѣчи.

187

характеромъ: „плыветь сіра утка *утята маленьки* (вм. съ утятами). Такія сочетанія сложныхъ опредѣленій съ опредѣляемымъ называются *паратактическими* *). Но рядомъ съ паратактическими построениями существуютъ въ старинномъ языкѣ и построенія *ипотактическія*, подчиняющіяся общему нынѣшнему управленію словъ: ядро *иввенка* и ядро въ *иввенку*, меринъ *десять* лѣтъ и меринъ *десяти* лѣтъ, сѣдло *отъ злата* жъжена (позолота сквозь огонь), кожихъ *оловира***), грѣцкаго Ипат; коверъ — разные цвѣты съ золотомъ и серебромъ, сукно красно-малиново съ круживомъ. Впрочемъ, до XVIII в. въ письменныхъ памятникахъ преобладаетъ построение паратактическое, равно какъ и въ устной словесности: сапоги *зеленъ сафьянъ*, А клюшья у калѣкъ *рыбья кость*, бесѣда (=скамья) *дорогъ рыбей зубъ*, по той по росѣ *по бѣлу снѣгу*. — «Отыскивалъ *прѣсныхъ водъ* — колодезей (прѣсноводныхъ)» Кн. Б. Ч. — У Гнѣдича: «ето на эгидѣ бахромъ развѣвалось *чистое злато* (Иліада III, 448).

При гипотактическихъ построенияхъ существительное — *атрибутъ* въ древ. инд. и латин. ставилось въ аблятивѣ (*abiete rippes*), а въ славянскихъ, литовскихъ, нарѣчійхъ и греч. яз. этому аблятиву соответствуетъ *род*. Такіе родительные, *не имѣющіе при себѣ своего опредѣлительнаго*, съ незапамятныхъ временъ вытѣняются уже прилагательнымъ, образуемымъ изъ этого существительнаго: *сельская* церковь вм. *церковь села*, и только род. п. вещества сохраняется иногда: «мошти въ гробѣ *мрамора* положише»; но род. падежъ, *сопровождаемый своимъ опредѣленіемъ*, и до сихъ поръ встрѣчается еще часто, особенно въ народ. поэзіи: пряжка *красна злата*, выпала пороха *снѣгу бѣлаю*, потолокъ *черныхъ соболей*. То же и въ серб. языкѣ, и въ мр., въ литовскомъ же и латыш. для обозначенія происхожденія изъ вещества почти исключительно ставится род. п., хотя бы при немъ и не было своего опредѣленія.

Образцы паратактического построения: туръ — *золотые рога*, чрълень стягъ *бѣла хорюговъ* (=съ б. хоруг.), чрълена чолка *серебрено стружіе* (=на серебр. стр.)» Сл. о П. И.; «Ш *трапезу чюдную* одраша *драгий камень* и *велий женьчугъ*» Новг. I. — «Пелена *бар-*

*) Слѣдов., паратактическимъ называется такой строй рѣчи, который относится къ области *сочиненія* или *соподчиненія* (Ср. П. 399—400) *вм. современнаго подчиненія* (сапоги—зеленъ саф. вм. сап. изъ зел. саф.) и который, въ случаѣ падежнаго несогласованія опредѣляемаго съ опредѣлительнымъ, вноситъ въ рѣчь *бесвязность* (туромъ золотые рога). Этимъ же свойствомъ характеризуются и паратактическія придаточ. предложенія, которыя, относясь къ главному, не соединяются съ нимъ никакими относительными словами (Ср. дальѣ III, 318—325 и слѣд.). И. Б.

**) шелковая, затканая золотомъ ткань (Слов. Срезн.). И. Б.

хатъ рытой» А. до Ю. Б: «опашень багрецовоѣ пуговицы *серебряныя*» ив; 194
 «Меринъ каръ *грива на льво, звѣзда во лбу*» Р. Ист. Библ. — Въ былинахъ:
 шатеръ *полю быльи*, вѣнчикъ *золотая ручка*, старичекъ *кривой колпачекъ*, 195
 змѣй *лютый золотая голова*, птица *жельзны косы*, булатны *когти*. (Тоже
 въ барус. и мдр. нарѣчяхъ и серб. языкѣ). Паратактическому же сочетанію
 существительныхъ соответствуетъ и постановка прилагательнаго съ 196-199
 причастіемъ въ одномъ падежѣ съ опредѣляемымъ, тогда какъ въ болѣе
 новомъ яз. вмѣсто прилагательнаго обыкновенно употребляется при этомъ
 существительное съ предлогомъ: «стоитъ Христосъ *серебрянъ сдѣланъ*» Дан.
 Пал. (=сдѣланъ *изъ серебра*); «А везеть онъ палицу тяжелую а и *мьдну*
 (=изъ мѣди) *мту* въ 300 пудъ» Кир. (Дополн. къ III т. *Записокъ* стр. 645).

Постановка составныхъ частей сложнаго опредѣленія не 200
 безразлична: «Туръ *золотые рога*» и «Туръ *рога золотыя*» такъ
 же относятся другъ къ другу, какъ «Ивань-городъ» къ «го-
 родъ Иванъ (Ивановъ)». Въ такомъ же отношеніи находится
 обычная до 18 вѣка постановка *родительныхъ принадлежности передъ* до-
 полняемымъ по сравненію съ постановкою *послѣ* дополняемаго: «*Россійскаго*
государства люди пороною *спѣсивы*» (Котош.) и «люди государства Россій- 201
 скаго», или постановка родительнаго принадлежности *между* предлогомъ и
 дополняемымъ существительнымъ и *послѣ* него: «у *Святого Духа* съше-
 ствія» (Новг. I) и «у *Шошествія Святого Духа*». Смысль *препозитивной*
 постановки обнаруживается изъ древне-греческой постановки родительнаго
 и другихъ надежей между членомъ и его существительнымъ: это «*есть во-*
площеніе дополненія въ дополняемое, болѣе тѣсное ихъ *единство*», между
 тѣмъ какъ *постпозитивность* «соответствуетъ *раздѣльному* мышленію стихій
 этихъ словъ». Препозитивность опредѣлительныхъ словъ и по-
 служила еще въ глубочайшей древности къ образованію *слож-*
ныхъ словъ: *золоторогъ, суходолъ, чернокленъ* и др. 202

Однако не всѣ сложные имена имѣютъ одинаковое значеніе по отно-
 шенію къ другимъ словамъ, къ которымъ они относятся. Такъ, сложные
 имена образца „*золоторогъ*“ не отождествляются съ своимъ опредѣляе-
 мымъ, а означаютъ лишь часть его и принадлежность и потому допускаютъ
соціативность отношенія: „*туръ золоторогъ*“ = туръ *съ* золотыми рогами;
 между тѣмъ другія сложные, становясь опредѣлительными, по значенію
 своему *совпадаютъ* со своимъ опредѣляемымъ, исключая всякую мысль о
 соціативности: „*боръ-суходолъ*“ значитъ *боръ*, который вмѣстѣ съ тѣмъ
 и *суходолъ*, а не боръ съ суходоломъ.

Имена первого образца (золоторогъ) называютъ *слож-* **Composita pos-**
ными притяжательными (composita possessiva), а имена **sessiva и de-**
 второго образца (суходолъ)—*сложными опредѣлительными* **terminativa.** 203

(*composita determinativa*). Образцы, какъ мнр.: *Рябоконь, Сивоконь, Горбоконь, Рябокобыла, Лихобаба, Стародубъ* и др., становясь атрибутами, могутъ быть двусмысленны: они или могутъ совпадать съ опредѣляемымъ, какъ „дубъ стародубъ“, и тогда становятся *composita determinativa*, или же не совпадать, а составлять лишь принадлежность опредѣляемаго, подобно „туръ золоторогъ“, и тогда становятся *composita possessiva*. Въ этомъ последнемъ случаѣ слова *Рябокобыла, Бьлошанка, Кривошанка* суть только *прозвища* къ опредѣляемому слову, обозначающія извѣстный *признакъ*, существующій *совмѣстно* съ опредѣляемымъ словомъ: Рябокобыла, т. е. ѣздящій на рябой кобылѣ, Кривошанка, т. е. носящій кривую шанку. Отсюда вполнѣмъ фамиліи съ суф. *инъ*: Рябокобыл-инъ, Кривошанк-инъ.

Мяклопичъ сложные *притяжательныя* склоненія причисляетъ прямо къ прилагательнымъ съ *адъективирующимъ* суффиксомъ *ъ* второго изъ составныхъ членовъ: благосръдъ изъ * срѣдо. Но Потебня не видитъ „нужды предпологать повальное превращеніе“ такихъ *composita possessiva* въ прилагательныя, такъ какъ, съ од. стор., атрибутивность *существительнаго* доходить доннынѣ и увеличивается къ древности, а съ другой—не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо *адъективирующемъ* суффиксѣ въ этихъ сложныхъ именахъ, ибо въ п.-слав., рус. и другихъ славянскихъ нарѣчійхъ есть множество сложныхъ *существительныхъ* съ окончаніями *ъ, а* и даже *о*, на которыя оканчиваются въ то же время и *простыя* имена, составляющія *второй* членъ сложнаго слова, напр., Святополкъ (полкъ), острохвость, остролисть, стонога и т. п. Правда, во многихъ другихъ случаяхъ при образованіи сложныхъ именъ окончаніе второго члена измѣняется, какъ напр., маловѣръ (изъ—вѣра), молодожень (—жена), острокрыль (—крыло), но такое измѣненіе окончанія „могло быть только средствомъ“ согласованія сложнаго *существительнаго* съ опредѣляемымъ и „шагомъ къ превращенію его въ прилагательное, но не самымъ превращеніемъ“ въ прилагательное, что въ слав. яз. наступило лишь съ присоединеніемъ *членнаго* окончанія.

Отъ паратактическихъ атрибутивныхъ сочетаній образца „сапоги зеленъ сафьянъ“ (II, 191) нужно отличать паратактическія же сочетанія образца *церковь Спась, люди мужескъ полъ*. Главное отличіе сочетаній того и другого образца состоитъ въ томъ, что при замѣнѣ ихъ гипотактическимъ сочетаніемъ съ *родительнымъ* падежомъ, родительный падежъ первыхъ заключаетъ въ себѣ *оттѣнокъ аблятивный* (сапоги зеленого сафьяна = сапоги изъ зеленого сафьяна, какъ лат. *abiete puppes*), родительный же сочетаній второго образца есть родительный *принадлежности* и *части*: *церковь Спаса = ц. Спасская, стадо овецъ = стадо овечье*.

Различіе паратактическихъ сочетаній съ *оттѣнкомъ аблятивности* и *принадлежности*.

204

205

206

Образцы паратактическаго сочетанія.

Паратактическіе атрибутивные обороты съ значеніемъ принадлежности восходятъ къ глубокой древности, и такое сочетаніе атрибутивнаго сущ—го съ своимъ опредѣляемымъ бываетъ въ разныхъ падежахъ. Такъ, въ древнемъ индійскомъ яз употребляются двойные твор. и даже дательные падежи: „вы закрыли солнце на небѣ *облакомъ дождемъ*“ (т. е. дождемъ облака или „изъ облака“); „нѣкоторые убиты *ногами слонами*“ (т. е. ногами слона); „очищайте сому *Индръ питью*“. Въ послѣднемъ примѣрѣ двойной дательный, изъ коихъ одинъ (питью) есть имя *дѣйствія*, важный въ томъ отношеніи, что онъ можетъ служить объясненіемъ литовско-славянскаго *дательнаго при неопред.* наклоненія.

Образецъ церков. Слать.

207

Миклошичъ (IV*, 450) падежъ атрибутивнаго существительнаго объясняетъ аттракціей къ падежу опредѣляемаго слова: дѣтишь *женьскыи полъ*, вм. *женьска полоу*; по Потебня, согласно съ прежде высказаннымъ взглядомъ (II, 398—9), не видитъ тутъ никакой аттракціи: въ оборотѣ «око *зрѣнью солнцу*» оба дательные падежа *одинаково* относятся къ дополняемому «око» и ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть названъ болѣе раннимъ, уподобившимъ себѣ имя, стоявшее въ другомъ падежѣ. Въ аттракціяхъ смыслъ уподобляемой формы для говорящаго не существенъ, и въ началѣ для понимающаго она является даже искаженіемъ смысла; напр. «заложена бысть *церковь*. камена на *снѣтогорскихъ черницахъ дворѣ* (Сек I), гдѣ мѣст. пад. *черницахъ* вм. черниновъ поставленъ подъ вліяніемъ звуковой формы: *снѣтогорскихъ* и *мъстнаго* падежа «на дворѣ»; или: «о боярехъ и иныхъ *чиньхъ* людяхъ» Котош. Совсѣмъ другое замѣчается въ примѣрахъ разсматриваемаго паратактическаго сочетанія. Выраженія: „раздавлены *ногами слонами*“ вм. *ногами слоновъ* не безсмысленно: здѣсь однимъ и тѣмъ же падежомъ обозначены двѣ дѣйствующія субстанціи — „ногами“ и „слонами“, изъ коихъ вторая является *принадлежностью* первой, а потому второе имя и можетъ быть замѣняемо родительнымъ *принадлежности* (ногами *слоновъ*) или прилагательнымъ *притяжательнымъ* (*слоновыми* ногами). Отсюда вытекаетъ и то, что паратактическое сочетаніе атрибутивнаго существительнаго съ опредѣляемымъ слѣдуетъ считать болѣе первообразнымъ, чѣмъ гипотактическое посредствомъ род. падежа, хотя и сочетаніе съ род. падежомъ часто встрѣчается въ старѣйшихъ русскихъ летописяхъ, въ противоположность прилагательнымъ, которыя до XVII в. встрѣчаются гораздо рѣже. — Примѣры: „На той могилѣ поставилъ *церковь* святого *Николу*“ Лавр. — „Заложена бысть *церква* святая *Богородица*“ Ипат. — „Заложена *церковь* *Благовѣщеніе* Мъстиславъ князь“ Новг. I; но: «священа бысть *церковь* св. *Михаила*» Нов. I.

Взглядъ Микл. и Потебни на эти образцы.

208

209

210

211

212 Столь же часты случаи, когда собственнымъ опредѣлительнымъ вы-
тѣняется нарицат. опредѣляемое: „А Дирова могила за св. *Ориною*“ Лавр. —
„Отелуша обѣдно у святомъ *Михаилъ* и поиде изъ церкви“ Ипат. — Такъ
и донинѣ; „у *Спаса*“, „за *Спасомъ*“, „противъ *Спаса*“, однако едва-ли
можно говорить „въ *Спасъ*“ и „въ *Спасѣ*“. Но опущенное нарицательное
повторяется иногда далѣе въ придаточ. предложеніи съ *относит. мѣсто-*
именіемъ: „положиша и въ (=у) святоѣ Богородици, *юже церковь* учинилъ
отецъ его Андрѣй“ Ипат., а иногда употребляется только одно мѣстоиме-
ніе: „положиша тѣло его въ св. Богородици, *юже бѣ* самъ созда въ Во-
213 лодимирѣ“ Ипат.; въ иныхъ же случаяхъ согласованіе происходитъ не съ
нарицательнымъ, стоящимъ налицо, а съ собственнымъ: „да и церковь св. Его-
рей *весьъ сторульгъ*“ Новг. II (Ср. выше III, 173: „градъ *Гонія* стоитъ *убога*“).

214 При паратаклическомъ сочетаніи „церковь Богородица“ сочетаемая су-
ществительныя представляются равносильными и потому могутъ они смѣни-
ваться и замѣняться одно другимъ: «въ лѣто 1172 чудо сотвори *Богъ* и *св.*
Богородица церковь *Десятинная* въ Кыевѣ» Ипат. — «Новгородъ же заступи
Богъ и святая... *церкы святая Софія*» Новг. I.

215 Вліяніе смѣшенія и взаимодействія сопоставляемыхъ членовъ сказыва-
ется и на употребленіи предлоговъ; напр. „преставися игумень Моисей у
святыя Богородица Антоновѣ монастыри“ Новг. I. — „Вѣбже въ Киевъ *къ*
святой Орины въ монастырь“ Ипат., т. е., когда бывають налицо и соб-
ственное, и нарицательное, тогда нарицательное съ пространственнымъ зна-
ченіемъ ставится или въ мѣст. падежѣ, или съ предлогомъ *въ*, а при соб-
ственномъ имени, *какъ при лишь*, ставятся предлоги *у* и *къ*; если же на-
рицательное имя опускается, тогда при имени святого ставится предлогъ *въ*
съ значеніемъ *мѣста*: „приведоша *въ* св. Софію“, и только съ перевѣсомъ
значенія *отношенія къ лицу* употребляется предл. *у*: „поставиша Дюнисія
игуменомъ *у* святого Георгія“ Новг. I.

Сказанное объ образцѣ „церковь Спасъ“ относится и къ образцу „*Ико-*
на Никола“.

216 Образецъ: *икона Никола*. а) Наричательное сочетается съ собственнымъ, напр. „и
принесе (Андрей) *икону святую Богородицу*“ Лавр. „*образъ* чу-
дотворецъ *Димитрій*, *образъ* *Спаса* нерукотворенный *Пядища*“, „*двад-*
цать *два* *образа* *Празники* *Владыччи* да *Пророки* и др.

б) Наричательное опускается, но потомъ повторяется при относит.
мѣст.: „Помолився... *Спасу* *Избавнику*, яже есть *икона* въ городѣ *Мѣль-*
ницѣ“ Ипат.

217 в) Наричательное вовсе опускается. Особенно много такихъ примѣ-
ровъ въ памятникахъ XVI и XVII вв.: „у *Никола* чудотворца *пелена* *бар-*
хатъ *цвѣтной*“.

г) Значеніе съ лица переносится на вещь, какъ и до нынѣ; напр. „А святую Богородицу... одраша“ Новг. I.—„Межа идетъ, куды Богородица ходила“, т. е. съ иконой Богородицы ходили. А до Ю. Б.—Совр. сѣв. рус. „Бога снать“, т. е. поклясться передъ иконой. „Заутра плакала св. Богородица у св. Якова“ (т. е. икона Б-цы источала слезы).

218

Собственное имя въ одномъ падежѣ съ нариц. *праздникъ*: „это было подъ Спасъ *праздникъ*“, „о *праздникъ Рождество* Пресв. Б-цы.“—Съ опущеніемъ нарицательныхъ *праздникъ*, день, память: „на Кирика и Улиту“, „на Пророка Илью“, но при предлогѣ на могъ стоять и род. п. собственного имени: „на (день) *святыхъ Татьяны*“. Выраз.: „на Семенъ день“ безъ сомнѣнія вм. „на Семень день“.

219

Паратактически сопоставляются обыкновенно лицо и вещь, принадлежащая ему: дворъ, домъ, шатерь, городъ, страна, тогда какъ *при подчиненіи* имя лица ставится въ род. п. или превращается въ прилагательное: „кз *матери* ко двору“ (=ко двору матери), „приѣхалъ кз шатру кз *Кунуру* царю“, „кз *царю Константину* кз палатамъ *бѣлокаменнымъ*“.

220

Лицо или вещь и ихъ состояніе и дѣйствіе паратактически сопоставляются, какъ равно самостоятельныя субстанціи:

Образецъ *о немъ, о здоровьи*.

о немъ, о здоровьи“ (=о его здоровьи), „молятъ Бога *о здоровьи, о мнѣ* великомъ князѣ“, „поѣхаша *по дорозъ по нихъ*“ (=по ихъ направленію) Плат.—„И купцы *намъ* зѣло обрадовалися *нашему пришествію*“ Пут. Лукьян.—„*Не язъ не хотѣние мое*, но злое ны сотворилъ посолъ“ Плат.— [Тоже въ мдр. и бѣлор. нар. и серб. яз.]. Множество другихъ примѣровъ выбрано изъ Пам. дипл. спол., Ак. Моск. Г., Ак. до Юр. Б., Ак. Ист., Рус. Ист. Библ., Путеш. Лукьян.: „отъ *Польскихъ и отъ Литовскихъ людей отъ ихъ плыненія*“, „въ государю кз *рукъ*“, „о такихъ судьяхъ о наказаніи“, „о гонцѣхъ о *приниманіи*“, „въ татѣбѣ въ *лошадяхъ*“, „о помѣстѣхъ о *передѣлѣ*“, „о тѣхъ *пустошахъ* обѣ *отъемѣ*“, „успленіе святая Богородица“, „мы въ *иску* въ сѣнѣ и въ *пожитѣ* помирились“, „дано отъ *кожъ* отъ дѣла (=за выдѣлку кожъ) 4 *гривны*“, „отъ *суконѣ* отъ *тканья*“, „отъ *крашенины* отъ *краски*“, „отъ *кафтаноу* отъ *шитья*“, „дано отъ *сибирскаго запасу отъ письма* (=за написаніе) отъ отписокъ *подъячему рубль*“ А до Ю. Б. (т. е. за написаніе росписокъ („отписокъ“) (въ *пріемѣ*) *сиб. запасу*).—«Беруть *пошлину* съ *записки* съ *лошади*, съ *лѣтъ* и съ *шерсти*» (=съ *записки* *лѣтъ* и *шерсти* лошади) Котон.

221

222-5

226

При обращеніи приведенныхъ паратактическихъ сочетаній въ гипотактическое, въ род. падежѣ ставится имя *вещи* или *лица*; но есть цѣлый рядъ примѣровъ такого паратактическаго сочетанія, при обращеніи которыхъ въ подчиненіе въ родительномъ падежѣ ста-

Образецъ *тма новое писмо*.

вится не имя вещи или лица, а имя *дѣйствія* или соотвѣтствующее ему конкретное. Напр. *книга новое письмо* = книга новаго письма; «оброкъ по книгамъ по новому письму», «и мы *по ею расходу по межѣ* всякіе признаки ставили» (т. е. по межѣ, по которой онъ «розмель» спорныя земли) А. до Ю. Б. — «Книга «Псалтырь» *печатъ мелкая* (= мелкой печати), — «грамота своя рука» (= грамота своей руки = своего рукописанія) и др.

Образецъ на
пень на гру-
дяхъ: на Дунай
на берегу.

Паратактически сочетаются также *лицо* и *ею душа, тѣло* (или части тѣла), *цѣлая вещь* и *части ея*, при чемъ въ рус. языкѣ при постпозитивной постановкѣ части иногда употребляется лич. мѣстоименіе въ род. или дат. пад., указывающее на цѣлое. Напр. «и не буди *ему* (цѣлое) отъ Бога мира узрѣти на ономъ свѣтѣ *души* (дат. п.) *ею*» Поуч. Моном. — «Изяславъ же... съ своею дружиною въѣха въ *нѣ* (= въ нихъ, въ Берендичей) въ *бокѣ имѣ*» Ипат. — «Богъ пошлетъ *по души* (часть) *княжню Марью*» Ак. до гражд. расвр. — «Сенка сидитъ на *немѣ на грудяхѣ*» и проч. Тоже въ мдр., бѣлор. и серб. яз. — «Удари громъ въ *маковию* св. *Теодора церкви* и зажже» Лавр. — «Тѣмъ попомъ... *верхѣ* (= на верхушкѣ головы) *власы* свои растити» Пск. I. — «Въхати дорогою къ *верху рѣчкамъ Ливнамъ*» Кн. Б. Ч., а также несклоняемая: *к верхѣ рѣчкѣ, къ усть Айдару*, при чемъ, по замѣчанію Бусл. (Гр. § 249, пр. 5), при подобныхъ паратактическихъ сочетаніяхъ нѣсколько словъ могутъ сливаться какъ бы въ одно сложное: «*межа съ Бѣлаю Болотца съ середки* на основной пень» А. Ю. — «Яко же бы(сть) Володимеръ на *томѣ мѣстѣ на степени* (лѣстницѣ)... и рече» Ипат. — «Игумень стоялъ *въ олтари во вратѣхъ, царскихъ, а на правѣ* церковныхъ западныхъ *вратѣхъ* стоялъ *диаконъ*» Путеш. Лук. — Тоже въ мдр., бѣлор. и серб. яз. — Другіе примѣры изъ Кн. Б. Ч., А. до Ю. Б., Пут. Лукъян., А. Зап. Р., Пам. др. письм., Пам. стар. Рус. Лит.: «на *Волѣ на берсиу*», «на *рѣкѣ на Москвѣ на мѣвомѣ берсиу*», «на *правой сторонѣ по тому стоку*» (истоку, ручью), «межа... *до рѣки Унжи стрежи*» (= среднее теченіе), «*въ Черное море проливу* (заливъ) *морскую въ Ильменѣ*» = въ Ильменскій заливъ Чернаго моря, *на край море*, «*краемъ Дунаемъ*» и др.

Образ. къ кон-
цу, къ обдѣлу.

Въ примѣненіи *ко времени*, часть и цѣлое также соединяются паратактически: *къ коницу къ обдѣлу*; *къ Семеню дню... ко сту осмдесятъ девятому юду*; «дѣяни не ходять *къ началу къ цериви*» Нов. II.

Образецъ: бе-
реть за руки.
за перстни.

Паратактически сочетаются не только части и цѣлое, но *и самостоят. вещи*, при чемъ, при обращеніи этихъ оборотовъ въ подчиненіе, подчиняемое имя можетъ стоять *не въ род.* падежѣ, а въ другомъ съ соотвѣтствующимъ предлогомъ. Напр., беретъ *за руки за перстни* (= за руки съ перстнями); привязалъ коня *къ дубовому столбу къ*

тому кольцу булатному (=къ кольцу въ дубовомъ столбѣ); межа до мху до зыби (=до мху на зыби, до моховой трясины), до ямы до ольхова пня (237—9
 (=до ямы у пня); *люгомъ дорогою* (=дорогою по лугу, луговой), спорили о межахъ о лѣсу (=о межахъ въ лѣсу, лѣсныхъ).—,Святославъ пригна къ перевозу къ Деснѣ“ (=на Деснѣ) Ипат.—Володимеръ сrete я (Печенѣгы) на Трубежъ на бродѣ“ Лавр.—,Къ тебѣ Государю къ Москвѣ“ (=въ Москвѣ, Московскому): ,о такихъ дѣльхъ и указѣ“ (=объ указѣ относительно такихъ дѣль) Котоших.—Тоже въ мдр., серб., польск. яз. 240—1
 [Сюда же слѣдуетъ отнести обращеніе къ нѣсколькимъ предметамъ при *azundetop* (безсоюзіе): «Острый мечо! борзый коню! Многая Руси!» Ипат.—«Ой ты садъ ты мой садъ, садъ зелененькій! Ой ты цвѣтъ ты мой цвѣтъ, цвѣтъ червоненькій!»] 242

Къ паратактическимъ же сочетаніямъ можно отнести сопоставленіе разныхъ падежей или съ разными предлогами, но 243
 равномѣрно относящихся къ дополняемому слову: «придоша на берегъ надъ рѣку надъ Ушю» Ипат.—«На мнѣ на плеча (=на мои плечи) накинуть кафтанишко» Жит. Аввак.—«Намъ помогали о путномъ хожденіи» (=нашему путному хожденію) Путеш. Лукъян.

Паратактически сопоставляются лицо или вещь и разрядъ, 213
 къ коему лицо или вещь относятся: «о людехъ о мужскомъ и женскомъ полѣ» Котош.—«Турецкіе люди мужескъ полъ зѣло крупны» Пут. Лук.—«Первой статьѣ дворяномъ (=дворянамъ первой статьи) по 50 рублевъ» Котош.—«Рыба зимняя и лѣтняя ловля», «шуба осинової цвѣтъ», «во Ольвичехъ племенцѣ» (=въ племени Ольвичей), «на кустѣ ракигѣ» Ипат. и др. 244

Содержимое (измѣряемое вещество) и содержащее, какъ 215
 мѣра, единина, также сочетаются паратактически: «поимали мы... мордвина съ мудомъ медомъ» А. до Ю. Б. 1677 г.—«На рожѣ на бочку 3 бочки соли давали» Пск. I.—«Возьмите у меня триста литръ злато», «облить ведромъ водою». Тоже въ мдр., блрус. и серб. яз. 245—7

Если въ Лавр. и Ипат. лѣт. такихъ оборотовъ, пови- 248
 димому, не встрѣчается, зато обычны здѣсь такіе же обороты съ существительнымъ „множество“ вм. определенной мѣры: „они же видѣше множество злато и сребро“ Лавр.—„И приспѣ дружина вся мноисе множество“ ів.—„И Половици... придоша... мноисе множество“ Ипат.—Такъ и позднѣе въ Новг. II лѣт., Путеш. Лукъян, Жит. Авв., а у Котоших. и въ болѣе позднихъ памятникѣхъ такое же сочетаніе употребляется съ сущ. число: «вадки не малое число» Котош.—«Лучшіе люди довольное число».

Вмѣсто «множество» и «число» употребляется еще «сила» 248
 въ паратактическихъ сочетаніяхъ: «Троицкіе войска сили ве-
 Образецъ войско
 сила.

ликіе»; но если при «сила» стоитъ прилагательное, образованное отъ *опредѣляемую существительную*, то выраженіе „множества“ вполнѣ независимо отъ опредѣляемаго: „поскочиша же и ти *Половци силы половецкии*“
 249 Ипат.—Другіе образцы паратактическаго сочетанія при выраженіи „множе-
 ство“: *стадо овцы*, при чемъ подъ „стадомъ“ разумѣется вообще множество:
 „все стадо чернеи“ (т. е. вся монашествующихъ *братія*), „со стадушкомъ
 250 со дѣтиною“, „ко стаду ко сѣрымъ цусямъ“, „отъ толпы отъ красныхъ
 двушекъ“, „они поять *скотъ, козы, овцы великія стада*“ Путеш. Лугъян.
 Образецъ *денги* Образецъ *денги* часть (половина, треть и проч., а также:
 часть. *повытье*, какъ часть послѣ раздѣла, *жеребей*, какъ часть на-
 251 дѣла, *полоса*, какъ часть земли, *остатокъ*): „заплатить *денги* свое *повытье*“,
 „заложилъ *пожню* свой *жеребей*“, „землю *полосою* владѣть“, „*Новгороди*
 же *останкъ* (=ъ) живыхъ послаша по князя“ Повг. I., „*полки оста-*
нокъ“, „а другое *быдло* *часть* ибѣякую... позабрали“, „оттуда взяти суть
 522 *святїи младенцы* *половина* ихъ“ Дан. Палом., „а *дѣтемъ боярскимъ* его
половинъ“, „за *медъ* за ихъ *половину*“, „съ *тое соли* съ *половинъ*“,
 „заложиша *стѣну* свои *двѣ* *части*“, „въ *пашнѣ* въ *полоторъ* *четвер-*
такъ *жити*“, „къ *тому* *половинъ* *селу* къ *Покровскому*“ („тому“ отно-
 сится къ „селу“, а не къ „половинѣ“ и равняется „къ тому селу къ по-
 253 *ловинѣ* его), „пожаловалъ его *тѣмъ* *половиною* *село*мъ *Глядячимъ*“, „со-
 творшо, ми *половину* *юдину*“, „*половиною* *ратными* *людьми*“, „пожало-
 валь есми *деревнею* *полубожею*... *деревнею* *третью* *обжею*... съ *четвертью*
десятиною“ и др.

Образецъ *денги* Сюда же относятся образцы счета: „*денги* *пять* *руб-*
пять *рублей*, о *денгяхъ* о *пяти* *рубляхъ*“, при чемъ считаемое
денгяхъ о *пяти* *рубляхъ*. (деньги, лѣсъ, сила (войско) и т. п.) можетъ стоять и пре-
 254—7 позитивно, и постпозитивно. **Препозитивно**: „и *пологъ* отбѣяша *4-ста* *чады*“
 Ипат.—„*Скопишася* *вся* *сила* (войско) *10* *тысящъ*“ Псков. II, „*льсз* *де-*
вять *знаменъ*“, „*люди* *6* *человккъ*“, „*козакомъ* *8-ми* *человккомъ*“, „въ
 торгу есмь *велѣлъ* *кликати* *изъ* *заповѣди* *изъ* *двухъ* *рублевъ* (=изъ двухъ
рублей *заповѣди* (род. п.), т. е. *подъ* *страхомъ* *пени* въ 2 руб.), „*вину*
 берутъ *двѣ* *доли* (=2 доли *вины*), „*подъ* *виною* *копою* *грошей*“, „*ем.потъ*
съ *тое* *соли* съ *тысячи* *пудовъ* всякіе *пошанны*“, „въ *иску* въ *деве-*
ность *рублехъ*“, „въ *серыахъ* *цѣною* *въ* *трехъ* *рубляхъ* (въ зависимости
 отъ «цѣною» слѣдовало бы ожидать «въ три рубля»), „*посылается* *соболя-*
ми *сороками* и *парами* (=сороками и парами *соболей*), „*большой* *боранъ*
 (цѣна *иска*) *сорокъ* *алтынъ*“, „а *кто* *поведеть* (или *подыметъ*, т. е. *судей*)
 на *исправу* на *боранъ*, и *ему* (*прикащику*) *имати* (*братъ*) *полевой* *боранъ*
 по *два* *алтына*“.—**Постпозитивно**: „заложилъ есми *свою* *отчину* въ *полу-*
 258 *треть* *стѣ* *рублехъ*“, *въ* *заемныхъ* *денгахъ*“, „*бѣлъ* *челомъ* въ *пятнадцатъ*—

ти лошадахъ въ грабежѣ», «съ петью возы съ продажною солью» и др. — Все эти примѣры паратактическаго сочетанія, по сравненію съ соврем. языкомъ, замѣчательны въ томъ отношеніи, что теперь паратактич. сочетаніе бываетъ тогда, когда считаемое равно числу: я отдалъ (всѣ) деньги пять рублей, но: я отдалъ денегъ пять рублей, въ старинномъ же языкѣ при паратактическомъ сочетаніи это не различалось, какъ можно было видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ.

Отъ паратактическаго сочетанія, обозначающаго счетъ, нужно отличать выраженія *мѣры*, *вѣса* и проч., въ которыхъ, при гипотактическомъ построеніи, *мѣра* и *вѣсъ* ставятся въ род. *мѣры* или позднѣе предлогъ *въ* съ винительнымъ: «кадѣ меду пять пудовъ» (вм. въ пять п.), «ковшъ золотой двѣ гривенки злата», «Богъ простилъ отрока четыре юда» Новг. л., «меринъ саврасъ девять лѣтъ», «неводъ осемидесятъ сажень», «сабля два рубля, при чемъ обозначеніе *мѣры* и *вѣса* ставится какъ препозитивно, такъ и постпозитивно, а слова: *вѣсъ*, *цѣна* въ именит. п.: «шуба камка цѣна 66 рублей», хотя встрѣчается и не въ именительномъ: «ковшъ серебрянъ вѣсу гривенка» А. М. Г.

По аналогіи съ образцами «множество злато», «стадо овицъ» можно бы ожидать и при числительныхъ паратактическаго съ ними сочетанія именъ *считаемыхъ*, какъ это наблюдается въ санскритѣ, въ латин. и греч. яз. (πέντε ἄνδρες, quinque homines); однако въ древнѣйшихъ памятникахъ ц.-славянскихъ и древнерусскихъ числительныя *количественныя*, начиная съ пяти*), подобно собирательнымъ существительнымъ сочетаются только гипотактически, именно съ род. *множ.* ч. *пѣть десѣтъ*, *пѣтъиѣ хлѣбъ*, «преложи вся книги шестью мѣсяцъ» Лавр., «на семи соборовъ» Кир. Тур., «приходиша воевать въ осми сотъ» Новг. I, такъ что чрезвычайно рѣдкія паратактическія сочетанія суть не первообразы, а принадлежность позднѣйшихъ списковъ, какъ напр: «двѣ тысячѣ гривнъ» Лавр., «иѣ въ сѣтъ дружинъ» Поуч. Моном.***). Впрочемъ, весьма рано, а въ рус. яз. не позднѣе

*) А два, три и четыре, сочетаются съ им. и вин. изъ двойств. именительнаго и винит., двои же и трои—съ им. *множ.* (см. далѣ III, 272.) И. Б.

**) Какъ смотрѣть на эти, хотя и рѣдкіе, случаи паратактическаго сочетанія числительныхъ количественныхъ? т. е., существовали ли въ живомъ рус. языкѣ до XIV в. паратактич. сочетанія *пѣть хлѣби*, *пѣтъиѣ хлѣби* рядомъ съ обычнымъ гипотактич. сочетаніемъ: *пѣть хлѣбъ*, *пѣтъиѣ хлѣбъ*? и если существовали, то не сочетались ли сперва количественныя паратактически, а потомъ обычнымъ путемъ изъ паратактическихъ перешли въ сочетанія гипотактическія? На эти вопросы Потебня опредѣленнаго отвѣта не даетъ и говорить только, что сочетаніе «пѣть хлѣбъ» можно считать *правиломъ*, но что бываютъ «теченія языка (живого?), которыя въ письменность не проникаютъ». Слѣд., можно, по

Образецъ *кадѣ*
меду *пять* пудовъ.

259

260

Рѣдкіе случаи паратактическаго сочетанія съ количеств. числительными, начинающія отъ пяти.

261

XIV в. числительныя количественныя, кромѣ *тысяча*, разсматриваются уже какъ *прилагательныя* и во всѣхъ падежахъ, за исключеніемъ им. и вин., согласуются въ падежѣ съ именемъ считаемымъ: «во *стѣ* рублехъ», «на *стѣ* возѣхъ», «въ *сорокъ* алтынехъ» и проч., но «сто» съ *опредѣлительнымъ* принимается за существительное и имѣеть послѣ себя род. п.: „въ *третьемъ* стѣ *лѣтѣ*“.

VII.

Несогласованіе приложенія въ падежѣ.

Аттрибутивныя существительныя, сочетающіяся паратактически со своими опредѣляемыми, являются *приложеніемъ* къ симъ послѣднимъ. При этомъ, какъ видѣли, въ однихъ случаяхъ атрибутивныя существительныя согласуются *въ падежѣ* со своимъ опредѣляемымъ, а въ другихъ—не согласуются. Несогласованіе приложенія въ падежѣ съ опредѣляемымъ выражается въ томъ, что приложеніе остается въ *имен.* падежѣ и тогда, когда опредѣляемое переходитъ въ *косвенный* пад.: «а зовуть его *Власкомъ, Ивановъ сынъ*».

Образецъ несогласованія приложенія; зовуть его *Власкомъ Ивановъ сынъ*.

Въ этомъ образцѣ крестное, личное имя (опредѣляемое) стоитъ въ *твор.* пад., а приложеніе къ нему—въ *именительномъ*.

По неизмѣннымъ можетъ оставаться им. падежъ и личного имени, а падежъ отчества и фамиліи измѣняется: «*Александръ Ивановича Бобрѣва*». Так. обр., неизмѣняемость имени въ падежѣ бываетъ или препозитивною, или постпозитивною. Въ препозитивной постановкѣ неизмѣннымъ является собств. имя, и такое выраженіе сближается съ выше приведенными образцами: «*Дунай-рыбки*», «*князь Василья*», гдѣ согласованія собственно и быть не можетъ, такъ какъ первое слово—безъ флексіи и соединяется со вторымъ въ *одно сложное* слово; поэтому и при усилении въ языкѣ начала *подчиненія* первое имя, какъ *неизмѣнный* членъ сложнаго слова, не переходитъ въ падежъ дополненія; при постпозитивной же постановкѣ атрибутъ является относительно самостоятельнымъ, можетъ *отдѣляться* отъ опредѣляемаго слова (*Юдкою зовуть Григорьевъ*), и потому чувствуется, что онъ явно не согласуется съ опредѣляемымъ. Тутъ происходитъ въ языкѣ какъ бы сдѣлка между двумя актами мысли: пока, при преобладаніи въ языкѣ *согласованія*, атрибутъ и опредѣляемое стоятъ въ им. падежѣ,—оба слова *со-*

видимому, думать, что и «*пять хлѣби*», «*пятидѣ хлѣби*» существовали въ старинному языкѣ (до XIV в.), какъ паратактическія сочетанія двухъ *существительныхъ*, но что въ письменность они не проникли (Ср. далѣе III, 327) за исключеніемъ выше приведенныхъ двухъ примѣровъ. отмѣченныхъ Потемнею: «двѣ тысячь *ривань*» и «въ въ стѣ *дружить*», которыя, впрочемъ, считаются онъ отклоненіями отъ правила. *И. Б.*

гласны между собою: «зовутъ меня *Михайло Казарянинъ*», но когда, съ усиленіемъ въ языкѣ *подчиненія* и объединенія мысли, опредѣляемое имя стало ставиться въ другомъ падежѣ,—тогда опредѣленіе на первыхъ порахъ не подчиняется еще этому требованію и по прежнему остается въ им. п.: «зовутъ меня *Михайлоу Казарянинъ*». И только при *преобладаніи* подчиненія устраняется такая непослѣдовательность. Другіе примѣры несогласованія приложений: «далъ есмь женѣ своей *женку Марья*» А. Ю.—«*Есиномъ* зовутъ *Любянская Сабля*», «*Аленкою* зовутъ *Перфильева дочь*» А. Ю.—«Благословляемъ мы сестру свою божимъ *милосердіемъ, образомъ Воскресеніе Христова*» Ibid.—«Образъ *Спасовъ Вседержитель* (им. п.) серебромъ обложенъ» А. Ю. Первая ступень или, по Потебнѣ, «задняя, (предыдущая) мысль» послѣдняго примѣра должна бы быть: «образъ *Спасъ Вседержитель*»; но, подъ вліяніемъ подчиненія, «Спасъ» замѣнено здѣсь прилагательнымъ «Спасовъ» (вм. Спаса), поэтому при полномъ подчиненіи и «Вседержитель» должно бы быть поставлено въ род. п.: «образъ *Спаса* (=Спасовъ) Вседержителя.*)

264

Слова: «имя», «прозвище» въ качествѣ *вторыхъ* субстанцій могутъ оставаться со слѣдующимъ собств. именемъ въ именит. п., хотя бы опредѣляемое стояло въ другомъ падежѣ: «родился у Рюрика сынъ и нарекоша ѿ (1-й вин. п.) дѣдне *имя* (им. п.) *Михайло* (вм. «именемъ»: 2-я субст). Ппат.—, Анна... съ *Иванкомъ*... *прозвище Истома*» А. до Ю. Б., при чемъ *собств. имя* прозвища, въ силу стремленія къ объединенію предложенія, можетъ согласоваться съ опредѣляемымъ, но слова: „имя“ и „прозвище“ остаются въ им. п.: „поручился есмь *по брать* своему... *прозвище Шуль*» А. Ю.—„Продаль есмь *Нефедью*... *прозвище Байдану*» А. до Ю. Б.—Но бываютъ и обратныя явленія: ставится „именемъ“ (какъ *родомъ*: Срав. II, 477), „по имени“, „по прозванію“, „во инокѣхъ“, а собств. имя остается въ им. пад: напр. „довъ дѣюще *Свѣтельдицю* *именемъ Лютъ*“ Лавр.—„Поставиша *епископа* *именемъ Акимъ*“ Ппат.

265

Постановка словъ: *имя* и *прозвище* при *приложеніи* и *собств. имени*.

266

По изслѣд. П. Лавровскаго, древній яз., пользуясь тѣмъ, что вин. п. имѣлъ двойную форму, сходную съ им. и род., — допускалъ нерѣдко *разнообразіе* въ одномъ и томъ же предложеніи: „поймите у меня *мой шюринъ Михаила*“, т. е., соб. имя дополненія ставилось въ вин. падежѣ, равномъ родительному, а нарицательное имя приложения—въ винительномъ, равномъ именительному, и наоборотъ. Примѣровъ такихъ множество: „П посла къ нимъ *сынъ свой Святослава*“ Ппат.—„Пзволиша себѣ епископъ (2-й вин.) поставити *мужъ Богомъ избранъ Аркадія*“ Новг. I.—„Посла Володимеръ *сынъ свой Рома-*

Взглядъ П. Лавровскаго на постановку *приложенія* то въ *им.*, то въ *им.* пад.

267-9

* Таково колебаніе и, такъ сказать, борьба между *сочиненіемъ* и *подчиненіемъ* въ языкѣ! И. Б.

на“ Лавр.—„Послаша Псковичи свой посолъ Никифора“ Пск. I.—„Княжо даль приставъ своего челоуѣка Прокошію“ (вик. п.) Грам. Риж.—„Послаша по князь“ Пнат., „по сынъ“; но рядомъ съ этимъ есть и такіе примѣры: „о Гди спаси князя нашего Феодора“ Поспѣл. къ Мстисл. Ев.—„Рюрикъ предасть имъ сына своего Андрея“; „поя за сына своего Романа“; „посла сынъ свой Мъстиславъ“; „лапотъ знай лаптя“ (Даль), „ведена Мстиславна въ греки за царь (Ср. замужь), „пзобрѣте... художника... именовъ Милонныгъ, Петръ же по крещенію“ Пнат.—„Положи въ монастырьъ Ивана Васильевича Нельова, въ иноцехъ Юсафъ“ А. до Ю. Б.

Неизмѣняемость
им. падежа, за-
висящаго отъ
постпозитивно-
сти приложенія.

Отсюда видно, что при *постпозитивной* постановкѣ остаются въ именит. п. и собств. имена, и, слѣдовательно, неизмѣнность именительнаго зависитъ здѣсь *не отъ качества* имени (собственного или нарицательнаго), а отъ *постпозитивности*

и *аппозитивности* его, какъ и въ слѣдующихъ примѣрахъ, въ которыхъ остаются неизмѣнными въ им. п. даже имена прилагат.: „Билъ челоуѣкъ Илья прозвище Меженя съ своею женою съ Матреною, ростомъ *средняя* и волосомъ *руса*“; „увель Климъ *мерина*, шерстью *рыжъ*“ и др. Поэтому, если приложеніе или аппозицію постпозитивную составляютъ имена прилагат. или причастія, то и они могутъ оставаться неизмѣнными въ именит. п., хотя бы при нихъ и не стояло посредствующихъ словъ: имя, прозвище, по имени, по прозванію и т. п. Напр. „образъ Пречистые Богородицы *междувратная*“; „блюдечко по гривнѣ *Новгородская*“; „пять пуговиць *мѣдны*“ (а не мѣдннхъ), „межа... отъ того пня на *иву* вверху *суковата*... *поклѣпа* на *веходъ*“ А. Ю., «противу святому Спасу, зовемый *Веретисъ*» Повг. I, «онъ тутъ засталъ одну *панью*, отъ Татаръ *выкуплена*» А. З. Р.—«Послалъ *шубу кунью*, атласомъ *крыта*», «благословляемъ... *образомъ* Пресв. Богородицы Одегитрія *обложень* серебромъ и *вызолочень*» А. до Ю. Б.—«Благословляютъ *образами* окладными, *обложены* золотомъ» Котош.—Вироч., ближайшее прилагательное, какъ видно изъ этихъ примѣровъ, остается въ падежѣ своего существительнаго: «шубу *кунью*», «образами *окладными*»*).

Подобнымъ же обр. послѣ числительныхъ *два* (двѣ), *три*, *четыре* съ существительнымъ въ именит. или вин. пад. изъ тѣхъ же падежей *двойств.* числа, а также послѣ *двои*, *трои* съ существительнымъ въ именит. (или вин.) *множ.* числа, ближайшія прилагательныя, начиная съ XVI в., могли ставиться въ род. п. (какъ послѣ *пяти* и проч: ср. выше III, 260), дальнѣйшія же—въ именительномъ: «три *однорядка* (им. п. изъ *двойств.* ч.) *лунскихъ черлены*», «четыре *паникадила* (им. изъ *двойств.* ч.) *мѣдннхъ*

*) Но это простыя опредѣленія, а не приложенія! И. Б.

малые»; «взяли трои серыги *серебряныхъ одницы*» (сущ.), «восемь лапокъ *лисыыхъ красные*». — Тоже въ нынѣш. област. влр., въ малор. и серб. яз. 273

Если опредѣляемое существительное, стоящее съ атрибутомъ изъ существительнаго же, переходитъ изъ именительнаго въ косвенный падежь, то существительное — атрибутъ, становясь приложениемъ, можетъ *оставаться* по прежнему въ именит. пад. и такимъ образомъ не согласоваться съ опредѣляемымъ. Такъ, примѣняясь къ паратактическимъ образцамъ, приведеннымъ въ предыдущей главѣ, изъ образца «*шуба тафта желтая*» является оборотъ: «*шубу тафта желтая*», «*около чебота зеленъ сафьянъ*», «взяли... казаки *кобылку гнѣду грива направо*». Можетъ не согласоваться съ опредѣляемымъ и *прилагательное* атрибутивное: «увель... *мерина шерстью рыжъ*». — Изъ образца: «*грамота своя рука*» является оборотъ: «*грамоту своя рука*», «*прислалъ перепись... дяка рука письмо*». А. Ю. — Изъ образцовъ: „друзья мужескъ полъ“ являются обороты: «взялъ денегъ *шесть рублевъ Московское число* (им. п.); или для выраж. *длины*: «сдѣлать два *поиреба длина* въ двѣ сажени, *вышина* противъ того жъ» А. до Ю. Б. — Изъ образца: «*на бочку на рожъ*» является: «запить *виномъ стаканчикъ*» Лѣвб. — Изъ образца: «*праздникъ Спасъ*» — «послѣ Иванова дни *Уськиновеніе главы*». — Изъ образца: «*денщи половина*» — «давать *хлѣба половина ржаного, друая ярового*» А. до Ю. Б. — Изъ образца: «*ковигъ двѣ гривенки*» являются: «подалъ *чень золоту пять* (им.) гривенокъ да *ковигъ* (вин. п.) *гривенка*». — Въ Именит. падежь приложений при косвенныхъ падежахъ опредѣляемаго имени.

эти примѣры и др. подобные суть остатки первоначальнаго паратактическаго сочетанія съ опредѣляемымъ, стоящимъ въ им. же падежь. Поэтому опредѣленіе времени въ им. п., стоящее безъ предшествующаго существительнаго и отвѣчающее на вопросы *когда? какъ долго? какъ часто?* есть именит. не паратактическаго происхожденія, а самостоятельный *): «пріѣхалъ (когда?) *канунъ* (им. сам.) *Вербницы*»; но „въ *субботу канунъ* *Вербницы*“ образовалось паратактически изъ „*суббота канунъ* *Вербницы*“. Точно также паратактическаго происхожденія и такіе примѣры: „*поѣха во вторникъ 3-я недѣля поста*“ Пск. I., „*июня 23 канунъ* *Ивана дня*“, „*лѣта 7014 декабрь 4 день* *преставися архіепископъ*“ Новг. I; но въ выраженіи: „въ *Цареградѣ* (когда?) *лѣтнее время* *ночь 8 часовъ*, а *день 16 часовъ*“ (Путеш. Лук.) — именит. п не паратактической. Точно также въ старин. рус. яз. *вечерьъ, утро, день съ, осень съ* могли стоять не только въ винит., но и именит. пад. самостоятельно, что особенно видно изъ именъ жеп. р. на *a*, напр. на вопр. *какъ долго*: „мы бились *половина дня*“; на вопр. *какъ часто съ союз. что*: (млр.) „*що день, що іодина*“, (влр.)

Именит. падежь приложений при косвенныхъ падежахъ опредѣляемаго имени. 274

Им. п. для обозначенія времени не паратактическаго происхожденія. 275

Именит. падежь приложений при косвенныхъ падежахъ опредѣляемаго имени. 276

Именит. падежь приложений при косвенныхъ падежахъ опредѣляемаго имени. 277

Именит. падежь приложений при косвенныхъ падежахъ опредѣляемаго имени. 278

Именит. падежь приложений при косвенныхъ падежахъ опредѣляемаго имени. 279

Именит. падежь приложений при косвенныхъ падежахъ опредѣляемаго имени. 280

Именит. падежь приложений при косвенныхъ падежахъ опредѣляемаго имени. 281

Именит. падежь приложений при косвенныхъ падежахъ опредѣляемаго имени. 282

*) См. „Синтакс. И. В. Зв. п.“ Попова, стр. 57—58.

„что-ночь (=каждую ночь), то домовою пугать его ходилъ“ (Изъ изслѣд. Попова, 57 *).

VIII.

Союзъ между словами, соединенными атрибутивно, hendiadys.

278

Взглядъ Микло-
шича и Попова

на hendiadys.

Въ близкой связи съ атрибутивностью существительныхъ, вносящею *двойственность* въ сужденіе, стоитъ фигура $\xi\upsilon \delta\iota\acute{\alpha} \delta\upsilon\omicron\upsilon\tau\upsilon$ (ср. выше III, 131). Поэтому Миклош. (Гр. IV, 5) вслѣдъ за примѣрами атрибутивности существительныхъ говорить, что „иногда прилагательныя (т. е. опредѣлительныя слова) своеобразно *замѣняются* существительными (атрибутивными), которыя присоединяются къ опредѣляемому посредствомъ союза *и*“, что и составляетъ фигуру hendiadys. Поповъ въ своемъ изслѣдованіи („Синтакс. II. В. Зв. и.“, стр. 69), вывести этотъ оборотъ рѣчи изъ *комитативнаго* независимаго именительнаго, обозначающаго тотъ *второстепенный* предметъ, который находится при другомъ главномъ: „сапоги зеленъ *сафьянъ*“. Съ теченіемъ времени оба эти понятія, по мнѣнію Попова, начинаютъ разсматриваться какъ *равносильныя* и выражаются *однимъ и тѣмъ же* падежомъ: „къ чану зелену *вину*“, при чемъ въ нѣкоторыхъ языкахъ вставляются между ними союзы, и такимъ образомъ получается явленіе въ языкахъ: $\xi\upsilon \delta\iota\acute{\alpha} \delta\upsilon\omicron\upsilon\tau\upsilon$, какъ выраженіе *одного* понятія черезъ *два* (Поп. 76). Итакъ, по этому господствующему взгляду, сначала было *одно*, цѣлостное для мысли, а потомъ, *вмѣсто* этого, стало *два* раздѣльныя единицы, сливающіяся въ единство.

280

Взглядъ Потеб-
ни на $\xi\upsilon \delta\iota \delta\upsilon$.
въ связи съ па-
ратактическими
сочетаніями.

Но Потебня, держась своего взгляда, что образное или конкретное выраженіе мысли древнѣе абстрактнаго, и что синтетическія сужденія, состоящія *въ сочетаніи двухъ самостоятельныхъ субстанцій*, предшествуютъ аналитическимъ, состоящимъ въ раздѣленіи мыслимаго на вещь и ея качества и дѣйствія,—отвергаетъ господствующій взглядъ, выраженный Миклошичемъ и Поповымъ, и утверждаетъ, что въ основѣ $\xi\upsilon \delta\iota\acute{\alpha} \delta\upsilon\omicron\upsilon\tau\upsilon$ лежитъ древнѣйшее атрибутивное паратактическое сочетаніе существительныхъ, служащее выраженіемъ *двойственности соединяемыхъ субстанцій*. Что же касается значенія союза, соединяющаго паратактически сопоставляемыя существительныя, то онъ означаетъ то же, что и при отдѣленіи причастія отъ личнаго глагола (II, 187 и слѣд.): ставъ *и* рече, или при отдѣленіи подлежащаго отъ ска-

281

*) Въ примѣрѣ у Потебни: „что городъ, то норовъ“, взятомъ изъ изслѣдованія Попова, есть им. *мѣста* (гдѣ?), а не времени. **И. Б.**

земаго (Н, 194), а именно: «онъ служить явственнымъ выраженіемъ *медленности*, съ которою въ говорящемъ одинъ актъ мысли слѣдуетъ за другимъ»^{*)}.

Степень потребности въ этихъ плеонастическихъ теперь частицахъ, заполняющихъ собою пробѣлы мысли, различна. Въ немѣрной рѣчи онѣ рѣзче бросаются въ глаза, чѣмъ въ мѣрной; въ началѣ стиха или полустихія (послѣ цезуры) эти эксплетивныя частицы менѣ замѣтны, чѣмъ внутри полустихій. Такъ, въ нѣкоторыхъ сѣв. великорусскихъ былинахъ употребляется часто эксплетивная частица *и*:

«И только не ходи за Олешу за Поповича

«И за бабьяго да пересмѣшника». Гильф.

«Отстянуль то онъ *и* тугой лукъ разрывчатой». Гильф.

Въ старин. рус. яз., кромѣ *и*, такими эксплетивными частицами служили:

1) *а*, имѣющее разныя значенія: а) *соединительное*, куда примыкаетъ и *а* между личнымъ глаголомъ и причаст. (II, 190-3), б) *а* *противитивительное* (=же), в) *а* *условное* = *аще*: «*а* (=аще) есте послушали Половчъ *а* (=и) послы наша есте избили *а* (=и) идете противу насъ, ть (=то) вы поидите; *а* мы (=мы же) васъ не заяли» Новг. I.—«*А* пошлешь (=если пошлешь) куды слушку... *а* (=если) съ слугою къ кому ѣству или питье..., да воротивъ спроси его» Домостр; г) *а* (какъ *и*) *заключительное* (=то) послѣ предложеній съ начальнымъ *кто*, *что* и въ сочетаніяхъ условныхъ послѣ *аще*, *аче*, *аже*, *да*, *же*: „кто ли не имѣеть конь, *а* (дослѣвайте) въ ладѣ“ Ипат.—„Аще забываете всего, *а* часто прочитайте“ Поуч. Влад. Мон.; д) *а*, *а* *что* = *анъ*, *ажъ* въ болѣе новомъ языкѣ: „въ тѣ поры молодець озирается. *а* *что* (=анъ) сняты съ него дорогие порты, Горе Злоч.—е) Плеонастическое соединительное *а* въ началѣ предложеній и стиховъ въ вѣрускихъ былинахъ.

2) *А* *и* въ стар. рус. яз. и въ былинахъ съ разными значеніями: а) *когда-то*: „*а* *и* бы при вечерѣ,—пришедъ конюшій, повѣда князю, яко ждетъ его Лаворъ“ Ипат.—„*А* *и* будутъ на дворѣ вияженецкимъ, скочили они съ добрыхъ коней“.—б) *а* *и* = *анъ*, *ажъ*: „Заглянулъ скороходъ на широкій дворъ, *а* *и* некуда Чурилъ въѣхати“.—в) *а* *и* плеонастическое, которое нужно отличать отъ *ай* (=гой если =ахъ ты) при зват. пад.: „въ славномъ великомъ Повѣгородѣ *а* *и* жилъ Буслай да 90 лѣтъ“.

3) *Да*: а) *плеонастич.*, которое по преимуществу раздѣляетъ атри-

^{*)} Изъ дальнѣйшаго перечисленія значеній эксплетивныхъ частицъ видно однако, что во *всѣхъ* мѣстахъ онѣ являются не плеонастическими, а вполне необходимыми какъ для связи одного предложенія съ другимъ, такъ и для приданія извѣстныхъ оттѣнковъ мысли. И. Б.

Различная степень потребности въ плеонастическихъ частицахъ мѣрной и немѣрной рѣчи.

282

Эксплетивными частицы въ др. рус. яз.: *и*, *а*, *о*, *и*, *да*, *та*, *той* (той), *таже* (тоже), *можно*, *же*, *еще*.

283

284

285

286-8

бусть и опредѣляемое: „Какъ поѣхалъ Пляя да сынъ Ивановичъ“; въ началѣ же второго полустіишия *да* ставится и между другими членами предложія. Въ малор. этому *да* соответствуетъ *та*, которое плеонастически употребляется и въ лѣтовисяхъ Лавр. и Ипатской, при чемъ вм. простого *та* употребляется еще *таи* или *той*: «тоже зимы *той* посласта Берестію... *той* ту блюдохъ городъ тѣхъ, *та* идохъ Переяславу» Лавр.—б) *Да* и *та* употреблялись и какъ союзы *соединит.*: «а вы раздравше (=разсоривши) *та* прочь» Новг. I.—«Поѣхаша князи на Городецъ *да* въ Новгородъ» Лавр.—в) *таже* и *тоже*, *тожно*—потомъ: «начаша съча прежде князи, *таже* бояри» Новг. I.—«Ты пожди брата, *тожъ* поидеши» Ibid.

289

4) *же* употреблялось съ разными знач.: а) *же* понудительно-соединительное, какъ и *да*, *та*: «чу *же*»=млр.: «*та* чу»; «иди *же*»=„*да* (*та*) иди“.—б) *же* соединит., которое ставилось *между соединительными* словами, а не постпозитивно: „бѣшеть у Болеслава сыновець 5—Сомовитовичи 2: Кондрать *же* (=и) Болеславъ, а Казимиричи три“ Ипат.—«Дали ему скорлата портъ *же* (=и) чаторъ» Грам. Риж. къ Витеб. кн.—в) *же* препозитивное=противит. *а*: „наведя его къ тобѣ княжо, *же* (=а) къ собѣ въ истобку... и ту... за шию оковаль“ Ibid.—г) *же* постпозитивное=*потомъ*, *также*: „сега взяша... и придоша *же* (потомъ) къ городу“ Ипат.—«Вамъ повѣдалъ, а я повѣдалъ *же* (=тоже) Ипат.—д) *же* плеонастич. въ былинахъ: «Засвисталъ-то онъ во весь *же* свистъ».

290

5) *Еще* нарѣч. на ряду съ союзами *и*, *а*, *да*, *та* также употребляется въ былинахъ плеонастически: «оставался *да* чадо милое *еще* молодой Василій *да* Буслаевичъ».—«Ахъ ты гость, ты купецъ *да* *еще* Митрище».

291

[Другія экзеплетивныя частицы въ былинахъ: *нунъ*, *тутъ*, *здѣсь*, *было*, *былъ*, *бы*, *е*, *ли*, *туда-на*, *свѣгъ-на*, *ужъ* *нанъ*, *нанъ*, *онъ* (постпозит.) имѣютъ болѣе отдаленное отношеніе къ hendiadys. Сюда нужно отнести и повторенія, заполняющія иногда цѣлые стихи].

292-5

Hendiadys въ немѣрной рѣчи при образцахъ безъ *hendiadys* Большаго вниманія по отношенію къ hendiadys заслуживаетъ раздѣленіе атрибутивныхъ сочетаній союзами въ немѣрной рѣчи и внутри полустіиши. Такъ, при образцахъ «*путьъ дорога*», «*кленъъ дерево*» являются: «поѣдешъ ты путемъ *и* дорогою»; «туть стояли же воры *и* разбойнички»; «есть у меня нокоть *и* лихая болѣсть». Тоже въ блрус., малор., серб. и отчасти въ польск. яз.—При образцѣ «*пиръ радость*»: «Володимеръ же прослави Бога о такомъ чудеси Божіи *и* о помощи его» Ипат. (=о чудесной помощи Божіей).—«Сталася намъ такая пригода (случай) *и* жалость» А. З. Р. (=печальный случай).—«Князь... приготовилъ пированіе *и* честь велику» Новг. I (=почестное пированіе); «дани *и* пошлныи», «дани *и* невыплаты»; «то старина *то* *и* дѣянъе» (=старинное дѣяніе), а такъ какъ потомъ „старина“ стало означать „пѣсню“;

то союзомъ *и* стали раздѣляться и такія синонимическія сочетанія: „и тутъ тебѣ старинушку и славу поють“ Гильф.

Отмѣтимъ другія подобныя же сочетанія: „вѣрой и правдой“ (т. е. „по праведной присягѣ“, такъ какъ „вѣра“ въ старину означала и присягу или клятву; отс. „право“, какъ выраженіе божбы); „ратъ и сила“ (= сильная рать: синонимы); „сила и многое множество“ (= множество силы); „видѣвъ же окрестная села бѣжащая въ градъ много же (=и) множество“ Ипат.—Въ мдр: „щастя и доля“ (= щастива доля), „огни та терни“ (= горящіе терны), „цвѣтъ та калина (= цвѣт-калина). Тоже въ серб: „сила и сватови“ (= множество поѣзжанъ), „сила и дажира“ (= множество дьяволовъ), „коло и джевојке“ (= коло джевојачко). Но серб. *сила* въ значеніи *vis* отъ опредѣляемаго союзомъ не отдѣляется и означаетъ не только свойство, но замѣняетъ и самое лицо: „сила Петре“, т. е. не только сила Петра, но и самъ Петръ.—Этому паратактическому сочетанію (сила Петре) въ Гомеров. языкѣ соответствуетъ гипотактическое $\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ ($\beta\acute{\iota}\eta$, $\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$) съ род. п: $\beta\acute{\iota}\eta$ $\text{Ἡρακλῆ}\rho\omicron\varsigma$, или съ прилагат. притяж. $\beta\acute{\iota}\eta$ $\text{Ἡρακλῆ}\epsilon\acute{\iota}\eta$ въ значеніи „самъ Гераклесъ“.—Въ старинномъ рус. яз. въ такомъ же значеніи употреблялось гипотактич. выраж. «сила креста» или «сила крестная», т. е. самый крестъ: „И тако похваляче Бога и силу животворящаго креста поидоша“ Ипат. (Ср. «Богъ заступилъ мя и крестъ честный» Лавр.). Но раздѣльную мысленія обѣихъ субстанцій въ формѣ: «сила и крестъ» (какъ и въ серб: «сила и Петре) не встрѣчается, и только сопоставленіе *силы* и *части цѣлаго* употребительно, какъ напр. въ греч: $\beta\acute{\iota}\eta$ $\chi\alpha\acute{\iota}$ $\chi\epsilon\rho\sigma\acute{\iota}$. Тѣмъ не менѣе „сила“ представляется здѣсь субстанціей и замѣняетъ самую вещь, являясь *двойникомъ* ея.—Въ такомъ же смыслѣ употребляется и «душа», какъ *двойникъ* чловѣка: «душа не принимаетъ», т. е. я не могу штъ, ѣсть; но *душа* употребляется въ серб. и въ *hendiadys*: «блага нъему и нъеговој души» (Серб. нар. п.).

Такое воззрѣніе на душу по отнош. къ чловѣку примѣняется у I. Экз. Б. къ объясненію *единства* и *субстанціальности* лицъ Св. Троицы: какъ *чловѣкъ* и его *душа*, такъ *Богъ* и *Св. Духъ*; какъ *чловѣкъ* и его *слово*, такъ *Богъ* и *Сынъ* (= Слово); какъ *слово* и его *часть духовная* (подъ которою у I. Экз. разумѣется воздухъ), такъ *Слово* (Сынъ Б.) и *Духъ Святой*. Отсюда гипотактическія выраженія съ притяжат. мѣстоим: «*моя душа*» = «я» или собственно *hendiadys* «я и душа», «самъ и душа»; точно также «*моя голова*» = «я» или *hendiadys* «я и голова» (какъ часть тѣла); поэтому выраженіе: «душа и тѣло» = „я самъ“: „мой братъ прибрелъ изъ полону *душею да тѣломъ* (т. е. самъ), а помѣстѣица за нимъ штъ“ А. М. Г.—«Пропадай *моя голова*» (т. е. я самъ). Въ значеніи *двой-*

Отдѣльные образы *hendiadys* въ соединеніи съ именами *правда, сила, душа, голова, доля, счастье, ией и Богъ.*

300

301

302

303

304

ника человѣка, кромѣ «душа» и „голова“, употребляются еще *доля, счастье, быда* и подоб., а потому вмѣсто „я“, „самъ“ говорится: „моя доля“, „мое счастье“. И какъ у всякаго есть свое счастье, своя доля, такъ есть у каждаго и свой богъ, гений; поэтому говорится: „счастливъ *твой богъ*“ (т. е. счастливъ ты самъ).

На основаніи тѣсной связи между лицомъ и его гениемъ, по мнѣнію Потѣбни, можетъ относиться сюда и старин. рус. сочетаніе „Богъ и ты“: „братія идоша къ Антонію и рекоша: постави намъ игумена“. Онъ же рече имъ: „кого хотите?“ Они же рѣша: „кого хочеть *Богъ и ты*“ Лавр., т. е. „ты *съ Богомъ*“.—Выраженіе «*съ Богомъ*», сближенное съ польскимъ и чешскимъ *zbožny*—счастливыи, можетъ означать удачу, счастье (Ср. *szczęśliwy*, т. е. съ частію). Отсюда выраженіе: «ступай себѣ *съ Богомъ*», т. е. счастливо, благополучно. Помимо этого, «Богъ и ты» могло имѣть смыслъ «почетнаго обращенія къ лицу»*), какъ, въ противоположность этому, въ значеніи униженія ругательства, употребляются притяжательныя прилагательныя: *чортовъ, бѣсовъ, вражий*, хотя и не говорится: „врагъ и ты“. А въ нѣкоторыхъ случаяхъ «ты и Богъ» означаетъ, повидимому, *ты одинъ* («Богъ и ты» = „твой Богъ“ = „ты самъ съ собою“ = «ты одинъ»): «земля *Божія и твоя*» Плат., т. е. „ты одинъ въ ней воленъ“**). Что же касается вышеприведеннаго выраженія: „счастливъ *твой Богъ*“, то оно сперва равняется: „ты самъ и твой Богъ, съ которымъ счастье“. Въ силу же связи между субстанціями *ты* и *Богъ*, атрибутъ („счастье“) второй субстанціи („Богъ“) становится атрибутомъ и первой (ты): „счастливъ ты“ = „счастье твое“. Сюда же должны быть отнесены *возвеличительныя* и *уничижительныя* обороты: „твое здоровье“, „твоя милость“, въ которыхъ притяжательное мѣстоименіе „твой“ съ качественнымъ именемъ „здоровье“, „милость“ соответствуютъ *личному* мѣстоименію „ты“: „твое здоровье“ = „ты и твое здоровье“ = „ты“. Напр. „придоша къ Святославу послѣ ис По-

*) Ср. соврем. „обожаемый государь“, лат. *divinus Augustus* И. Б.

**) Слишкомъ смѣло предположеніе Потѣбни проводить здѣсь параллель между выраженіями „ты и *твой гній*“, „ты и *твой Богъ*“ съ одной стороны и лѣтописнымъ „*Богъ и ты*“ съ другой. Въ отвѣтъ братіи къ Антонію подъ *Богомъ* разумѣется, конечно, не *личный* гений или „двойникъ“ Антонія (какъ въ выраженіи „счастливъ *твой Богъ*“, т. е. ты самъ), а Богъ вообще всехъ христіанъ, какъ самостоятельная Субстанція; поэтому въ словахъ братіи «кого хочеть Богъ и ты» субстанціи могутъ быть понимаемы *только раздѣльно*, и никакого отождествленія съ *личнымъ* гениемъ тутъ не можетъ быть. Потому-то и самъ Потѣбня оборотъ „Богъ и ты“ приравниваетъ къ обороту „ты *съ Богомъ*“, а не „ты самъ“. Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать, по моему, и другое лѣтописное выраженіе: „земля *Божія и твоя*“, т. е. сперва Божія, а потомъ твоя, но не твоя исключительно, какъ желалъ бы Потѣбня. И Б.

ловены. тако рекуче: „прошаемъ *здоровія твоего*“ (=спрашиваемъ *тебя*)
Ипат.—„Приѣхали есмь къ тобѣ.. надбючись на Бога и на *твое здорovie*
(=на *тебя*) Ид.

313

Итакъ, изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что *дѣйствія* и *качества* лица при известномъ состояніи сознанія представляются самостоятельными субстанціями, замѣняющими самое лицо и являющимися двойникомъ его. Такія имена дѣйствія

Общій выводъ о *hendiadys*, какъ замѣнѣ паратактическаго сочетанія двухъ субстанцій.

и качества, какъ видѣли прежде (III, 220), сочетаются паратактически съ именами лицъ: „о немъ о *здоровьи*“, „ему его *здоровью*“. Эти же паратактически соединяемая имена и раздѣляются союзомъ въ *hendiadys*: „онъ и его *здоровье*“, „онъ и его *приходъ*“, при чемъ значеніе дѣйствія *лица* можетъ, по связи, получать и имя *вещи*“.

314

Вотъ примѣры: „избавитъ ты отъ *непріязни* (=дѣвола) и *сѣтей его*“ Лавр., „се клянуса *Богомъ* и *его пришествіемъ*“ Лавр., „пришелъ есмь съмо *вась дѣля* и *вашихъ дѣля обидъ*“

Ипат., „сѣде Кондрать.. *сыномъ* королевымъ и *его помочью*“ Ипат., „и азъ *Якова* и *его службу* скажу Государю“ А. Ист. I.—„Видѣтъ *святъ* и *его коловращеніе*“ Гог. Мерт. Д.—Тоже въ мдр. и серб. яз.

315-317

IX.

Переходъ приложеній въ предложенія *).

318

Если приложеніе не согласовано въ надежѣ со своимъ опредѣляемымъ, напр. „межа на *иву*, *вверху суковата*“ (III, 270), то такое приложеніе съ точки зрѣнія *нынѣшняю книжнаго* языка, требующаго единства въ предложеніи, можетъ получать видъ отдѣльнаго предложенія, особенно когда въ приложеніи стоитъ *безчленное* прилагательное или причастіе. По мнѣнію Попова, такіе обороты дѣлаются самостоятельными предложеніями въ томъ случаѣ, если въ нихъ на главный предметъ указывается *посредствомъ мѣстоименія*: „стоитъ конь, *у него* голова наклонена“ (Поп. II. Зв. В. пад., 70), Потѣбня же прибавляетъ къ этому и другой признакъ отличенія предложенія отъ приложенія, а именно—появленіе въ предложеніи *особаго подлежащаго*, состоящаго въ *повтореніи* опредѣляемаго слова: „и руки его назади свяжутъ *веревкою*, *обшита* та *веревка* войлокомъ“. Котош.

319

320

Приложенія, *переходяція* въ предложеніе („туръ *золотые рога*“ — „туръ, на немъ *золотые рога*“), стоятъ въ ближайшей связи съ *при-*

321

*) Въ этой главѣ говорится вообще о переходѣ паратактическихъ предложеній въ гипотактическія, т. е. не объ однихъ опредѣлительныхъ, образовавшихся изъ приложеній, но и о дополнительныхъ. И. Б.

322

даточными глагольными предложениями, которыя не соединены ничѣмъ съ предложениемъ главнымъ; „прислалъ человѣка, *Иваномъ зовутъ*“, по связь эта объясняется не пропускомъ относительныхъ словъ, соединяющихъ придаточное предложение съ главнымъ, какъ думаетъ Буславевъ (Гр. § 240, пр. 4: на четыре березы, (*которыя*) стоятъ на лядинѣ), а сходствомъ по строю, такъ какъ и приложенія, и предложения эти первоначально *паратактичны*, а не гипотактичны, т. е., не связаны относительными мѣстоименіями или союзами. Сходство между ними доходитъ иногда до тождества, благодаря тому, что вспомог. глаг. „*есть*“ можетъ опускаться при причастіяхъ: «образъ пречистые, серебромъ *обложенъ*» (здѣсь «обложенъ» можетъ равняться и «обложенный», и «обложенъ есть», такъ что можетъ быть и приложеніе, и предложеніе). Близостью же приложенія къ паратактическому или не связанному съ главнымъ предложенію объясняется и такое явленіе въ языкѣ, что они стоятъ рядомъ и какъ бы замѣняютъ другъ друга: «посадивъ пѣвня *косы до земли* (прилож.), *а голосъ на увесь свѣтъ идзе* (вм. приложенія: «голосъ на увесь свѣтъ»), и *цуси* самыгранны, *сами ирають*“ Ром. Бѣлор. сб. Въ силу такого сходства между безглагольнымъ приложеніемъ и паратактическимъ глагольнымъ предложениемъ, они и замѣняются *равномѣрно* гипотактическими (связными) придат. предложениями при усиленіи гипотактичности и по мѣрѣ развитія относительныхъ словъ въ языкѣ: и «*туръ золотые рога*», и «прислалъ человѣка, *Иваномъ зовутъ*» равно могутъ перейти въ гипотактич. предложения: «*туръ, у котораго золотые рога*», «прислалъ человѣка, *котораго зовутъ Иваномъ*».

323

Примѣры паратактическихъ придат. предложений.

Другіе примѣры *паратактическихъ* придаточныхъ предложений безъ относительныхъ словъ: «увидѣлъ Бова *старца, щены иребетъ*», «и узрѣ *траву, обвилась около дѣва*». — «Сказали, пріѣхалъ (*никто*)... *Федькою зовутъ* сказался» А. Ю. — «Сказалъ: «корешинко де именуется девятины, *отъ сердечныя скорби держатъ*». — А. Ю. — Въ нынѣш. яз.: «въ степи *просторъ, краю нитъ*» Лѣск. — Тоже и въ мѣрус. яз.

324-325

Взглядъ Корша на паратактическія предложенія и несогласіе съ нимъ Потебни

По мнѣнію Корша («Способы относительнаго подчиненія» 49—50), такіе паратактич. обороты у славянъ составляютъ исключенія и объясняются небрежностью со стороны писателей; но не такъ смотритъ Потебня: онъ думаетъ, что при благопріятныхъ условіяхъ паратактич. придат. предложенія безъ относительнаго мѣстоименія и союза могли бы укрѣпиться въ литературномъ языкѣ, если бы «исконное теченіе нижнихъ слоевъ языка» (т. е. живая народная рѣчь) внесено было въ славянорусскіе переводы и подражательные памятники.

327

328

1) Образцы паратактическихъ предложений съ повто-

Другіе образцы перехода приложеній въ предложения: 1) въ придаточномъ предложеніи повторяется существи-

тельное главнаго предложенія и ставится въ томъ надежѣ, который требуется глаголомъ придаточнаго, при чемъ при существительномъ ставятся обыкновенно *указат.* мѣстоименія и союзы *и, а, же*. Напр. «*есть печера, изъ той печеры исходитъ источникъ*» Дан. Пал.—«*Славѣни прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне*» Лавр.—«*Ту суть двери велики, и къ тѣмъ дверемъ припаде Марія*» Дан. Пал.—«*И есть... купель, въ той купели купался Христосъ*» Дан. Пал.—У Данила Пал. особенно много такихъ примѣровъ, тагъ какъ языкъ его отличается простотою и близокъ къ народному. Впрочемъ, есть у него нѣсколько примѣровъ и гипотактического сочетанія, т. е. съ *относит.* мѣстоим.: «*въ ночь, въ нюже преданъ бысть отъ Иуды*». Въ мдр. яз.—тоже.

2) Въ придаточномъ предложеніи существительное главнаго замѣняется лишь *однимъ личнымъ мѣстоименіемъ* (*и, онъ*): «*И ту есть пущь земной, создана же надъ нимъ комара*» Дан. П.—«*Коробка, въ нее уловныя деньги кладуть*» А. до Ю. Б. Тоже въ мдр. и у Гомера (Od. IV, 354).—Примѣры этого рода образцовъ уже ближе подходятъ къ придаточнымъ предложениямъ съ *относит.* мѣстоименіемъ: а *изъ нея*—*изъ неяже*—*изъ которой*, и потому образцы перваго рода (съ повтореніемъ существительнаго) должны считаться древнѣйшими. Ближе такъ же подходятъ къ относительнымъ придаточ. предложениямъ паратактическія предложія и съ указательными нарѣчіями *ту, тамо* вм. относительныхъ *иде-же, кдѣ, когдѣ* и пр.: «*Оттуду до Хіа острова 100 верстъ, и ту лежить св. мучен. Сидоръ*» Дан. Пал.—Примѣры съ *иде же*, какъ и съ *иже* у Дан. Пал. встрѣчаются рѣже; «*и ту есть баня, идеже работалъ Іоанъ*».

По отношенію къ возникновенію предложій съ *относительнымъ* мѣстоименіемъ важны тѣ случаи, въ коихъ *соединит.* союзъ *а* стоялъ не при косвенномъ, а при *именит.* падежѣ указательнаго мѣстоименія: «*а онъ*», «*а они*»: «*Славяне... разгониша Зарѣчанъ, а они безъ досѣха были*» Новг. I.—«*Да, на березу да на ель, а онъ стоять вмѣстѣ среди болота*». А. Ю. Въ рус. яз. это теченіе прекратилось, а въ чеш. оно дало *относит.* мѣст.: *an*—который (изъ «а онъ» чрезъ стяженіе), *ani*; въ польск. *ano* (что): «*palezi je, ani sri*» (нашелъ ихъ, которые спятъ =а они спятъ).

3) Придаточное паратактическое предлож. можетъ относиться не къ имени главнаго, а къ *сказуемому*, и потому слѣжить переходомъ къ *дополнительному* гипотактическому предложенію съ союзомъ, при чемъ подлежащее въ придаточномъ должно быть налично: «*и увидѣлъ N, старецъ щепы гребетъ*».—«*И будетъ у которыхъ государей отъдала, дочери есть, ...и ты бы о томъ мнѣ отъказала*» А. З. Р.—Тоже и въ мдр., въ сербскомъ же яз. вмѣсто опускае-

реніемъ существительнаго главнаго предложія.

2) Образцы съ личнымъ мѣстоимен. вм. существительн. глав. предложія.

Большая близость этихъ образцовъ къ гипотактич. придат. предлож.

320

330

331

332

312

333

334

ныхъ *относительныхъ* словъ (союзомъ и мѣст.), которые должны бы связывать дополнительное предложіе съ главнымъ, употребляется *соединительный* союзъ *па, те* (=рус. *и*, новогреч. *καί*;) «Ој снашице... Шта је тебѣ, *па* (=что) ти не говориш?» Рајнов, Срб. нар. н.—Эти союзы замѣняютъ собою а) *что*, б) *такъ что* и в) мѣст. *который*. Въ чешскомъ этимъ союзамъ соотвѣтствуетъ *a*.

X.

Мѣсто придаточ. предложеній съ относительнымъ словомъ по отношенію къ главнымъ.

Отличіе современнаго яз. отъ стариннаго въ постановкѣ относительныхъ словъ.

Нынѣшній литературный яз., стремясь къ объединенію главнаго и придаточнаго опредѣлит. предложенія, обыкновенно ставитъ относительныя мѣст. непосредственно *послѣ* опредѣляемаго имени, которое уже не повторяется въ придаточномъ, такъ какъ относит. мѣстоименіе вполне *замѣняетъ* его; напр.: «человѣкъ, *который* (что) приходилъ вчера, сказывалъ»... Не то замѣчается въ языкѣ старинномъ, когда придат. предложеніе сознавалось болѣе самостоятельнымъ, чѣмъ теперь, и когда связь и объединеніе его съ главнымъ были еще слабы: относит. мѣстоименія въ то время могли ставиться въ постпозитивныхъ придаточныхъ предложеніяхъ и не непосредственно послѣ опредѣляемаго имени, которое при этомъ даже повторялось въ виду неопредѣленности значенія относительнаго мѣстоименія, которое не могло замѣнять собою имени.—Вотъ примѣры *постпозитивныхъ* придат. предложеній.

Постпозитивная постановка придаточ. предложеній и образцы ихъ.

Съ мѣст. *иже*: «Днѣпръ втечетъ въ Понетское море жереломъ, *еже* море словеть русское» Лавр.*).

Съ мѣст. *который*: «послаша Псковичи ...просити князя во Пеговъ на Псковской старинѣ, *который* князь Пскову любѣ» Псков. I.—«Я могу теперь своей *саблей* владѣть, *которая* сабля во сорокъ пудъ» Гильф.

Съ мѣст. *нановъ*: «по сдѣланной *записи*, *какову* запись мнѣ дали...

Съ мѣст. *кой*: «Спустилъ онъ туды *злачень перстень* а въ эту-то чашу княженецкую, *коимъ перстиемъ* они обручались» Гильф.

Большая самостоятельность старинныхъ опредѣл. предлож.

На большую же самостоятельность придаточныхъ опредѣлительныхъ предл. стариннаго языка и меньшую связь ихъ съ главнымъ указываютъ еще и слѣд. особенности.

1) Относит. мѣстоименіе и безъ повторенія опредѣляемаго существительнаго можетъ далеко стоять отъ него: «*Всеславъ*, сынъ Брячислава, сѣде на столѣ его, *его же* (т. е. Всеслава) роди мати отъ волхвованія» Лавр.

*) И теперь можно сказать: «*каково* море называется. И. Б.

2) Относит. мѣст. можетъ не согласоваться въ *числѣ* съ опредѣляемымъ именемъ: «И ту умыкаху *жены* себя, *съ нею* же кто совѣщашеся»^{*}).

3) Опредѣляемое имя а) опускается въ главномъ (но въ придаточномъ можетъ оно повторяться при относит. мѣстоименіи): «положиша и у св. *Спаса*, *юже* (т. е. церковь) самъ заложилъ» Лавр.—«Приказалъ казнить вѣшати (мужиковъ), *которыя мужики* были главные въ Угличѣ» Др. Р. Стих.

б) Или же опредѣляемое имя «не опускается, а указывается лишь общимъ смысломъ»^{**}): «Словѣни (и)же съяху по Дунаеви... Морова, и Чеси, и Ляхове, и Поляне, *яже* нынѣ зовомая *Русь*. Симъ бо первое преложены книги Моравѣ, *яже* прозвася *грамота* словѣньская, *яже грамота* есть в Руси и в Болгарѣхъ Дунайскихъ» Лавр. 25.—«Самъ же боляше велми, *въ ней же болести* и скончася» Лавр.—«И ненавида его пошлютъ на шую царскую службу, *котораю* ему *дѣла* исправить немочно» Котош.

в) Относит. мѣстоименіе могло относиться къ предполагаемому существительному, образованному отъ им. *прилагательнаго*, находящагося въ *глав.* предложеніи: «Славяще Бога и *крестную* силу, *его же* (т. е. крестъ) переступили бяху Ростовци» Лавр. (Ср. III, 300). Но это существительное, образованное отъ прилагательнаго, могло стоять и налицо въ *придаточн.* предложеніи: «дается на *церковное* строеніе, *которыя* церкви бывають разорены» Котош.—Точно такъ же употреблялось въ прид. предл. относит. мѣстоименіе *что* въ разныхъ падежахъ, при отсутствіи въ главномъ соотвѣтственнаго указательнаго мѣст. *то*: «носылается хлѣбное жалованье (тѣмъ), *чьмъ* мочно сытымъ быть» Котош.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда относит. мѣстоименіе не замѣняетъ существительнаго, а стоитъ вмѣстѣ съ нимъ и *впереди* его,—придаточ. предложеніе можетъ ставиться *препозитивно* по отношенію къ главному. Напр. «*котораю* князя *хочете*, и язъ вамъ того дамъ» Пск. I.—Препозитивность эта объясняется тѣмъ, что здѣсь въ придаточномъ предложеніи изображаются такія воспріятія, которыя *предшествуютъ* содержанію главнаго предложенія, а потому подобный строй рѣчи долженъ считаться вполне естественнымъ и болѣе первообразнымъ, чѣмъ постпозитивныя придат. предложенія. Доказательствомъ этого, между прочимъ, служитъ то, что препозитивность придаточныхъ предложеній была широко распространена въ разныхъ языкахъ болѣе древняго *строю*, напр. въ древ. индійскомъ, древнемъ латинскомъ («*quos* *rueros*

Постпозитивная постановка придаточныхъ предложеній и смыслъ ихъ.

^{*}) Это же и въ соврем. языкѣ: „съ *которою* кто сговорился“. И. Б.

^{**}) По приводимымъ ниже примѣрамъ слѣдовало бы ожидать приблизительно такой редакціи: „опредѣляемое имя въ глав. предложеніи указывается лишь общимъ смысломъ и тѣмъ существительнымъ, которое находится въ придат. предл., при чемъ относит. мѣстоименіе согласуется съ именемъ *придаточнаго* предложенія“. И. Б.

344 miseram, epistolam mihi attulerunt» Cic.), при чемъ ошибочно мнѣніе, будто бы здѣсь существительное переносится изъ главнаго предложенія и есть такъ наз. *πρόληψις* (Ср. II, 322). Вотъ примѣры изъ стар. рус. языка на *препозитивныя* прид. предложенія.

Образцы *препозитивныхъ* прид. предложеній.

Съ мѣст. *иже*: «*ихъ же* имяху *половянки*, овѣхъ *посѣ-* каху, другія же *мучаху*» Ипат. При этомъ существительное могло обращаться въ именит. *самост.* (II, 200), и тогда опредѣлит. придат. предл. дѣлалось *постпозитивнымъ*: «*конь*, его же *любиши...*, отъ того ти *умрети*» Лавр. (зм. *его же коня любиши*).

Съ мѣст. *кто, что*: «А *кто* въ *ѣствѣ* и въ *пити...* не чисто *стряпаеть*, и во всякомъ *мастерствѣ што* украдетъ или *прилжетъ...*, и *тѣ* всѣ *дѣла* не *угодны* Богу» Домостр.—«И они бѣ *послы*, о *чемъ* они *посланы*, *дѣла* свои бояромъ *объявили*» Котош.

345 Съ мѣст. *который*: «*которые* люди *кабальные...*, и они бы шли въ *государскую службу*» Новг. 1572 г.—«Въ *города*, *которою* *ѣхать* *дорогою*, *посылають* *грамоты*» (т. е. тою *дорогою*). Котош.—Въ *млр.*—тоже самое, и притомъ *который* сохраняетъ часто значеніе стар. русское и ц.-слав.: «*который* *изъ* *двухъ* или *изъ* *мношхъ*».

346 Съ мѣст. *накой, наковъ*: «А *какову* есмь *грамоту* *писаль*, и *язъ* съ тоѣ *грамоты* *послаль* къ тебѣ *списокъ*» А. З. Р.

347 Съ мѣст. *кой*: «А *когою* *стороною* по *улицѣ* *Христось* *ведень*, и *та* *дорога* *вымощена* *камнемъ*» Пут. Лукъян.

Препозитивныя прид. предложенія употребляются не только съ мѣстоименіями, но и съ *частичками относительными*: *что, сколько, куда, гдѣ* *).

348 *Что* съ им. и вин. имени соответствуетъ препозитивнымъ самостоятельнымъ именительному и винительному (Ср. II, 201) съ частицею *а*, съ которою встрѣчается даже рядомъ: «*а что* село Павловское... то даю *княгъни* своей» Собр. Г. Гр.

349 *Что* съ род. въ значеніи *сколько*: «*а что* есмь *придобылъ* *золота...*, а то есмь *далъ* *княгъни* своей» Гв. При этомъ иногда союзъ *что* тяготеетъ не къ имени, а къ глаголу: «*что* *прислали* *рада* *литовская...* *грамоту*, и *язъ* *противъ* тоѣ *грамоты...* *написаль*» Ак. З. Р.

Съ част. *сколько*: «*а сколько* *ихъ* *пословъ* *будетъ...*, и на *тѣхъ* *пословъ* *готовяють* *платье*» Котош.

350 Съ част. *куда* и *гдѣ*: «*А куда* *пошло...* *ѣздити* по *волости*, *ѣхати...* по *Петровѣ* *дни*».—«*А гдѣ* *бывають* *послы...* на *посольскихъ* *дворехъ*, и на *тѣхъ* *дворехъ...* *поставлена* *бываетъ* *вахта*» Котош.

*) По недосмотру, конечно, Потѣбня называетъ мѣстоим. *сколько* «частицею» наряду съ *куда* и *гдѣ*, а рав. обр. и *что*, которое въ большинствѣ приводимыхъ примѣровъ является мѣстоименіемъ и лишь въ сочетаніи съ глаголомъ оказывается союзомъ. И. Б.

XI.

Предикативность существительнаго.

351

Подъ предикативностью существительнаго Потебня раз-
умѣетъ въ старинномъ языкѣ (а также и въ новомъ, какъ
архавзмъ) употребленіе существительнаго съ глаголами обща-
го значенія (быть, стать, жить и пр.) *вмѣсто простого гла-*
гольнаго сказуемаго, при чемъ *nom. agentis* входитъ въ составное *сказуемое*:
«сюда я больше *не ѣздохъ* (вм. не ѣзжу), а *nom. actionis* и сущ. *качества*
дѣлаются *подлежащимъ* такого «сказуемаго, которое по общности своего
значенія является *недостаточнымъ* для выраженія сказываемаго»: *жалоба*
моя (есть) вм. «я жалуюсь»^{*)}.

Употребленіе
существитель-
ныхъ съ глаг.
быть *стать* вм.
простого глагола
и древности та-
кого употребле-
ніи.

Въ противоположность Буслаеву (Гр. § 260, 261), который признаетъ ³⁵²⁻³⁵³
сокращеніе предложеній или *переходъ прилагательнаго и глагола прида-*
точною предложенія въ существительное («виновникъ» вм. «тотъ, кто
виноватъ», «моя неволя» вм. «я не воленъ»),—Потебня утверждаетъ со-
гласно съ прежде сказаннымъ (II, 117, 118), что теорія сокращенія пред-
ложеній ошибочна и что не глаголь и прилаг., *какъ болѣе отвлеченныя*,
могутъ переходить въ существительное, а наоборотъ существительное—въ
глаголь и прилагательное. Поэтому и обороты: «я не ѣздохъ», «жалоба
моя», «моя неволя» (старин. «неволя ми») должно считать болѣе древними,
чѣмъ соответствующія имъ выраженія: «неѣзжу», «жалуюсь», «я неволенъ».
Трудно даже понять, гов. Потебня, въ чемъ состоитъ *сокращеніе*: «моя не-
воля» изъ «я неволенъ», такъ какъ количество членовъ остается *одно и то же*.

Переходъ глаголовъ въ имена въ *древнѣйшій* будто бы періодъ Бу-
слаевъ основываетъ на *первообразности* и *конкретности* глагола по срав-
ненію съ именемъ: глаголь, по ученію о первообразности глагола, нагляд-
нѣе де чѣмъ имя, слѣд. именное сказуемое *отвлеченнѣе* и должно относиться
къ позднѣйшей формаци. Потебня же, согласно съ прежде сказаннымъ (III,
14—25), признаетъ глаголь и прилагательное *отвлеченнѣе* существительнаго,
ибо послѣднее можетъ означать *весь чувственный образъ*, а не одно дѣй-

354

^{*)} Однако изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что и *nom. agentis*, и *nom. actionis* употребляются не только въ качествѣ сказуемаго и подлежащаго, но и дополненія съ сохраненіемъ глагольнаго или, какъ выражается Потебня, *предикативнаго* своего значенія. Въ виду этого я позволилъ себѣ далѣе (III, 358 и слѣд.), не измѣняя порядка изложенія Потебни, видоизмѣнить нѣсколько рубрики его, а именно—вмѣсто трехъ подраздѣленій: а) *nom. agentis* въ качествѣ *сказуемаго*, б) *nom. ag.* въ качествѣ *подлежащаго* и в) *nom. actionis* я допустилъ только два: а) *nom. agentis* и б) *nom. actionis*, при чемъ и тѣ и др. существительныя разсматриваю по ихъ употребленію въ качествѣ сказуемаго, подлежащаго и дополненія (въ косвенныхъ падежахъ). И. Б.

ствіе или качество субстанціи. И такъ какъ языкъ идетъ отъ наглядности къ отвлеченности, а не наоборотъ, то и предикативность существительнаго должна увеличиваться по направлению къ древности.

355 Того же взгляда, какъ на предикативное существительное, держится Буслаевъ и на выраженія *описательныя*, напр. *держатъ рѣчь* вм. простого глагола *говорить*, представляющаго собою *разложеніе* дѣйствія на глаголь и имя (Гр. § 257). Но если бы «описание» было разложеніемъ глагола (т. е. переходомъ его въ имя), то въ позднѣйшемъ языкѣ такихъ разложеній встрѣчалось бы больше, чѣмъ въ древнемъ, на дѣль же приводимые Буслаевымъ примѣры изъ былинъ, какъ остатки старины, чужды нынѣшнему литератур. языку: *опочивъ (отвѣтъ, путь) держать, жалобу творить, повѣзду чинить* и т. п., между т. примѣры, какъ «*метахъ жрѣбиѣ*» (Остр. Е.), восходятъ къ глубокой древности и болѣе наглядны, чѣмъ «*жеребевать*», или «*крестъ власть*», чѣмъ «*креститься*».

357 Наконецъ, архаичность предикативности существительнаго, по словамъ Потебни, сказывается въ его *миѣчности*, проявляющейся въ томъ, что имя *дѣйствія* представляется именемъ *дѣйствователя*, что чувствуется нерѣдко и донынѣ: «*рѣчьхъ мой ко мнѣ пришелъ*» вм. «*я согрѣшилъ*», «*на тебя эту почъ сна нтъ*» (Аблес.) вм. «*тебѣ не спится*» и т. п.

358 Существованія съ глаголами общаго значенія вмѣсто простого глагола въ старинномъ языкѣ, а также и въ новомъ, какъ архаизмъ, употребляются:

Случай употребленія существительныхъ съ глаг. бытъ, стать и др. вм. прост. сказуемыхъ.

Ном. *agentis* съ глагольнымъ значеніемъ.

а) *nom. agentis*, какъ *предикативный атрибутъ* въ *составномъ сказуемомъ*, при чемъ въ болѣе древнемъ яз. такое сказуемое обозначаетъ не только постоянный признакъ дѣйствителя,

но и *возникновеніе* признака, какъ въ простомъ глаголѣ. Напр. «*аще придуть на тя Русскыѣ князи, то мы ти будемъ помощници*» Лавр. — «*А впредь де онъ о подмосковномъ помѣстьѣ не челобитчикъ*» (=не будетъ просить). А. до Ю. Б. — Съ такимъ же значеніемъ употребляются *отместникъ, самовидецъ, начальникъ, досадникъ, посульникъ, злоиматель, оберегатель, несильникъ* (=кто не насилуетъ); въ былинахъ: *ходоки, знатки, трудница, работница, бральщица, ломальщица, портомойница, уютница*; «*ночлежникъ-одолженникъ*» (=кому даютъ ночлегъ, того одолаютъ); въ литер. яз.: «*не ѣздокъ*», «*не чтецъ*» (Гриб.). Тоже въ серб. и польск. яз. — Съ такимъ же глагольнымъ значеніемъ употребляются подобныя существительныя и въ *косвенныхъ* падежахъ: «*искать думщиковъ да совѣтниковъ*», т. е. такихъ, которые бы подумали да посоветовали, при чемъ *nomina agentis* принимаетъ послѣ себя дополненіе въ тѣхъ же падежахъ, что и послѣ *verba finita*: *оберегатель отъ чего, ходокъ по земль*, за исключеніемъ *внѣшняго*, вм. котораго ставится послѣ *nom. agentis* дат. или род.:

359

360

361

«бральница *яодамъ* или *яодъ*. Въ др.-индійскомъ же и санскр., а изъ по- 362-367
выхъ въ латыш., употребляется и винительный п. — *Nomina agentis* съ гла- 368
гольнымъ значеніемъ употребляются и какъ *подлежащія*: блр. «лугамъ зе-
ленымъ *косиы будуць*, хоромамъ новымъ *жилыы будуць*»; вар. «отворяйся 369
дверь дубовая... идутъ банныя *истопищички* подружки да *водонощички* (т. е.
идутъ подруги *топить* баню и *носятъ* воду). — То же и въ литов.-лотыш. языкѣ.

б) *Nomina actionis* и *качества* съ глагольнымъ значе- Non actionis
ніемъ употребляются такъ же какъ и ном. *agentis*, то въ съ глагольнымъ
качествѣ подлежащаго и изрѣдка сказуемаго, то въ качествѣ дополненія значеніемъ.
(въ косвенныхъ падежахъ), при чемъ дѣйствующее лицо (ном. *ag.*) при та-
кихъ именахъ съ мнимой субстанціей выражается или притяжательнымъ
мѣст. и прилагательнымъ, или дательнымъ *commodi*: «воля моя (есть)»,
«воля ми (есть)», а если имя дѣйствія стоитъ въ качествѣ сказуемаго, то
оно получаетъ значеніе имени дѣйствителя*): „дочь дворянская... твоимъ
плечикамъ не *подмоушка*, бѣлымъ рученькамъ не *замънушка*“ Шейнъ,
Рус. нар. п. — Въ болѣе позднемъ яз. *nomina actionis* въ оборотахъ этихъ
вытѣсняются прилагательными и нарѣчіями («я *воленъ* есмь», «*страшно*
смотреть» - изъ „страхъ (есть) *смотреть*“).

Примѣры такого употребленія имени дѣйствія и качества встрѣчаются 370-371
и въ древ., и въ новомъ языкѣ.

Имена на **ъ** (ь) муж. р.: „и *слухъ бысть* (*ἰχθὺσθη*) (Остр. Ев.). —
„Володимеръ же нача вопрошати... куда *выходъ* его изъ Ляховъ“ (=куда
онъ пошелъ) Ипат. — „Бываетъ *имъ отпускъ* (= отпускають ихъ) Котош. —
„Не *обычай* тому есть“ Ibid. — „Я знаю, какой гдѣ *птииш* болѣ *водъ*“ Кр. —
Сюда же относятся обычные донынѣ выраж.: *страмъ*, *стыдъ*, *страхъ* при- 372
знаться=стыжусь...; *рпхъ* сказать и т. п. — Съ тѣмъ же значеніемъ п. *ac-*
tionis употребляются и въ косвенныхъ падежахъ: „а великаго *пѣду нптутъ*“
Ипат. (= *пхатъ* не далеко), „*ходу* три мѣсяца (=идти 3 мѣсяца), „того
описать не *въ память* (=не припомню) Котош. — „Слышавъ *приходъ* князя“ 373
(=что пришелъ князь); никому нѣтъ *спуску*, *удержу*, послѣ *просроку*,
дать *промахъ*, *отъ роду*, *съ роду*, *въ счетъ*, не *въ счетъ*, не *въ догадъ*, 374
не *въ домакъ*, не *въ мочь*, не *въ терпежь*, не *въ примѣръ*, въ *истому*,
въ *стыдъ*, не *въ силу* и т. п.

Имена на **е** и др. сред. р.: «ту *ваю ятье будетъ*» (=будете схва- 375
чены) Ипат. — „Како есть *княженіе* свата моего“ (какъ онъ княжить) Ib.;
съ такимъ же глагольнымъ значеніемъ употребляются: *стенаніе*, *сидѣніе*,
помраченіе въ солнцы, *сбытіе* (исполненіе), *хотьніе* мое, *непоюдые*, Божіе
непособіе, *хоженіе*, *шествіе*, *престатіе*, *наказаніе*, *умноженіе*, *пробужде-* 376

*) Этотъ случай употребленія *nominis actionis* взять мною изъ 351 стр.,
гдѣ издатели помѣстили его въ скобкахъ. И. Б.

377 *ніе, приведеніе мое* (=то обстоятельство, что я привелъ), *веселье, прокорм-*
 378 *леніе, дѣло* и др.—Въ *косвенныхъ надежахъ*: «Въ тѣхъ дни... мертвымъ
 379 *потребенія не бываетъ*» Котош.—„Не живеть (бываетъ) *вставаньца* послѣ
 380 *твоего живаньца, бываньца*“ Рыбн. (Ср. „по моемъ животъ“ Ипат. „по-
 381 *слѣ его вѣку* долгаго“ Кирш. Дан.).—«И быеть *сѣднѣя ею* Киевѣ» Ипат.,
 382 *житія ею* во Псковѣ 12 лѣтъ Пск. I.—Съ такимъ же значеніемъ употре-
 383 бляются *ставленѣе, медленѣе, приятѣе, послушанѣе, убійство, сожженіе*,
 въ народ. пѣс.: *сиротаньце, покликаньце* и др.

Имена жен. р. на а, я, ь, зиа: *подоба* есть, *на потребу* намъ (=трѣ-
 381 *бѣ), намъ неволя, неволя ми, вина ею, твоя обида* будетъ (=ты будешь
 382 *обиженъ), «побѣданы* есть на Угры» Лавр.—«Быеть *раюза* Новгородцемъ
 383 *со Псковичи*» Пск. I., «быеть *радость*» Пв.—«*велика сила*» (=на сколько
 384 *я силенъ).*—Употребляются еще: *порука, истора, волокита, жалоба моя*
 385 *на кого, честь* (=честованіе), *помощь, непоможь, печаль, скорбь, вѣсть*
 386 *(извѣщеніе), ваша мысль* (вы мыслите), *охота* (=хочется), *впра* (=вѣ-
 387 *рится), похвальба, срамота моя* (=срамно мнѣ); то же въ бѣлор., малор.:
 388 *нема красы, неволя твоя—разлука моя, недоля моя, досада, орада,*
 389 *зуба, шкода.* Въ влр. на ка: *пѣсылка, ссылка, зашпика, присылка, за-*
 390 *писка* (записыванье), *ставка, пытка, прибавка, поыздка.*—Въ пол. и серб.
 391 *помина actionis* съ глаг. *быть, стать* также употребляются въ этомъ смыслѣ,
 392 *а въ влрус. къ глаголамъ общаю значенія прибавляются еще стоить, ле-*
 393 *жить, живеть*: «цѣна *стоитъ*», «цѣна *лежитъ*»; «и *пришедъ да снявъ*
 394 *платице... упрятать, гдѣ то живеть*»—Домостр. Въ латыш.*) яз. имена
 395 *дѣйствія*, особенно уменьшительныя, столь же употребительны съ глаголь-
 396 *нымъ значеніемъ, какъ и пом. agentis.*

397 *Глагольнымъ и-* Къ именамъ съ предикатив. значеніемъ слѣдуетъ относить
 398 *на съ энкезге-* и такіе образцы, въ которыхъ глагольное имя *поясняется*
 399 *тисческимъ послѣ-* и такимъ придаточнымъ предл., напр. «Псковское *взятіе, како*
 400 *нихъ придат.* *цѣлымъ придаточнымъ предл., напр. «Псковское взятіе, како*
 401 *предложеніемъ.* *взятъ и* (т. е. Псковъ) Ки. Вел. Вас. Ив-чъ». *Эпкезгетич-*
 402 *ность* (ἐπεζῆγυεσις) такихъ придаточныхъ предложеній, являющихся съ позд-
 403 *нѣйшей точки зрѣнія плеоназмомъ, Потебня сопоставляетъ съ оборотами*
 404 *post v. sentiendi: «ею многіе узнали, что онъ» не прямой царевичъ Димитрій».*
 405 *Котош. (Ср. II, 322-4), и объясняетъ слѣд. обр. Сначала мысль вполне*
 406 *удовлетворялась предикативностью имени: «пославъ испытай когождо ихъ*
 407 *службу Богу». Затѣмъ, вслѣдствіе ослабѣвавшей предикативности имени*
 408 *(служба) должно было появиться глагольное его толкованіе сначала, б. м.,*
 409 *паратактичное, а потомъ гипотактичное съ относительными словами: «ис-*
 410 *пытай когождо ихъ службу Богу, како служить» (Ср. post v. sent: «увѣ-*
 411 *даша князя идуча» — паратакт. сочет. и затѣмъ «увѣдаша, же князь идетъ» —*

*) О литов. яз. Потебня ничего здѣсь не говоритъ. И. Б.

гипотак. сочет.). Наконецъ, глагольное имя въ глав. предлож. *замѣнилось* указательнымъ мѣст., которое могло вовсе опускаться передъ относительнымъ словомъ: «пославъ испытай (то), како кѣждо ихъ служить Богу», и так. обр. все лексическое содержаніе *именнаго* оборота (служба) перешло въ *глагольное* придат. предложеніе. Всѣ эти три ступени встрѣчаются уже въ первыхъ памятникахъ рус. письменности, но чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ менѣе обычны первый и второй обороты, какъ древнѣйшіе. На второй ступени могли возникнуть *hendiadys*, какъ напр. и есть въ Лавр. лѣт.: «пославъ испытай когождо ихъ службу *и* како служить Богу».

393

Эпекзегетическія придат. предложенія относятся:

а) *кѣ имени дѣйствователя* (въ рус. яз. мало такихъ примѣровъ): «сытенный дворъ... а въ немъ чиновные люди... *винокуры, пивовары...* которые вино курять и пиво варять». Котош.

Эпекзегетическій прид. предл. а) при *nom. ag.*, б) при атрибути *nom. ag.*, в) при именахъ мѣста дѣйствія и г) при *nom. actionis* и *acti.*

б) Придаточныя предл. служатъ поясненіемъ *атрибута* при имени глав. предл.: «того же числа *приводной* крестьянинъ, *что приведенъ* въ отбѣв..., *распрашиванъ*» А. Ю.

в) Прид. предл. *при имени мѣста дѣйствія*: серб. «кад су били горе у планине на *појило*, *идје се поји* стадо» *).

394

г) Придат. предл. *при nom. actionis* и *acti*: «повѣдаю *трудъ* свой, *оже* (=что) ся есмь *тружалъ*» Влад. Моном.—«А помнилъ бы еси, отче, свой *обѣтъ*, какъ ся еси *обѣщалъ*». Другія выраженія: «о *начати* Галича, откуда ся *почалъ*», «до *живота*, доколѣ еси живъ», «нача *некати* *пошилъ*, какъ *пошло*», «*приода*, которая се намъ *приодила*», «на *присъли...* яго въ *присягнули*», «о *судъ*, како *судити*», «нужа, что ихъ *нудятъ*», «*жалованье*, что меня *жалуешь*», «*писанья*, что *писалъ*», «*наказъ*, какъ тебѣ *наказовалъ*», «*купля*, что *купилъ*», «*владѣнья*, чѣмъ *владѣли*», «*промыслъ*, чѣмъ стану *промышляти*», «*кочеванья*, гдѣ *кочевалъ*», «*выходъ*, какъ *вышли* со кресты» и т. п. Такіе же образцы есть въ млр. и серб. яз.

395-6

Эпекзегетическія придат. предл. могутъ относиться и къ такому *имени дѣйствія*, котораго *нѣтъ* *налицо въ главн. предложеніи*. Напр.: «о дружкѣ, како *ходитъ* царя спрашивать о здоровѣ» Котош. Здѣсь придаточное предл. служитъ поясненіемъ не имени дѣйствователя (дружка), а его дѣйствія—*хожденія* къ царю, и потому, при *именномъ* строѣ, этотъ образецъ былъ бы выраженъ такъ: «о дружкѣ о *хожденіи*» или позднѣе: «о дружковѣ *хожденіи*» (Ср. III, 220)—«о *хожденіи* дружка къ царю со спросомъ о здоровьи», а при *нынѣшнемъ* глагольномъ строѣ: «о томъ, какъ дружка *ходитъ*»... Такихъ примѣровъ у Котош. очень много: «о *попѣхъ* и о *чернецѣхъ*, какъ ихъ *кормятъ*», «о *посланницѣхъ*, какъ ихъ *принимаютъ*»,

Эпекзегет. прид. предл. къ *подразумѣваемому* имени дѣйствія при *nom. ag.* и современная *замѣна* такихъ оборотовъ.

397

398-9

*) Почему-то русскихъ образцовъ здѣсь у Потебни не приведено. И. Б.

«о ворѣхъ, что ихъ для свадьбы выпускають» и т. п. А рядомъ съ такими образцами встрѣчаются и прямо придат. предложения безъ п. *agentis* въ *главномъ*: «какъ къ посламъ посылается стольникъ», или же «одни относительные субъекты безъ придаточныхъ предл.»: «о свадьбѣ, и о вѣнчаніи».

Предикативныя имена, особенно въ оборотахъ болѣе поздняго типа, стали терять свою субстанціальность, отчасти замѣняясь образуемыми отъ нихъ именами прилагательными, отчасти же перехода изъ субъектныхъ оборотовъ въ безсубъектные, какъ напр. «страхъ *было* смотрѣть» изъ «страхъ *былъ* смотрѣть», при чемъ въ безсубъектныхъ оборотахъ прилагательныя стали переходить въ нарѣчія: «*страшно* было смотрѣть, *страшно* видѣть,

400
Переходъ предикативныхъ именъ въ прилагательныя и личныхъ оборотовъ въ безличныя.

что»... Такимъ образомъ, въ литератур. языкѣ, съ одной стороны, образуется множество прилагательныхъ отъ именъ дѣйствія, а съ другой возникаютъ безсубъектные обороты.

Прилагательныя образуются а) отъ *nom. agentis* на *тель*: «N *мучителенъ*» изъ «N есть *мучитель*», принудителенъ, обременителенъ, рачителенъ, разрушительенъ, доброжелателенъ, расточителенъ и др., которыя въ простонарод. рус. яз. необычны съ суф. *теленъ*.

б) Отъ *nom. actionis*: «N *обиденъ*» изъ «обида (есть) N-у», „я *дивенъ*“ изъ „диво (сущ.) мнѣ есть“, при чемъ прилагательныя эти получаютъ двойное значеніе, судя потому, образованы-ли они изъ имени дѣйствія а) какъ подлежащаго, или б) какъ сказуемаго или объекта въ косвенномъ падежѣ: а) изъ „диво (подл.) мнѣ есть“ является прилаг. *дивенъ* (съ значеніемъ *удивляюсь*), б) изъ „я (есмь) диво“ является „я *дивенъ*“, т. е. *удивляю*; изъ „я при страѣ“ происходитъ прилагательное „*пристрашнъ*“, т. е. *внушаю страхъ*.—Въ новомъ литератур. яз. прилаг. эти преимущественно употребляются со вторымъ значеніемъ, въ старинномъ же употребляются и съ первымъ. Напр. съ первымъ значеніемъ: „А *обидному* (=обиженному) на рубежи судъ“ Новг. Гр. 1318 г.—... „Чтобы литовскіе люди отъ государевыхъ людей были *страшны* (=устрашены)“, „почали быть *ужасны* (=стали приходиться въ ужасъ)“, *убыточенъ* (=въ убыткѣ), *честенъ* (пользуется уваженіемъ), *ратенъ* (у кого рать съ другими), *миренъ* (у кого миръ съ др.), *воленъ*=у кого воля (Ср. II, 378—9; 414—8), *виненъ* (повиненъ), *тгчѣнъ* (цсл.)=равенъ (=кому есть тѣтъ), *прѣльстѣнъ*=прельщенный (Избор. 1075), *доходный* не только прибыльный, но и *доходящій*: „моя молитва къ Богу *доходна*“.

401
Съ такимъ значеніемъ прилагательныя отъ именъ глагольныхъ употребительны въ мдр., серб. и польск. яз.

Кромѣ перехода предикативныхъ существительныхъ въ прилагательныя, потеря субстанціальности именами выразилась еще въ *устрашеніи подлежащаго*.

XII.

Устраненіе подлежащаго.

„Подлежащее“ и „сказуемое“ взаимно предполагаютъ другъ друга и въ этомъ смыслѣ суть понятія *относительныя*; „безубыектность“, т. е. отсутствіе опредѣленнаго подлежащаго, и „безличность“, т. е. неопредѣленность 1-го, 2-го и 3-го лица, выраженная глаголомъ 3-го лица *единств.**) и, суть понятія *отрицательныя* и *непервообразныя***) . Средній родъ (*ne-utrum*) есть тоже понятіе относительное и отрицательное: положительныя признаки его, напр. значеніе „обыча“ какъ *малость* животнаго, могутъ относиться и къ муж., и къ жен. роду и, слѣдов., предполагаютъ отрицаніе принадлежности къ полу. На этомъ основаніи неопредѣленность лица выражается также и среднимъ родомъ: въ однихъ языкахъ, какъ напр. нѣмецкомъ, неопредѣленность эта обозначается среднимъ родомъ указательнаго мѣстоименія *es*, а въ другихъ, какъ напр. въ славянскихъ нарѣчіяхъ, выражается окончаніемъ средняго рода именной части сказуемаго.

Хотя по мнѣнію Штейнтала въ данныхъ случаяхъ нѣмецкое „*es* есть нуль“, а по мнѣнію Гримма служить лишь слабымъ *указаніемъ*, намекомъ на существованіе *причины* явленія, т. е. подлежащаго, тѣмъ не менѣ Потебня придаетъ этому „*es*“ *знаменательное* значеніе: средній родъ, какъ *отрицаніе* принадлежности къ полу, не примыкая *непосредственно къ роду опредѣленнаго дѣйствителя*, знаменуетъ собою новый шагъ мысли и есть *новообразованіе* въ развитіи языка. И какъ въ нѣмецкомъ употребляется указат. мѣст. *es*, такъ въ м.р. и в.рус. употребляется для выраженія неопредѣленности лица средній родъ *личнаго* мѣст. *воно, оно*: „*воно* такъ и е“; „*оно*, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводится всякому *похвально*...“ только знаетъ, въ такомъ мѣстѣ *оно* (а не *это*) неприлично“ Ревиз. Гог. — „*Оно* хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше“ Ibid.

Безубыектное сказуемое можетъ выражать какъ *личныя* *состоянія* (ощущенія и воспріятія внутренняго міра), такъ и *внѣшнія явленія*. Исходною точкою для объясненія такихъ

*) Слѣдов., нельзя называть безличными формы 3-го лица *множ.* ч.: *dicunt, λέγουσι*, говорить, „гдѣ подлежащее хотя не названо, но извѣстно“, гвв. Потебня.

**) Первообразными Потебня называетъ эти понятія потому, что безсубъектные обороты производить онъ изъ субъектныхъ, о чемъ и говорится далѣе (см. III, 406—418 и слѣд.). И. Б.

Способы выра-
женія неопредѣ-
ленности лица.

403

Знаменательное
значеніе сред.
рода, какъ ново-
образованія въ
развитіи языка.

404

405

Объясненіе про-
исхожденія без-
субъектныхъ
сказуемыхъ съ

множеской точ-
ки зрѣнія на
языкъ.

безсубъектныхъ выраженій служить воззрѣніе, что въ каждомъ
существѣ и въ каждомъ явленіи заключена двойственность и
множественность *субстанцій*, дѣйствіями коихъ и объясняются такія явле-
нія, какъ „не большой привередливъ, а *боль*“; „*сама бользнь*
скажетъ, чего хочеть“ Даль. Посл.; „въ Томскомъ городѣ въ
землею погребѣ закопанъ камень, а взять у шайтанчика...

а тотъ де камень, какъ его поевить наружу, и отъ того де бываетъ *мо-
розъ* и *вода* (Рус. Ист. Библ. II, 216—218). Въ подобныхъ воззрѣніяхъ
является тотъ общій смыслъ, что множеское существо производитъ извѣст-
ное дѣйствіе какъ въ человекѣ, такъ и въ природѣ. Отс. выраженія:

$\sigma\acute{\epsilon}\beta\alpha\varsigma \mu' \acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota$ = удивленіе меня беретъ; охота беретъ; скука, тоска, раз-
думье одолеваетъ; олицетворенія: „*сонъ* идетъ по сѣнямъ, *дрема*—по те-
рему“; дрожь, лихорадка беретъ; напелъ на меня страхъ, пришла мнѣ
охота; „шобъ тебе родимецъ побив“; „и уя и болъзнь крѣпка“ Ипат. и пр.
Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ причина явленія *субстанціальна*. Но какъ
Устраненіе мно- скоро множескій субъектъ или, по крайней мѣрѣ, его опре-
жескихъ субъ- дѣленность устраняются,—субъектные обороты могутъ пре-
ектовъ и пере- дѣлаться въ безсубъектные. Устраненіе это происходитъ
ходъ къ безсубъ-
ектности.

Причины устра- а) частью потому, что извѣстныхъ враждебныхъ чело-
ненія множе- вѣку демоническихъ существъ называть не слѣдуетъ, какъ
скихъ субъ- говорить Гриммъ:
ектовъ въ языкѣ.

б) частью потому, что таинственно дѣйствующее лицо или существо
представляется неизвѣстнымъ, пока не дознано, кто оно такое: «тамъ водить»;

в) неизвѣстность же эта является нерѣдко слѣдствіемъ критическаго
отношенія къ существованію множеской субстанціи; такъ, въ народ. поэзій
множеская *недоля*, *лоре* есть змѣя, гадина на сердцѣ, но, въ слѣдствіе кри-
тического отношенія къ существованію такой субстанціи, одинъ вариантъ
пѣсни признаетъ *недолю* уже не змѣей, а *лихой годиной*, другой же вари-
антъ отрицаетъ и *лихую* годину, какъ личность, и признаетъ только *самое*
страданіе, причиненное другою, уже *дѣйствительною личностью*: «Край
мого серденька гадипонька въетця... А то не гадина, то лиха година:
Зсушла—звъялила *невѣрна дружина*» Мет. 251.

Отрицательныя
сравненія въ
языкѣ, какъ пе-
ренуты къ отри-
цанію множе-
скаго дѣйстви-
теля.

На перепуты къ отрицанію множескаго дѣйствителя,
а вмѣстѣ съ тѣмъ и на перепуты отъ субъектныхъ выраже-
ній („гнѣвъ раскинается“, «сердце разгорается») къ безсубъ-
ектнымъ („меня знобитъ, меня въ жаръ бросаетъ“) стоять
отрицательныя сравненія, умаляющія или отрицающія сходство сравнивае-
мыхъ явленій: «*безъ огня* мое сердечко разгорается, *безъ смолы* моя утроба
раскипляется, *безъ воды* да рѣзвы ножки *подмываетъ*» Барс. Прич. Въ по-
добныхъ сравненіяхъ, отрицающихъ *способъ* дѣйствія (*безъ* огня, *безъ* воды),

мнѣніе дѣйствительный вовсе еще не отрицается, какъ выше: «то не *а-дина*, то лиха година», но отрицается уже *конкретность* проявленія дѣйствительнаго, что ведетъ къ измѣненію представленія о немъ самомъ, а потомъ и къ отрицанію его. (Ср. съ предыдущими сравненіями безсубъектныя выраженія въ смыслѣ *нравственнаго* влеченія: «меня такъ и *подмываетъ*»; «такъ и *тянетъ*»; «*подбиваетъ*»).

Съ устраненіемъ опредѣленнаго субъекта изъ вышеприведенныхъ субъектныхъ выраженій (Ср. III, 406-410) являются безсубъектныя; напр. о болѣзни: „за животь *беретъ*“, „утробу *разрываетъ*“, «какъ рукой *сняло*», «въ крюкъ *свело*», *согнуло*, *скрючило*, *перекосило*, *разнесло*, меня *трясетъ*, *слабитъ*, *тошнитъ*, *рветъ* и т. д.; «дна (ломъ въ костяхъ) есть подступила» Ипат., отс. безсубъектное *подступило*, *подкатило* подъ сердце; «щобъ тебе горою (тв. образа) *підняло*» Квит., „щобъ тебе *побило*“, „бодай тебе за сердце *взяло* Ibid. — Не ко всякому безсубъектному выраженію этого рода можно подобрать соответственное субъектное; тѣмъ не менѣ послѣднія предполагаются первыми, и по направленію *отъ* древности число безсубъектныхъ увеличивается насчетъ субъектныхъ.

Переходомъ отъ субъектности къ безсубъектности (Ср. далѣе 441) служитъ *замѣна* опредѣленной субстанціи неопредѣленнымъ мѣстоименіемъ: *ничто*, *что-то*, мр. *щось* (какъ имен. п., а не съ значеніемъ причины *почему-то*): «*что-си* (=что-се и) усуну(ло) за плече, и съ того поча изнемогати» Ипат.—, „Ой *щось* въ лісі гукае“. Но такъ какъ мѣстоименіе это лишь *пустое мѣсто* *въ мысли*, если не получило значенія причинности, то оно легко опускается: „на 8 часу ноци *звонило* въ колокольчики... а то Богъ *вѣсть*, кто звонилъ“ Пск. II.—, „*Стало* у меня... кости-тѣ *щемить*“... Квит. Авв. Но иногда, благодаря контексту, субъектъ безсубъектнаго сказуемаго можетъ быть возстановленъ: „А тѣхъ *человѣкъ*—7, *которыхъ молнія* опалила, 4 *человѣки* отволочили, а три *человѣки* таки до смерти *заразило*“ Пск. I.—, „Гдѣ ни *взялись* буйные *вѣтры*... На морѣ корабликъ *поносило*, ко Рыму ко граду *примывало*“ Безс. Кал. пер.

Образцы безсубъектныхъ и безличныхъ оборотовъ.

1) Образецъ *громомъ убило*. Въ образцахъ этого рода субъектъ превращается въ *твор. п.* дѣйствующаго предмета или рѣже въ *род.* съ *отъ*: *громомъ убило*, *водою подмыло*.—, „*Отъ молнія* страшныя много людей *поби*“ Пск. I. Въ этихъ оборотахъ неизвѣстный субъектъ скрывается за объектами *громомъ*, *водою*, *отъ молнія*.

2) Образецъ *стучитъ* (безсубъектно). Въ оборотахъ этого образца

Появленіе безсубъектныхъ оборотовъ послѣ устраненія личн. субъектовъ.

Неопред. мѣст. какъ переходъ отъ субъектности къ безсубъектности.

414

415

416

417

418

419

безсубъектныя глагольныя сказуемыя, образованныя отъ *именъ существительныхъ*, предполагають эти же самыя имена въ качествѣ субъектовъ: „*свѣтаетъ*“ (т. е. свѣтъ). Но это не есть тавтологія въ собств. смыслѣ, а разложеніе воспріятія на сходные элементы, изъ коихъ одинъ есть субстанція (свѣтъ), а другой—ея дѣятельность (свѣтаетъ); это есть попытка объяснить явленіе. Сюда относятся глаголы *интранзитивные безъ ся*: морозить, моросить, жарить, стучить, шумить; холодѣть, теплѣть, вечерѣть, ободнѣло, обвеснѣло, поведнѣло, позеленѣло; свѣтаетъ, сверкаетъ и т. п. Изъ нихъ болѣе архаичны тѣ, при коихъ имена большею частію не сохранились, именно—глаголы съ—н: сохнетъ, мерзнетъ, меркнетъ. Образцы, въ родѣ *темнѣетъ, блѣднѣетъ*, также образованы отъ *существительныхъ*, а не отъ прилагательныхъ. Ср. „то не *туця туцнтся*... да не *темень темнитсе*“ Кир. II.

3) Образецъ *туманится, чудится*. Нѣкоторые видятъ здѣсь въ возвратномъ *ся* такъ наз. *внутренняго объекта*, т. е. „чудится“ = „чудо чудить *ся*“, гдѣ „*ся*“ *замѣняетъ* собою объектъ, *указываемый самимъ глаголомъ*, образованнымъ отъ этого существительнаго, какъ напр. *vitam vivere, ὄχλον ἰχθῆν*, а Миклошичъ, кромѣ того, усматриваетъ въ этихъ оборотахъ съ внутреннимъ объектомъ особенность древнѣйшаго языка, сохранившуюся въ народной поэзи.— Но Потебня, видя противорѣчіе въ самомъ названіи „*внутренній объектъ*“ (такъ какъ „объектъ“ есть нѣчто *внѣшнее* по отношенію къ субъекту и его дѣйствию), признаеть этотъ объектъ за *настоящій, внѣшній*, ставшій потомъ *мнимой* субстанціей, и какъ вслѣдствіе устраненія мнимыхъ субъектовъ сказуемое превращается изъ субъектнаго въ безсубъектное, такъ и вслѣдствіе устраненія объектовъ, *ставшихъ мнимыми*, часть глаголовъ (а не всѣ) превращается изъ *транзитивныхъ* въ *интранзитивные*: сначала „шутки шутить“ (глагол. переходный), а потомъ просто „шутить“ (глагол. непереходный) *безъ возможности* прямого дополненія: сначала „городъ городить, думу думать, кличь кликать, работу работать, умомъ думать“—безъ всякаго формальнаго различія между объектомъ, означающимъ *внѣшній* результатъ дѣйствія (*городъ* городить), и такимъ, который исчерпывается уже самимъ дѣйствіемъ глагола (*думу* думать), а затѣмъ устанавливается различіе между ними, и такъ назыв. *внутренній объектъ* или 1) остается *единственно* возможнымъ дополненіемъ (шутки шутить) или же 2) вовсе устраняется, и глаголъ становится непереходнымъ (шутить, кликать), или наконецъ 3) въ случаѣ *тавтологичности субъекта и объекта* (темень темень), объектъ замѣняется возвратнымъ *ся*, при чемъ первоначальное значеніе *ся* (какъ замѣны объекта) забывается, и т. обр. возвратный оборотъ (при устраненіи мнимаго субъекта *темень*) сводится на безсубъект-

ный: темень темнится“ = *темнится*, „погода распогодилась“ = *распогодилось*, выянилось, „куръ (курево) курится“ = *курится*, дымится.

4) Образецъ *снится мнѣ*. Обороты этого образца находятся въ связи съ предыдущимъ тавтологическимъ, ставится только при немъ *дат. п. лица*: сперва былъ субъектный оборотъ: „ему *сонъ снится*“ съ возвратнымъ значеніемъ; потомъ опредѣленный субъектъ замѣняется среднимъ родомъ неопред. мѣст. *что то* и, наконецъ, вовсе опускается: „ему *снится*“ (безусубъектно).

Безусубъектные обороты съ возвратнымъ *ся* имѣютъ нѣ-
скольکو отгѣнговъ:

Отгѣнки без-
субъектныхъ
оборотовъ съ
возвратн. *ся*.

а) *дат. лица* бываетъ дательнымъ *commodi*, который означаетъ *внѣшній* предметъ по отношенію къ устраненному подлежащему: „*мнѣ случилось*“ (что-то), „*довелось*“, „*привелось*“, „*сложилось*“, „како *ся дѣяло*“ Ипат., „*сталось*“, „*приишлося*“.

427

б) *дат. падежъ* означаетъ то лицо, *въ которомъ* (а не для котораго) происходитъ дѣйствіе, выраженное сказуемымъ, такъ что этотъ *дат. п.* синонимиченъ съ именительнымъ подлежащаго: „не можется *мнѣ*“ = „я не могу *ся*“ (Ср. „могу ли *ся*“ Лавр., т. е. въ силахъ ли я), „*мнѣ нездоровится*“, *мнѣ хочется*, *думается*, *кажется*, *помнится*, *видится*, *прирезилось*, *занемоглось* и т. п. Иногда вм. *дат.* употребляется *у* съ *род.* (особенно при *страд.* сказуемомъ): „стосковалось *у молодца* по свою родимую сторонушку“ Рыб. II.— Сюда же должны быть отнесены безусубъектные обороты отъ переходныхъ и непереходныхъ глаголовъ: *мнѣ пьется*, *пѣтся*, *поется*, *читается*, *пишется*; *спится*, *дремлется*, *зывается*, *дышется*, *не сидится*, *не лежится* и т. п. Обороты эти образовались изъ субъектныхъ: „вода пьется“ = „вода пьетъ *сама себя*“, т. е. легко, охотно пьется, какъ выраженія: „это само собою дѣлается“ = „это дѣлаетъ себя посредствомъ себя же“, т. е. легко, *sua sponte*.

428

429

5) Образецъ *говорится*, *dicitur*, *man sagt*.—Выраженіе „*мнѣ говорит-ся*“ имѣть два значенія: а) одно безусубъектное *возвратное*, примыкающее къ предыдущимъ оборотамъ, какъ „*мнѣ пьется*“, а именно: „*мнѣ говорится*“, т. е. *я* говорю легко, и б) другое—*страдательное*, представленное *возвратнымъ* (т. е. съ *ся*), съ значеніемъ латин. *dicitur*, нѣмец. *man sagt*., гдѣ „*мнѣ*“ есть *дат. commodi*, означающей другой предметъ по отношенію къ устраненному подлежащему: „*мнѣ говорится*“, т. е. *не я* говорю, а *другіе* говорятъ *мнѣ* (*man sagt*).

430

Отгѣнокъ значенія „*man*“ былъ бы болѣе замѣтенъ и въ *субъектномъ* возвратно-страдательномъ оборотѣ: „скоро сказка *сказывается*, да не скоро дѣло *дѣлается*“, если бы при возвратно-страдательной формѣ употреблялся *твор. п.* дѣйствующаго лица, но такъ какъ этотъ *твор. почти не*

Преимущественное проявленіе значенія *man* въ безусубъектн. возвр.—страдат. оборотахъ и чисто страдательныхъ.

встрѣчается, при возвратно-страд. формѣ, то отгѣнокъ „шап“ и дѣлается наиболѣе явственнымъ лишь въ *безсубъектныхъ* оборотахъ.—Въ рус. яз. значеніе „шап“ проявляется въ возвратной формѣ только отъ глаголовъ *дѣйствительныхъ* съ дополненіемъ въ *вин. п.*, въ польскомъ же—и отъ глаголовъ средних, дополняемыхъ другими падежами: *szło się*, но нельзя по-русски: «шлось»; *tedy się idzie do...*; *hac itur*, но по-русски нельзя «сюда *идется*».

Подобно возвратно-страдательнымъ субъектнымъ и безсубъектнымъ оборотамъ, значеніе «шап» явственно проявляется и въ *чисто страдательныхъ* оборотахъ, только *безсубъектныхъ*: «въ дѣвкахъ *сижено*, горе мыкано». Въ первомъ (безсуб.) оборотѣ: «въ дѣвкахъ *сижено*» отгѣнокъ «шап» проявляется явственно, но во второмъ: «горе мыкано»*) наличное подлежащее заслоняетъ собою мысль о бывшемъ подлежащемъ дѣйствительнаго оборота (*кто-то* мыкаль горе). Само собою, отгѣнокъ «шап» уже рѣшительно устраняется при указаніи на опредѣленнаго дѣйствителя, выраженнаго *творительнымъ* или *родительнымъ* съ *отъ* и *у*. (Ср. выше III, 428): «не проѣхана *у добрыхъ у людюшекъ* эта путь—широкая дороженька» Барс. Прич.

При безсубъектныхъ оборотахъ, рѣшительно выдвигающихъ значеніе «шап», подлежащее субъектнаго страдательнаго оборота или прямо опускается: «съ молоду *бито* много, *граблено*», или же замѣняется *прямымъ* дополненіемъ (Ср. греч. *ἀσχετόν ἐστὶ τῆ ἀρετῆ*) и латин. *aliqua consilia reperiedum est*). Въ варус. яз. такой *винит.* прямого дополненія при страд. залогѣ рѣдокъ: «видно *землю*»; «такой *красавицы* невидано» (*род. п.* послѣ отрицанія), «вся *потребная...* давано» Домстр., «*виноватаю* назначено молоца *Касьяна сына Михайлова*»; въ «горе мыкано» *сред. р.* существительнаго можетъ считаться и *им.*, и *вин. п.*; но въ запад.-рус. и млр. этотъ *вин.* прямого доп. вполнѣ обыченъ, какъ и въ польскомъ: «подрубано *сосну* бортную... и *сосну* спалено», «*тополю* (*вин. п.*) истяго и... забрато». (Ср. далѣе III, 457). Въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, повидимому, это необычно.

Безсуб. обороты съ знач. «шап» употребляются съ причастіемъ на *и* и *т* и отъ глаголовъ возвратныхъ и взаимныхъ, а причастія страдательныя отъ глаголовъ *непереходныхъ* только для этого случая и образованы: *сижено*, *хожено*, *бывано*, *плакано*, *выто*, *плыто*, *жито* и др.; отъ глаголовъ *возвр.*: «не бѣ облачано *ся* во одежды тѣ николиже» Палея; отъ глаголовъ *взаимн.*: «разтѣзено *ся*» Домстр., «*договорено ся*»; «было *боротось*», «*помыняось*», «*побратанось*», «*отправленось*» съ кѣмъ**). Въ сѣв. влр. нарѣчій при этихъ

*) Если только «горе» не есть *вин. п.*: Ср. далѣе III, 435. И. Б.

**) Во всѣхъ этихъ оборотахъ *ся* лишилось уже значенія *вин. п.* и служить лишь средствомъ образованія взаимныхъ глаголовъ, а форма *страд. з.*

оборотахъ встрѣчается иногда указаніе и на опредѣленнаго дѣятеля въ *род. п.* съ предл. *у*: «у дороднаго добра *молодца* много было на службѣ послужено».

6) Образецъ *убыло дня*.—Особый разрядъ составляютъ безсубъектныя сказуемыя со значеніемъ *увеличенія, уменьшенія, достаточности*, которыя въ слѣдствіе значенія своего непосредственно принимаютъ *дополненіе* вещи въ *род. п.*: «умножилось братѣ» Лавр. Въ нынѣшнемъ яз.: прибываетъ, убываетъ *дня, воды*; станеть (= достанеть), хватить *хлѣба* и т. п. При безсубъектномъ глаг. *есть* въ смыслѣ *находится* также ставится *род. п.*: «было насъ» (Дополн. III, 656). Тоже въ млр., польск., чеш., серб. яз.

[Отъ этихъ случаевъ нужно отличать такіе, гдѣ родит. не зависить отъ самихъ безсубъектныхъ глаголовъ, а отъ опущенныхъ при нихъ словъ, означающихъ количество (*много* и т. п.): «потоплено *скота*, что и не счесть» Кр. — «Коли будетъ *святыхъ Маовъ*» Ппат. (опущено *день*). — Такіе же *мнимо-непосредственные род. п.* употребляются въ млр., чеш. и пол. яз.]

7) Образецъ «*туча ровъ* (вин. п.) *учинило*».—Когда въ оборотѣ «убило громомъ» неизвѣстный субъектъ скрывается въ творительномъ орудіи, тогда безсубъектное сказуемое «убило» является логически послѣдовательнымъ; но когда подлежащее бываетъ налицо, а сказуемое все-таки представлено безсубъектнымъ, тогда выходитъ противорѣчіе; напр. «того же лѣта... въ Торжку *туча* по одномъ часу ровъ *учинило*» Лавр. Такіе обороты составляютъ, повидимому, переходъ отъ субъектности къ безсубъектности (Ср. выше стр. 415).—«...и *ухватило* его *нѣкая сила*, аки вѣтромъ». — «А въ Любнѣ *потонуло люди и скоты*» Пск. I. — «Въ ночи *было вихръ* великъ добръ» Новг. I. — «*Загорѣлось свѣча* в церкви» Ibid. — Въ былинномъ яз.: «а се *проява* *проявилосся*», «да еще у стараго *случилосся*... *шеломъ* сорока пудовъ». — При сравненіяхъ съ «какъ» предметъ сравненія ставился въ им. п., какъ *подлежащее*, а сказуемое употреблялось безлично: «по всему небеси лучи были, аки *вода* на море вѣтромъ *колебалось*» Нов. II.

8) Образецъ «*пришло ихъ тѣма*». Въ силу того, что въ оборотахъ этого рода им. п. существительнаго отвѣчаетъ на вопросъ *сколько*, а не *кто, что*, и, слѣдов., субстанціальность имени приближается къ *нарѣчности*, противорѣчіе между именительнымъ пад. дѣйствующаго предмета и безсубъектностью можетъ вовсе не чувствоваться: «и царства его *было* не многа *лѣта*». — «*Прошло недѣля* времени» Котош. — Въ нынѣш. яз.: «публики сегодня *приходило цѣлая бездна*» Дост.; также: *было ихъ прорва, цѣлая куча, пропасть, непочатый уголъ*. Тоже въ млр., бѣлор., польск. яз. *Винительный* же пад. въ этихъ случаяхъ на вопросъ *сколько* не обуславливается *безсубъектнымъ* сказуемымъ, такъ какъ этотъ вин. ставится и не имѣть страд. значенія и есть только средство выраженія безличности (Дополн. къ III ч. стр. 655).

въ другихъ случаяхъ: «и раздѣлиша на двое: половину ихъ иде къ погребу, а половина... къ мосту» Лавр. (примѣръ въ стар. рус. рѣдкій). — «Зиоръ города мало не *половину*» Лавр. — Въ нов. яз.: «мѣру пшеницы *осталось*», «было *сотню* овецъ (обычно же съ предл. съ: «съ мѣру», «съ сотню»). Такой же вин. при *субъективныхъ* сказуемыхъ глагольныхъ и *прилагательныхъ*: «капельку, крошечку *подрость*», «былъ *капельку* неувѣренъ».

9) Образецъ *два—четыре чловѣка (пять и т. д. и двое... чловѣкъ) пришло*. — Здѣсь нужно различать два случая: 1) на вопр. *кто* эти числительныя сочетаются въ нынѣш. яз. съ *субъектными* сказуемыми во множ. ч.: «*тѣ* два голубя *прилетѣли*», 2) а на вопр. *сколько*—съ *бессубъектными*: «*тѣхъ* пять голубей *прилетѣло*».

Субъектные обороты на вопр. *кто*.

1) Въ первомъ случаѣ, т. е. въ *субъективныхъ* оборотахъ, нужно различать употребленіе числительныхъ *прилагательныхъ*: *два, двѣ, три* и *четыре* отъ числительныхъ *существительныхъ*: *пять... десять*. Въ стар. рус. яз. *прилагательныя* числительныя *два, двѣ* означали двойственность: «*та* два брата бѣста» (Лавр., Ипат., Новг. I), а *три* и *четыре*—множественность: «Ярославичи же *трѣ*... *идоша*» Лавр., въ новомъ же *врус.* яз. двойственность и множественность этихъ прилагательныхъ числительныхъ замѣнились значеніемъ «нѣсколько» (=болѣе одного и меньше *пяти*: ср. I, 41), при чемъ именит. падежъ существительнаго при нихъ хотя и сохраняетъ форму двойственного числа, но принимается за множественное, а потому и опредѣлительныя слова, и сказуемое ставятся также во множ. числѣ: «*тѣ* два голубя *прилетѣли*». Въ мдр. яз. *два, три, чотири* по правилу сочетаются на вопр. «кто» съ формою только множ. ч.: «*прѣѣхали три* козаки», «были у матки *два* сынки *родные*». Наоборотъ, числит. *пять—десять* до половины 17 в. употреблялись еще какъ *существительныя* жен. р., съ которыми согласовались опредѣлительныя слова и сказуемое: «*та* *десять* копенъ *описана*». Такіе примѣры, впроч., рѣдки, и весьма рано 5—10 становятся уже существительными *собирательными*, при которыхъ сказуемое ставилось во множ. ч.: «*прѣѣхаша* *пять* мужъ» Лавр., а опредѣленіе все-таки въ жен. р. ед. ч.*): «*работа* *друцую* *седь* *лѣтъ*» (Лавр.), «въ *ту* *пять* *лѣтъ*» (Шк. I), «*тая* (ж. р. ед. ч.) *пять* *лѣтъ*» (Ibid.), «*тысячу* *рублевъ* *новгородскую*» (Новг. II). Такъ и въ *сложныхъ* числительныхъ, мыслимыхъ *раздѣльно*: «*ту* *шесть* *сотъ* *рублевъ* *сняти*» (Собр. Гос. Гр.). Поэтому атрибутъ при 5—10, встрѣчающійся въ

*) Приводимые затѣмъ примѣры не составляютъ субъективныхъ оборотовъ при подлежащихъ числительныхъ и, слѣдов. къ данному мѣсту не относятся, но очень цѣнны для выясненія вопроса о согласованіи опредѣлений при числительныхъ именахъ, поэтому я и не рѣшился выпустить ихъ. И. Б.

ц.слав. яз. во *множ.* ч., долженъ быть приписанъ вліанію греч. языка: «*всѣ* семь (οἱ ἑπτὰ) оумръшѣ» Мар. Ев.

Подъ вліаніемъ числительныхъ 5—10 аттрибутъ ставился въ *жен. р. ед.* и при сочетаніяхъ числительныхъ *два, три, четыре* съ существительными качественными и числительными (четыре-десять=40): «былъ въ Новѣгородѣ 4 недѣли *полною*» Пск. I; «далъ *два рубля Новгородскую*» А. Ист. 1556 г.—«Богъ намъ далъ *четыре* десять дний *сию*» Лавр. «к (20=двадцать) *рублевъ Московскую*» Р. Дост. I.—Также при *сорокъ* и *полъ* (половина): «*сорокъ* рублевъ денегъ *московскую*» А. Ю.; «въ *тую* полтора дни» Пск. I., «на *чужую* пол-двора» Ibid.

Ставши собирательными, числит. 5—10 подчинились правилу согласованія прочихъ собирательныхъ, при которыхъ *ближайшее* опредѣленіе ставилось въ ед. ч., дальнѣйшее же во множественномъ: «*инии* (дальн. опр.) *простая* (ближ.) чадь рѣзяху... и ядыху», а первое изъ сказуемыхъ ставится въ ед. числѣ или безлично, второе же—во *множ.*: «два ворона *прилетѣло* и *сидятъ*», «*всѣ* городъ *пѣдидитъ* въ рошу и *не выходятъ* изъ каретъ» Ф. Впз.—Собирательными стали и *двое, трое* и т. д.

2) На вопросъ *сколько* при сочетаніи числительныхъ какъ 2—4, такъ и 5—10 сказуемое *безсубъектно* и въ цѣл., и въ древ. рус. яз.: «*дѣва* - на десѣте ихъ *ѣсть*» Супр.—«Половецъ *бѣ* 12 (=дѣвѣ на десѣте) тысячѣ» Лавр.—«Кыянъ *однѣхъ* *изыбло* на полку томъ 10 тысячѣ» Лавр.—Нынѣш. мѣр.: «*взято* у мене три кони», «*пило* воду *та* два соколи», при чемъ не слѣдуетъ смѣшивать безсубъектнаго оборота «*шло* ихъ *пять*» съ субъектнымъ «*то* *пять* шло» (ср. родъ, какъ въ народныхъ произведеніяхъ: «*друю* *три* сына конемъ стопталъ», «я ждалъ Добрыню *цѣло* *шесть* годовъ»): въ субъектномъ оборотѣ «*пять*» есть *подлежащее*, тогда какъ въ безсубъектномъ «*пять*» перестаетъ уже быть субстанціей, производящей дѣйствіе, и остается въ именит. п. только какъ *бывшее* подлежащее.

Какъ особенность русскаго яз., при сочетаніи числительныхъ съ существительными ставится *genitivus partitivus* прилагательнаго: «два *сизыхъ* голубя» (=два голубя изъ сизыхъ). Теперь этотъ родъ раздѣлит. ставится обыкновенно между числительнымъ и опредѣляемымъ (два сизыхъ голубя), въ старин. же языкѣ (и нынѣш. народномъ)—на концѣ и при томъ съ логическимъ удареніемъ: «десять рубашекъ *мужскихъ* и *женскихъ* да четыре убрусы *браныхъ* и *простыхъ*»... При другихъ падежахъ, кромѣ им. и вин., встрѣчается такой родит. рѣдко. Хотя оборотъ этотъ бываетъ и субъектнымъ («три *взрослыхъ* юноши *сосѣднихъ* разсуждала» Бр.), но, кажется, онъ болѣе располагаетъ мыслью безсубъектности.

10) Образецъ *зимовая служба* *молодцамъ* *кручинно*, по наличности

Безсуб. обороты на вопр. сколько.

450

451

452

Родит. раздѣлительный по преимуществу въ безсубъектныхъ оборотахъ.

453

454 5

456

подлежащаго при безсубъектномъ сказ., Потебня приравниваетъ къ обороту «*туца ровъ учинило*» (см. выше III, 441), а по предикативному прилагательному въ сред. р. ед. ч.—къ несогласуемымъ предикативнымъ атрибутамъ: «грѣхъ сладко, а человекъ падко» (I, 108—110). Следов. образецъ этотъ слѣдуетъ считать переходнымъ отъ субъектности къ безсубъектности, при чемъ безсубъектное сказуемое-прилагательное Потебня принимаетъ, какъ кажется, согласно съ Бусл. и Миклош., за прилагательное *субстантивированное* (вм. «зимовая служба молодцамъ *кручина*»), хотя въ 1-й части своего изслѣдованія (I, 110) и даже въ этомъ томѣ (III, 64) онъ признавалъ «*кручину*» нарѣчиемъ *).

457

Къ этому же образцу надо причислять, какъ переходъ отъ субъектности, и слѣд. выраженія: «*городъ* (им. п.) *видно*», «*музына слышно*», т. е., сперва личный субъектный оборотъ: «городъ виденъ», «музыка слышна»; потомъ—съ безсуб. сказ.: «городъ *видно*», «музыка *слышно*» и, наконецъ, для устраненія противорѣчія между подлежащимъ и сказуемымъ, образуется оборотъ безличный безсубъектный: «городъ (вин.) *видно*», «музыку *слышно*», т. е., подлежащее въ нынѣш. яз. перешло въ дополнение. Ср. выше III, 435; ср. также: «*есть бо разсылина знать и до днешняго дни*», потомъ: «*разсылина* знать (есть)» и, наконецъ, въ нынѣш. яз.: „*разсылину* знать“ (II, 415—418; III, 464).—Въ мѣрус.: «*звісно іх дівоча натура*» **).

458

11) Образецъ тѣ *вѣсти вѣдомо*, «*вѣсьмъ снозано служба*» совершенно такой же, какъ и предыдущій, только на мѣстѣ прилагательнаго стоитъ *страд. причастіе* въ сред. р.: «да въ томъ же приказѣ *вѣдомы* (личный субъектный оборотъ) гранитнаго дѣла *мастеры... вѣдомо* (безлично) парская лѣтняя *потѣха*» Котош.—На мѣстѣ предикативнаго причастія *страд.* со вспом. глаголомъ можетъ стоять и *v. finitum* на ся въ *страдателномъ* безличномъ значеніи по образцу «говорится» (III, 430): «а инымъ *дается* *шпань и мушкетъ*» Котош.

459

Прич. прошед. страд. безлично встрѣчается уже въ н.-слав. яз. (м. б., подъ влияніемъ греч.): «*магъ трубы услышано будетъ*» (*σαλπικρος*

*) Другіе два примѣра этого образца издателями поставлены въ скобкахъ: *ходъ былъ конемъ нужно* (трудно), *грудовато* (кочковато) Пск. I и изъ „Рус. нар. п.“ Шейна: „намъ *молодиць* *ненадо*... намъ *оснежки* (им. п. мн. ч.) *не надо*“.

**) Так. обр. градація этихъ переходовъ отъ личности къ безличности была такая: сперва *личный субъектный* оборотъ (музыка слышна), потомъ—*безличный субъектный* (музыка слышно) и, наконецъ, *безличный безсубъектный* (музыку слышно). Серединный (безличный субъектный) оборотъ, какъ *переходный*, составляетъ такое явленіе, которое, что называется, отъ одного берега отстало, а къ другому не притало, и потому представляется нашему сознанію необычнымъ, противорѣчивымъ. Языкъ уничтожаетъ это противорѣчіе тѣмъ, что устраняетъ субстанцію подлежащаго и переводитъ ее въ область дополненія: *музыку слышно*. И. Б.

φωνῆ ἀκούστων ἔστα). В поуч. Θεод. Печ.: «*установлено же есть и кутья въ похвалу святымъ крестити... установлено же есть и за упокой кутья крестити усопшимъ*». — Болѣе всего образцовъ этого рода въ памятникахъ 16 и 17 вв. При этомъ субъектные обороты на вопр. «кто» могутъ измѣняться въ безсубъектные при вопросѣ «сколько»: «*купленъ на братью осетръ*», но «*дано ему на проѣздъ гривна*», хотя это различіе не выдерживается.

460

Безсубъектные обороты, состоящіе изъ существительнаго глагола (быть, стать) и имени^{*)}.

461

Миклошичъ (IV, 366—9) дѣлитъ эти обороты на два разряда: а) одинъ, въ составное сказуемое котораго входитъ *существительное*, и б) другой, въ составное сказуемое котораго входитъ *прилагательное*, переходящее въ нарѣчіе, при чемъ обороты эти или не относятся къ лицу (объекту): *холодно!* или же относятся къ лицу, которое выражается по-русски *дательнымъ* пад.: «*мнѣ холодно!*» а въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, напр., хорут., польск., иногда и *винительнымъ*: «*тебе je strach bilo*».

Возникновеніе этихъ безсубъектныхъ оборотовъ зависитъ съ од. стор. вообще отъ *стремленія къ вытѣсненію мнимыхъ субстанцій*, а съ другой— отъ *измѣненія значенія глагола существительнаго и близкихъ къ нему*.

Изъ предыдущихъ образцовъ видно, что переходъ отъ субъектности къ безсубъектности имѣеть три ступени: а) музыка слышна, б) музыка слышно и в) музыку слышно (III, 457), при чемъ въ чисто безсубъектномъ оборотѣ подлежащее обращается въ дополненіе, и тѣмъ уничтожается противорѣчіе между подлежащимъ и несогласованнымъ сказуемымъ. Подобныя же три ступени перехода къ безсубъектности бывають и въ другихъ оборотахъ при *полномочномъ* сказуемомъ: «*язва язвила*») язвило язва и просто „язвило“, при чемъ для устраненія противорѣчія между сказуемымъ и подлежащимъ послѣднее вовсе опускается. — Если примѣнять эти три ступени къ разсматриваемымъ безсубъектнымъ оборотамъ изъ существительнаго глагола и имени, то здѣсь имѣють мѣсто только *первыя двѣ* ступени: „*была пора*“ (субъектный личный оборотъ) и „*было пора*“ (безличное сказуемое при подлежащемъ), третья же ступень *чистой безсубъектности* здѣсь невозможна, „такъ какъ сказуемое не заканчиваетъ собою

462

*) Обороты эти нужно отличать отъ предыдущаго 10-го образца: „*зимовая служба молодцамъ кручинно (есть)*“, ибо, хотя сказуемое этого образца и состоитъ изъ существительнаго глагола и имени (кручинно есть), но оборотъ этотъ не можетъ быть названъ въ полномъ смыслѣ слова безсубъектнымъ, такъ какъ при безличномъ сказуемомъ находится тутъ подлежащее, въ приводимыхъ же ниже образцахъ Потебня имѣеть въ виду совершенно безсубъектные обороты, состоящіе изъ существительнаго глагола и имени. И. Б.

мысли, неполномочно и требуетъ пополненія со стороны имени и нарѣчія, вмѣстѣ съ коими образуетъ составное сказуемое^{*)}). Такимъ образомъ, мнимая (а иногда мнѣшная) субстанція подлежащаго при чисто безсубъектныхъ оборотахъ этого рода устраняется тѣмъ, что она изъ подлежащаго дѣлается *частью составнаго сказуемаго*: „жалъ (подл.) мнѣ есть“ обращается въ „мнѣ жалъ есть“ (состав. сказ.); мр.: „жалъ було, шкода было казати“, „пора було“, „треба було робити“, (II, 374—5).—Въ настоящемъ и буд.: *есть, будетъ*^{**}) субъектность или безсубъектность подобныхъ оборотовъ еще сомнительна, такъ какъ эти глагольные формы не различаютъ родовъ, но въ прошед. «было» безсубъектность уже явственна: „неволя ми (есть) своее головы блюсти“ (субъектно и безсуб.) Лавр., по „неволя ми было пристати въ свѣтъ“ (Лавр.)—только безсубъектно.—Въ *нынѣшнемъ* рус. яз. безсубъектны, повидому, только тѣ обороты, которые могутъ дополняться *неопредѣленнымъ* наклоненіемъ („стыдъ было сказать“), за исключеніемъ немногихъ, указанныхъ далѣе (см. III, 469, 471), въ другихъ же славянскихъ нарѣчійхъ возможны безсубъектные обороты и *не допускающіе* неопредѣленнаго наклоненія: хорут. „zima, mraz je bilo“.

Образцы съ им.
существитель-
ными.

Образецъ „*страхъ* (кому) *глядѣть*“. Повидому, сочетание безличнаго или *неопредѣленно-субъектнаго* сказуемаго (сред. р.) съ *опредѣленнымъ субъектомъ* (пора было) есть противорѣчіе неустранимое, однако языкъ, направляясь отъ опредѣленности субъекта къ его неопредѣленности, такое противорѣчіе переживаетъ. Такъ, напр., въ выраженіи: „язва знать на рукѣ“ вначалѣ „язва“ есть подлежащее съ правильно согласуемымъ связуемымъ, а въ концѣ развитія подобные именительные понимаются какъ *винительные* при безсубъектномъ сказуемомъ (Ср. „слышно музыку“); промежуточный между этими выраженіями моментъ: „язва знать“ (съ опущеніемъ *безличнаго* „есть“) долженъ былъ быть, какъ существуетъ въ древ. рус. яз. „неволя ми было пристати“ или въ нынѣшнемъ: *страхъ было глядѣть*“, „грѣхъ было сказать“, „пора было начинать“, и прежде чѣмъ эти именительные стали чувствоваться какъ *нарѣчія* (страшно, грѣшно), они должны были чувствоваться еще, какъ подлежащія. Поэтому, при глаголахъ *есть, будетъ, бысть*, гдѣ сред. родъ не можетъ связы-

*) Т. е., въ виду неполномочности существительнаго глагола, подлежащее при немъ при переходѣ къ чистой безсубъектности нельзя ни превратить въ дополненіе, какъ это возможно въ случаѣ „музыку слышно“, ни опустить, какъ въ оборотѣ „язвило“, потому что неполномочный существительный глаголъ, для того чтобы стать полномочнымъ сказуемымъ, *самъ нуждается* въ субстанціи подлежащаго, и потому входитъ она въ составъ сказуемаго или въ *качества* имени, или нарѣчія, какъ можно видѣть изъ приводимыхъ затѣмъ образцовъ: *страхъ* было глядѣть, *страшно* было глядѣть. И. Б.

***) А также и *бысть*. И. Б.

ваться, въ древне-рус. яз. обороты эти въ началѣ были субъектными („неволя ми есть“), но могли быть и безсубъектными; въ новомъ же языкѣ подобнаго рода обороты (грѣхъ сказать, мнѣ жаль, жаль *будетъ*) уже безсубъектны, и именительный падежъ въ нихъ есть не подлежащее, а предикативный атрибутъ составнаго сказуемаго. Впрочемъ, имена означающія время года, дня, состояніе погоды въ рус. яз. остаются подлежащими (былъ вечеръ, жаръ...), въ нѣкоторыхъ же другихъ славянскихъ нарѣчійхъ они также безсубъектны: *bylo vesel* (чеш.), а въ польскомъ *dat* лица замѣняется *винительнымъ*, дол. бѣ, по аналогіи съ оборотами „*жаль* мене бере“ (множескаго характера) вм. „мнѣ жаль“.

Примѣры того же образца съ именами *прилагательными* совершенно параллельны примѣрамъ съ существительными: „*дивно* ми *есть*“ сначала *есть* личный оборотъ, и „*дивно*“ представляется существительнымъ сред. р., какъ въ „*диво* ми *есть*“, а затѣмъ „*дивно*“ входитъ въ составъ безсубъектнаго сказуемаго, какъ нарѣчіе; *нужно*, какъ „*нужда* *есть*“ (Ср. греч. *Ἀνάγκη*, какъ мнѣч. личность и затѣмъ *ἀνάγκαιόν* ἐστὶ и нар. *ἀνάγκαιως*), „не бѣ *проходно*“, „будетъ *мочно* (сущ. мочь), *немочно*“ Ипат., *обидно*, *страшно*, *убыточно*, *недосужно*, *обычно*, *вольно*, *должно*, *скучно*, *тошно*, *печально*, *досадно*, *больно*, *стыдно*, *совѣстно*, *смѣшно*, было *истомно*, *неудно* (не годъ *есть*), *неподобно* (не подоба *есть*), *темно*, *конечно* (стар. рус.: „*коньмъ* въсѣмъ *книгамъ*“), *противно*, *дивно* (=с. влр. много, долго, давно).

Всѣ приведенные безсубъектные образцы какъ съ именами существительными, такъ и прилагательными, допускаютъ при себѣ возможность употребленія неопред. наклоненія, но *видно*, *смышно*, *замѣтно*, *знатно* (=знать), не допуская неопред. накл. *), могутъ принимать объектъ въ *вин. п.* (Ср. выше III, 457) и, повидимому, сближаются съ безличными сказуемыми изъ причастія страдательнаго: „сказано *служба*“ (III, 457—9). Вышеприведенныя и подобныя имъ прилагательныя, при переходѣ ихъ къ нарѣчности, въ безсубъектныхъ оборотахъ чувствовались еще какъ *существительныя*; даже явно причастныя формы, какъ „въ*домо*“, употреблялись и теперь употребляются въ смыслѣ существительныхъ: „а тогда на нихъ не было *въдома* никакого“ Пск. I. Въ соврем. яз.: „съ *въдома*, безъ *въдома*“, *можно*, *мочно* изъ сущ. *мочь* (Ср. „кому чего не *въ мочь* платить“ Котош.); *дивно* изъ сущ. *диво*, *мирно* изъ *миръ*, *тѣчно* изъ *тѣкъ*, *близко* изъ *близъ*, *низко* изъ *низъ*, *притужно* изъ *притуа* (печаль) и проч.

Образецъ *оуне гестъ*. Сюда относятся

а) *прилаг. срав.* степ: лучше, хуже (*есть*) и проч.,

*) Но „*видно* писать“, т. е. достаточно свѣтло для того, чтобы писать.

б) прилаг. *полож.* ст.: хорошо, худо и проч.—И тѣ и другія дополняются *неопред.* наклоненіемъ.

472 в) Прилагательныя, *не* дополняемыя ни опредѣленнымъ, ни объектомъ: „пусто въ селѣ“

473 г) прилагат. *количественныя* (много, мало), дополняемыя *род. п.* (Ср. „сколько, столько, числит. два, три, сто...“ послѣ которыхъ также ставится дополн. въ *род. п.*, когда они означаютъ количество: „ихъ было два“, „пришло ихъ тьма“, „долго времени“, „долго тою было, пока я у разумъ пришов.“). Въ противоположность Миклошичу (IV, 366), Потѣбня въ эти прилагат., какъ и предыдущія, въ нынѣшнемъ яз. признаеть за *нарѣчія*, въ старинномъ же — за *существительныя*: въ выраженіяхъ „благоту будетъ“, „мало ли ти бѣдетъ горь подѣ облакы вѣяти“ *благоту* и *мало* суть означенія субстанцій, и обороты эти были первоначально субъектны.

474 Насколько безсубъектность зависить отъ дополненія неопредѣленнымъ накл. или придат. предложеніемъ? Теперь спрашивается, насколько *безсубъектность* предложенія зависить отъ необходимости дополнять его *неопредѣленнымъ наклоненіемъ* или *придаточнымъ предложеніемъ*?

474 Миклошичъ предложенія съ неопредѣленнымъ накл. считаетъ частью субъектными, частью безсубъектными. *Субъектными* онъ называетъ тѣ, въ которыхъ неопредѣленное накл. замѣняетъ собою имен. пад.: дер.-сл. „не лѣпо ми есть *мълчати*“ (=мълчаніе), „вамъ весело ѣздить“, „возможно ли ему *върѣти*?“ „нельзя *медлѣти*“, а *безсубъектными* тѣ, въ которыхъ нѣтъ такой замѣны: „пора вамъ въ путь ити“ и проч. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, гов. Микл., *сомнительно*, субъектно ли предложеніе, или нѣтъ: „захотѣлось сдѣлать“, мр.: „треба умрети“

475 Потѣбня отвергаетъ такой взглядъ и говоритъ, что правильность его должна находиться въ зависимости отъ правильнаго взгляда 1) на грамматич. субъектъ, 2) на неопред. накл. и 3) на предложенія съ *verb. finitum*.

1) *Грамматическимъ субъектомъ* въ славянскихъ нарѣчійхъ можетъ б. только субстанція, означенная *именительнымъ п.*, а въ греч. и нѣмецкомъ кромѣ того и субстантивированное неопр. накл. съ членомъ въ именит. п. Слѣдов. неопр. н. въ славянскихъ языкахъ субъектомъ не м. быть.

475 2) *Неопредѣленное накл.* (за упомянутымъ исключеніемъ въ греч. и нѣмец. яз.) есть форма *только предикативная* и выражаетъ *второстеп. сказуемое*, подлежащее къ которому или точнѣе — производитель дѣйствія своего указываетъ лишь или контекстомъ, или косвеннымъ падежомъ, стоящимъ при *главномъ* сказуемомъ: ἔχεις σοι (σε) λέγειν = „тебѣ можно говорить“, гдѣ „говорить“ есть второстеп. сказуемое; „тебѣ можно, чтобъ ты *говорила*“, между т. ч. по взгляду Микл. λέγειν здѣсь есть подлежащее.

3) Миклошичъ держится взгляда, что субъектъ можетъ выражаться и цѣлымъ предложеніемъ съ *verb. finitum*: „accidit, ut ille veniret“; слѣд.,

здѣсь *accidit*, по его мнѣнію, не есть безличное предлож., а только ска-
зуемое къ подлежащему, выраженному придаточнымъ предложениемъ, ибо
безсубъектное предложеніе бываетъ де только тогда, когда оно заключаетъ
въ себѣ *полный смыслъ и безъ субъекта или придаточнаго предложенія*,
замѣняющаго субъектъ (Mikl. Subjectl. Sätze 230). Потебня же утверждаетъ,
что предложеніе съ *verb. finitum* «никогда не представляется существомъ,
производителемъ, субъектомъ или объектомъ», слѣдов., придат. предложеніе
не можетъ б. и подлежащимъ къ главному сказуемому. Поэтому, въ пред-
ложеніяхъ «то, что онъ продаетъ имѣніе, было слышно давно, но *того*, что
онъ продалъ, что-то не слышать» *то*—подлежащее, *того*—дополненіе, *было*
слышно—субъектное сказ., *не слышать*—безсубъектное, между тѣмъ *оба*
придат. предлож. находятся въ *одинаковомъ* отношеніи къ своимъ глав-
нымъ: *слышно* и *не слышать*. Слѣдов., *субъектность* и *без-*
субъектность главныхъ сказуемыхъ отъ придаточныхъ пред-
ложеній не зависятъ. Равнымъ обр., скажу ли я «по утрамъ
мнѣ снится» и «мнѣ снится, что...», или «мнѣ хочется» и
«мнѣ хочется, чтобы... мнѣ хочется *нсть*», все равно сказуемыя будутъ
безсубъектны, ибо въ придаточныхъ предложеніяхъ и неопредѣленномъ «*бсть*»
не заключается производителей сна и хотѣнія, какъ представляется этотъ
производитель въ выраженіи: «мнѣ снится *то*, что...». Так. обр., по мнѣнію
Потебни, субъектность и безсубъектность подобныхъ оборотовъ зависятъ не
отъ неопредѣленныхъ наклоненій и придаточныхъ предложеній, а отъ того,
нуждается ли языкъ въ *указательномъ мѣстоименіи*, или же довольствуется
однимъ союзомъ для присоединенія придаточнаго предложенія къ главному:
если нуждается, то указательное мѣстоименіе въ *именительномъ* падежѣ
дѣлаетъ эти обороты личными: «*то* хорошо, что...», если же довольствует-
ся *однимъ союзомъ* (изъяснительнымъ или *цѣли*), то являются обороты без-
личными: «хорошо, что...»

Независимость
субъектности и
безсубъектности
отъ присутствія
неопр. накл. или
прид. предлож.

476

Безличные обороты изъ 3 л. въ ед. ч. есть, было, будетъ съ дат. пад.
и *неопредѣленнаго наклоненія* *).

Обороты эти бываютъ съ отрицаніемъ и безъ отрицанія,
при чемъ въ старинномъ языкѣ отрицаніе ставилось какъ при
«есть», такъ и при неопред. накл., въ новомъ же употребляется
Отрицаніе въ
этихъ оборотахъ
въ древ.-рус. и
новомъ яз.

*) Это мѣсто (отъ 476 до 480 стр.) почти не представляетъ ничего новаго
по сравненію съ тѣмъ, что сказано уже во II ч. *Записокъ* о безличныхъ оборотахъ
изъ глаг. *есть* (II, 400—425 стр.), судя же по ссылкамъ еще на *первое* изд. *За-*
писокъ 1874 года, слѣдуетъ заключать, что незаконченные и безсистемные на-
броски эти, состоящія иногда изъ однихъ только цитатъ, дѣлались Потебней до
2-го изданія 1888 г. и, быть можетъ, предназначались лишь въ качествѣ попра-
вокъ и дополненій къ 1-му изданію I и II ч. *Записокъ*. И. Б.

только при неопредѣленномъ: «мнѣ *неуйти*», за исключеніемъ сочетаній «не было, не будетъ *знать*—*видѣть*,—*слыхать*» въ знач. страдательномъ (= не будетъ *видно, слышно, знатно (замѣтно)*). Оборотамъ этимъ, какъ и вообще безличнымъ выраженіямъ, должны были предшествовать личные; такъ, безличный переходный (Ср. III, 457) оборотъ «такова правда взяти (есть) Русину» образовался изъ личнаго: «Русину есть правда взяти (ее)» (II, 416—417).

477 1) Образцы изъ глаг. *есть* съ знаменательнымъ значеніемъ *находит-ся, имѣется*, при чемъ то, что имѣется, выражается неопредѣленнымъ накл. съ относительнымъ словомъ *что*: *есть что дѣлать* и отриц. *ничего дѣлать* (=не есть что дѣлать: ср. II, 419 и сл.). Но „*есть люди*“—оборотъ личный (ср. *были, будутъ* люди), который становится безсубъектнымъ только при отрицаніи: „*нѣтъ людей*“. Несогласованіе же ед. числа *есть* со множ. *люди* объясняется неправильнымъ употребленіемъ отдѣльныхъ формъ

478 Затемненіе смысла формъ отъ «есть» и неправильное употребленіе «есть». гл. *есть*, затемненіе смысла которыхъ превратило *есть* въ общую личную форму: я *есть*, мы *есть*. (Ср. неправильное употребленіе *есть*: „кто *есть* у васъ загадку отгадаетъ“? — «Государь царь, ты *есть* мой батюшка». «Гдѣ *есть* онъ»? — (Пам. стар. Р. лит.). — Съ тѣмъ же значеніемъ *находится* безличное *есть* употребляется и для выраженія количества: «насъ *было (есть, будетъ)* столько-то» (Ср. III, 451).

2) *Есть* съ знач. *случаются, бываетъ*, при чемъ поясненіе того, что случается, выражается предложеніемъ или съ относит. словами *егда, что*, или и безъ нихъ. Примѣры:

а) *безъ отрицанія*: «онъ же начать красти десѣтъ вѣвериць (бѣлокъ) *есть* же, *егда* и по болшу» (Патер. Скит.).—«*есть* же и всю недѣлю токмо (одну просфору) вѣгушааше» (Патер. Син.).—«На всякой тычингѣ по маковѣ, А и *есть* по жемчужингѣ» Кир.—Сюда же относится безличное «было» въ выраженіяхъ: далъ *было*, дать *было*, *бывало* подхожу (Ср. II, 267—8), гдѣ «было» не сливается съ другимъ сказуемымъ въ одну форму, какъ и въ народ. поэзіи «было» постпозитивно при имѣющемся другомъ отдѣльнымъ сказуемомъ: «на зарѣ *было* зарѣ утренней... Отъ сна Пляя пробуждается».

479 б) Если же въ оборотахъ этихъ бываетъ *отрицаніе*, то оно сливается съ «что» (Ср. II, 241), т. е., «не есть, что» переходитъ въ «*нѣчто*» (нѣшто), при чемъ отрицаніе придаетъ значеніе *возможности, вѣроятности*: «А *нѣчто* (=можетъ б.) почнуть въ городѣ сидѣти крѣпко... и ты бы меня о томъ безъ вѣсти не держалъ» А. Зап., 1501—3 г.

в) Тотъ же отгѣнокъ возможности *есть* и безъ отрицанія получаетъ при обозначеніи количества (какъ мнр. *бува*): «и вси люди потопли безъ вѣсти, *есть* (=мож. б., вѣроятно) человекъ болѣ 200 потопло» Пск. I, 243.

3) *Есть, будетъ* въ смыслѣ *довольно, достаточно*: «*есть* тетяно» (довольно рублено).

Относительно *отрицательныхъ* безсубъектныхъ оборотовъ съ «*есть*», образующихся изъ субъектныхъ положительныхъ (*есть* люди—*нѣтъ* людей), нужно замѣтить слѣдующее. Переходъ субъектныхъ оборотовъ въ отрицательные безсубъектные возможенъ лишь тогда, когда «*есть*» употребляется съ значеніемъ *знаменательнымъ* (имѣется, случается, появляется и пр.), при чемъ им. п. субъекта замѣняется *родительнымъ*, который у Потебни признается за род. *лишенія, удаленія* (Ср. II, 326). Происхожденіе этого родительнаго Миклошичъ (IV, 355—7) думаетъ объяснить первоначальною транзитивностью глагола «*есмь*», прямой объектъ котораго переходитъ при отрицаніи въ род. п.: «*сестрѣ* *ѣсть* дома»—«*сестры* *нѣтъ* дома», но такъ какъ примѣръ «*сестрѣ* *ѣсть* дома» не оправдывается ни однимъ слав. нарѣчіемъ, то Потебня выводитъ этотъ родительный изъ *именительнаго*: «*сестра* *нѣтъ*», каковыхъ именительныхъ послѣ отрицанія въ н.-слав. и древне-русской письменности очень много: «*нѣтъ* бо *дрѣво* добро», «да не погыбнетъ *ничтоже*» (Маріин. Ев.), «*нѣтъ* *ничтоже*», «не бытъ *ничтоже*» Плат.—«Мнѣ о томъ съ папою и слово *никаково* не бывало» А. З. Р.—«А жалованье имѣ не дается *никакое*» Котош. Можно думать, что родительный вм. винительнаго при транзитивныхъ глаголахъ съ отрицаніемъ повліялъ еще въ очень древнее время на обороты «*ничтоже* *нѣтъ*», которые стали переходить въ «*ничтоже* *нѣтъ*», какъ и послѣ переходныхъ глаголовъ: «*нѣтъ* *иноу*» Маріин. Ев., «*сею* не бытъ преже въ Руси» А. до Ю. Б.—«На зиму не бытъ *сныа*» Новг. I.—«*Нѣтъ* *быды*» Вопрош. Кюр.—По этимъ же образцамъ ставятся родительные и послѣ отрицательныхъ *интранзитивныхъ* глаголовъ *возникновенія* и *исчезновенія*, *движенія* и *пребыванія* въ извѣстномъ состояніи: «*не стало* *человѣка*», «не прошло *дня*», «не лежало *ничего*», «отъ тѣхъ кандиль *ни одинаго* не возгорѣся» Дан. Пал.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

I.

Формальные (синтактическіе) признаки конкретности существительнаго. *)

Слѣды древняго паратактическаго атрибутивнаго сочетанія существительныхъ, какъ «дубъ столъ», «чара вино», видны

*) Эта статья въ Приложеніи отчасти соприкасается съ VIII-ой главой (hendiatys), главнымъ же образомъ служить дополненіемъ и продолженіемъ VI главы объ атрибутивности существительныхъ: въ VI главѣ говорится о паратактическомъ способѣ сочетанія атрибутивныхъ существительныхъ, а здѣсь о замѣнѣ паратактичности гинотактичностью. И. Б.

Безсуб. отрицательные образцы и объясненіе при нихъ род. п. изъ именительнаго.

480.

481-2.

483.

484.

487.

надлежасти: а)
род. и. сущест-
вительнаго и б)
прилагательное.

еще въ памятникахъ относительно новыхъ; но не сохранилось слѣдовъ паратактическаго сочетанія существительныхъ для выраженія принадлежности лицу, какъ напр. *домъ Марія*. Для выраженія принадлежности лицу, за исключеніемъ образцовъ *церковь Спасъ* и *икона Микола* (III, 206—216) употребляется уже выраженіе *ипотактическое*: или а) *домъ Маріи*, или б) *домъ Маріинъ*, т. е., атрибутивное существительное или а) ставится въ *род.* и рѣже въ другихъ косвенныхъ падежахъ, при чемъ сохраняется двойственность субстанцій (угожденіе *Христу*, паденіе *въ раю*), или б) атрибут. существительное замѣняется прилагательнымъ притяжательнымъ и относительнымъ (угожденіе *Христово*, паденіе *райское*).

488

Однородно съ этимъ употребляются также и мѣстоименія или а) *его*, *ея*, *ихъ* для выраженія принадлежности 3-му лицу, или б) *мой*, *твой*, *свой* (народ.: *ейный*, *нашияскій*, *своискій* и др.).

Оба эти способа замѣны паратактическаго атрибутивнаго существительнаго свойственны и другимъ языкамъ, сроднымъ со славянскими, но въ п.-славянскихъ и древ.-русскихъ памятникахъ *преобладаетъ* употребленіе *прилагательнаго* на мѣстѣ *родительнаго* принадлежности въ латин. и греч. яз. Напр. въ п.-славянскихъ памятникахъ: *иѣслинъ* творецъ, *хлѣбныи* печь, исповѣданіе *иръховноѣ*, *градное* плѣненіе (пл. города), *зврьская* смерть (см. отъ звѣря), *дѣтское* лишеніе (лиш. дѣтей), въ виду *голубинъ* (голубя), створеніе *бездное* (безны) и др. Въ русскихъ памятникахъ: *тѣлесное* покореніе (тѣла), *книжное* ученіе (ученіе книгамъ, грамотѣ), *ломъ копинный* и звукъ *оружыиный*, *литовское* воеваніе (съ Литвой), выгнанье *братне* (братевъ), *дворовое* (двора) поставленіе, *пожениая* (пожни) расчистка, *приказное* (въ приказахъ) сидѣнье, *струевой* (струга) ходъ, строеніе *пушечное* (пушекъ), *полоняная* своя вѣсть (о своемъ полонѣ), *лавочная* (изъ лавки) татба, *черкаская* *межусобная* кровь (=кровь, проливаемая черкасами въ междоусобіи), *воросскія* *проводныя* дѣла (=дѣла о приводѣ воровъ), *юсударская* слава (=слухъ про государя), *московская* волокита (=волокита по Москвѣ), *хвасташе* *молодеиное* (молодца). Тоже и въ мдр. языкѣ.

494

Переходная ступень развитія языка въ періодъ образованія прилагательныхъ притяжательныхъ.

Образованіе прилагательныхъ притяжательныхъ и относительныхъ застаётъ языкъ на той ступени развитія, когда мышленіе при паратактичности въ языкѣ проявляется въ болѣе *конкретной* формѣ, чѣмъ нынѣ, хотя въ то же время обнаруживается въ языкѣ и стремленіе къ отвлеченности и гипотактичности, такъ что языкъ, съ одной стороны, поддерживаетъ *привычку* къ конкретному мышленію, а съ другой—уступаетъ стремленію къ отвлеченности. Прилагательныя притяжательныя какъ разъ стоятъ на этомъ распутьи: они уже гипотактичны, но въ то же время придаютъ опредѣляемому существительному

и большую конкретность по сравненію съ родительнымъ принадлежности, такъ какъ, становясь атрибутомъ существительнаго, приписываютъ ему признакъ, мыслимый въ самомъ опредѣляемомъ („отчій домъ“), между тѣмъ какъ въ выраженіи „домъ отиѣ“ признакъ этотъ мыслится не въ опредѣляемомъ имени, а *въ* его, т. е. въ *объектъ* при немъ.

Вотъ еще образцы, въ которыхъ выражается стремленіе языка сдѣлать опредѣляемое существительное болѣе конкретнымъ чрезъ прилагательное притяжательное.

1) Образецъ „въ *моѣ Иваново мѣсто*“, т. е. „въ мѣсто (вмѣсто) меня Ивана“. Въ послѣднемъ выраженіи опредѣляемое имя „мѣсто“, превратившись въ предлогъ („вмѣсто“), потеряло уже свою субстанціальность, а слѣдов. и конкретность. — „Въ *попово Игнатово мѣсто*“ А. до Ю. Б. — „Тягался Пестомъ въ *Иуцмново мѣсто Ипатьево*“ А. Юр. — Въ такомъ же значеніи принадлежности могли соединяться съ опредѣляемымъ именемъ „мѣсто“ и *качественныя* прилагательныя: „посадили его... не въ *большее мѣсто*, не въ *меньшее*, садятъ его въ мѣсто *среднее*“ (Горе Злоч.), т. е., въ мѣсто, принадлежащее не большимъ, не меньшимъ, а *среднимъ* людямъ.

Отдѣльные образцы, указывающіе на большую конкретность опредѣляемыхъ существительныхъ при прилагательномъ притяжательномъ.

495

А такъ какъ вмѣсто атрибутивныхъ прилагательныхъ ставится и род. над. принадлежности, то нелишне замѣтить, что въ древнѣйшихъ памятникахъ сущ. „мѣсто“ по аттракціи ставилось также въ родит. падежѣ: „въ *него мѣста* поставляють“ Изб. 1073, „возьми меня за *жены мѣста*“ Пам. др. пис.; но бываетъ и наоборотъ: родительные обращаются въ винит. п. подвѣяннѣмъ выраженіи „въ мѣсто“: „въ его *Яковлеву голову мѣсто*“ А. до Ю. Б.

2) Образецъ „*своѣ земляниѣ*“, т. е., человекъ изъ *своей* (а не чужой) земли, „*свои слобожанѣ*“, „*мои князя Володимера Одревевича сельчанѣ*“, „*мои полчанѣ*“ и т. п. Въ атрибутивныхъ притяжательныхъ мѣстоименіяхъ этихъ образцовъ Потебня усматриваетъ не одну только принадлежность, но и *качественный* оттѣнокъ, какъ напр. въ пословицѣ 17 в. „хоть *чужь чужанинъ*, да *своѣ земляниѣ*“ (т. е. *такой же, какъ и я*, а не принадлежащій только къ моей мѣстности) на чужой сторонѣ мнѣ бываетъ“.

496

Согласно съ такимъ взглядомъ на принадлежность, какъ на качество опредѣляемаго имени, самый вопросъ о происхожденіи (*откуда?*) выражается прилагательными мѣстоименіями: *какой, каковскій, какой уроженецъ?* „Вы *каковскіе?*“ Въ народ. говорахъ: „*откулешиной? откудашиной?*“

3) Образецъ *малые люди* вмѣсто нынѣшняго „мало людей“ для выраженія количества. — На ступени конкретнаго языка количество, подобно принадлежности въ предыдущихъ образцахъ, также граничило съ качествомъ. Такъ др.-русское выраженіе „*малые люди*“ имѣло не только ка-

497-8

шеніи, но и количественное; *pauci homines*; и въ то вр. какъ теперь количественность въ этихъ оборотахъ выражается абстрактно, нарѣчимъ (*мало* людей),—въ языкѣ болѣе древняго строя количество многихъ вещей или одной собирательной обозначается прилагательными (еликъ, коликъ, нѣколикъ, много, малъ, невеликъ, доволенъ), вслѣдствіе чего опредѣляемое существительное представляется конкретнѣе, такъ какъ признакъ атрибута мыслится въ самыхъ вещахъ. „И рече Володимеръ: „се недобро, еже *малъ* городъ (собирает. вм. „*малы* городы“, т. е. мало городовъ) около Кіева, и нача ставити города по Деснѣ“... Лавр.—„*Малы* Греки (мало греговъ) нашему Государю доброхотны“ Пут. Лукъян.—„Землѣ русьскѣй *много* зло створше“ Лавр.—„*Многъ* полонъ взяша“ Лавр.—„*Кормъ* посломъ велѣлъ давати *доволенъ* (въ достаточномъ количествѣ) А. З. Р.—„Посла Володимеръ Славяту съ *нѣколкою* дружиною“ Лавр.—Въ формальномъ отношеніи къ этимъ же образцамъ относятся и другія прилагательныя, хотя бы они означали и не количество: «абы въ *землю* *глубоку* (вм. глубоко) не входилъ» Ипат.—Ср. въ лат. и греч. согласуемыя количественныя числительныя и прилагательныя: *centum, multi homines, ἡμίσεες λαοί* (половина людей) и т. п.

Принимая въ соображеніе стремленіе языка къ удаленію извѣстныхъ признаковъ изъ опредѣляемаго имени, чтобъ сдѣлать его болѣе отвлеченнымъ, можно умотрѣть, что позднѣйшій переходъ и отъ случаевъ „въ мое Иваново мѣсто“, „малые люди“ къ случаямъ „вмѣсто меня Ивана“, „мало людей“ однороденъ съ переходомъ отъ согласуемыхъ вторыхъ надежей къ ихъ замѣнамъ, отъ причастій къ дѣепричастіямъ, отъ согласуемыхъ прилагательныхъ положительной и сравнит. степени къ нарѣчіямъ.

Сравнивая грамматическій строй оборотовъ, *замѣняющихъ* *metonymia* и *hypallage* какъ другъ друга, говорятъ, что одинъ изъ нихъ есть приѣмъ первообразный этического (образнаго) мышленія, тропь или фигура; такъ напр. *pallida mors* (*блѣдная* смерть) есть тропь *метонимія* или фигура *hypallage* (*ὀπαλλαγή* замѣна); таковы и вышеприведенные примѣры: *гбслнь* творць, *хлбныи* печьи и пр. Конечно, это есть метонимія, состоящая въ томъ, что производителю приписанъ признакъ его произведенія: *смерти*, напр. приписанъ признакъ тѣхъ, которыхъ она дѣлаетъ *блѣдными*; но дѣло въ томъ, что, вопреки ученію о тропахъ и фигурахъ, этотъ-то метонимическій способъ выраженія и нужно считать первообразнымъ, а не тотъ, которому приписывается такъ назыв. „собственное значеніе“, *propria significatio, κοριστολογία*; „*mors pallentes efficiens*“, „пекарь *хлба*“, „пекарь, *пекущий хлбъ*“. И это естественно: „душевные *личныя* условія перваго возникновенія (метонимическихъ оборотовъ)... всегда проще, первообразнѣе, чѣмъ условія возникновенія соотвѣтственныхъ не тропическихъ

выраженій, которыя въ моментъ возникновенія тропа отсутствуютъ“ и для созданія которыхъ „нужно самообладаніе, рефлексія, противоположеніе себя всему внѣшнему“. Поэтому-то русскому путешественнику 1710—11 г. Лукьянову легче было приписать Царюграду свою личную эстетическую *ненасытность*, назвавъ его „градомъ *ненасытнымъ*“ (Пут. Лукьян., 34), вмѣсто того, чтобы сказать, что это — городъ, красотаи котораго насытиться невозможно. — Къ такимъ же метонимическимъ оборотамъ слѣдуетъ отнести въ рус. яз. и слѣд. выраженія: *пьяное вино* (вино, отъ котораго *человѣкъ пьянъ бываетъ*), *веселый папитокъ*, *вода живая*, *мертвая*, *морозъ красный носъ*, *скорая*, *юлодная смерть* и проч.

Примѣры метонимическаго употребленія атрибутовъ и древности ихъ.

503

504

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ производителю извѣстнаго качества приписывается обладаніе тѣмъ самымъ качествомъ, которое онъ производитъ въ другомъ, напр. кремню, изъ котораго появляется искра, приписывается огненность, и такое состояніе мысли можетъ быть отнесено къ той глубокой древности, когда для говорящаго *причина* и *слѣдствіе* представляются очень сходными и какъ бы тождественными. Отсюда возникаютъ *двойники* для объясненія разныхъ состояній (болѣзней) и судебъ человѣка (III, 301), при чемъ отношенія причины и слѣдствія извращаются: *слѣдствіе* является производителемъ того качества, которое должно быть отнесено къ *причинѣ*: не *горе-злочастіе* (двойникъ злочастнаго человѣка), удержавшее добраго молодца отъ самоубійства, утѣшило его, а добрый молодецъ утѣшилъ горе: „идеть (добрый молодецъ) веселья некручиновать; *утѣшилъ онъ горе-злочастіе*“. Отсюда объясненіе и многихъ метонимій въ языкѣ.

505

Объясненіе происхождения метонимій въ языкѣ

Отношеніе причины (производителя) и слѣдствія (произведенія) есть отношеніе подлежащаго къ сказуемому съ его опредѣленіями и дополненіями, и какъ признакъ слѣдствія приписывается причинѣ, такъ и признакъ сказуемаго переносится на подлежащее, ибо подлежащее первоначально есть точный противень сказуемаго. Такъ, вмѣсто отвлеченнаго оборота „человѣкъ, который торгуетъ просольной и свѣжей рыбой“, въ языкѣ конкретнаго мышленія является выраженіе: „просольный и свѣжій рыбникъ“, т. е., на подлежащее „человѣкъ“ перенесенъ признакъ сказуемаго съ опредѣленіями и дополненіями; отсюда метонимическій оборотъ: „се язь, *просольный рыбникъ* (т. е. человѣкъ, торгующій просольной рыбой)... продалъ есма свое анбарное мѣсто... *свѣжему рыбнику*“ А. до Ю. Б. Или: „дано *запасному пріемному цюловальнику*“ (т. е. присяжному, принимающему запасъ) Ibid.— „*Разъѣздная, походная* красная дѣвица (т. е. дѣвица, которая бываетъ въ разъѣздахъ, походахъ) и др. При этомъ въ влрусскіяхъ памятникахъ 16—17 в., при сочетаніи названій

506

Метонимическія выраженія при сочетаніи именъ

507

вещи, дѣйствія *вещи* и *дѣйствія*, въ случаяхъ метониміи и *hypallage*, опредѣляемымъ существительнымъ (или относительнымъ подлежащимъ) можетъ быть имя какъ вещи, такъ и дѣйствія, а сообразно съ этимъ и въ атрибутивное прилагательное обращается то то, то другое изъ сочетаемыхъ существительныхъ: „*товарная* покупка“ (= покупка товара), дѣло въ *вывозномъ* бобылѣ“ А. до Ю. Б., «записка въ *былой* жонки» Ibid., «челобитье въ... *выдраныхъ* листехъ» Ibid., тогда какъ въ позднѣйшихъ яз. и не въ метонимическихъ случаяхъ опредѣляемымъ существительнымъ бываетъ только имя дѣйствія: о *вывозъ* бобыля, о *побѣтъ* жонки, о *выдраніи* листовъ*).

508

Сюда же должны б. отнесены примѣры и съ опредѣляемымъ существительнымъ *поіііііі agentis*: ц.-слав. *земльный* дѣлатель, *сребрънъ* ковачь; въ нынѣшнемъ яз.: *часовой* мастеръ, *рыбный*, *винный* торговецъ, при чемъ однако 1) не обычны относительныя прилагательныя, получившія *качественный* отгѣнокъ значенія (*жельзный* кузнецъ, *деревянный* мастеръ), и 2) атрибутивъ *объекта* вовсе не соединяется съ опредѣляемымъ именемъ: говорится «*мастеръ стѣнныхъ* часовъ», но не возможно сказать: «*часовой стѣнной* мастеръ», «*винный крымскій* (=крымскихъ винъ) торговецъ».

509

Метонимия, выраженія, возникающія изъ сочетанія именъ *орудія* или *средства* и *дѣйствія* или *страдательности*.

По аналогіи съ метонимическими выраженіями, основанными на сходствѣ между причиною и слѣдствіемъ, между производителемъ и произведеніемъ, возникли въ языкѣ метонимическіе обороты изъ сочетанія и такихъ существительныхъ, изъ коихъ одно означаетъ не производителя и не причину, а *орудіе* или средство, другое же выражаетъ *дѣйствіе* или страдательность: «*мертвое* мыло», т. е. не то мыло, которое умерщвляетъ, а то, *которымъ* обмываютъ умершаго; «*спасенный* путь», т. е. путь, *которымъ* спасаются; «*благословенная* куница» А. Пст., т. е. куница (плата), за которую получается епископское благословеніе; «*оружье* княже *милостное*» Ипат., т. е. оружіе, на которомъ проявилась милость княжеская, и пр.

510

О различеніи значеній *притяжательно-относительныхъ* прилагательныхъ на *овз* (*старин. уй*), *инз*, *ь* (= *йз*; *ичий*), *ий*, *ьснз*, *ьнъ*, *ьнз* *въ* *качества* атрибутовъ.

Членовость и безчленовость прилагательныхъ, какъ средство различенія ихъ въ новомъ яз.

1) Новый великор. языкъ при помощи *именного* и *мѣстоименнаго* склоненія прилагательныхъ стремится установить разницу ихъ отношенія къ опредѣляемымъ существительнымъ, означающимъ *особь* (лицо), *множество* (или родовое понятіе) и *дѣйствіе*, какъ вещь. Такъ, *именныя* притяжательныя (Ивановъ, Марыинъ), а также и *субстантивированныя* прилагательныя (Ярославль, Смоленскъ),

*) Но можно бы сказать паратактически: о бобылѣ о вывозѣ, о жонкѣ о побѣтѣ, что свидѣтельствовало бы еще о болѣ древнемъ строе рѣчи, чѣмъ гипотактическіе обороты съ *атрибутивнымъ* прилагательнымъ. И. Б.

суть *личныя*, принадлежащія *одному* лицу, *мѣстоименныя* же прилагательныя притяжательныя, а также и относительныя суть *родовыя* (розловый, лебяжій, отцовскій, разбойный, воскресный). Но по направленію къ старинѣ разница эта теряется: родовыя притяжательныя и относительныя могли ставиться въ именной или безчленной формѣ, а личныя притяжательныя и субстантивированныя въ мѣстоименной: «жена *зла* мѣжа на оубійство острить, аки *Иродова* Прода» Изб. 1073; «преставися *Мѣстиславля* Хрѣстина» Новг. I; «приѣха княгини великая *Романова*» Ипат., «о жени внука своего *Июревною*» Ипат. «Недѣнитесь къ церкви ходити и на заутреню, и на обѣдно, и на *вечернюю*» Поуч. Лук. Ж.; «сему старцу отстоявшю *утренюю*» Лавр., но «*заутрени* суще годниѣ» Лавр.

511

512

2) Независимо отъ членности и безчленности, новый литературный яз. въ нѣкоторыхъ случаяхъ присваиваетъ притяжательнымъ личнымъ одни окончанія (*овъ, инъ*), а притяжательнымъ родовымъ и относительнымъ другія (*скій*): *царевъ* и *царскій* (царская пышность), *свиный* и *свинскій* и др. Первоначально же всякое притяжательное есть *личное*, предполагающее въ существительномъ, отъ котораго образовано, *особь*: въ выраженіяхъ «княгини *Володимера*» и «свѣтъ *мѣсѣць*» «*мѣсѣць*» столь же лично, какъ и «*Володимеръ*». Но позднѣе устанавливается разница между лицомъ и вещью, *особь* синекдохически принимается за родъ, мыслится все неопредѣленнѣе, и прилагательное при особи переходитъ изъ притяжательнаго личнаго въ родовое и относительное, приближаясь къ безотносительному, *качественному*. Поэтому, чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ обычнѣе въ немъ употребленіе *теперешнихъ* притяжательныхъ родовыхъ и относительныхъ въ смыслѣ *личныхъ*. По этой причинѣ тамъ, гдѣ мы теперь ставимъ прилагательныя относительныя, въ ц.-слав. и стар. рус. яз. употребляются притяжательныя прилаг. съ суф. *овъ* и *ь* (jъ): ц.-сл. «разореніе *Иерусалимова* града жидовска»; «ненадобъ имъ... ни *тиунь* (=тиунскій) кормъ, ни *праведничковъ*, ни *доводчиковъ* поборъ вм. праведничій, доводчій) А. Ист.; «запасы изготовить... людьми *помщишковыми* и *вотчинниковыми* и *архїепископлыми* крестьяны» А. до Ю. Б. Для выраженія же относительности, къ притяжательнымъ на *овъ* и *ь* (jъ) прибавлялись суф. *ьскъ, ѣнъ*: *Петровскій*, ц.-сл. «сияши *свѣтовное*».

513

514

515

Прилаг. съ суф. *инъ* отъ именъ существительныхъ на *а* и *ь* тоже сперва были притяжательными личными, которыя потомъ перешли къ относительности: «*волостелинъ* кормъ» Ак. Ист. (=кормъ волостеля, волостелевъ, а потомъ волостельскій), *татинъ* сперва-принадлежащій татю, а затѣмъ воровской: «кромѣ *разбойныхъ* и *татиныхъ* дѣлъ» Котом.

Прилаг. относит. съ суф. *ьскъ* въ стар. языкѣ могли означать также

принадлежность: *русский* = принадлежащій Руси, какъ собирательной особи, *Петровскіе жары*, *Крещенскіе морозы* имѣли такое же значеніе, какъ *Благовѣщеневъ день*, и замѣнялись иногда существительнымъ *родительнаго пад.* множ. ч.: «вдовы шляхтичовъ» (=шляхестекія) А. З. Р., «мѣсто *Гришинское* (Гриши) Ефремова» А. до Ю. Б. Но для обозначенія *кровнаго* происхождения болѣе употребительно прилаг. притяж. на *овъ*, а не *ьскъ*: «се язъ Александра *Васильева дочь* Андреевича, а *Федоровская жена* Ивановича» А. Ю. (= *дочь* Василья Андреевича, *жена* Федора Ивановича).

516

Особенности употребления атрибутивного существительнаго при прилагательныхъ притяжательныхъ.

Т. обр. въ старинномъ языкѣ существительное принадлежности для приданія большей конкретности опредѣляемому существительному обращается въ прилагательное притяжательное. Теперь спрашивается, какъ поступалъ языкъ съ тѣми

атрибутивными существительными, которыя бывають при родительномъ принадлежности?—Въ оборотахъ, какъ «сынъ *князя Володимера*», при обращеніи существительнаго принадлежности (*Володимера*) въ прилагательное притяжательное, обыкновенно и атрибутивное при немъ существительное (*князь*) обращается въ прилагат. притяжательное: «преставися Романъ *князь сынъ Володимиръ*» (=сынъ *князя Володимера*) Лавр. Но если атрибутивное сущ.

517

составляетъ одно сложное слово со своимъ бывшимъ опредѣляемымъ, то не переходитъ оно въ прилаг. притяжательное: «*князь—Семеново помѣстье*» (=помѣстье *князь—Семена*) А. до Ю. Б. Кромъ того наблюдается нѣсколько

(случаевъ въ старинномъ языкѣ, когда атрибутивное существительное могло оставаться и въ род. падежѣ послѣ перехода существительнаго принадлежности въ прилагательное притяжательное. Такъ, если атрибутивное существительное стоитъ въ болѣе отдаленной связи съ опредѣляемымъ или имѣеть при себѣ свое опредѣленіе (домъ *Маріи*, матере *Іоанновы*), то можетъ, а иногда и должно оставаться въ формѣ *родительнаго принадлежности*, который чаще ставился постпозитивно и рѣже—препозитивно.

Образцы постпозитивной и препозитивной постановки атрибутивного существительнаго въ род. падежѣ.

а) Образецъ ц.-сл. «въ дому *Симоновъ усмаря*», древ. рус.: «печера *Іоаннова Предтечи*» Дан. Пал.; «туже и *Павловъ* домъ бысть *апостола*» Пв.—Особенно употребителенъ при этомъ въ старин. рус. яз. родительный *отечественныхъ* именъ (*patronimica*): «княженъ *Романово Ростиславича*» Ипат., «поша зань (дочь) *Петровну Михалковича*» Лавр., а также *прозвища*: «*Степанъ да Петръ Васильевы дѣти Зяблая*» (=дѣти *Василія Зяблага*) С. Г. Гр. Но когда личные прозвища стали переходить потомъ въ родовыя, тогда и род. падежъ прозвища замѣнялся согласуемымъ прилагательнымъ: «*князь Михайль князь Юрьевъ сынъ Лыковъ*» Пвд.

518

519

б) Образецъ «*Елхимъ князя Юрьевъ боряринъ*», *Нороля Жигимонтовъ*

сынъ Владиславъ» А. Ю. и З. Р.; «отказалъ ему *Рязанца* Игнатьево помѣстье» А. до Ю. Б.

в) Когда атрибутивное существительное при притяжательномъ имѣть свое опредѣленіе, тогда род. п. ставится то *послѣ* притяжательнаго, то *передъ* нимъ: «домъ *Маринъ, матери Іоанновы*», «дворъ *Іудинъ, предателя Христова*», «до гроба *Рохамина, матери Іосифовы*» Дан. Пал.; «въ царствѣ *Исаковъ, брата своего*» Новг. I; «до перваго лѣта *Омова, русскаго князя*» Лавр. — «Воевали волость *брата* его Давидову и *сына* его Ростиславлю» Ипат.

521

г) При притяжательномъ можетъ стоять въ качествѣ атрибута не только атрибутивное существительное, но и прилагательное или причастіе, которыя также ставились въ род. падежѣ и, повидимому, только постпозитивно: «до гроба Рахилина, *матери Іосифовы Прекраснаго*» (= *Іосифа Прекраснаго*) Дан. Пал. — «О волость Герцюкову *убьенаю*» Ипат. (= Герцюка убитаго); «по убіеннѣ же Герцюковъ, *рекомаю* Фридриха» Ипат.

д) При этомъ вмѣсто родительнаго падежа *причастія* и *прилагательнаго* могло ставиться цѣлое *предложеніе* съ мѣстоименіями относительнымъ и указательнымъ, которыя относятся къ атрибутивному притяжательному: «помяная *слово Господне* (= Господа), *иже* (Г-дь) рече» Лавр., «до *Герасимова* монастыря, *ему же* (Герасиму) лютый звѣръ поработа, верста едина» Дан. Пал.; «а оттуду до гроба *Асафатова*... то бо (= *тѣ*, т. е. Асафатъ) есть былъ царь Юудейскый» Пв. — Въ заглавіяхъ: «о *царевнинныхъ* покояхъ и о житіи *ихъ*» (= царевенъ) Котош. Даже у Карамз.: «при сихъ словахъ прервался *Лафатеровъ* голосъ; *онъ* (Лафатеръ) утерся платкомъ» *). Ср. III, 341.

521

е) Иногда, впрочемъ, прилаг. притяж. и род. п. существительнаго, отъ котораго могло бы также образоваться притяжательное, стоять рядомъ: «неволею *Всеволода* и *Святославею*» Ипат. Однако рус. языкъ болѣе древняго строя, въ силу стремленія къ наибольшей конкретности опредѣляемаго имени, предпочитаетъ ставить прилагательныя вм. родит. принадлежности (Ср. III, 488, 494), при чемъ и самыя прилагат. притяжательныя и относительныя, безъ сомнѣнія, были тогда болѣе конкретны, чѣмъ въ нынѣшнемъ яз., доказательствомъ чего служить уже то одно, что опредѣленіе и придат. опред. предлож. относились къ нимъ какъ бы къ существительному: «домъ *Симонъ усмаря*» (= *Симона усмаря*), «слово *Господне, иже* рече (слово *Господа, иже* рече). Наоборотъ, въ языкѣ новаго строя такія сочетанія устранены, пот. что атрибутивныя притяжательныя уже мало напоминаютъ сознанію о субстанціи того существительнаго, отъ котораго они образованы, и

522

523

*) Для избѣжанія двусмыслицы и неясности при этомъ въ старин. рус. яз. нерѣдко повторялось въ придат. предл. *существительное*, отъ котораго образозано притяж. прил.: „дается на *церковное* строеніе, *которые* церкви бывають разорены“ Котош. (Ср. выше III, 338 и слѣд.). И. Б.

мыслятся отвлеченно. Поэтому-то и ставится теперь въ подобныхъ случаяхъ вмѣсто прилагательнаго род. пад. принадлежности: «домъ *Симона усмаря*» (или архаичнѣе: домъ *Симоновъ усмаревъ*), слово *Господа*, Который сказалъ.

Двусмысленные образцы съ прилаг. притяжательнымъ и род. принадлежности.

Прилагательныя притяжательныя и род. принадлежности въ старин. языкѣ могли означать принадлежность какъ производителю дѣйствія (субъекту), такъ и постороннему лицу или предмету (объекту). Отс. пронеходила двусмысленность въ пониманіи опредѣляемаго существительнаго. Образцы «страхъ *Игемоновъ*» и «страхъ *Игемона*» двусмысленны и могутъ быть точно понимаемы лишь изъ контекста; они означаютъ или страхъ, испытываемый самимъ *Игемономъ*, или страхъ, производимый имъ на другихъ. Такихъ примѣровъ множество: «побѣда наша» = или мы побѣдили, или насъ побѣдили: «и жалися о побѣдѣ земля руское» (= что рус. земля побѣждена) Ппат.; «обида наша» = =мы или насъ обидѣли: «за обиду *Олову*» (= перенесенную Олегомъ) Сл. о П. Пг.; «нужа моя» = я понуждаю или испытываю понужденіе; «воля, неволя моя» = я воленъ, неволенъ или я неволю, принуждаю: «Мстиваствъ и Володимеръ... поидоши неволю татарскую» Ппат.; «гроза моя» = гроза, производимая или испытываемая мною; «царская кручина» = печаль царя или гибель царскій на кого; «дань моя» = я даю или мнѣ даютъ: «гибель моя» = я гибну, погибъ или что у меня погибло, т. е. моя потеря; «мой грабежъ» = заграбленное мною или заграбленное у меня; «чье цѣлованье» = кто цѣлуетъ и кому цѣлуютъ крестъ.

Переходъ относительныхъ прилагательныхъ въ безотносительныя или качественныя.

По мѣрѣ того, какъ связь прилагательнаго относительнаго съ тѣмъ первообразнымъ существительнымъ, отъ котораго оно образовано, сознается все меньше и меньше, — прилагательное становится все отвлеченнѣе, безотносительнѣе и, наконецъ, получаетъ общее значеніе качества постоянною. Такъ, истинный въ стар. яз. имѣло п общее значеніе: истинный, настоящій («хлѣбъ истинный»), и частное: принадлежащій истинѣ: «духъ истинный» (τὸ πνεῦμα τῆς ἀληθείας = духъ истины); въ новомъ же яз. имѣть постоянное качественное значеніе: «имѣющій свойство истины»; «звѣрская смерть» значить теперь только «жестокая», а не «отъ звѣря», какъ значило въ старин. яз.

Два способа возведенія частнаго значенія къ общему. Двандва

Возведеніе частнаго значенія къ общему бываетъ двойное: или одно частное получаетъ значеніе общаю (virtus — добродѣтель вообще), или же общее означаетъ двумя и нѣсколькими частными, что особенно распространено въ китайскомъ языкѣ, и индійскими грамматиками называется *двандва*; напр. у китайцевъ «разстояніе» обозначается сочетаніемъ противоположныхъ частныхъ: «далеко-близко», «вѣсь» — сочетаніемъ: «тяжело-легко». Подобный же способъ выраженія общихъ по-

пятій, повидимому, свойственъ былъ и древнимъ славянскимъ языкамъ, напр. «*братъ-сестра*» (дв. ч.), род. братъ-сестрома; *мъ-же-женъ-ми* (Микл. Gr. II, 378).

Въ устной русской словесности, а отчасти и въ просторѣчьи довольно часты, хотя и не сложены «братъ-сестра», но все-таки сближенія грамматически самостоятельныхъ словъ, при чемъ сочетаніе словъ бываетъ то а) *соединительное*, то б) *раздѣлительное*. Вотъ образы сочетанія *соединительнаго*: «*отецъ-мать*» (= родители): «*отецъ-мать* молодца во любви *держалъ*»; *хлѣбъ-соль*, *родъ-племя* (вообще родственники): «и *весь родъ-племя* отрекались»; *бой-грабежъ*, *лукъ-колчанъ*, *питье-кушанье*, *кушачекъ-колпачекъ* (=остальная одежда), *князя-бояря*, *грибы-ягоды*, *пыль-туманъ*, *гуси-лебеди*. Тоже въ млр. и болгар. яз. Изрѣдка соединяются кромѣ существительныхъ и другія части рѣчи: «древно *тонко-высоко*», «бѣла-румяна», «криво-прямо» (=какъ-нибудь), «такъ-сякъ», «живъ-здоровъ»; млр.: «пострѣляйте-порубайте». — Во всѣхъ этихъ примѣрахъ обобщеніе вытекаетъ изъ отношенія *соединительнаго* (то и то), но обобщеніе можетъ вытекать и изъ отношенія *раздѣлительнаго* съ значеніемъ «или то, или другое, но нѣчто въ томъ же родѣ», напр. «*малина-малина*, *красная смородина*». II такого рода сочетаніе не есть сочетаніе синонимовъ, какъ *путь-дорога* (ибо здѣсь сочетаются совершенно различныя одна отъ другой субстанціи), а перечисленіе двухъ или нѣсколькихъ, часто *несовмѣстныхъ*, предметовъ для обозначенія предмета *общаго*; напр. *орда-Литва*, т. е., государство вообще; *царь-король*, т. е., правитель вообще; *Индья-Корея*, т. е. отдаленная кака-то страна; «изъ-подъ дуба... изъ-подъ вяза... изъ-подъ кустышка да съ-подъ равитова... изъ-подъ камышка было изъ-подъ бѣлаго пала-выпала мать Нѣвра-рѣва» (Гильф.), т. е., ни изъ-подъ того, другого и третьяго, а изъ-подъ *мѣсу* вообще выпала Дѣвиръ.— «И я *золото* хороноу, чисто *серебро* хороноу», т. е., не золото и серебро, а безразлично—*дорогой перстень*. Другіе подобныя же обороты: *звѣриное-зминое*, *соколъ-кречетъ*, *бурушка-коурушка*, *гуси-лебеди*, *яруша-яблонь*, *туры-олени*, *турки-татары*, *Дунай-море*, *вишни-черешни*, *сивцы-вороницы*, *атаманы-молодцы* и т. п.

Сюда же относится выраженіе *неопредѣленности числа* посредствомъ сопоставленія *меньшаго* и *большаго* въ *восходящемъ* направленіи: два-три» (а не «три-два»), при чемъ меньшее и большее или соединяется раздѣлительнымъ союзомъ, или не соединяется: «и бывъ *малое* или *многое* время (т. е. *нѣкоторое* время), поѣдетъ къ жениху» Котомъ.— «Меня мати хочеть бити *по три* утра *по четыре*» Шейнь. Рус. нар. п.—Тоже въ млр. и серб. языкахъ: «*два-три*», «*до два—до три*» для выраженія неопредѣленности.—Сочетанія такого рода при выраженіи неопредѣленности могутъ замѣняться еще вопросительными частицами (рус. *ли*, млр. *чи* и *чили*) и

Выраженіе неопредѣленной общности числа посредствомъ сопоставленія меньшаго и большаго и чрезъ отрицаніе не въ сравненіяхъ.

530

531

532

533-6

537-8

539

540

541

отрицаніемъ *не* въ положительно отрицательныхъ сравненіяхъ: «веляше впряхи три-ли, 4-ли, 5-ли женъ въ телѣгу и повезти Обрѣна» Лавр.—«Чи три, чи чотирі?»—Положительно-отриц. сравненіе: «Ой у лузі въ лузі червона *калина*, ой то же *не калина*, молода дівчина». Это „*не*“ въ сравненіяхъ является началомъ перехода къ значенію сравнительной частицы *какъ* и при числительныхъ сближается съ старин. русскимъ *нѣ* (=не есть) для обозначенія неопредѣленности: „нѣ триста“=около 300 (Ср. II, 423), „триста нѣ“ (=не есть) триста“, т. е. *какъ бы* триста, около трехъ сотъ. Когда же соединяются оба способа—и вопросительный, и отрицательный, то получается форма: «чи три, чи не три», а при опущеніи первой половины является «чи не три» (=почти три): «наши брати були *чи не шістьма* годами старші від насъ». Въ стар. рус. яз. подобное опущеніе первой половины при раздѣлительномъ сочетаніи: «и отяша полонъ весь (у Литвы), а княжиць (Литовскихъ) пѣече Александръ *или* болѣ 8» (т. е., осемь *или* болѣе осми) Новг. I.

Въ финскомъ эпосѣ (Калевала) подобное же сочетаніе числительныхъ для обозначенія неопредѣленности: «вотъ *четыре* дѣввы, видитъ, даже *пять* невѣсть... топоръ свой точитъ на *шести* кускахъ кремневыхъ, на *семи* точильныхъ камняхъ, тамъ *шесть* зернышекъ находить, *семь* сѣмянъ онъ поднимаетъ» (Калевала, перев. Бѣльскаго, стихи 26—30).

Отрицаніе *не* въ славянскихъ языкахъ (а отчасти и въ другихъ) не только отрицаетъ значеніе того слова, въ тѣсную связь съ которымъ входитъ, но и превращаетъ значеніе въ *положительное противоположное*: «*недругъ*», т. е. врагъ, «*нехудъ*», т. е. хорошъ («*нехуда* гнѣзда шестокрыльци» Сл. о П. Иг.), *недугъ*, *недужный* (слабый), *немочь*, *нелекая* (сила), т. е. тяжелая. При этомъ есть и такія отрицательныя слова съ положительнымъ противоположнымъ значеніемъ, которыя происходятъ отъ первообразныхъ *неотрицательныхъ* словъ, заключавшихъ въ себѣ не общее, какъ теперь, а *частное* значеніе съ отѣнкомъ одобренія; напр. *непогода* отъ «погода» съ частнымъ значеніемъ лишь *хорошей* погоды, *благоприятнаго* времени: «*непогодье* есть зимѣ воевати» Ипат.; мдр. *неслава* (безчестье) отъ «слава» съ значеніемъ лишь *доброй* славы; *нелюдь* (дурной народъ) отъ «люди» съ значеніемъ лишь *настоящихъ*, хорошихъ людей; *непутица* (распутица) отъ «путь» съ значеніемъ *хороший* путь, откуда *путный* (человѣкъ), *непутевый*; древ. рус. *неверемя* (безвременье) отъ «время» съ значеніемъ *добрая* пора; *нежитье* (ссора) отъ «житье» съ значеніемъ *мирнаго* житья; *нервчъ* (неправда) отъ „рѣчь“ съ значеніемъ *правдиваго* слова: „ты неправду говоришь и *нервчъ* ты кажешь“ Шейнъ, Рус. н. п.—Когда сопоставляются др. съ др. такія утвердительныя и отрицательныя по формѣ слова, тогда полу-

542

543-4

515

Отриц. *не*, дающее слову противоположное значение (*недругъ*).

Отрицаніе *не* въ славянскихъ языкахъ (а отчасти и въ другихъ) не только отрицаетъ значеніе того слова, въ тѣсную связь съ которымъ входитъ, но и превращаетъ значеніе въ *положительное противоположное*: «*недругъ*», т. е. врагъ, «*нехудъ*», т. е. хорошъ («*нехуда* гнѣзда шестокрыльци» Сл. о П. Иг.), *недугъ*, *недужный* (слабый), *немочь*, *нелекая* (сила), т. е. тяжелая. При этомъ есть и такія отрицательныя слова съ положительнымъ противоположнымъ значеніемъ, которыя происходятъ отъ первообразныхъ *неотрицательныхъ* словъ, заключавшихъ въ себѣ не общее, какъ теперь, а *частное* значеніе съ отѣнкомъ одобренія; напр. *непогода* отъ «погода» съ частнымъ значеніемъ лишь *хорошей* погоды, *благоприятнаго* времени: «*непогодье* есть зимѣ воевати» Ипат.; мдр. *неслава* (безчестье) отъ «слава» съ значеніемъ лишь *доброй* славы; *нелюдь* (дурной народъ) отъ «люди» съ значеніемъ лишь *настоящихъ*, хорошихъ людей; *непутица* (распутица) отъ «путь» съ значеніемъ *хороший* путь, откуда *путный* (человѣкъ), *непутевый*; древ. рус. *неверемя* (безвременье) отъ «время» съ значеніемъ *добрая* пора; *нежитье* (ссора) отъ «житье» съ значеніемъ *мирнаго* житья; *нервчъ* (неправда) отъ „рѣчь“ съ значеніемъ *правдиваго* слова: „ты неправду говоришь и *нервчъ* ты кажешь“ Шейнъ, Рус. н. п.—Когда сопоставляются др. съ др. такія утвердительныя и отрицательныя по формѣ слова, тогда полу-

546

547

Соединительное и раздѣлительное сочетание

чается значеніе *малости, непрочности* качества общаго понятія. Такъ а) при сочетаніи *соединительномъ* въ сербск. утвердительныхъ и отрицательныхъ словъ.

„вѣра и невѣра“ означаютъ *ненадежность*: не то вѣрить, не то не вѣрить. Тоже и въ примѣненіи къ глаголу: «идучи не идяху» Ипат. =шли-нешли, т. е. шли *медленно, съ трудомъ*; «выспалась-не выспалась»; «Илья-то тутъ и былъ и нтъ» Кир.—Такое же значеніе получается при сочетаніи словъ

противоположнаго значенія и безъ отрицанія: «Игорь *спитъ, Игорь бдитъ*» Сл. о п. И., т. е., полуспитъ, полубодрствуетъ. б) Соединительному сочетанію соотвѣтствуетъ по значенію сочетаніе утвердительныхъ и отрицательныхъ словъ въ формѣ вопроса: ли-ли, мѣр. чи-чи; напр. «*чи* спала, *чи* не спала (=мало спала), а ухопіла відра и пійшла по воду» Квит.—«Вона тихесенько устала, *чи* обулася, *чи* ні» Ід.—*Чи* йла, *чи* нейла (=зѣла трохи) Ів. *)

548

549

550-551

II.

Тождесловіе, сочетаніе синонимовъ.

552

«Сочетаніе синонимовъ, словъ различнаго происхожденія, должно разсматриваться какъ средство создать *новое* значеніе», гов. Потебня.

Первоначально сочетаемые синонимы, напр. *путь-дорога*, означали различныя вещи, какъ и сочетанія несинонимическія:

хлѣбъ-соль (Ср- выше III, 530 и сл.), съ тою лишь разницею, что въ синонимическихъ сочетаніяхъ есть нѣкоторое совпаденіе значеній синонимовъ, какъ напр. въ стар. влр. словахъ *животъ* и *статки*.

Первоначально значенія этихъ словъ *не* совпадаютъ и лишь потомъ обобщаются: *животъ* сперва *живое* имущество (скотъ), затѣмъ—*движимое и недвижимое* имущество и *деньги, статокъ* же (во множ. ч.) сперва—*недвижимое* имущество, а затѣмъ и *движимое*, такъ что уже въ смыслѣ синонимическаго сочетанія оба эти слова стали употребляться безразлично съ значеніемъ движимаго: скотъ, хлѣбъ, драгоценности.

Путь-дорога: «путь» въ XII в. (Поуч. Вл. М.), между прочимъ, употреблялось въ значеніи *военнаго похода*, позднѣе сблизилось со словомъ «дорога», а въ 16—17 вв. «путь» и «дорога» стали уже тавтологичны: «ой пришовъ козакъ з *війська з дороги*», «въ *військо-дорогу* виряжай мене» Чуб.—*Честь-хвала, честь-слава*: сперва «хвала» и «слава» были атрибутами къ «честь» и лишь по-

Происхожденіе синонимическихъ оборотовъ изъ словъ несинонимическихъ.

553-4

Образцы синонимическихъ сочетаній изъ существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ и нарчій.

*) Отлично отъ этихъ сочетаній сочетаніе *раздѣлительное*, дающее въ результатѣ значеніе: „такъ или иначе“, „все равно“; напр. влр.: „была—не была!“ т. е., такъ или иначе, все равно. Тоже въ польск. и мѣр. яз.; напр. „*gad-nierad*“; „*поможись-не поможись*, а въ калиточку уложись“, говорила знахарка, пряча деньги за лѣченіе, т. е. „такъ или иначе“, „какъ бы ни было“=„все равно“, а въ калиточку ложись.

томъ стали тавтологичны.—Млр. *до суду—до віку*, т. е. до смерти*). Млр. *кохати-любити* тавтологичны, но въ польскомъ *кохаѣ* сильнѣе, чѣмъ *lubić*.—Влр.: *страсти-ужасни* (Кир.), *безъ жалости безъ малости, житье-бытье, кручина-тоска, ростомъ-возрастомъ, не промъ-не стукъ, письмо-грамота, ясенъ-красенъ, сонливая-дремливая, трудна-больна; высматривалъ-вылядывалъ, ходилъ-гулялъ, журишь-бранить, ни сжить-ни сбыть, спать-лежать; „думай-гадай“* (Пнат.), „думали та гадали“ (З. о Ю. Р.); „какъ пунечку топеречку“ (Гильф.), *потихошечку-полеюшечку* (Шейнъ); млр. „*тутечка-здесечка*“ и др.

Отдѣльные образцы изъ повторенія того же слова. Образецъ *дне-дне*—повтореніе слова въ той же формѣ для усиленія значенія, а по отношенію ко времени для выраженія учащательности, длительности: *«день-день шштоуть»*

Избор. 1073 г., *добрый-добрый* (т. е. очень), *пѣтъ-пѣтъ* (много, долго).

Обр. *хватъ-похватъ, ходить-походить*, гдѣ предлогъ *по* означаетъ *последовательность*, а глаголь съ предлогомъ бываетъ вида *несовершеннаго*: *«бынутъ-побынутъ 30 кораблей»*; *„плыли-поплыли 4 утѣны“*, *„думаю-подумаю“*, *„птышитъ-потышитъ“*.—Съ *другимъ* предлогомъ и со значеніемъ *совершеннымъ*: *„мела-повымела“*, *„спився-присився“*. Съ болѣе длительной формой на *ас* (млр.) и *ыва* (влр.): *„видѣла-сповидала“*, *„кляла-проклинала“*, *„кличе-покликаѣс, „курить-рокуряѣс“*.

Повтореніе (удвоеніе и утроеніе) слова является также средствомъ для представленія продолжительности дѣйствія и интензивности качества: *„ждала я ждала, ждала ѣ дождала“*; *„шла, шла... и вдругъ“*..., *„ходитъ-похаживаетъ“*.—И вотъ *одна, одна* Татьяна Пушк.—*„Едва, едва таскаю ноги“* Пушк.—*„И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... 35 тысячь однихъ курьеровъ“* Гог.

Тавтологія (**). Изъ повторенія вытекаетъ тавтологія; но не всякое повтореніе одного и того же слова составляетъ тавтологію; напр. *„дымомъ дымится подъ тобою (Русь) дорога“* (Гог.) есть тавтологія, но *„стоитъ того, чтобъ о немъ толково потолковать“* (Гог.)—не тавтологія.

Образцы тавтологій особаго рода:

1) *„Скажите не утайте“*, *„малъ не великъ“*, т. е. за утвердительнымъ значеніемъ перваго слова слѣдуетъ отрицательное, которое однако означаетъ то же, что и первое слово. Такъ сопоставляются глаголы, прилагательныя, нарѣчія и—рѣже—существительныя. Иногда же сначала ставится отрицаніе, а потомъ утверженіе: *„Изяслава ти ся неотлучати, но... съ нимъ быти“* Пнат.—*„А подати (съ мужиковъ) имати по силъ... а не черезъ силу“* Котош.—*„А ходять они не дороюю, бездорожицей“* Гильф.—

*) Ср. «на судъ приведе» Сл. о п. И. И. Б.

**) Опредѣленія тавтологій у Потебни вѣтъ. И. Б.

„Я вечеръ же, братцы, былъ *женѣтъ не холостѣ*, а шичеу я сталъ *холостѣ не женатѣ*“ Ibid.—Тоже въ влр. и серб. яз.

567-8

2. а) „*Не кто, (з) самѣ*“... и б) „*ни кто не... только*“ Въ этого рода тавтологіяхъ отрицаніе всегда въ началѣ, а противительное второе предложеніе придаетъ утвержденію наибольшую выразительность: а) „*Не кто гонить, самѣ бѣжить*“, „*не кою зовуть, тебѣ (зовуть)*“;—б) „*Ни кому ты, моя кручинушка не извѣстна, извѣстна (только) ты, моя кручинушка, ретиву сердцу*“ Шейнъ.—„*Ничею поле не породило, породило поле часть ракивовъ вустѣ*“.—Тоже въ мдр., серб., болг. яз.

569

570-3

III.

Грамматическій родъ.*)

574

Ученые (Гумбольдтъ, Поттъ, Штейнталь, Миклош.) думаютъ, что *грамматическій родъ* свойственъ языкамъ только индоевропейскаго, семитическаго и египетскаго племени, а остальные различаютъ лишь *полъ*, при чемъ *средній* родъ различаютъ только индоевропейскіе языки, изъ коихъ въ романскихъ, кельтскихъ и литовско-латышскомъ языкахъ въ относительно недавнее время *средній* родъ вовсе исчезаетъ, а въ великорусскомъ обнаруживается стремленіе замѣнить *средній* родъ мужескимъ: „*яблокъ садовой*“, „*вины*“. Поэтому на грамматическій родъ нужно смотрѣть, какъ на явленіе, порожденное *временными* потребностями мысли и притомъ *національной*, а не общечеловѣческой.—Миклошичъ (Гр. IV, 18) согласно съ Гумбольдтомъ предполагаетъ, что первобытный человѣкъ еще неспособный замѣтить разницу между собою и вѣщими предметами, представляетъ ихъ такими же *живыми* существами, какъ и онъ самъ, *дѣлая* при этомъ *полъ* существа *родомъ словъ*. Отсюда два рода—мужескій и женескій въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. семитическихъ и египетскомъ. Спенсеръ справедливо отвергаетъ этотъ взглядъ на неспособность первобытнаго человѣка отличать вѣшний міръ отъ своего „я“, а Поттъ прибавляетъ, что если человѣкъ и олицетворялъ въ свое время вещи, то дѣлалъ это по другой причинѣ, а именно—„для разграниченія понятій и для установленія *сходствъ* и *различій* въ отгѣнках“, что придавало мысли „эстетическую оболочку“, т. е. сопровождалось удовольствіемъ отъ красоты. Точно также и „*различіе родовъ* въ языкъ сообщаетъ ему своеобразную прелесть“ (Микл. Гр. IV, 19).

Взглядъ ученыхъ на родъ имени по сравненію съ поломъ

575

Грамматическій родъ, какъ средство для установленія сходства и различія отгѣнковъ въ понятіяхъ.

576

Какими же средствами располагаемъ мы для разграниченія понятій по *сходству* и *различію*?—Это сходство и различіе выражаемъ мы съ одной сто-

*) Эта статья должна служить дополненіемъ къ главѣ V: «Происхожденіе разрядовъ существительнаго» (III, 101—128). И. Б.

роны *пространственно*: „близокъ“ — „ѣжика“ (affinis) = сосѣдь по мѣсту, потомъ — родственникъ, а съ другой — *человѣческими отношеніями родства и свойствъ*: въ одной лѣснѣ напр. сходство *частныхъ* понятій, входящихъ въ составъ *родового* „мучныя кушанья“, представлено въ видѣ *свадьбы* „блина“

Лексическое обозначеніе родства и свойства, какъ принадлежности частнаго понятія къ роду, семейству.

и „олады“, остальные же частныя понятія этого рода называются *свахами, дружками, гостями* (З. о Ю. Р. II, 27).

Въ Великороссіи до 17 в. имена разныхъ печеній становились даже собственными, откуда произошли фамиліи *Колачевъ, Пироговъ*, а иногда отецъ, сынъ и внуки носили хлѣбныя имена:

577 *Оладья, Коровай, Блинъ, Куличъ* и т. п., какъ напоминанія о *родствѣ* разныхъ печеній, составляющихъ одинъ *родъ, семейство*. Въ ц.-слав. яз. для выраженія *близости видовъ* служило слово *ѣжичьство* (у I. Экз. Б:

578 *ѣжичьство*); *вещь и явленіе*, родственныя между собою, назывались *братъ* и *сестра*, какъ и теперь; то отношеніе близости, которое мы выражаемъ нынѣ словами: „и проч.“, „и т. под.“, до недавняго времени въ влр. яз.

579 выражалось: „*съ товарищи*“: „много городовъ турецкихъ: *Киля* градъ *съ товарищи*“ Пут. Лукъян. Для выраженія единства *родины*, какъ большой семьи, въ стар. рус. яз. служить *сынъ* (во множ. ч.): „Господь хвалимъ отъ русьскыхъ *сыновъ*“ Лавр. — „Немизѣ кровави брезѣ... поѣяни костыми Рускихъ *сыновъ*“ Сл. о П. II. Для обозначенія *единомышленниковъ* и *близкихъ приближенныхъ* кого-либо употреблялось сущ. „*чадь*“: „Ротиборова *чадь*“ Ипат., т. е. единомышленники его; „*Антихова чадь*“ = οἱ περὶ τὸν *Αυτίουχου* и т. п.

580 *Грамматическое обозначеніе отношенія къ роду, племени посредствомъ суффиксовъ.*

Кромѣ *лексическаго* обозначенія близости понятій, выражаемаго особыми словами: сынъ, чадь и т. д., отношенія къ роду, племени, странѣ, а также и указаніе на происхожденіе отъ особи (патронимичность) выражаются и чисто грамматически, *суффиксами*. Такъ,

суф. рус. *ичь* (ц.-сл. *иштъ*) образуетъ а) имена *малыхъ вещей* и *молодыхъ животныхъ*: „дѣтиштъ“, „пъртиштъ“. Рус. яз. не оставилъ слѣдовъ образованія уменьшительныхъ именъ на *ичь**), а слѣды образованія молодыхъ животныхъ есть: „пѣтичь“ (птичка) Сл. о П. II. — б)

Суф. *ичь* образуетъ имена *людей по отчеству и материнству* (муж. и жен. р.) во всѣхъ слав. нарѣчійхъ, причемъ *ичь* или 1) присоединяется прямо къ темъ существительнаго:

581 *Ильичь, дѣдичь, отъичь*, или 2) къ суффиксамъ притяжательныхъ прилагательныхъ *їв, ов, (жен. овьна), ин* (жен. иничька): *Святославичь, Ольговичь*. При этомъ къ формальному *ичь* присоединялось лексическое „сынъ“, „дочь“:

„*Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ*“, „*Забава дочь Путятична*“, а за не-

*) Быть можетъ, слова съ этимъ отѣнкомъ перешли въ форму — *ище*: отрочище, дѣтище.

имѣніемъ отчества—паратактично: „Васютычка *сынъ* пьяница“.—в) Имена на *ичь* отъ отечественности переходятъ къ значенію *принадлежности къ дружинѣ, партіи*, а также къ *мѣстности, юроду и странѣ*: „Володимировичи“ т. е. войско и дружина Владимирка, „Русичи“, „Песковичи“, „Родичи“—сынъ рода, принадлежащій къ роду.

Суф. *юкъ* (укъ). Измѣненія значеній этихъ именъ сходны съ *ичь*: а) уменьшит.: Мишугъ; б) отечеств.: Ивановъ, Богдановъ; в) принадлежность къ мѣстности, племени: Пинчукъ (отъ Пинскъ), Севрюкъ (Съверянинъ).

Суф. *якъ* (акъ) съ тѣми же значеніями: а) польск. *dziesiąk*; б) мр. Борсякъ; в) мр. литвякъ.

Суф. *ьць* (Ср. III, 126-7), братаецъ. а) Въ влр. съ XV в. образуются уменьшит. собств. на *евъ* муж. р. и *ица* жен. (параллельно съ именами на *ко, ка*), но не обозначаютъ непременно малолѣтнихъ дѣтей: „холопъ твой Замятница Сабуровъ... Иванецъ Шереметевъ, Богданко Сабуровъ, Данилецъ и Данилко Сабуровъ“; „раба твоя дѣвка Дарыца Петрова“; „приданая Анница“ „Анкины дѣти“, „Матренка Пвашкова жена“; „Родивонко“, „Иванко и др.—б) Отечественныхъ на *евъ* нѣтъ.—в) Съ значеніемъ принадлежности къ мѣсту мужескому роду свойственны—*евъ*, а женскому—*ка* вм. *иа*: Волынецъ, горьцъ, Казанецъ (Казанка).

Суф. *ѡт* во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ образуетъ а) имена молодыхъ животныхъ и уменьшительныя: телѡ, отрочѡ *средняю* рода, а *частью* муж. и женскаго вч. влр. на *я*: Оля, Костя, что особенно видно въ уменьшительныхъ съ суф. *ен* вм. *ѡт*: „Ол-енька, Кост-енька. Но уменьшительныя личныя на *а* не предполагаютъ суф. *ѡт*: Дема, Степа, Лева, Ерема.—Усложненный суф. *ѡт-а* восходитъ къ глубокой древности: *Жирята*; но мр. суф. *ен-я*, род. *ен-яти* новѣе: гусеня, утеня. Отс. б) мр. *patronimica* XIV—XVII в. включительно: *Козеня, Козеняти; Мищеня, Мищеняти*. Отечественное *ен-ко* восходитъ къ началу XVI в.: *Митенко, Горленко*.—Въ влр. яз. какъ имена образца *телѡ* переходятъ въ форму *ен-окъ*, такъ точно и *patronimica* (фамиліи), особенно въ монастыряхъ, прилегающихъ къ мр. губ.: *Васька Балашонокъ, Горбаченокъ, Кулешонокъ*.—в) Значеній принадлежности къ мѣсту съ суф. *ен* (*ѡт*) незамѣтно.

Выходя изъ мысли о человѣкообразности мышленія и языка, грамматическій родъ слѣдуетъ отнести къ числу тѣхъ *общихъ человѣкообразныхъ понятій* или категорій, къ которымъ относятся и понятія подлежащаго и сказуемаго, дѣйствія и причины. Но въ то время какъ одни изъ этихъ категорій, каковы подлежащее и сказуемое, обыкновенно не кажутся намъ человѣкообразными, другія, напротивъ, носятъ печать человѣчности. Таковы категоріи *вражды* и *любви* для

Грамматич. родъ и полъ, какъ общія человѣкообраз. категоріи

582

583

584

585

586

587

588

выраженія причиннаго отношенія, категоріи *семейства*, *рода* и *пола* для выраженія отношеній *сходства*.

589

Взглядъ Плинія на предметы растеній и ископаемыхъ.

Поль, какъ общая категорія всѣхъ вещей, находится въ связи съ воззрѣніемъ, что всѣ *вещи живутъ* подобно человѣку и животнымъ. Воззрѣніе это, доходящее въ языкахъ до нашего

времени, весьма ясно высказывается и древними учеными. Такъ, Плиній въ своей „*Historia Naturae*“ говоритъ, что всѣ произведенія природы *не лишены души*, ибо *ничто не живетъ безъ нея* (начало XII кн.). Съ этой точки зрѣнія у Плинія *дерево*, *растеніе* есть *animal*, такъ какъ и въ растеніи есть кожа, кровь, мясо, жилы, кости и пр. (XVI, 72, 73). Ископаемая сходна съ растеніями: *камень рождается, растетъ, имѣетъ кровь* (Котош. 81, 91; кн. Б. Черт. 204; Дан. Пал. изд. Нор. 33). Въ тѣлѣ земнаго шара камни

590

591

Поль въ царствѣ растительномъ и ископаемомъ.

сходна съ растеніями: *камень рождается, растетъ, имѣетъ кровь* (Котош. 81, 91; кн. Б. Черт. 204; Дан. Пал. изд. Нор. 33). Въ тѣлѣ земнаго шара камни суть кости, рыхлая земля есть тѣло. Согласно съ этимъ, въ растеніяхъ и ископаемыхъ есть *поль*. Слѣды этой метафоры о половомъ различіи всего органическаго и неорганическаго допускаются и нынѣшнюю наукою, признающею случаи дѣйствительнаго различія половъ растеній. У Плинія разныя растенія и деревья суть мужскаго и женскаго пола. *Glandes* (желуди) *mares et feminae* (XVI, 6). Древесина *хвойныхъ* мужскаго пола отлична отъ древесины женскаго (XVI, 19). *Поль липы* (*filia*) также рѣзко различается по древесинѣ и листьямъ. (XVI, 25). *Мята* (*mentha pulegium*) женскаго пола имѣетъ пурпуровый цвѣтъ, а мужскаго — бѣлый. *Манитъ*, находимый въ Троадѣ (черный), женскаго пола и поэтому безсиленъ (XXXVI, 25).

592

593

Грамматич. родъ какъ средство перевода именъ изъ одной категоріи въ другую.

Грамматическій *родъ* есть средство перевода именъ изъ одной категоріи въ другую. Такъ, суф. *ыни* (ыня) *образуетъ имена женскихъ лицъ отъ мужскаго на ъ*: рабъ, рабыни и, между прочимъ, имена женъ: князь, княгиня. И какъ *жена* есть принадлеж-

Предметъ и качество его какъ бы мужъ и жена съ челоѣкообр. точки зр.

ность *мужа*, такъ и *качество* есть принадлежность того, въ комъ или въ чемъ оно находится, есть *второе* обладателя: *первое* — самъ обладатель, а *второе* — качество его. Такъ, по

594-5

Шестодневу I. Экз. Б., *теплота*, напр., есть качество *огня*, *сухость* — качество *земли*, и каждое изъ нихъ называется своимъ именемъ; но имена: „огонь“ и „земля“ суть *первыя* наименованія, а „теплота“ и „сухость“ — *вторыя*: „и огонь огнемъ се именуется, таче потомъ топлъ.. также именуется се и земль „земль“ по *првоуцему* имени, таче потомъ соухая“

596

(Шест. 73). Понимая подобный взглядъ челоѣкообразно, слѣдуетъ смотрѣть на *качество*, выражаемое женскимъ суф. существительнаго, какъ на *жену*; понимая же его болѣе философски, на качество слѣдуетъ смотрѣть, какъ на *второе* (предикативное) имя по отношенію къ первому, т. е. къ *nom. agentis*, какъ подлежащему.

Суф. **ѣна** (ѣна), такъ же какъ и **ѣни**, образуетъ а) имена женскихъ лицъ отъ именъ суш. мужескихъ на **ѣа, ѣнѣ, ѣць, ан, ар**: Ляшка (отъ Ляхъ), козачка (отъ козакъ), уроженка (отъ уроженецъ), крестьянка, татарка.—б) Отъ прилагательныхъ и причастій для обозначенія лицъ, животныхъ и вещей, какъ носительницъ качества, а также и дѣйствій: жидовка (отъ притяж. жидова), бѣлка, болячка, пи-санка.—в) Уменьшительныя на **ѣка**: ворожка отъ ворогъ, подружка отъ подругъ *). г) Имена дѣйствія и произведеній (actionis и acti), образуемая отъ глаголовъ, за исключеніемъ бѣлѣть, кланяться, ѣсть, вести, жать, тереть, плыть, рвать, брать, сохнуть: ковка, мойка, тряска, стрижка, сказка, скачка, порка, записка, привязка, оглядка, постройка, уловка, научка, изгонка, дневка, ночевка, зимовка и множество другихъ. При этомъ слѣдуетъ отличать указанные имена дѣйствій, съ одной стороны, отъ существительныхъ на **ѣка** отъименныхъ (а, б) и уменьшительныхъ: краска (уменьш.: то, чѣмъ красятъ, и крашенье), подливка (п. actionis и союзъ отъ подлива), отмычка (отмыканіе и орудіе), а съ другой—отъ именъ орудій, дѣйствующихъ лицъ и мѣста на **ѣка**, особенно съ посредствующими суффиксами: л-ѣка,—ил-ѣка,—ал-ѣка: грѣлка, кошилка, отымалка, зыбка, сторожка, при чемъ имена дѣйствія, какъ мойка (бѣлья), ближе всего примыкаютъ не къ уменьшительнымъ, а къ именамъ дѣйствующихъ лицъ ж. р. отъ соответствующихъ ном. agentis на ѣ: судомойка при судомой.

Суф. муж. **ѣхъ, охъ, ухъ, усъ** и жен. **ѣха, оха, уха, уша** образуютъ имена лицъ дѣйствующихъ или снабженныхъ качествомъ, а не самыя дѣйствія и качества: свинтусъ (польск. *świntuch*, ругат.), оболтусъ; вликуша, млр. мандреха, мандроха, моргуха, при чемъ нѣкоторыя жен. имена, выражающія состояніе, въ вар. говорахъ также примыкаютъ къ именамъ лицъ, какъ слѣды олицетворенія: голодуха, голодуша, ворогуша (лихорадка), жируха и житуха (привольная жизнь) отъ предполагаемыхъ мужскихъ именъ жирунъ и житухъ, питуха (попойка) при питухъ (пьяница). Но въ именахъ множ. числа, какъ поспыдушки, поспыдухи, постирушки, потягуши, множ. число „стираетъ слѣды олицетворенія“ и дѣлаетъ ихъ именами actionis и acti (Ср. далѣе „Знач. мн. ч.“ стр. 58).

Суф. **ица**, при соответствующемъ муж. **икъ, ѣць**, образуетъ имена женскихъ лицъ: молодца (при молодець,—икъ), но въ то же время примыкаютъ сюда и сложныя имена состояній: гололевица, небылица, нелѣпица, бессонница, безгорница, сумятица, при чемъ какъ нѣкоторыя имена лицъ, такъ и состояній, предполагаютъ мужескій родъ не на—икъ, ѣць, а на ѣ, ѣ; напр. пророчица (пророкъ), царица (царь), серб. кралица (краль), имена животныхъ: волчица,

*) Ср. Сборн. XII в. Усп. Соб. стр. 36. И. Б.

львица; пелѣница (при пелѣбъ), безкормица (при безкормъ=лицо, лишнее корма) и многія др.

Суф. **ья**, при соответствующемъ муж. **ьнѣ**, образуетъ женскія имена *agentis*: ст. слав. прѣходня (переходница), влр. сводня, просвирня и др., а также имена орудій и дѣйствія, примыкающія къ именамъ дѣйствующихъ лицъ: влр. долбня (орудіе) при долбень (дурень), блудня (дѣйствіе) при блудень, грызня, рязня, мазья, долбня (отличное отъ „долбля“—орудіе) и др.— Суф. **ья** образуетъ имена жен. р. и для обозначенія мѣста, гдѣ что дѣлается: мовня, и съ сложными суффиксами: **ильня**, **альня**, **арня**, **ушня**: сушильня, швальня, овчарня, конюшня.

Суф. **тва**—для обозначенія орудія (бртва) и дѣйствія (клятва, битва, молитва) въ ц. сл., польск. и серб. предполагаетъ соответствующій суф. **твъ** для пом. *agentis*: цсл. рыбитвъ (рыбакъ).

Суф. **ь** (=и), **нѣ**, **тѣ** (=ни, ти) образуютъ имена муж. р. съ основнымъ значеніемъ дѣйствователей (пом. *agentis*), а не дѣйствія (п. *actionis*), какъ утверждаетъ Бругманъ: медвѣдь, лунь (разрывающій), зять (,къ зятю своему), тать (первонач. воръ, утаивающій, а не „утайка“, „воровство“, какъ думаетъ Бругманъ), гость и др.—Со значеніемъ же дѣйствителя сродны и остатки прилагательныхъ съ тѣми же суф., какъ напр. несклоняемое *свободѣ*.

Что же касается женскаго р. съ этими суффиксами, то онъ могъ пониматься какъ средство обозначенія дѣйствующаго лица женскаго пола: мать. Къ женскому роду примыкають:

1) имена вещей, какъ орудій дѣйствующихъ и страдательныхъ: *опашь* и *ошибь* (хвостъ), *дверь*, *грѣдь*, *журдь*, *плеть*, *длань*, *дѣбрь*, *спнь*, *тнь*, *рнь* (песокъ), *нощть* и др.;

2) имена съ значеніемъ дѣйствителя и дѣйствія: *блядь* (блудница и заблужденіе), *ложь* (лжець и ложь), *хоть* (жена и желаніе),

и 3) жен. имена а) дѣйствій и б) *качествъ*, которыя, по всей вѣроятности, сначала противопоставлялись именамъ дѣйствителей на **ь**, а въ позднѣйшее историческое время сопоставляются съ пом. *agentis* и прилагательными на **ѣ**. Такъ, а) имена дѣйствій сопоставляются съ именами дѣйствителей: похоть—доброхоть; иноходь—иноходѣ; прѣдь—шелкопрядѣ, запись—борзописѣ и другія: снѣдь, заповѣдь, рѣзь, кладь, мазь, рысь (побѣжка), зыбь, топь, сыпь, смѣсь, гарь.—б) Имена *качественныя* при прилагательныхъ съ первообразнымъ суф. на **ѣ** и производнымъ на **ок-ѣ**: твердь—тврѣдь, лѣнь—лѣнѣ (*piger*), зель—золѣ, врьнь—врѣнѣ, высь—высокѣ, глѣбь, ширь, даль, рѣдь (рѣдохѣ) и др. При этомъ имена дѣйствія на **нѣ**, **тѣ** должны быть сопоставляемы съ причастіями страдательными на **нѣ**, **тѣ**. Имена съ суф. **нѣ**: копань—копанѣ, дань—данѣ, орань, вязань, дрань и др.—[Суф. **снѣ**, **знѣ**: пѣснь, жизнь, кузнь (цсл., др.-рус. сосудѣ), болѣзнь правильнѣ

сопоставлять не съ причастіями на *нѣ*, а съ предполагаемыми прилаг. на *снѣ*, *знѣ*, въ родѣ *любѣзнѣ*, польск. *żyznu* (жизненный), такъ что жизнь: *жизнь=дань: дань].—Имена съ суф. *тъ*: *подать*, *дать* съ соответствующимъ причастіемъ *данъ*: «*вса дать* (=даяніе) благаа и всѣ даръ съввршенть» Шестодн., *вѣсть*, *масть* (соб. мазанье), *память*, *рукоють* и пр.

Дополненіемъ къ главѣ о «Грамматическомъ родѣ» служатъ двѣ замѣтки Потебни: 1) на статью Бругмана: „*Родъ именъ въ индо-германскомъ яз.*» и 2) на «*Розысканія по вопросу о грамматич. родѣ*» Эд. Вольтера.

Замѣтка на *Родъ именъ въ индо-германскомъ языкѣ* Бругмана состоитъ изъ перевода нѣкоторыхъ мѣстъ самой статьи и нѣсколькихъ незаконченныхъ примѣчаній, отчасти подстрочныхъ, отчасти въ концѣ статьи *).

Бругманъ отвергаетъ взглядъ, что будто бы первобытный человѣкъ переносилъ все съ себя на внѣшній міръ и разсматривалъ олицетворяемый предметъ какъ мужское или женское существо, а именно, что казалось болѣе сильнымъ и дѣятельнымъ, то понималось, какъ мужское, а что казалось болѣе нѣжнымъ, смиреннымъ, то понималось какъ женское. Напротивъ, по мнѣнію Бругманна, если держаться *фактовъ настоящаго* и болѣе близкаго прошлаго, то мужской и женской грамматической родъ для языка обыкновенной жизни есть форма *ничего неговорящая* о мужественности и женственности ни въ прямомъ, ни въ переносномъ смыслѣ. Доказательствомъ этого служатъ, между проч., существительныя *erisoeua*, которыя означаютъ *оба* пола, а между тѣмъ имѣютъ только *одинъ* грамматическій родъ: или муж. ($\acute{o} \mu\acute{o}\varsigma$), или женскій ($\eta \acute{\alpha}\lambda\acute{o}\pi\eta\tau\acute{\iota}\varsigma$). Значитъ, «здесь нѣтъ чутья рода», и «грамматическій родъ не вызываетъ мысли о мужской или женской сущности», заключаетъ Бругманъ.

Взглядъ Бругмана на грамматич. родъ и возраженія Потебни.—*Ерисоепа.*

607

608

Потебня, возражая на это, говоритъ, что судить по фактамъ настоящаго о прошломъ языка есть анахронизмъ, а если форма рода *ничего* не говорить для языка обыкновенной жизни, то это зависитъ «отъ быстрого движенія мысли, которое *не даетъ остановиться на значеніи какой бы то ни было грамматической формы*, не только что рода». Поэтому о смыслѣ рода можно судить не по обыкновенному житейскому или прозаическому языку, а лишь по произведеніямъ *поэтическимъ*, гдѣ мысли дается возможность сосредоточиться и на смыслѣ рода. (Прим. 4, стр. 616).

Въ поэтическомъ языкѣ *чувствуется* грамматическій родъ и именъ *erisoeua*. Такъ, *der Fuchs*—это баронъ, разбойникъ, а жена его—*Füchsin*;

*) Для приданія большей цѣльности этой замѣткѣ я позволилъ себѣ отступить отъ той пагинаціи, которая принята издателями, и изложилъ содержаніе примѣчаній Потебни *не въ концѣ* статьи, а тамъ, гдѣ имъ слѣдуетъ быть, какъ возраженіямъ Потебни на взгляды Бругмана о родѣ именъ. *И. Б.*

въ славянскихъ народ. пѣсняхъ *соколъ*, *орелъ*—мужчина, *лебедь* сначала толь-ко женщина, а поздѣе, когда «лебедь» стала употребляться въ муж. грамматическомъ родѣ, то женщина называется «лебедна», «лебедушка». Когда же отъ имени извѣстнаго животнаго не образуется другого рода, напр. «лиса», то животное это въ поэзи паруется съ животнымъ другого рода: лиса (жен.) и котъ (муж.), муха и комарь; а если *нуженъ* для пары другой родъ, то этотъ родъ образуется отъ того же имени:—«Сидитъ *воробъ* на конопелькѣ, кличетъ *воробъ* *воробушку*»; дубъ, дубица; мр. кавунъ, кавунка (Прим. 3, стр. 615). Словомъ, Потебня хочетъ сказать, что въ языкѣ поэзи грамматическій родъ именъ ересоена чувствуется вполнѣ, и только въ прозаическомъ житейскомъ языкѣ ересоена чувствуются какъ имена *общаю* рода для обозначенія какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, при чемъ «отъ быстроты движенія мысли» внутренняго противорѣчя въ этомъ обозначеніи двойного рода не замѣчается.

Далѣе Бругманъ указываетъ на то, что имена муж. и жен. рода часто мѣняются ролями, переходя изъ одного рода въ другой, чего не могло бы быть, если бы грамматическій родъ составлялъ хоть сколько нибудь *существенную* часть *значенія* слова по отношенію къ мысли о мужеской или женской сущности. На это Потебня возражаетъ, что съ переменною грамматическаго рода измѣняются и возрѣнія на обозначаемое, напр. *лебедь* (Прим. 5, стр. 616).

Затѣмъ Бругманъ, продолжая доказывать свою мысль о чисто внѣшнемъ значеніи грамматическаго рода, говорить, что и олицетворенія въ мифологіи, полъ которыхъ вообще согласуется съ грамматическимъ родомъ, не могли быть причиною появленія сего послѣдняго: «*грамматическій* родъ былъ уже *до этого* и *воображеніе* лишь воспользовалось имъ... Гдѣ мифологическое имя является вмѣстѣ и обыкновеннымъ нарицательнымъ ($N^{\text{б}}\xi$ и $\text{л}^{\text{б}}\xi$), тамъ вездѣ есть основаніе принимать, что *сначала* дѣйствовала *только* грамматич. родъ», который и сталъ *поломъ* въ олицетвореніяхъ. «Поэтому подъ грамматическимъ родомъ съ самаго начала разумѣлось нѣчто совѣмъ отличное отъ естественнаго пола».—Возраженіе Потебни на этотъ взглядъ Бругмана *намъ* ченъ лишь *отчасти*: съ одной стороны, Потебня указываетъ на стремленіе Бругмана умалить значеніе олицетворенія и вывести заключеніе о бессмысленности грамматич. рода отъ бѣглой прозаической рѣчи, а съ другой—считаетъ ошибочнымъ предположеніе Бругмана, что прозаическій отвлеченный яз. создавался раньше поэтическаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ было наоборотъ: сперва живое, а потомъ безжизненное, отвлеченное (Прим. 6, стр. 617).

Рѣшеніе Бругманомъ вопроса о первоначал. смыслѣ суффиксовъ жен. р.: а, ѣ, и.

Остальные два важныя вопроса, рѣшаемые Бругманомъ въ этой статьѣ и находящіеся въ тѣсной связи со взглядомъ его на чисто внѣшнее значеніе грамматическаго рода, оставлены Потебней безъ возраженій. Первый вопросъ касается *первонач.*

чальною смысла суффиксовъ жен. р.: *ā, iē, ī* (θεά, πότμα, γυνή, ῥοή, aqua, juventa и т. д.), и второй—какъ приобрѣли *прилагательныя* свою женскую форму, впервые сообщивъ нѣкоторымъ именамъ существительнымъ женскій родъ, который въ нихъ не обозначенъ суффиксомъ *a*.

При рѣшеніи перваго вопроса о первоначальномъ смыслѣ суф. *ā, iē, ī* Бругманъ понутно рѣшаетъ вопросъ о значеніи и другихъ суф.: *o* (ος, ον), *u, ter, en* по отношенію къ роду. Что *o* первоначально по отношенію къ полу было безразлично, это видно уже изъ того, что суф. этотъ употреблялся и въ такъ назыв. именахъ *сред. р.* (ζυγόν, jugum); въ именахъ же съ остальными суффиксами родъ опредѣлялся или значеніемъ самой *вещи* (pater, mater), или же атрибутивной *прибавкой*: *hic axis, haec cratis*. «Можно а priori догадываться», что и суфф. *ā, iē, ī* «въ словахъ, какъ *dea*, настолько же не были связаны со значеніемъ женскаго пола, какъ и въ *aqua*, и лишь позднѣе стали знаками физической женственности». Есть только одна пара *прандидерманскихъ* словъ на *a*, означающихъ женскія существа, это—*мама* и *жена (жена). Суф. *a* въ этихъ словахъ получилъ значеніе женственности и сталъ производителемъ въ этомъ направленіи, но въ небольшомъ кругу словъ, означающихъ живыя существа (*dea, femina*), а потомъ, при олицетвореніи понятій, перешелъ и на неживыя (*luna, fama*).

«Мама» и «жена», какъ производители другихъ именъ жен. рода по Бругману.

611

612

Второй вопросъ: какъ получило *прилагательное женскую форму*, Бругманъ рѣшаетъ такъ. Прилагательныя въ сочетаніяхъ, какъ θεά ἄγαθή, первоначально могли получить женскую форму путемъ чисто *звуковой ассимиляціи*, а потомъ стали прилагаться и къ другимъ женскимъ одушевленнымъ существительнымъ съ иными суффиксами: μήτηρ ἀγαθή. Но объясненіе сочетанія прилагательныхъ съ существительными *неживыхъ* существъ и при томъ имѣющими другіе суффиксы, напр. *tis*, а не *ā, iē, ī*, становится сложнѣе. А priori возможно *двойное* объясненіе, говоритъ Бругманъ: или 1) прилагательныя, получивъ уже свою *особую женскую форму* на *a* при сочетаніи съ женскими именами одушевленными, стали присоединяться въ этой же формѣ и къ именамъ *неодушевленнымъ* сперва съ суф. *a* (*fuga, juventa*), а потомъ и съ друг. суф. *tis*, и въ виду сходства нѣкоторыхъ изъ этихъ существительныхъ по значенію, напр. χθών—γῆα (*terra*), ὄψ--αὐδή (*vox*), ῥόσος (*rosa*), ставшее жен. родомъ вслѣдствіе сходства по значенію съ ἔρση (*rosa*). Или 2) прилагательныя на *a, iē, ī* не возникли посредствомъ ассимиляціи съ тѣми же окончаніями существительныхъ ж. р., но съ *самою начала существовали*, тѣмъ болѣе, что прилагательныя первоначально были отчасти существительными*), что многія имена колеблутся между значеніемъ существительнаго и

Двойное объясненіе окончанія жен. рода прилагательныхъ.

613

614

*) Этотъ же взглядъ приводится и Потембеею въ IV главѣ о *Согласованіи*

прилагательнаго (*victor exercitus*) и что форма прилагательныхъ на *a* отъ *o* встрѣчается и какъ nom. abstractum, напр., во всѣхъ отвлеченныхъ на *ia*, *ta*, которыя есть не что иное, какъ субстантивированныя прилагательныя: σωτήρια спасеніе при σωτήριος; ποζία при ποζііus, лѣжа при лѣжь, вѣрста при ver-sus, литов. *gelta* (желтизна) при *geltas*.

Разборъ *Розысканій по вопросу о грамматич. родѣ* Эд. Вольтера ка-
сается глав. обр. именъ на *a*, примѣняемыхъ въ славянскихъ языкахъ къ
лицамъ муж. пола.

Взглядъ Бругма-
на и Вольтера
на переходъ отъ
отвлеченныхъ
именъ ср. и жен.
р. въ конкрет-
ныя мужескія.

Вольтеръ проводитъ мысль, что имена на *a*, примѣняясь
къ лицамъ муж. пола, первоначально оставались именами жен-
скими (слуга *вѣрная*), а затѣмъ «грамматич. родъ уподо-
бляется полу лица», и так. обр. совершается *переходъ именъ*
женскаго рода въ мужескій. Таковы нарицат. имена: *воевода*,

цуляка съ постояннымъ теперь значеніемъ муж. р. и прозвища, фамиліи: *Неми-
ра*, *Невѣра*, *Непеля*, ставшія муж. родомъ, будучи отнесены къ мужчинамъ.

Такъ какъ на трудъ Вольтера значительное вліяніе имѣлъ Бругманнъ,
то Потебня и приводитъ основные взгляды его въ этомъ разборѣ. Бругманнъ
въ парныхъ именахъ на *as*, изъ коихъ одно сред. рода (дѣйствіе или каче-
ство), а другое муж. р. (дѣйствитель или прилагательное),—видитъ пере-
ходъ первыхъ (отвлеченныхъ) во вторыя (конкретныя), при чемъ конкретное
значеніе, по его мнѣнію, возникло не влѣдствіе измѣненія рода, а получи-
лось еще до перехода средняго р. въ мужескій, и затѣмъ уже *благодаря конкрет-
ному значенію* «вызвана родовая флексія»—переходъ средняго рода въ му-
жескій. Таково же употребленіе въ слав. яз. отвлеченныхъ именъ и жен. рода,
напр. «непріязнь» въ значеніи «діаволь»; таковы многочисленныя отвлечен-
ныя имена на *ota*, какъ *доброта* отъ *добръ*; безъ сомнѣнія, и такія имена,
какъ *сирота*, *юноша* (*juvenis*), *староста* (*senex*) первоначально были от-
влеченными.

Какимъ же образомъ имена *средняго* рода усвоили себѣ *родовую* фле-
ксию муж. или жен. рода, при чемъ нынѣ стали прилагательными? Это объ-
ясняется тѣмъ, гов. Бругманъ, что въ старину употреблялись они не только
какъ предикаты, но и какъ атрибуты, сперва въ смыслѣ аппозицій, какъ
victor exercitus, а потомъ и какъ собственно-аттрибуты, которые стали согла-
соваться *по роду* съ главнымъ (опредѣляемымъ) понятіемъ.

Согласно съ этимъ и Вольтеръ говоритъ, что «первый толчекъ измѣ-
ненію рода данъ *переходомъ абстрактнаго значенія въ конкретное*», и за-
тѣмъ далѣе прибавляетъ, что «имена *лицъ* происходятъ отъ именъ отвле-
ченныхъ», какъ древнѣйшихъ, по сравненію съ именами конкретными.

прилагательныхъ (см. III, 86), чѣмъ и слѣдуетъ, повидимому, объяснять, почему
онъ оставилъ это мѣсто въ статьѣ Бругмана безъ замѣчаній. *И. Б.*

Конечно, есть случаи, когда имя абстрактное становится конкретнымъ, измѣняя послѣ этого и родъ, но имя можетъ перейти изъ абстрактнаго въ конкретное и не измѣняя послѣ этого рода, напр. пол. *piękność* (жен. р.) въ смыслѣ «красавица», равнымъ обр. можетъ измѣниться родъ и независимо отъ того, было ли имя въ прежнемъ грамматич. родѣ абстрактно или конкретно. Поэтому, гов. Потебня, вопросы объ измѣненіи абстрактности въ конкретность и о переходѣ изъ рода въ родъ слѣдуетъ разсматривать *раздѣльно*. Такъ, независимо отъ перехода отъ абстрактности къ конкретности

Возраженіе Потебни противъ этого взгляда.

623

А. изъ именъ средняго рода

а) увеличительныя или уменьшительныя на *isko, uше, uшко* переходять въ муж. и жен. р., удерживая окончаніе средняго р. Напр. *попанный* идолище; не *умьль* меня солнышко миловать.

б) Нѣкоторыя имена сред. р. на *ѡ - ѡте*—тоже: «сей пѣжный дитя», а также имена на *енко* муж. р.

в) Имена сред. р. на *ло* отъ глагольныхъ темъ *и, а* переходять въ муж. р. дѣйствующаго лица, представляемаго орудіемъ: *воротило, обгьдало, зубрило, долбило*.

г) Имена сред. р. на *ше* (рус. *ье*): «подружше» (*conjunct*), «подматерье», но *собираательныя* въ смыслѣ личныхъ не употребляются; напр. нельзя сказать: «эхъ ты *дурачье!*»

624

Б. Изъ именъ первоначально жен. р. на а

Вольтеръ на первомъ планѣ ставитъ тѣ имена, употребляемая въ муж. родѣ, связь которыхъ съ подходящими абстрактными, по его мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію, каковы: *иреза, дрема, морока, ступа, потвора* и др.; границею же между отвлеченностью и конкретностью такихъ существительныхъ онъ признаетъ *дѣйствительную* и *мнимую* ихъ субстанціальность. —Потебня, возражая на это, прежде всего самый критерій разграниченія отвлеченности и конкретности признаетъ шаткимъ, такъ какъ чтò для образованнаго человѣка абстрактно (*заря, морозъ*), то для средняго уровня говорящихъ является конкретнымъ, а затѣмъ прямо отрицаетъ необходимость первоначальной абстрактности для того, чтобы имена какъ средняго рода, такъ и женскаго могли перейти въ муж. родъ. Таковы напр. существительныя жен. р. *несомнѣнно* конкретного значенія переходять въ муж. родъ: «вологодской стрѣлецкая *юлова* Максимъ Лихаревъ» (Ак. Ю. 1613 г.), «злой *пьяница*» и «злую *пьяницу*» (Слово о хмельѣ); «сдѣлался *повьсою французскою*» Ф. Виз., «сей *собака*, мѡр. *сей ужака; выжига, кокофа, ступа* (неповоротливый человѣкъ отъ конкретнаго значенія «ступы», какъ вещи); *юла*—юркій человѣкъ отъ конкрет. игрушки; *дрема, шишимора, морока* въ примѣненіи къ лицамъ муж. р. предполагаютъ мнѣческія личности жен. р., а не abstracta. Вообще же

625

626

627—8

629

примѣры показываютъ, что при наименованіи лица *безразлично*, становится ли именемъ *личнымъ* существительное конкретное, или абстрактное. Таковы прозвища мужчинъ отъ женскихъ именъ *конкретныхъ*: Береза, Брага, Верига, Губа, Дубина, Квашня, Калита и др.; отъ именъ *абстрактныхъ* (пош. actionis): *Слобода* Микитичъ, *Истома* Федковъ, *Потьха*, *Кручина*, *Суета*, *Злоба*, *Тишина*, *Замятня*, *Распутя*, *Безпутя* и др.

Точно также нѣтъ нужды предполагать, что сложные существительныя жен. р., становясь опредѣленіемъ существительныхъ мужскаго рода, какъ напр. конь *бѣлоножка*, человекъ *бѣлоручка*, — переходятъ въ мужескій родъ будто бы не отъ именъ существительныхъ, а отъ *прилагательныхъ* (бѣлоногъ, бѣлорукъ), какъ отъ основъ *отвлеченныхъ*; равнымъ обр. нѣтъ никакой надобности видѣть *отвлеченное* значеніе въ основахъ прозвищъ, сложныхъ изъ *малольной* темы съ дополненіемъ: *Подбипята*, *Взверниуба*, *Крутиголова*: первыя изъ нихъ прямо примыкаютъ къ сложнымъ существительнымъ опредѣлительнымъ „краснокорень, чернокленъ“ (Ср. выше III, 202—5), а во вторыхъ нерѣдко сохраняется еще дополненіе или подлежащее: *Молибоба*, *Недайкаши*, *Помогайби* и т. п.

Абстрактность не есть исходная точка для перехода женскихъ именъ въ мужскія.

Во всѣхъ этихъ именахъ, вопреки утверженію Вольтера, абстрактность не составляетъ необходимой исходной точки при переходѣ женскаго имени въ мужескій родъ, и суффиксы жен. р. не всегда имѣли абстрактное значеніе, прежде чѣмъ стали образовывать имена лицъ дѣйствующихъ. Послѣднее относится напр. къ именамъ на *ея* (ищей), *ака*, *яка* (кусака, коняка), *юка* (звѣрюка), *яа*: голодыга (не только голодная пора, но и голодный человекъ); сермяга (вещь); съ суф. *изъ* для обозначенія мѣста (березнягъ, вереснягъ); *иа*, *юа* (пьянога). Разсуждать иначе препятствуетъ Вольтеру только „предвзятое положеніе о первенствѣ абстрактности, доказанное лишь въ немногихъ случаяхъ“. И вообще, „чѣмъ далѣе въ древность, тѣмъ слабѣе способность представлять качества и дѣйствія *независимо отъ субстанцій*“, такъ что отвлеченность существительныхъ въ старинномъ языкѣ во многихъ случаяхъ „можетъ быть только *мнимая*, вносимая нами самими“ и представляющая „безознательный *анахронизмъ*“. То, что мы называемъ отвлеченностью, въ древ. языкахъ можетъ быть или а) *мнѣичностью* субстанціи (греза), а *мнѣичность* не есть отвлеченность, или б) *измѣнчивостью* субстанціи, мыслимой при имени, и в) *необособленностью* ея, т. е., такъ какъ эти субстанціи, мыслимыя при имени, бывають еще разнородны и такъ какъ ни одна изъ нихъ не срослась еще съ именемъ, то позднѣйшему наблюдателю и кажется, будто признакъ въ имени разсматривается абстрактно, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ «каждый разъ имя примѣняется къ *опредѣленной дѣйствительной* субстанціи» (Ср. выше III, 16—25).

Въ приведенныхъ выше женскихъ именахъ на *a*, переходящихъ въ мужескій родъ, нѣтъ никакого основанія предполагать первоначальное значеніе абстрактности, но, можетъ быть, и въ остальныхъ значеніе абстрактности можно свести къ гораздо меньшему числу случаевъ, чѣмъ это дѣлаетъ Вольтеръ. Впрочемъ, и онъ самъ поступаетъ основнымъ своимъ положеніемъ и въ числѣ именъ на *a*, переходящихъ въ муж. р., отмѣчаетъ особую группу, въ коей при именахъ дѣйствующихъ лицъ на *a* *вовсе не встрѣчается* именъ отвлеченныхъ съ тѣмъ же окончаніемъ, напр., прогула, задора, задира, рева, разстрига, неуступа и многія другія, которыя абстрактное значеніе выражаютъ при помощи суф. *z*: задоръ, ревъ и т. д.

Въ концѣ статьи Потебня обращается еще къ двумъ случаямъ, на которыхъ Вольтеръ особенно настаиваетъ, именно—къ именамъ *служба* и *слуга*, которыя, по мнѣнію Вольтера, получили значеніе *agentis* (солдатъ и служитель) изъ пош. *actionis*: служеніе, услуга.—Относительно «служба» Потебня утверждаетъ, что здѣсь *единичное* (=солдатъ) произошло изъ *собираательнаю* (Ср. выше III, 33, 35), а по поводу п. *agentis* «слуга», происходящаго отъ абстрактнаго имени *actionis*, замѣчаетъ, что дѣйствительно есть конкретныя имена на *a*, пошедшія отъ абстрактныхъ, но зато много есть и такихъ, при которыхъ вовсе нѣтъ отвлеченныхъ, какъ напр., «вельможа», и кромѣ того, самыя отвлеченныя предполагаютъ въ себѣ значеніе пош. *agentis* съ тагъ назыв. мнимыми субстанціями лишь съ *нашей* точки зрѣнія, напр. серб. *кровопица*—*progre (persona) sanguinem bibens*. «Если же тагъ, то нѣтъ нужды выводить пош. *agentis* (на *a*) изъ пош. *actionis*» съ тѣмъ же суффиксомъ.

Значенія множеств. числа въ русск. языкѣ *).

Множ. число означаетъ не множественность только, которая является лишь *исходною* точкою, а средство обозначенія Разныя значенія
множ. числа. 1 другихъ значеній, именно: I) *иперболичности*, II) *единичныхъ вещей, разсматриваемыхъ со стороны множественности частей*, III) *длительности вещи*, IV) *мѣста*, V) *времени* и VI) *состоянія*.

I. *Множ. ч. гиперболическое*.—Подъ нимъ разумѣется *plur. patheticus* (v. *majestaticus*) и *plur. reverentiae*, что бываетъ при *иперболическомъ настроеніи* человѣка, которое даетъ какъ качественное, тагъ и количественное преувеличеніе извѣстнаго предмета. Въ такомъ смыслѣ во мн. ч. употребляются 1) мѣстоименія и 2) существительныя. 2

* Ср. Гр. Бусл. § 98; 203, пр. 4; 219, 4—5.—Миклош. Гр. IV, стр. 45 (*), 46 (9), 15 (19).—Я. Гриммъ. Gr. IV, 281—90, 297—317.

3 1. *Множ. ч. мѣстоименій* (Гр. Гримма IV, 299 слѣд., Бусл. Гр. § 203, пр. 4—5). Сюда относятся

а) употребленіе мѣст. „*мы*“ *владѣтельными особами*, идущее изъ Византіи, начиная съ Константина. Въ 13 в. этотъ обычай на Руси еще не встрѣчается: князьямъ говорятъ *ты*, и сами князья говорятъ о себѣ *язъ* (даже въ 16 в.), но въ *Ю.-Зап.* Руси уже съ конца 14 в. (Грамоты 1375 г.) не только князья, но и паны титулуютъ себя: «а се *мы*...»

б) *Авторское «мы»*, для выраженія *скромности* и *общности* съ читателемъ, въ подражаніе древнимъ писателямъ ведется у насъ издавна. Уже въ начальной лѣтописи нашей читаемъ: «се *начнемъ* повѣсть *сію*», а у германскихъ писателей—даже съ VI в.

4 в) *Pluralis reverentiae*: въ *обращеніи съ высшими* въ нѣмец. яз. *іг* ко 2 л. ед. ч. и *ди* къ равнымъ и близкимъ появляется не позже IX в., простой же народъ и донынѣ остается при *ди*.—Не то замѣчается въ польскомъ и южно-рус. простонародьѣ: у нихъ обычно *вы* при обращеніи къ уважаемымъ и старшимъ и *они* о 3-мъ лицѣ. Въ млр. *народной поэзіи* *plur. reverentiae* встрѣчается очень рѣдко, но въ *просторьчій* обыкновено „*вы*“ и „*они*“ не только къ родителямъ, но и къ старшимъ братьямъ, сестрамъ и постороннимъ.—Въ влрусскихъ высшихъ классахъ «*вы*» вм. «*ты*» стало устанавливаться лишь съ начала 17 в., а народный языкъ почти не знаетъ вѣжливыхъ мѣстоименій 2 лица, хотя и здѣсь идетъ движеніе сверху внизъ, при чемъ въ „*лакейскомъ*“ языкѣ употребляется не только «*вы*», но и „*они*“ съ множ. ч. глагола, прилагательнаго и даже существительнаго въ сказуемомъ: „*духовникъ пріѣхали*“ (Л. Толст.), „*опомнитесь, вы—старички*“ (Гриб. «Горе отъ ума»).

8 2. *Множ. ч. существительныхъ (только нарицательныхъ) для возвеличенія единичнаго предмета*:

9-11 а) употребленіе мн. ч., *зависящее отъ настроенія юворящаго* и, слѣд., *временное*: „и бросалась съ чердака во свои высокіе *терема*“, „наводилъ онъ *трубками* нѣмецкими“ Кир. „сажалъ Алешу за убранны *столь*“ Пв. „онъ натягивалъ свой тугой лукъ, калены *стрѣлы* да накладывалъ“ Пв. „у нихъ тутъ пошли *чай кофен*“ Пв.—Въ млр. яз. подобное употребленіе множ. ч., кажется, рѣже: „*братъ до сестриці дрібни листи* пише: «сестро жъ моя»..; „*дорога тота юшка... зъ перьями, зъ шаффранами, зъ дорогими приправами*“.—Въ серб. и болгар. также употребляется. Въ латин. и греч. сюда относятся случаи, какъ *arcae, templa, palatia, дѣро, дѣрота, мѣхара*.

12-13 б) Такое временное употребленіе мн. ч. повліяло на образованіе *постояннаго* и *обязательнаго* употребленія множ. числа въ нѣкоторыхъ немногихъ именахъ съ особымъ значеніемъ: влр. *хоромы*, млр. хоромы; влр. *палаты*;

цсл. *мощи* (мн. ч. жен. р.). Миклошичъ переводитъ слово *мощи* черезъ „*reliquias*“ и объясняетъ словами „*vires*“, *δυνάμεις*, Потебня же подъ „*мощами*“ разумѣетъ не всякія чудотворныя реликвіи (гвозди, части креста), а именно *тѣлеса* чтимыхъ усопшихъ, хотя бы и *не чудотворцевъ*. Въ такомъ смыслѣ „*мощи*“ употребляются иногда въ нашихъ лѣтописяхъ (Лавр. 202, 204). Что же касается перехода отъ „*мошь*“—сила къ значенію „*тѣло*“, то онъ данъ въ словѣ *снага*, которое въ серб., болг. значить и „*сила*“ и „*тѣло*“; такъ обр. „*мошь*“ сначала—, *сила*“, потомъ—, *тѣло*“, а затѣмъ plur. *magnificus*—, *мощи*“ (*тѣлеса*) усопшаго святого. Ср. влр. *родители* (усопшіе предки), лат. *manes*, наше лѣтописное: „*навѣе* бьютъ Полочаны (вин. п.) яко *человѣци*“. А въ Калуж. и Орл. губ. для означенія и *одною* покойника употребляется множ. ч.: „*родители*“.

11. Множ. ч. для обозначенія единичныхъ вещей, разсматриваемыхъ со стороны множественности частей. Сюда относятся а) многія имена, употребляемая *только* (или преимущественно) во *множ. ч.*, и б) такія, которыя *въ ед. и мн. числахъ имѣютъ различныя значенія*. При этомъ сродные яз. въ иныхъ словахъ этого рода употребляютъ *множ. ч.*, а въ другихъ одни языки пользуются *множественнымъ ч.*, а другіе *единственнымъ*. Такъ, *ворота, двери, сани, штаны* въ славянскихъ нарѣчіяхъ и литов.-лотыш. языкахъ употребляются во *множ. ч.*, а рус. *требень, ловушка, борона* и др. въ лит.-лотыш. употребляются во *множ. ч.* Даже заимствованныя слова ставятся иногда во *множ. ч.*, несмотря на то, что въ языкѣ, изъ котораго они заимствованы, стоятъ въ *единственномъ*. Напр. влр. *дрош* изъ польск. *drąg*, которому въ мдр. соответствуетъ *дрюжъ*.

Можно было бы думать, что вещи, построенныя симметрически и состоящія изъ двухъ половинокъ (двери, груди), должны означаться не *множественнымъ*, а *двойственнымъ* числомъ тамъ, гдѣ оно есть, особенно въ именахъ жен. р. съ темою *и* (кость), въ коихъ им., вин. и зв. двойст. и *множ. числа* звучали одинаково, но, повидимому, еще задолго до исчезновенія *двойств. числа* встрѣчается въ этихъ языкахъ только *множ. число*. Такъ, въ *цсл. яз.* и въ *лѣтописяхъ русскихъ* употребляется *двери, двѣремъ; персемъ, персехъ* (Лавр. л.); мдр. в *грудехъ*.—*Сани* извѣстны только во *множ. ч.* (Лавр. лѣт. 59, 232, также въ польск. и серб.), хотя по загадкамъ о саняхъ и по этимологіи это слово указываетъ на *двойственность*. Напр. загадка: «*два волка бѣгутъ, оба на небо глядятъ*», мдр.: «*два брата бѣгутъ, одинъ одного не перегонятъ*». Что же касается лексическаго происхожденія, то естественно было назвать сани по *полозьямъ*, которые *ползятъ, ползутъ*, какъ ползетъ *змѣя* (стар.-рус. и мдр. «*полозь*»—большая змѣя); отс. въ загадкѣ о саняхъ «*поползушки ползутъ*». Съ др. стороны, слово «*сани*» можетъ быть сопоставлено съ *цсл. сань*, чеш. *san*, что зна-

Множ. ч. именъ
вещей, состоя-
щихъ изъ двухъ
половинъ; «сани»

читать тоже *serpens*, ползущій, змѣя. Так. обр. въ обѣихъ парахъ со словомъ «сани» соединяется представленіе *ползти*. Тому *сан* можно еще сопоставить съ литов. *szon* и санскр. *sân*, что значить «точить, острить»; съ этимъ значеніемъ слово «сани» указывало бы на движеніе, посредствомъ котораго достигается стачиваніе, уменьшеніе, какъ результатъ движенія. Во всякомъ случаѣ, парность половозъ сацныхъ могла первоначально указывать на двойственность.

20 Предполагаемый переходъ нѣкоторыхъ именъ едн. ч. изъ множественнаго:
книги, вила, коляска.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ слѣдуетъ, кажется, предположить переходъ отъ мнж. числа къ единственному для обозначенія вещи сложной. Такъ, рус. *книга* въ стар. польск. мнж. ч. : *księgi*, въ серб. *книге* (объ одномъ предметѣ); *вилка* въ стар. польск. *widelki*; млр. *вила*, въ влр. *вилы* (орудіе о двухъ зубьяхъ); *коляска* — изъ польск. «*kolaska*», а это есть уменьшит. отъ *kolasa*, заимствованное изъ н.-лужицкаго, гдѣ *kolasa* есть мн. ч. ср. р. при ед. *kolaso*, колесо. Въ млр. колеса (ср. р. мн. ч.) со значеніемъ «возъ».

21 Отъ предыдущихъ случаевъ нужно отличать тѣ, гдѣ мнж. число не только выражаетъ множественность, но и является «средствомъ отвлеченія» (?); напр. стар. рус. *пърти* (одежа), *куны* (деньги), млр. *іроші*, лат. *resciniae*; влр. *животы* (имущество), стар. польск. *dostaki*. Сюда же, кажется, относятся *выводы*, *разводы*, *узоры* на ткани; *выкрутки*, млр. *выкрутасы*.

22 **III. Множ. ч. дѣлимаго вещества.** — Этотъ разрядъ именъ, употребляющихся во мнж. ч., означаетъ массу, состоящую изъ частицъ, для обозначенія которыхъ служить ед. число, частию употребляемое или вышедшее изъ употребленія, а частию никогда не употреблявшееся. Сюда, напр., относятся *имена, сложные съ предл. «вы»* и означающія вещество, отдѣленное отъ чего-либо: *высѣвки, выжимки, выварки, выребки, вычески*. Съ тѣмъ же значеніемъ остатковъ, но *съ приставками на, по*: *наобѣдки* (остатки послѣ обѣда), *помои*. — *Съ другими предлогами* или *безъ нихъ*: *ополски, подонки, сливки, дрожжи, ши, квасы, дрова, чернила* (въ XVII в. еще «чернило»); *изирьби* (цсл.), plur. fem., соб. *вычески* изъ пеньки, льну, пачеси, польск. *paszecie, zgrzebie*; ср. съ *іреб-ень*, какъ чешущій — *Отрепки* (ср. *трепать, бить*), пол. *ра-klepie*, млр. *на-тіп-ки* (ср. *типати коноплі*).

23 Един. число нѣкоторыхъ собирательныхъ русскихъ именъ и мнж. въ литов.-лотыш. яз.

Въ употребленіи мнж. ч. для обозначенія дѣлимаго вещества есть большая разница въ языкахъ славянскихъ и лит.-лотышскомъ: именно: въ лит.-лотыш. употребляется мнж. ч., а въ славянскихъ — единственное съ собират. значеніемъ; напр., а) въ названіяхъ *растеній*, занимающихъ сплошныя пространства: *овесъ, ячмень, рожь, горохъ, ленъ, хмель, куколь, лукъ, щавель, мохъ* и др., которыя въ лит.-лот. употребляются во мнж. ч.

б) Въ названіяхъ *хлѣбовъ въ зернѣ*, а также въ названіяхъ сыпучихъ и дѣлимыхъ предметовъ: *каша, мука, мякина, сало, зола, соръ, пыль, пе*

согъ, ледъ, градъ, дымъ, солома (ср. греч. $\chiρυδαί$ ячмень, $\alphaλάς$ соль, латин. *haeruae* и др.). Всѣ эти и подоб. имена въ лит.-лотыш. яз., если употребляются въ ед. ч., то означаютъ *недѣлимую* единицу или частицу дѣлимой массы, что въ рус. яз. *отчасти* соответствуетъ суф. *ина*: коноплина, пылина, хмелина.

Есть однако случаи, когда и въ рус. яз., подобно лит.-лотыш., имена эти ставятся во множ. же числѣ: *хлѣбѣ, снѣгѣ, озими*, но такое совпаденіе въ числѣ бываетъ мнимое, пот. что въ рус. яз. это множественное означаетъ не одну сплошную массу дѣлимаго, а *многія* отдѣльныя массы однороднаго вещества, распределенныя по разнымъ мѣстамъ, и потому такое множ. число есть *дистрибутивное*, распределительное. Напр. «взяша полна много, а *житѣ* (т. е. въ разныхъ мѣстахъ) пожгоша и села» Ипат.—«Вечеру ше бывшу и *ледомъ* воставшимъ... зажгоша мость на Днѣстрѣ» Ibid., т. е. когда поднялось множество *отдѣльныхъ* взломанныхъ льдинъ. Когда же разумѣется *сплошная* масса льда, то въ той же Ипат. лѣтописи говорится: «стрѣляшася на *леду*», «по *леду*». Такое множественное дистрибутивное употребляется и въ мдр., и въ польск. яз. Къ дистрибутивному же множ. числу должны быть отнесены случаи и отвлеченныхъ именъ множ. числа, какъ напр. $οἱ ἄριστοι τὰς φύσεις$ = лучшіе *по природамъ*, т. е. каждый по своей; *de immortalitate animorum*, т. е. о безсмертіи души каждаго отдѣльнаго человѣка, что, конечно, гораздо конкретнѣе, чѣмъ о безсмертіи души вообще.

Судя по мларускимъ и польскимъ памятникамъ 17 и начала 18 вв., надо думать, что множ. число для обозначенія массы дѣлимаго вещества было тогда болѣе употребительно, чѣмъ нынѣ. Таковы имена: *порохи* (порохъ), *соли, мыла, иои* (навозъ), *травы, росы, горѣлки, пива, меда, соломы, сѣна, овсы, рпны, капуста, постернаки* и др. овощи; *хмели, мяса, крахмалы* и др. Нѣкоторыя изъ нихъ употребляются какъ собирательныя для обозначенія массы, а нѣкоторыя въ качествѣ множественныхъ дистрибутивныхъ. Изъ наиболѣе употребляемыхъ во множ. ч. и едва ли въ значеніи дистрибутивномъ есть «порохъ»: «немалая купа бочекъ с *порохами*»; «*порохи* в цекгавзу запалились»; «скарбници с *порохами* и кулями» Лѣт. Самов.—„Порохъ“ въ болѣе древнемъ значеніи „ныли“ встрѣчается во множ. ч. уже въ Словѣ о п. Иг.: „*пороси* поля прикрываютъ“, но возможно было употребленіе этого слова и въ ед. ч. какъ въ значеніи массы, такъ и частицы (порошина): ср. въ мдр. пѣсн: „порохъ, порошокъ по дорозі“, въ влр.: „какъ порошокъ въ глазу“.

IV. Множ. ч. для обозначенія мѣста, а именно:

а) *названія странъ* обозначаются множественнымъ числомъ имена обитателей: in Sabinis, ἐν Πέρσαις. Въ старин. рус. языкѣ такое употребле-

Множественное дистрибутивное число въ рус. яз.

28

29

30

31-3

34

35

ніе составляетъ правило: «ко всемъ странамъ далнимъ, рекуще къ Грекамъ, и Уромъ, и Ляхомъ» Ипат., за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда имя народа уже въ ед. ч. имѣетъ собирательное значеніе, какъ Русь, Пермь, Литва, Печера. Въ влр. яз. наблюдается такое же употребленіе до 17 в., въ млр. — то же и даже позже 17 в., въ польскомъ—донынѣ: do Prus, do Niemiec.

б) Названія *улицъ* или *частей города*, сель и поселковъ по множ. числу обитателей, напр. «кияни... идоша на Жиды» (жидовскій кварталъ въ Кіевѣ) Ипат. Названія въ Москвѣ: *Сокольники*, *Хамовники*; *Бронницы* (уѣзд. г.); села: *Скоморохи*, *Дудары*, *Дулибы*, *Печенги* (Хар. губ.). Сюда же относятся названія сель и хуторовъ *отечественными* именами насельниковъ—«*ичи*»: *Хвалмичи* (Ипат.), *Вышатици*.—Тоже въ млр., пол., лит.-латыш. языкахъ.

в) Названіе *того свѣта*, т. е., *того мѣста, идѣ души предковъ*: лат. *шапес*; нсл. «въ *навехъ* (отъ ед. ч. *навъ*)= ἐν τῷ τὰρ-ἄρφ: «изъ *нави* въскресе» (L'ех Mikl.). Сюда же можно отнести влр. *святцы*, млр. *святці*, пот. что въ нихъ помѣщены имена святыхъ.

г) Названія *странъ свѣта*: «въстоци», т. е., гдѣ бывають восходы солнца: «Насади Богъ рай на *вгстоцхъ*».—«И станомъ сташа на *запады*»; «отъ *полуденъ* къ западу».—*Съверъ* и *Югъ* въ памятникахъ XI в. означали только сѣверный и южный *вѣтеръ*, но и для обозначенія *странъ свѣта* могло быть мн. ч., какъ въ лит.-лотыш.: *sziaurēi*.—Сюда же относятся *названія мѣстъ*, обозначаемаыя множ. числомъ *именъ дѣйствія*: *сутки* (гдѣ что стыкается: *сутък-а*)—влр. *передній уголь* въ избѣ; *сутычки*—запечный уголь; *юны*, *выходы* (балконъ крестьян. дома), *восходы*—лѣстница, *раздры* донскіе—мѣсто, гдѣ раздѣляется рѣка на рукава.

д) Названіе *мѣстностей* по множ. ч. *вещи, котрая тамъ находится*: влр. *кресты*, *крестцы*—перекрестокъ, на которомъ кресты и иконы; *соли*—гдѣ находится соль (Ипат.), *Пески*—названіе частей города, *Борки* (село), *Монастырици*, «въ *товарьхъ*» (отъ «товарь»—станъ: Лавр. 248); у Гом. ἐν ὑήεσσσι—станъ подъ Тройей; «поидоша назадъ въ свой *въплъ*»= въ станъ (отъ «въѣжа»—возъ, кибитка); «возвратишася во *колымаы* свои, рекше во *станы*» Ипат.—«Левъ... ѣха во *станы* своя» Ibid. Сюда же Потебня относитъ имена городовъ: *Сумы* (отъ «сума»—казачій вьюкъ), *Валки* (отъ «валга»—чумацкій обозъ); *Прилуки*, *Лубны*, *Ромны* прежде носили названіе въ ед. ч.: *Прилука*, *Лубно*, а *Ромны* въ устахъ туземцевъ до сихъ поръ «*Ромень*». Ср. греч.: Μοχῆρα и Μοχίρη, Ἀθήρα и Ἀθήρη.

Оттѣнокъ неопредѣленности и общности при переходѣ первообразныхъ именъ изъ едн. во множ. ч.

Нелишне отмѣтить при этомъ, что первообразныя имена ед. ч., переходя во множественное, получаютъ иногда оттѣнокъ *неопредѣленности* и *общности*, напр. млр. «в *порогахъ*»= не на порогѣ хаты, а гдѣ нибудь около порога, не на почетномъ мѣстѣ; «на *межахъ*» (=на границѣ вообще), «в *межахъ*» (=по со-

сѣдству вообще). Ср. с. влр. «вмѣстяхъ» = вмѣстѣ; «вз нотахъ», «вз юловахъ», «на персегахъ». Оттѣнокъ неопредѣленности въ подобныхъ выраженіяхъ восходитъ еще къ тому времени, когда мѣстный падежъ употреблялся безъ предлога: «жена лежитъ нотахъ іему»; хорв. *nutrech* (внутри), в. - луж. *domach*—(дома), н. - луж. *glovach, pogach*—и под. Сюда же, повидимому, слѣдуетъ отнести гомеровскія выраженія: $\varphi\rho\acute{\epsilon}\nu\epsilon\varsigma$ —въ значеніи *нупра* въ психолог. смыслѣ: разумъ, чувство и проч.; $\pi\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\upsilon\ \acute{\epsilon}\nu\ \chi\omicron\nu\acute{\iota}\eta\sigma\iota$ = палъ на землю (отъ $\chi\omicron\nu\acute{\iota}\eta$ пыль), $\acute{\epsilon}\zeta\epsilon\tau\prime\ \acute{\epsilon}\pi\prime\ \acute{\epsilon}\sigma\chi\acute{\alpha}\rho\eta\ \acute{\epsilon}\nu\ \chi\omicron\nu\acute{\iota}\eta\sigma\iota\nu$ = сѣлъ у очага *на пепелищъ*, на мѣстѣ у очага, *идь ссыпалась зола*, а не на самомъ пеплѣ.

V. **Множ. ч. для обозначенія времени:** зори (время восхода зорі) отъ конкретнаго явленія «зоря» или олицетворяемаго Ἦώς : «рано предъ зрями» Сл. о п. И.; «по зарямъ», «на зоряхъ», хотя и во множ. числѣ зори употреблялось съ конкретнымъ значеніемъ: «кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ» Сл. о п. И.—**Нури** (отъ ед. ч. муж. «куръ») — время куропѣнія: млр. «як я була в своего батенька, я ничего не знала: я куръ не чула, я зоръ не знала». Поэтому въ Сл. о п. И.: «Всеславъ... дорыскаше до куръ Тмурованя» мож. быть понимаемо только въ смыслѣ «до пѣтуховъ». — «И яко бысть въ кури, познавъ себѣ духъ, изнемогающъ ко исходу души» Ипат.—**Объди** = обѣдняя пора: «въ недѣлю по обѣдахъ» Лавр., Кир. Тур.; «въ обѣдъ (род. мн.) годъ» Новг. I, т. е. въ часъ обѣда; «до обѣдъ». — **Ужины** = пора для ужина: «въ ужины». **Всходи заходи** = время восхода и заката солнца: млр. «до захід сонця». — Млр.: **первосны** = во время перваго сна ночью; «о пізніх ляхъ»; влр. «въ утряхъ», «спозаранокъ», «полдни», млр. «вечорі»; **сумерки** — время, когда смеркается; **потемки, сутиски** (соб. время, когда происходитъ сутискъ дня съ ночью), **сутки** (время, когда стыкается день съ ночью), **вечерни, заутрени** (время этихъ церковныхъ службъ, а не самыя службы), **звоны** (время колокольнаго звона); **жары, холода, морозы осенями, въ осеняхъ**; млр. *у косовиці*. — Стар. рус. **постриши** = время, когда въ первый разъ стригли волосы ребенку, а также постриженіе въ духовный санъ. — **Свадьбы** — свадебное время въ году; **ловы** — время лова, а ед. ч. для конкретныхъ случаевъ: «на ловъ ѣхати» Вл. Мош., но «воевода Тить, вездѣ словый мужествомъ, на ратѣхъ и на ловѣхъ» Ипат.— «**Бѣгъ**», «**скачки**», **ходы** (время на проходъ отъ одного мѣста до другого). — **Пивъ** — праздничное время варки пива; млр. *вінки* — время, когда вьютъ вѣнки невѣстѣ; блр. *дзеды, дзяды* — когда поминаютъ дѣдовъ, предковъ. — **Похороны**; **наймиты** — время попойки, когда нанимаютъ; **могарычи** и проч. — **Святки, праздники, водохреши** (стар. рус. и млр. — праздникъ Крещенія, отс. *крещенскіе морозы*), **мясопусты, коляды**. — **Нупала** (множ. ч. отъ куполо), а въ болѣе старин. яз. **нупалья**

Происхожденіе большей части этихъ именъ отъ единств. числа именъ конкретныхъ.

Объясненіе происхожденія нѣкоторыхъ именъ

44

45

46

47

48

49

множ. ч. съ значеніемъ времени (Ипат. 565), въ юж. влр. „понче—*купалы*, завтра—*Иваны*“, «на *Купайла* (вин. множ.) вогонь горить», т. е. когда бываютъ «купала»; блр. «унась сягоння *купалайна* (им. множ.). По своему суффиксу *купало* принадлежить къ именамъ сред. р. на *ло*, которыя большею частью означаютъ орудіе, но имѣютъ также значеніе *мѣста* (гдѣ), *времени* (когда) и самаго *дѣйствія*, хотя и не часто. Согласно съ этимъ, „купало“ можетъ значить а) *обрядное купанье* самого Іоанна Крестителя въ христіанскую эпоху; а ранѣе—купанье солища (Ср.: „купався Иванъ та в воду упав“); б) *мѣсто* обряда: «на *купалі* огонь горить»; в) *время обряда* (во множ. ч.), какъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ. На этомъ основаніи Потебня думаетъ, что первообразная форма «купало» не была именемъ дѣйствующаго лица.—Такъ обр. и *роусалья* (мн. ч. сред. р.) является на славянскую почву со значеніемъ праздника: чеш. *rusadla* (множ. ср. р.), греч. *ροῦσαλα*—*pascha rosarim*.—*Иваны* (множ. ч.), какъ названіе праздника, по мнѣнію Бусл. (Гр. § 219, пр. 8) произошло отъ именинниковъ и именинницъ: «вчера были Аграфены, а нынче Иваны», но, по мнѣнію Потебни, это невѣрно: въ вышеприведенномъ примѣрѣ «понче Купалы (множ.), а завтра Иваны» не могло быть и мысли объ именинникахъ. Причина постановки множ. числа въ обоихъ именахъ, по мнѣнію Потебни, *одна*. Имя святого въ един. ч. первоначально имѣеть для говорящаго *конкретное* значеніе лица: когда же бываетъ повтореніе того, что обозначено единственнымъ числомъ, тогда вм. повторенія (купало, купало, купало) ставится это имя во множ. числѣ (купалы), такъ что „сначала множ. число выражаетъ повтореніе обозначеннаго единственнымъ, затѣмъ—день, время, когда бываютъ купалы, Иваны“. Такъ въ влр.: «прошли *Сидоры*, прошли и *сіверы*». Сюда же относятся народныя названія святыхъ: *Грачевники* (4 марта Герасимъ *Грачевникъ*, который грачей пригоняетъ), *Оспожинки* (госпожинъ день, праздникъ Богородицы), *Петровки*, *Спасовки*—посты Петровскій и Спасовъ.

Имена дѣйствій на *эка, гкъ* (поминокъ), переходя во множ. ч. на *ки, тки, ашки, чны* множ. ч., могутъ выражать время этихъ дѣйствій: *поминки, похмелки, посидѣлки, супрядки, дожники, обжинки, зажинки*. Тоже въ мдр., пол., чеш. языкахъ.

Множ. ч. на *ушки, ашки* отъ суф. *ка* имѣютъ уменьшительное значеніе: *постирушки, побірушки, попивушки, почесушки, побывашки* и др., при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ *времени* дѣйствія, обозначаютъ самое дѣйствіе и результатъ его (Ср. „Записки“ III, 599, 600).

Множ. ч. на *ины*:

именины означаютъ а) дѣйствіе и время наименованія: „у в. кн. Всеволода родися сынъ до заутрення св. Дмитрѣя дие, а *именины* же тогда бяхуть“ Ипат., и б) *Юдовщину* именинь, какъ и нынѣ. Такимъ же обр.: *ро-*

54

55-6

57-8

дины, крестины, смотрины, пособницы (помочь) и др. Эти имена вовсе не имѣють едш. числа и частью идутъ отъ глаголовъ съ темами ^и _б: *заювны розювны* (отъ *ювь*—), но есть и отъ именныхъ основъ: „*сорочины*“ (Вопрош. Кюр.), *третины*, мр. *девятины*.

Вр. *поры* и *мѣсты* съ значеніемъ времени и мѣста могутъ употребляться одно взамѣнъ другого: на тѣхъ порахъ, въ тѣ поры; „мы тядо сихъ *мѣстѣ* акы вотца имѣли по любви“ (Ипат.: „по сихъ *порѣ* платьѣ“ (напр. поколѣни); вр. нарѣч. *покамѣсть*.

Съ русскими именами множ. ч., обозначающими время, аналогичны соответствующія имена не только въ мр., пол. и другихъ славянскихъ нарѣчійхъ, но и въ лит.-лотыш., нѣмец., греческомъ.

VI. Множ. ч. для обозначенія состоянія, при чемъ, какъ множ. ч. времени примыкаетъ къ множ. числу мѣста (напр. „*въсходи*“ означаетъ и время, и мѣсто восхода солнца), такъ „и множ. число состоянія, примыкая ко множ. числу времени и мѣста, появляется вмѣстѣ съ отнесеніемъ пребыванія въ извѣстномъ мѣстѣ и времени къ лицу“. Напр. „*въ потемкахъ не вижу*“, т. е. въ томъ состояніи, *когда* мнѣ бываетъ темно или *идь* для меня темно, я не вижу*).

Множ. число состоянія употребляется въ слѣд. случаяхъ.

*) Этотъ видъ множ. числа, въ виду не совсѣмъ яснаго опредѣленія, даваемого самимъ Потемней, нуждается въ нѣкоторомъ поясненіи. Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что Потемня имѣеть здѣсь въ виду, съ одной стороны, указать на переходъ существительныхъ отъ конкретности къ абстрактности, а именно, что конкретное существительное, принимая форму множ. числа, можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ дѣлаться абстрактнымъ и обозначать уже не реальную субстанцію, а лишь извѣстное *состояніе* того лица (или предмета), къ которому существительное *относится*; отсюда—самое названіе этого вида множ. числа. Съ другой стороны, когда такія существительныя множ. числа ставятся не въ именит. падежѣ, а въ творительномъ или въ соединеніи съ предлогами, тогда ослабленіе реальности субстанціи чувствуется еще больше, такъ что имена существительныя приближаются уже къ адвербіальному, обстоятельному значенію и могутъ переходить прямо въ нарѣчія, напр. въ сердцахъ, съ сердцовъ, на радостяхъ; „ничить трава *жалощами*“. Въ этомъ случаѣ существительныя множ. числа могутъ «примыкать», между проч., и къ обстоятельствамъ мѣста и времени (Ср. „въ потемкахъ не вижу), но только „примыкать“, соприкасаться, а не быть исключительно обстоятельствами мѣста и времени, пот. что такое множ. число все-таки сохраняетъ за собою и значеніе *состоянія* или „пребыванія (лица) въ извѣстномъ мѣстѣ и времени“, какъ выражается Потемня. Потому-то онъ и говоритъ, что „множ. число *состоянія* появляется *вмѣстѣ* съ отнесеніемъ пребыванія въ извѣстномъ мѣстѣ и времени къ лицу“, т. е., и *извѣстное состояніе, и пребываніе въ извѣстномъ мѣстѣ и времени одновременно относятся къ извѣстному лицу*: „въ потемкахъ не вижу“, т. е., *когда* или *идь* бываетъ мнѣ темно,—я *при этомъ условіи* нахожусь въ такомъ *состояніи*, что не вижу. И. Б.

а) *Принадлежность къ извѣстному разряду* (сословію, званію, службѣ) выражается вм. единственнаго множ. числомъ того имени, которымъ обозначаются сословіе, званіе, служба. Напр. „не потка *въ поткахъ* нетопырь... не рыба *въ рыбахъ* ракъ“ (Дан. Зат.), т. е., нетопырь среди птицъ, какъ *общаю понятія* о птицѣ, не есть птица, ракъ въ смыслѣ общаго понятія о *рыбѣ* не есть рыба. Отсюда видно, что *только контекстъ* даетъ возможность отличать множ. число состоянія отъ *конкретной* множественности или множ. числа мѣста, какъ напр. „*въ рыбахъ* (конкретно) есть кровь“, „*среди рыбъ* (мѣсто) ползаетъ ракъ“. — Другіе примѣры: „посла Олегъ Ярослава *въ сторожъ* (=въ сторожа, т. е. въ качествѣ начальника сторожевого отряда): „самъ творилъ, что надобѣ... и *въ ловчихъ*... и *въ конюстьхъ*“ (Влад. Мон.), т. е., въ томъ, *что касается ловчихъ и конюховъ*; „у сей купчей сидѣли *въ мужьхъ* (т. е. не только въ числѣ и среди мужей, но *мужами*) N и N“ Ак. Юр.; „*въ сидѣльцахъ* сидѣли посацкіе люди“; „*въ головахъ* (=въ качествѣ предводителя или во первыхъ); „въ лицахъ“ (=на *лицо*) сходно со стар. вар. „быть *въ естяхъ, въ нѣтахъ*“; „*въ душахъ*“ (=въ живыхъ), „*въ даровьяхъ*“ (=въ качествѣ дара, даромъ). Въ нынѣшнемъ языкѣ множ. число состоянія даже ви́шнюю формою отличается отъ множественнаго *конкретнаю*: „пойти *въ казаки*“ (множ. ч. состоянія) и „стрѣлять *въ казаковъ*“ (конкретно). При отрицаніи остается та же форма: „не ходитъ *въ юсти*, не брать *въ жены*“. — Въ млр. яз. замѣчается то же самое: „ні рыба, ні мясо, и *въ раки* не годится“; „взяли *у солдати*“.

б) *Въ названіяхъ болѣзней* множ. число во многихъ случаяхъ имѣетъ значеніе конкретное, объясняемое отчасти множественностью наружныхъ знаковъ болѣзни („онъ *въ веснушкахъ*“), отчасти же тѣмъ, что миѳическія существа, овладѣвающія человѣкомъ во время болѣзни, представляются многочисленными, какъ напр. *лихорадки*, млр. *пропасниці*: „добри день, *пропасниці!* Есть васъ сімдесят сім, а я принесла вамъ сніданья всѣмъ“ (въ заговорахъ). Однако возможно, что и въ такихъ случаяхъ множ. число переходитъ къ значенію *состоянія*, *при чемъ олицетворенія ослабляются и даже устраняются*, особенно когда при именахъ множ. числа бываетъ и единственное; напр. въ влрусскихъ заговорахъ: „*тоски* тоскучія“ (при ед. ч.: „тоска“), „*рыды* рыдучія“; въ млр.: *ночниці, дрімливци, сонливци, сухоти* (сухотка) и пр. — На томъ же переходѣ отъ олицетворенія къ отвлеченности стоятъ вл. „*зари*“ (сильное желаніе, зависть: Ср. „зариться на что): „*зари* его берутъ“, сказала „*въ заряхъ*“; млр. „*нуди* мене берутъ“; пол. *пиду* — скука.

в) Множ. число состоянія иногда предполагаетъ, повидимому, *значеніе многократности*: „абы Богъ далъ миѣ здравіе, а *мьстемъ* быти“ Ипат. — «Присылалъ Седмиградской къ канцлеру (такого то) съ *грозами*, и канцлеръ отказалъ (отвѣтилъ), что *прозъ* его не блюдется» Диплом. снош. 1596 г. —

«Грозъ твоихъ небоюсь» Даль.—Сюда же относятся: «сзъ сердцѣвъ», «взъ сердцѣвахъ», *иньвы* (тв. и мн. Ппат.), *на иньвъхъ*, *на лъстехъ* (= съ лестью: Лавр.), *на грунахъ* (= на рысяхъ: Ппат.), *на радостяхъ*, *на досуахъ* (по *на досуть*—частный, отдѣльный случай), *взъ борзтъхъ* (Лавр.), *на косыхъ*, *на тощахъ*, *взъ юряхъ*, *взъ тоскахъ*, *во сняхъ*, *взъ просонкахъ*, *взъ торопяхъ*, *взъ попыхахъ*; быть *взъ ладахъ* (въ состоянн согласія, въ согласн), *взъ неладахъ*, *взъ быяхъ*, *взъ барышахъ*, *взъ убыткахъ*, *взъ силахъ*, *взъ заботахъ*, *взъ наймахъ*; млр. *на радости* (вин. мн.), *на жалости* (вин. мн.).

г) Къ существительнымъ «радоcти» и «жалости» примыкаетъ по своему образованію и употребленію цѣлая *группа именъ жен. рода*, оканчивающихся во множ. числѣ на—*ощи* (цсл. и млр.) и имѣющихъ при себѣ имена ед. числа на—*ость*; напр. цсл. „взыграсѣ младенецъ *радощами* въ жтробѣ моеи“ (Мар. Ев.); въ древ. рус.: *льнощами* (Моном.) (= вслѣдствіе лѣности), «ничить трава *жалощами*» (Сл о п. Иг.); млр.: *на радощахъ*, *з радощів*, *з жалощів*, *ласощи*, *пахощи*, *мудрощи* и др. Во всѣхъ этихъ случаяхъ первоначальное значеніе множ. числа есть *состояніе* и потомъ уже *конкретное значеніе*: «ласощи» сперва значило «когда кто ласн до чего», а потомъ конкретно: наѣстись *ласощівъ* (лакомствъ); «любощи» сперва—состояніе любви, а потомъ конкретно (приворотное зелье): «просивъ, щобъ дала ему *любощів*, щобъ его всяка полюбила».—Достовѣрныхъ врусскихъ случаевъ, какъ млр. *любощи*, нѣтъ; приводимые Буслаевымъ «*забытиши*» (Гр. § 219) происходятъ отъ—*ище*, а не отъ—*ость*. Нельзя отождествлять съ этими множественными и такихъ случаевъ у писателей 18—19 в., какъ «смотрѣніе за всѣми *поведеніями* охотниковъ», «развращеніе *совѣстей* человеческихъ», пот. что это—*plurality distributiva*, указывающія на *отдѣльныя* „поведенія“, „совѣсти“, тогда какъ разсматриваемое множ. ч. („радоcти“ и пр.) означаетъ общее представленіе *одного состоянія*, хотя, конечно, и *plur. distributiva* могутъ приводить къ ослабленію и устраненію олицетворенія и субстанціальности (ср. стр. 66), какъ напр. у Гомера: *αὐτῶν γὰρ ἀπολόμειδ' ἀφραδίησιν* (Od. X, 27)=соб. „мы погибли *каждый* чрезъ свое неразуміе“, а потомъ=„мы погибли чрезъ свое неразуміе“ (въ смыслѣ *общаю* понятія); *κεῖται ἐν ἄλλγεσι θύρος*=влр.: «во *юряхъ* лежитъ»=млр. «у *жалощахъ*».

Отличіе этого
множ. числа отъ
plur. distribut.

д) Къ случаямъ, какъ «въ ладахъ» (стр. 68), т. е. *взъ состоянн согласія*, и какъ уменьшительное «постирушки» (58), т. е. *взъ качествъ постирушки*, примыкаетъ влр. *быть на побъиушкахъ*, т. е. въ состоянн или въ качествѣ побѣгушки. Сюда же относятся случаи, какъ въ влр. «на шута (или на ката) *потяиуши*, на тебя (на потягивающагося ребенка) *поростуши*», или уменьшит. *полеиушеньки*, *поростушеньки*, *полетушеньки*, *попрыушеньки*, гдѣ формы на—*иши*,—*ушеньки* могутъ быть поняты или 1) какъ

Мн. ч. на *иши*, *уиши*, *уишеньки* съ разными значеніями: а) какъ км. и вин. п. множ. ч., и б) какъ глаголы изъяснительнаго, повел. и неопред. наклоненій.

им. падежи въ качествѣ подлежащихъ, или 2) какъ вин. множ. въ качествѣ доводеній, какъ напр. «баюшки (вин. п.) баю» (1 л. ед. ч.). Въ обращеніи же къ дѣтямъ, какъ междометія, они чувствуются уже какъ сказуемыя съ изъявительнымъ, желательнымъ или повелительнымъ отбѣгомъ: «баюшки», т. е. спи (какъ повел. накл.); «пора боюшки», т. е. иди спать (какъ неопред. накл.); «баю, баю (сокращ. «бай, бай»), молодой Турчанъ» (Шейнъ, Рус. нар. п.)=спи, спи.—Въ такомъ же смыслѣ влр.: *люлечки, ладушки, дыбочки*. Тоже и въ млр.: «а в роточокъ—говорушки, а в поженьки—ходусеньки, а в рученьки—ладусеньки! Метл.—Въ связной рѣчи такія формы получаютъ значеніе неопр. накл.: «Вжеже бо ми по вас неходитоньки, с панянками недружитоньки.

Уменьшит. нарѣчи съ формою им. п. множеств. числа: «туточки», «здысечки». е) Возможно, что млр. нарѣчіе *прічки* образовано не отъ имени, а отъ нарѣч. *прочь* по аналогіи съ уменьшительными инфинитивами, какъ *спатки*: «ходимъ спатки». Неизвѣстно, есть ли вліяніе множ. числа въ уменьшительныхъ нарѣчіяхъ *тутки, тутечки, здысечки, теперечки*.

Нарѣчныя выраженія въ зависимости отъ предлоговъ и послѣ глаголовъ движенія. ж) Съ выраженіями, какъ «въ наймы», сближается стар. рус. нарѣчіе «въ-переки»=поперекъ, а не contra, какъ цел. «въпрѣкы»: «посла въ переки (поперекъ) мужи своя» (Ипат. 235 и безъ предлога «въ») 251, 252, 465; въ ед. ч. «поперекъ» и «перекъ» 430, 433, 587).—Къ выраженію же «въ наймы» примыкаютъ случаи *при глаголахъ движенія*: «въ мѣны (=мѣною) пришли», «на обиняки» (=намеками); млр. «въ переверти», «в глыбки», «в ширки», «на-

Нарѣчія отъ тв. п. множ. ч.: *акы, такы, пакы, таковы, поганьскы, волчьскы, лаврскы, свойскы*. в-присядки» и др. Къ случаямъ образованія нарѣчій отъ твор. множ. ч. въ стар. рус. и цел. относятся *акы, такы, пакы, тихы, малы* (Срав. *Зап. П.*, 491—3), влр. *таки, такъ-таки, такечки*; млр. *верхи* (верхомъ), *нахилки, дибки* стати и др. Сюда же нарѣчія отъ тв. п. множ. числа *прилагательныхъ* на *вск*: *поганьскы, волчьскы* (Лавр.), *кльтьскы* (въ видѣ *кльти*) Дан. Пал., *свойскы* *Ibid.*; млр.: *рачки* (ракомъ), *обіручки* (обѣими руками), *пішки, мовчки*.

Предложныя нарѣчія: по-дѣтски и др. Относительно *предложныхъ* нарѣчій изъ твор. падежа съ предл. *по*, несочетающимся съ твор. п., каковы влр. *по-дѣтски, по-таковски*, млр. *по-козацки*, словац. *по cesky*, Потембня думаетъ, что въ нихъ произошло забвеніе значенія твор. падежа и повліяло сочетаніе *по* съ дательнымъ, какъ млр. *по-собакому*, влр. *по-собачьему*, чеш. и польск. *po-cesku*. Поэтому «получается вѣроятность, что и въ другихъ случаяхъ *предлогъ можетъ сочетаться съ нарѣчіемъ безъ вниманія къ падежу, этимологически данному въ этомъ нарѣчій*». Таковы нарѣчія отъ дѣепр. наст. врем. въ млр.: *на-в-стоячки, на-в-лежачки, на-в-сидячки*; отъ именныхъ темъ: влр. *на кулачки*, млр. *на-в-кулачки*, а отсюда уже существ.: «на *вкулачкахъ*» (З. о Ю. Р.), какъ будто им. п. множ. ч. «*вкулачки*».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абстрактность. Взглядъ М. Мюллера и Потебни на абстрактность корней и первоначальныхъ словъ (142—3). Сущ. абстрактныя и отличие ихъ отъ конкретныхъ (28). Абстрактность существительныхъ множ. ч. при конкретномъ единственномъ (253—5). Наибольшая абстрактность въ гипотактическомъ строѣ рѣчи (222).

Авторское „мы“ (248).

Асс. с. inf. Объясненіе этого оборота изъ 2-го вин. падежа (79—81; 98).

Типы вин. съ неопред. въ исл. и рус. яз. (99).

Асс. с. partic. (81, 99) и отличие причастія *суца* отъ *быти* (99).

Аналитическія сужденія см. *сужденія*.

Антиципация (*πρόληψις*) и объясненіе ея изъ 2-го вин. п. (82).

Апперцепція или воспріятіе. Отношеніе ея къ первобытному психологическому предложенію (24) и первоначальному мышленію (25).

Аппозиція или приложеніе. Отличіе ея отъ простаго атрибута (32). Составное приложеніе (35, 52). Постановка словъ *имя* и *прозвище* при приложеніи. Взглядъ Н. Лавровскаго на вин. п. приложенія, сходный то съ именит., то съ род. пад. (185). Переходъ приложеній въ предложенія въ связи съ паратактичностью рѣчи: „туръ—золотые рога“ и „туръ на немъ золотые рога“ (193—4).

Аппозитивныя причастія см. *причастія*.

Аппозитивный твор. п. и виды его (131—2).

Аттракція и объясненіе ея 2-го вин. у Курціуса (82). Объясненіе аттракціей дательнаго пад. при неопр. накл. (102). Взглядъ Потебни на аттракцію (102, 177).

Аттрибутъ—собственно и опредѣленіе его. Аттрибутъ изъ именъ сущ. и прилаг. (30—31). Взглядъ Пауля и Мюллера на происхожденіе прилагательныхъ, какъ атрибутовъ, и исправленіе этого взгляда Потебней на основаніи языка образнаго (155).

Аттрибутъ предикативный изъ существительныхъ, прилагательныхъ и причастій (33, 36).

Аттрибутивное существительное. Отличіе его отъ атрибутив. прилагательнаго и двойственность мысли, вносимая атрибутивнымъ существительнымъ: «человѣкъ *грьшникъ*» и «человѣкъ *грьшнь*» (165—6). Связь атрибутивнаго сочетанія существительныхъ съ *hendiadys*: «вѣлкъ *хыщникъ*» и «вѣльгъ и *хыщникъ*» (166, 188). Согласуемая атрибутив. сущ. муж. р. на *въ, ичъ, илгъ, икз, акз, якз, ачз, ягъ, тай, тарь, унъ, зкз, з* съ соответствующими женскими; жен. р. на *зка, ша, уха, уха* съ соответствующими мужескими; сред. р. на *ят, ище, ишко* (166—8). Несогласуемая атрибутив. сущ. на *ина, ъ, ость, ть, а, я, ыня, ье, ые, ѡство, никз, някз* (168—172). Устраненіе двойственности субстанцій при атрибутивномъ сочетаніи существительныхъ родовыхъ и видовыхъ и препозитивная и постпозитивная постановка атрибутивнаго сущ. (170—2). Сочетаніе *святъ-Русь* (172). Атрибутивныя сущ. съ качественнымъ отгѣнкомъ: трава—мурава (173) см. *паратактичность рѣчи*. Особенности употребленія атрибутивнаго сущ. при прилагательныхъ притяж. (228). Образцы: въ дому *Си-*

моновъ усмаря, короля Жилимонтовъ сынъ, домъ Маринъ матери Иоановы, до гроба Рахилина, матери Иосифовы прекрасную (228—9).

Безсубъектность и безличность (205). Объясненіе происхожденія безсубъектныхъ сказуемыхъ съ множеской точки зрѣнія на языкъ (205—7). Образцы безсубъектныхъ и безличныхъ оборотовъ: громомъ убило, стучить (207), туманится (208), снится мнѣ, говорится (209), убыло дня, туча ровъ учинило, пришло ихъ тьма (211), два человекъ (пять человекъ) пришло (212), зимовая служба молодцамъ кручинно (213), городъ видно, музыка слышно, вѣсти вѣдомо (214). Безсубъектные обороты, состоящіе изъ существительнаго глагола и имени, дополняемые и недополняемые неопредѣленнымъ накл. или объектомъ (215). Образцы: страхъ (есть) глядѣть (103, 216), дивно ми есть, уне есть (103, 217). Безличные обороты изъ *есть* съ дат. пад. и изъ неопред. накл.: «подобѣть есть сыну пострадати», «аще вы будетъ (=случится) крестъ цѣловати» (100—4). Безличные отрицательные обороты съ *есть*: мнѣ не уйти, нечего дѣлать (107—8; 219, 220), сестры нѣтъ дома (221). Какъ отличать субъектные и безсубъектные обороты, если сказуемое въ нихъ дополняется неопред. наклопеніемъ или придат. предложеніемъ (218--219).

Вещь, какъ существительное, и понятіе о ней (141).

Вещественныя слова или знаменательныя (12).

Виды глагола. Видовые и модальные отбѣнки въ сочетаніяхъ нѣкоторыхъ вспомог. глаголовъ съ неопред. наклон. (93—7).

Вин. пад. прямого объекта при страд. з. въ безличныхъ оборотахъ: видно землю (210), слышно музыку (214). Винит. п. прямого объекта при пом. *agentis* въ др.-инд., санскр. и нынѣшнемъ лотыш. яз. (210).

Вин. п. внутренняго объекта и объясненіе его Потебней (208).

Вин. п. для выраженія количества на вопр. «сколько» (212).

Вин. съ неопред. и причастіемъ см. асс. с. *inf.* и асс. с. *partic.*

Вопросы прямые и косвенные (73—4).

Время въ глаголахъ. Выраженіе времени въ сочетаніяхъ причастій дѣйств. и страд. з. съ вспомог. глаголомъ (42—5) и—*ль* съ *есть*, *быхъ*, *бѣяхъ*, *бѣхъ*, *бяхъ*, *былъ* *есть* и *буду* (66—78). Выраженіе буд. вр. сочетаніями глаголовъ *имамъ*, *иму*, *хочу*, *стану*, *буду* съ неопред. накл. (93—5). Выраженіе отбѣнковъ времени неопредѣленнымъ накл. при безличномъ *есть* (104).

Вспомогат. глаголы см. связка.

Вторые надежи и отличіе ихъ отъ первыхъ (36). Въ частности см. вторые надежи: именит., вин., род., дат. и твор. на мѣстѣ вторыхъ надежей.

Винит. второй над. Предикативность его въ древ. яз. (79). Второй вин. изъ им. существительнаго при глаголахъ *agnosc.*, *nominandi*, *faciendi* и позднѣйшая замѣна его творительнымъ или съ предл. *за*. Второй вин. изъ им. прилагательнаго (80) и обороты, развившіеся изъ него. Второй вин. изъ предикатив. причастія (81). Второй винит. составной (82).

Второстепенное сказуемое см. сказуемое второстепенное.

Гипотактичность и паратактичность рѣчи (173) и замѣны паратактическихъ оборотовъ гипотактическими: «туръ золотые рога» и «туръ съ золотыми рогами» (174, 191). Гипотактич. опредѣлит. придаточ. предложенія съ относительными мѣстоименіями и постпозитивная постановка ихъ (196—7). Препозитивная постановка такихъ предложений и смыслъ ихъ (197—8).—Два способа гипотактического выраженія принадлежности: а) че-

резь притяж. прилагательное (домъ Маринъ) вм. невозможнаго здѣсь паратактическаго атрибутивнаго существительнаго: «домъ—Марія» (221—2). Образцы съ прилагат. притяжательнымъ вм. родительнаго принадлежности: въ мое Иваново мѣсто, свой землянинъ (223). Метонимически употребляемыя прилагательныя на мѣстѣ родит. падежа существительныхъ (*товарная покупка*) или паратактическихъ сочетаній (дѣло о *вывозномъ* бобылѣ—дѣло о бобылѣ о вывозѣ: см. *метонимія*) 226.—Образцы «поминая слово *Господне* (=Господа), *иже рече*», «неволю Всеволода и *Святославею*» (229). Двусмысленные образцы съ прилагат. притяжательнымъ и родительнымъ принадлежности; «страхъ *Иемоновъ*» и «страхъ *игемона*» (230).

Hendiadys. Взглядъ Миклош. и Попова на *hendiadys* и объясненіе его Потебней въ связи съ атрибутивными паратактическими сочетаніями (188, 193). *Hendf.* въ немѣрной рѣчи: «путемъ и дорогою», «воры и разбойники» вм. атрибутив. паратактич. «путемъ дорогою», «воры разбойники» (190). Отдѣльные образцы *hendiadys* въ соединеніи съ именами *сила, правда, душа, юлова, доля, счастье, цѣнй и Богъ*: «ратъ и сила» вм. «сила рать». За мѣна паратактическихъ оборотовъ гипотактическими: *сила креста, сила крестная*. Отс. *двойникъ*, какъ замѣна одной субстанціи другою: *сила креста* = самый крестъ; я и душа = душа моя = я самъ (191), *счастливъ твой Богъ* = *счастливъ ты самъ* (192).—Объясненіе оборота: «Богъ и ты» (192).

Гиперболическое множ. число (247).

Глаголь. Определеніе глагола по признаку *возникающему*. Отличіе глагола отъ имени (26). Определеніе глагола съ точки зрѣнія философіи (141).

Грамматика и отличіе ея отъ логики (19—20).

Грамматическій родъ. Взглядъ нѣкоторыхъ ученыхъ на грамматич. родъ въ связи съ естественнымъ поломъ (235—8). Противоположный взглядъ Бругмана и возраженія Потебни (241—4). *Лексическое* обозначеніе родства и свойства, какъ принадлежности частныхъ понятій къ *роду, семейству*. *Грамматическое* обозначеніе отношеній къ роду, племени посредствомъ суф. *ичъ, юкъ* (укъ), *якъ* (акъ), *ыцъ, ица, ко, ка, ят, ята, ен, еня* (236—7). Переводъ именъ изъ одной категоріи въ другую посредствомъ грамматич. рода: *рабъ*—*рабыни*. Предметъ и качество его есть какъ бы мужъ и жена съ чело-вѣкообразной точки зрѣнія (238). Суффиксы, образующіе женскій родъ отъ соответствующихъ суффиксовъ мужскихъ (239—241). Взглядъ Бругмана и Эд. Вольтера на переходъ отвлеченныхъ именъ сред. и жен. рода въ конкретныя мужскія (244) и возраженія Потебни противъ этого взгляда (245). Абстрактность не есть исходная точка для перехода женскихъ и среднихъ именъ въ мужскія (246—7).

Грамматич. термины и объясненіе ихъ съ точки зрѣнія философіи (141).

Грамматическія формы (12).

Hyperallage см. метонимія.

Hysteroproton (142—3).

Dativus ethicus (прим. къ стр. 53, 64, 107).

Дательный самот., какъ дат. предикативный (84). Дат. самот. при *одинаковомъ* дат. имени какъ въ главномъ, такъ и придаточномъ предложеніи (85). Дат. самот. въ совершенной независимости отъ дательнаго имени при главномъ сказ. (86). Замѣны дательнаго самот. въ позднѣйшемъ яз. (87). Взглядъ Миклошича на дат. самот. (88).

Дат. съ неопредѣл. накл. Два типа этого оборота по свойству *пер-ваго* дательнаго: дательный, зависимый отъ главнаго глагола: Волод. *повелѣ* искovati лжицѣ сребрены *ясти дружинѣ* (100) и независимый: *сподоби* мя съобщнику *ми быти* (101). Дат. съ неопред. на мѣстѣ подлежащаго (101).

Двадва. Обозначеніе общаго двумя или нѣсколькими частными (230). Образцы: братъ-сестра, отецъ-мать, калина-малина (231). Выраженіе неопредѣленной общности числа посредствомъ сопоставленія меньшаго и большаго (два-три) и черезъ отрицаніе *не* въ сравненіяхъ: триста *нѣ* триста—какъ бы триста, т. е. около 300 (232).

Двойникъ, какъ замѣна одной субстанціи другою (191—2) см. *hendiadys*.—Двойники при объясненіи происхожденія метонимій (225).

Дистрибутивный твор., какъ видъ творительнаго мѣста (115) и времени (116). Множ. дистрибутивное и отличіе его отъ множ. ч. дѣлимаго вещества и состоянія (251, 257).

Дополненіе пли объектъ грамматическій. Дополненіе составное (35—6).

Достигат. наклоненіе и отношеніе его къ неопредѣленному въ рус. яз. (91—2; 96, 99).

Дѣепричастіе. Обращеніе предикативныхъ и аппозитивныхъ причастій въ дѣепричастія (47, 52). Дѣепричастіе независимое въ роли именит. самостоятельнаго (55). Дѣепр. изъ 2-го вшн. (81), родит. (84) и дат. (85—7) причастія.

Еписоста пошѣна. Взглядъ на нихъ Бругмана и опроверженіе этого взгляда Потебней (241).

Есмь. Употребленіе и опущеніе его въ др.-рус. яз., въ малорусскихъ говорахъ и польск. яз. (64—6). См. Безусубъектность.

Желательное накл. Выраженіе желательности посредствомъ —*лъ* съ *быхъ* и изъявительнымъ прош. временемъ (70—71). Выраженіе желательности неопред. наклоненіемъ съ *бы* (112).

Женскій родъ. Первоначальный смыслъ суф. жен. р. *а̄, iē, ī* по Бругману (243).

Залози. Двойное выраженіе страдат. залога (43). Переходъ транзитивныхъ глаголовъ въ интраизитивные вслѣдствіе устраненія мнимыхъ объектовъ: «шутки шутить» и просто «шутить» (208). Переходъ возвратныхъ глаголовъ въ медиальные и пассивные вслѣдствіе потери мѣстоименіемъ *ся* своего объектнаго значенія (48). Оттѣнки глаголовъ на *ся* въ безусубъектныхъ оборотахъ а) при дат. надежъ лица (*commodi*), субстанція котораго не совпадаетъ съ субстанціей устраненнаго подлежащаго: мнѣ случилось (что-то); б) при дат. пад. лица, субстанція котораго совпадаетъ съ именит. пад. личнаго оборота: мнѣ пьется (=я пью), мнѣ говорится (=я говорю), и в) при страдательно-возвратныхъ глаголахъ съ значеніемъ латин. *dicitur*, нѣмец. *man sagt*, гдѣ субстанція дательнаго лица и устраненнаго подлежащаго не совпадаютъ: «мнѣ говорится», т. е., *не я, а другіе* говорятъ (209). Проявленіе значенія «*man*» въ рус. яз. при глаголахъ чисто страдательныхъ и при причастіяхъ на *и* и *т* отъ глаголовъ возвратныхъ, взаимныхъ и среднихъ (210).

Знакъ и значеніе въ словѣ. Знакъ, какъ представитель значенія слова (9). Сохраненіе значенія словъ только въ рѣчи (13).

Знаменательныя слова или вещественныя (12).

Именит. второй пад. при глаголахъ вспомогаельныхъ вообще (48—51) и въ частности при глг. *быть* (133—4). Отличіе именительнаго предложенья отъ таковаго же творительнаго (135—6). Второй именит. при причастіи аппозитивномъ—52.

Именит. пад. приложенія при косвенномъ падежѣ опредѣляемаго существительнаго, какъ остатокъ первоначальнаго паратактич. сочетанія (184—6).

Имен. пад. при безлично-субъективныхъ оборотахъ (211, 213, 214, 216).

Именит. самостоят. пад. при аппозитивномъ причастіи (55) и при опущеніи его—56. Именит. самост. съ развитымъ при немъ придат. предложеньемъ и при мѣстоименномъ подлежащемъ той же субстанціи въ глав. предложеніи—56. Именит. самост. для обозначенія времени (187).

Качественность существительныхъ и непервообразности абстрактности именъ качества и дѣйствія. Взглядъ древнихъ мыслителей и простонародья на качество, какъ на реальныя субстанціи (143—4). Предметъ и качество его есть какъ бы мужъ и жена съ человѣкообразной точки зрѣнія. См. Грамматич. родъ:—238.—Качественный отбѣнокъ притяжательныхъ: *свой* земляникъ, т. е., *такой же, какъ* и я. Качественный отбѣнокъ при прилагательныхъ, выражающихъ количество: *малые* люди=*мало* людей и люди *незначительные*—223.

Комплексъ, какъ совокупность признаковъ въ существительномъ (27—8).

Конкретность первообразнаго языка (11, 142—3, 188). Существ. конкретныя и абстрактныя (27—8). Бѣльшая конкретность существительныхъ по сравненію съ прилагат. и глаголами (199—200). Бѣльшая конкретность опредѣляемыхъ существительныхъ при прилагательномъ притяжательномъ, чѣмъ при род. принадлежности—223. Конкретность существительныхъ въ дистрибутивномъ множ. числѣ—251. Конкретность множественныхъ субстанцій—256. Различіе нѣкоторыхъ конкретныхъ и абстрактныхъ существительныхъ множ. ч. по формѣ: «пойти въ козаки» и «стрѣлять въ козаковъ»—256. Бѣлье конкретная форма мышленія при паратактичности въ языкѣ по сравненію съ гипотактичностью—222.

Корень слова. Опредѣленіе корня Курціусомъ, М. Мюллеромъ и Потемной. Отличіе корня отъ слова. Корни индоевропейскіе и специально народныя (10—11). Корни глагольныя или безотносительныя (они же—качественныя, объективныя) и корни мѣстоименныя или относительныя (они же—указательныя, субъективныя) 25.

Лексическое значеніе слова (12).

Логика и отличіе ея отъ грамматики (19—20).

тан sagt см. залог.

Метонимія и *hupallage*, какъ первообразный поэтическій способъ выраженія—224. Объясненіе происхожденія метонимій въ языкѣ. Примѣры метонимическаго употребленія атрибутивныхъ прилагательныхъ и древность ихъ: *веселый* напитокъ, *просольный* и *свѣжій* рыбакъ, *товарная* покупка, *мертвое* мыло, *спасенный* путь (225—6).

Множечность. Мифологія языка (141). Представленіе дѣйствія дѣйствителемъ (200, 245). Двойники (191—2, 225). Субстанціальность множественныхъ субъектовъ и устраненіе ихъ при переходѣ субъективныхъ оборотовъ въ безсубъектныя. Причины устраненія множественныхъ субъектовъ въ языкѣ (206, 216). Особый смыслъ множ. числа именъ съ множественнымъ значеніемъ (256).

Множеств. число и особья значенія его въ рус. яз.: множ. ч. *интер-боллическое* (247), множ. ч. для обозначенія *единичныхъ вещей*, разсматриваемыхъ со стороны множественности частей (249), множ. ч. *двѣлито вещества* (250), множ. ч. *мѣста* (251), *времени* (253) и *состоянія* (255).

Модальные отгѣнки въ сочетаніяхъ глаголовъ *имамъ, иму, хочу, начну, стану, былъ и буду* съ неопред. накл. (93—6). Модальные отгѣнки безличнаго *есть* съ неопр. накл. (104—5) и безъ неопредѣленнаго (220). Модальные отгѣнки именъ множ. ч. на *ушки, ушеньки*, употребляемыхъ въ смыслѣ междометій (158, 258).

„*Мы*“ владѣтельныхъ особъ и „*мы*“ авторское (248).

Мужескій родъ именъ на *а* (244—7). Имена муж. рода съ окончаніемъ сред. рода на *ше, шико, я, ят, ло, іе, (ье), ко* (245).

Мѣстоименія. Мѣстоим. существительныя и прилагат. (28). Мѣст. *кое, которое, ово, иное*, какъ существительныя, ставшія союзами и нарѣчными выраженіями (152—3). Мѣст. относительныя между главнымъ и придаточ. предлож. (57—9) и при неопред. наклон. (107—8, 220). Мѣст. *это* въ роли подлежащаго (101) и сказуемаго (138, 9) при неопр. накл. Мѣст. *то* въ качествѣ подлежащаго глав. предложенія, если за нимъ слѣдуетъ пояснительное придат. предложение (219). Мѣст. неопред. *ничто* (что-то) въ качествѣ подлежащаго и служащее переходомъ отъ субъектности къ безсубъектности (207, 209). Мѣст. *ся*, какъ вин. пад. такъ называемаго внутренняго объекта въ возвратныхъ глаголахъ и потеря этимъ мѣстоименіемъ падежнаго значенія объекта (48, 208, 210).

Нарѣчія. Опредѣленіе нарѣчій, какъ несогласуемыхъ атрибутовъ. Замѣна нарѣчій именемъ прилаг. и употребленіе нарѣчій при существительномъ въ др.-рус. яз. (37, 49, 50). Виды нарѣчій (38). Нарѣчія относительныя между главнымъ и придат. предлож. (58, 107—8, 220). Нарѣчія изъ твор. падежа мѣста и времени (115—6). Нарѣчія изъ множ. числа твор. образа дѣйствія (126, 258). Объясненіе значеній *пакы* (126, прим.), *знать, чать, чуть, невѣсть* (104).

Неопред. накл. Опредѣленіе инфинитива. Потеря инфинитивомъ падежности, рода и числа (88—9). Степень существительности инфинитива. Вытѣсненіе инфинитивомъ причастій (91, 98). Глагольность нынѣшняго инфинитива, особенно въ серб. и болг. яз. (90, 92). Неопр. накл. *субъективное* съ глаг. *имамъ, иму, хочу, начну, стану, былъ и буду* (93—6). Другіе глаголы съ субъективнымъ неопред. накл. (96—7). Неопред. накл. *объективное* въ оборотахъ *асс. с. inf. и дат. съ неопред.* (98 и сл.). Неопред. накл. съ дат. при безличномъ *есть, будетъ, будяше, бѣаше, бѣше, бѣ, бысть, было, буди*, а также *подобаетъ, случается* и проч. (100, 7; 103—4; 219). Неопр. накл. съ опущеніемъ *есть* въ условныхъ предлож.: «поглядѣть—картина». Неопр. накл. *бысть* (при подраз. *есть*) съ другимъ неопредѣленнымъ: «сколько ни плакать, а быть перестать» (105). Неопр. накл. съ мнимострад. отгѣнкомъ: «язва вся знать (есть)» (106). Неопр. накл., связанное съ главнымъ предлож. посредствомъ относительныхъ мѣстоим. и нарѣчій: «есть что дѣлать», «не бысть куда переѣхать» (107—8, 220). Эпезегетич. неопред. накл. («посланъ есмь *глаголати* къ тебѣ») и замѣна его неопредѣленнымъ съ союзами (109—111). Неопр. накл. съ „чѣмъ“: „чѣмъ на мость

намъ ити^а—111. Неопред. накл. съ *бы, чтобы* (111—2). Абсолютное неопр. накл. (56, 112—3).—0 модальныхъ отгѣнкахъ инфинитива см. *модальность*.

Несогласованіе атрибутивнаго сущ. съ опредѣляемымъ словомъ (30, 31). Пять случаевъ несогласованія атрибутивныхъ сущ. съ опредѣляемымъ въ родѣ и числѣ (168—173). Несогласованіе приложенія въ надежѣ: зовуть его Власкомъ, Ивановъ сынъ (184—7). Несогласованіе прилагательнаго атрибутивнаго (31—2) и предикативнаго—34.

Объектъ грамматическій и опредѣленіе его съ точки зрѣнія философіи—141. Мнимый объектъ см. *субстанція*.

Объективное и субъектив. неопред. накл. (89—90). см. неопр. накл.

Обстоятельств. слова или нарѣчія—37.

Общій родъ именъ см. *ерисоспа*.

Олицетворенія: сонъ идетъ по сѣнямъ—206. Олицетвореніе по отношенію къ грамматич. роду (242—3). Ослабленіе конкретности въ олицетвореніи при переходѣ существительнаго изъ ед. ч. во множественное (256—7).

Описательныя формы, какъ „держать рѣчь“ вм говорить (200). Описат. формы въ спряженіи и отличіе ихъ отъ составнаго сказ. (35, 43, 45). Описат. прош. вр. со вспомогат. глаголомъ см. *причастія*. Описат. буд. вр. въ сочетаніяхъ служебныхъ глаголовъ имамъ, иму, хочу, начну, стану и буду съ неопред. накл. (93—6).

Относительныя слова, служація соединеніемъ причастныхъ сказуемыхъ съ глагольными (57—9). Относит. слова, присоединяющія неопред. наклоненіе къ глав. сказуемому (107). Относит. слова, соединяющія придаточ. предложеніе съ главнымъ (196—8).

Отрицательныя выраженія. Родит. пад. послѣ отрицательныхъ и подобныхъ имъ глаголовъ (83, 221). Отрицаніе *не* въ сочетаніи съ *есть* и съ относительными словами при *есть* и неопред. наклоненіи (нечего дѣлать—не есть что дѣлать) 107—8, 220. Объясненіе происхожденія *нѣ* и разныя значенія этой частицы (108; 220). Отрицаніе *не*, дающее слову положительное противоположное значеніе: *недругъ*—232. Сочетаніе утвердительныхъ и отрицательныхъ словъ, получающихъ значеніе малости, ненадежности: *выспалась*—не *выспалась*; *чи спала*, *чи не спала* (ср. «Игорь спитъ, Игорь бдитъ») = полуспитъ. 233.—Отгѣнокъ сослагательности въ придаточныхъ предложеніяхъ послѣ отрицательнаго главнаго (75—6). Отрицательныя сравненія въ яз., какъ перепуте къ отричанію мнѣшческаго дѣйствителя (206—7). Образцы тавтологій съ отричаніемъ (234—5).

Парность грамматическихъ и философскихъ разрядовъ (141, 242).

Паратактичность рѣчи и замѣна паратактическихъ оборотовъ гипотактическими: «туръ золотые рога» и «туръ съ золотыми рогами» (173—4). Различіе значеній препозитивной и постпозитивной постановки паратактическихъ сложныхъ опредѣленій. Препозитивность, какъ поводъ къ образованію сложныхъ словъ. *Composita possessiva* (золоторогъ) и *determinativa* (суходолъ) 175—6. Образцы паратактич. сочетаній: церковь Спасъ (177), икона Микола (178), подъ Спасъ праздникъ, къ матери ко двору, о немъ о здоровьи (179), на немъ на грудяхъ, къ концу къ обѣднѣ, беретъ за руки за персти (180), на берегъ надъ рѣку, друзья мужескъ полъ, на бочку на рожъ, множество золото, войско сила (181), деньги часть, деньги пять рублей, о деньгахъ о пяти рубляхъ (182), вадъ меду пять пудовъ, двѣ тысячѣ гривнѣ (183). Остатки

паратактическаго сочетанія въ именит. над. приложенія при косвенныхъ падежахъ опредѣляемаго существительнаго: зовуть его Власкомъ, Ивановъ сынъ (184), съ Иванкомъ, прозвище Истома (185) Образъ Богородицы Между-вратная—186, шубу тафта желтая, во вторникъ третья недѣля поста (187).

Паратактич. придаточ. предложенія: «прислалъ человѣка, Ивановъ зовуть». Три вида паратактическихъ предложеній—193—5. Образцы паратактическихъ предложеній, служащихъ переходомъ къ гипотактическимъ дополнителнымъ предложеніямъ—295.

Подлежащее или грамматич. субъектъ и опредѣленіе его. Именит. и зв. падежи, какъ выразители подлежащаго—29, 218. Мѣст. указат. *это*, какъ подлежащее при выдвиганіи неопред. наклоненія на мѣсто подлежащаго (101) и отличие такого подлежащаго отъ сказуемаго *это* (138, 9). Можеть ли быть подлежащимъ неопред. наклоненіе и цѣлое предложеніе, какъ замѣна подлежащаго (218—9).

Pluralis reverentiae—248.

Предикативность существительнаго или употребленіе существительнаго въ глагольнаго сказуемаго: «я не ѣздохъ», вм. я не ѣзжу—199. Взглядъ Буслаева на предикативность существительнаго и опроверженіе этого взгляда Потебнѣю (199—200). *Nomina agentis* съ глагольнымъ значеніемъ на *з* (*ь*) муж. р., на *в* сред. р. и на *а*, *я*, *ь*, *з*ка жен. р. (201—2). Переходъ предикативныхъ именъ въ прилагательныя и нарѣчія—204.

Предлоги. Опредѣленіе ихъ—38—9. Предлоги *вы*, *на*, *по* въ сложныхъ словахъ множ. ч. (250, 258).

Представленіе въ смыслѣ представителя значенія слова (9).

Предложеніе. Разсмотрѣніе Потебнѣю Буслаевского опредѣленія предложенія и членовъ его—21—3. Опредѣленіе предложенія Потебнѣю. Перво-бытное предложеніе психологическаго сужденія и его предикативность. Опроверженіе взгляда Попова на именьныя первообразныя предложенія (24).

Предложенія протактичскія паратактическія (193—5), гипотактическія (196—8), энкзегетическія (202—3) см. подъ этими словами.—Тагъ назыв. сокращенныя придат. предлож.—199. 36.

Приложеніе см. аппозиція.

Прилат. имя и опредѣленіе его съ точки зрѣнія философіи—14¹. Данный или готовый признакъ въ прилагательномъ и отличие этого признака отъ признака существительныхъ—27. Близость существительныхъ качественныхъ къ прилагательнымъ и признаки этой близости (148). Суффиксы общіе для существительныхъ качества и прилагательныхъ (149). Прилагательное въ роли существительнаго (29) вслѣдствіе опущенія опредѣляемаго существительнаго—149 и безъ такого опущенія (150). Прилаг. сред. р. ед. ч. въ качествѣ существительныхъ—151. Происхожденіе прилагательныхъ отъ существительныхъ въ болѣе древнюю эпоху черезъ выдѣленіе одного изъ признаковъ существительнаго (153—6). Объясненіе причины перехода существительнаго въ прилагательное (155—6, 165—6). Образованіе прилагательныхъ отъ именъ глагольныхъ и двоякое значеніе такихъ прилагательныхъ: *доходный* = прибыльный и входящій (204) Прилаг. атрибутивныя (31—2) и предикативныя (33—4). Атрибутив. притяжательныя на мѣстѣ родительнаго принадлежности (222—3). Атрибутив. прилагательныя на мѣстѣ позднѣйшихъ нарѣчій для выраженія количества (223—4). Атрибутив.

прилагательныя, употребляемая метонимически (224—6: см. метонимія). Различеніе значеній притяжательно-относительныхъ прилагательныхъ на *овъ, инъ, ѡ, ий, вскъ, ѡкъ* въ качествѣ атрибутовъ (226—8). Переходъ относительныхъ прилагательныхъ въ безотносительныя или качественные (230).—Предикативныя прилагат. съ *есмь* (46) и другими глаголами (48—50). Членныя и безчленныя прилагательныя (51, 226—7). Отричастныя прилагательныя на *ль* и отличіе ихъ отъ формъ причастныхъ на *ль* (62). Прилагательныя, сочетающіяся съ неопред. накл. (96—7).

Причастія. Близость ихъ къ первобытному имени (27). Причастія въ качествѣ вторыхъ падежей (36) и въ качествѣ второстепенныхъ связокъ (37). Предикатив. причастія наст. и прош. вр. (ть, въ) дѣйств. з. и сочетаніе ихъ съ *есмь* (41—3). Предикатив. страд. причастія съ *есмь* (43—5). Предикатив. причастія съ другими вспомогат. глаголами (46). Сопоставленіе предикативныхъ причастій страдательныхъ съ дѣйствительными (44). Причастія страд. въ роли аппозицій (45). Аппозитивныя причастія дѣйств. з., какъ второстепенныя сказуемыя (51—5). Причастія, какъ сказуемыя придаточ. предложеній, связанныхъ съ главными посредствомъ относительныхъ словъ (56—60).—Причастіе на *ль* (61) въ сочетаніи съ *есмь*, какъ описат. форма (63). Рѣдкіе случаи сочетаній прич. — *ль* съ другими вспомогат. глаголами въ др.-рус. яз. (63). Древнѣйшая и позднѣйшая эпоха сочетаній — *ль* съ *есмь* (66—7). Сочетаніе — *ль* съ *быхъ, бѡвахъ, бѡхъ, бяхъ, былъ есмь* и значеніе этихъ сочетаній (67—75). Сочетаніе — *ль* съ *буду* безусловное и условное (76—8).

Родит. надежъ аблятивный и генетивный по Миглош.—Родит. пад. послѣ глаголовъ отрицательныхъ и подобныхъ имъ. Второй родит. послѣ отрицат. гл. (83). Род. пад. въ безсубъектныхъ отрицат. оборотахъ изъ глагола *есть*: сестры нѣтъ дома (221). Родит. самост. (84). Родит. пад. послѣ достигат. накл. (92). Род. раздѣлит. (213).

Речь прямая и косвенная (61).

Связка предикативная и глаголы, составляющіе ее (34—5, 46). Связка аппозитивная (35). Второстепенная связка изъ причастій и неопр. наклон. (37, 98, 100). Характерный признакъ вспомогательныхъ глаголовъ (48). Глаголы возникновенія и вещественнаго движенія и пребыванія въ связи съ предикатив. прилагательными (50). Глаголы большей и меньшей энергичности въ составн. сказуемомъ изъ твор. предикативнаго (129, 130).

Свѣтъ-Русь, какъ особый случай атрибутивнаго сочетанія существительныхъ (172).

Синонимы. Происхожденіе синонимическихъ оборотовъ изъ словъ несинонимическихъ. Образцы синонимическихъ сочетаній изъ существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ и нарѣчій (233—4).

Синтаксисъ. Опредѣленіе его Буслаевымъ и Потебней (14—17).

Синтетическія сужденія. См. Сужденія.

Сказуемое или предикатъ. Verb. finit., какъ сказуемое (24). Отличіе значеній простого сказуемаго отъ составнаго изъ причастій дѣйств. и страд. зал. (42—4).

Сказуемое второстепенное изъ аппозитивнаго причастія [51] и неопред. наклоненія [90, 92]. Неопр. наклоненіе въ качествѣ второстепеннаго сказ. въ оборотѣ дат. съ неопредѣленнымъ [100 и слѣд.].

Сказуемое составное и глаголы, входящіе въ него (34—5, 46) Причастія (кроме —*лъ*), прилагательныя и существительныя, входящія въ составное сказ. (40—51). Составное сказ изъ личнаго глагола и неопред. накл. [90, 93—6]. Трехсоставное сказ. [49, 98]. Составное второстеп. сказ. изъ аппозитивнаго причастія и имени [52].

Слово, какъ единство звука и значенія. Слово, какъ форма мысли [9]. Опреѣленіе слова со стороны лексической и грамматической. Слова вещественныя и формальныя [12].

Служебныя слова [12].

Собирательныя имена. Взглядъ М. Мюллера на происхожденіе значенія собирательности въ существительныхъ качества и разрѣшеніе этого вопроса Потебней [145—8]. Собирательныя имена въ качествѣ атрибутовъ [168—9]. Собирательныя имена въ названіяхъ народовъ (252).

Согласованіе и несогласованіе атрибутивныхъ и предикативныхъ существительныхъ и прилагательныхъ [30—34]. Наибольшая согласуемость прилагательныхъ по сравненію съ существительными и глаголами [156]. Объясненіе согласованія прилагательныхъ въ родѣ [157, 243]. Согласованіе по представленію въ существительныхъ уменьшительныхъ, увеличительныхъ, ласкательныхъ и уничижительныхъ [157—9]. Согласованіе атрибутивныхъ существительныхъ въ родѣ и числѣ съ опредѣляемымъ [166—7]. Согласованіе по смыслу, какъ переходъ къ несогласованію [168]. Согласованіе сказуемаго при сочетаніи родового и частнаго имени: «рѣчка Ворсколь *палъ*» и «рѣчка Волчьа воды *пала*» [171]. Согласованіе опредѣлительныхъ словъ при числительныхъ [186, 212—213].

Сослагательность, выражаемая посредствомъ —*лъ* съ *быхъ*. Сослагательность въ условіяхъ [72], въ независимыхъ [73] и косвенныхъ вопросахъ [74]. Сослагательность съ *ни* послѣ мѣстоименій и нарѣчій относительныхъ; сослагательность въ придаточ. предложеніяхъ съ *qui* послѣ главныхъ отрицательныхъ и выражающихъ сомнѣніе; сослагательность въ oratio obliqua послѣ *пока*, *прежде чѣмъ* и под. [74—5].

Союзы. Союзы между аппозитивнымъ причастіемъ и глаголомъ [53—4], между главнымъ и придаточ. предлог. [58—9]. Союзъ *бы* и отличие его отъ глагола *бы* въ древнихъ памятникахъ. Союзы условныя [72]. Объясненіе союзовъ *буде*, *если*, *се*, *весе*, *тако*, *только*, *ужо* [78]. Союзы съ эпектетич. неопред. накл. [109—111]. Союзъ *бы* (чтобы) при неопред. накл. (111—2). Объясненіе союзовъ *чѣмъ* и *нежели* (117).

Средній родъ, какъ выразитель неопредѣленности лица (205). Сред. родъ, какъ средство обозначенія качества субстанціи (143, 151). Исчезновеніе средняго рода въ языкахъ романскихъ, кельтскихъ и лит.-лотыш. (235).

Субстанція грамматическая и метафизическая (28, 141). Мнимая субстанція подлежащихъ въ субъектныхъ оборотахъ, переходящихъ въ безсубъектныя (216). Мнимая субстанція возвратнаго мѣст. *ся* въ глаголахъ на *ся* (208).

Субъектъ и опредѣленіе его съ точки зрѣнія философіи (141). Субъектъ грамматическій см. подлежащее.

Субъективное и объективное неопр. накл. (89—90). См. неопр. накл.

Сужденія аналитич. и синтетическія и сопоставленіе ихъ съ предложеніями (154). Сліяніе въ синтетическихъ сужденіяхъ двухъ единствъ и

отсюда двойственность теченія мысли (155, 188). Устраненіе этой двойственности превращеніемъ существительнаго въ прилагательное 156, 165—6.

Суффиксы, образующіе грамматич. родъ именъ 239—241. Первоначальный смыслъ суф. жен. р. *a, ie, i*, а также *o, u, ter, en* по Бругману 243. [Суффиксы существительныхъ см. *существит. имя, атрибутивное существительное и предикативность существительнаго; суффиксы прилагательныхъ см. прилагательное*]. Особое значеніе суффиксовъ въ именахъ множ. ч. на *ки, ушки, ашки, ины, оци* отъ ед. ч. *ость*, а не *ще, уши, уш-еньки* 158, 239, 254, 257—8.

Существительное имя и опредѣленіе его 28, 141. Данный или готовый признакъ въ существительномъ. Отличіе этого признака отъ признака прилагательныхъ и причастій. Существ. конкретныя и абстрактныя (27). Качественность существительныхъ (143) и близость существительныхъ качества къ прилагательнымъ (148). Два случая образованія существительныхъ изъ прилагательныхъ: портной [мастеръ], озимое [149—50]. *Nomina agentis*, какъ первобытныя существительныя [159]. Простыя имена *agentis* на *z* и *ь* и переходъ ихъ въ имена *instr., actionis, acti* и *loci* [161]. Имена сложныя на *z*; значеніе ихъ въ посл. и древ.-рус. яз. [162]. Имена на *нѣ, тѣ, отъ, стъ, ота* и *ежъ* [163]. Образцы сложныхъ именъ *agentis* [163—4]. Производныя имена *agentis* на *ьць, ькъ, зкъ, окъ* [164—5]. —Существительныя, входящія въ составное сказ. съ *есть* [46] и другими вспомог. глаголами [51]. Сущ., сочетающіяся съ неопред. накл. (97). Сущ. въ качествѣ атрибута см. *атрибутив. сущ.*

Тавтологія. Образцы: скажите не утайте (234); не кто, [а] самъ... Никто не..., только (235).

Твор. надежъ. Различныя взгляды на развитіе значеній творительнаго п. 113—4. Твор. соціативный безпредложный (114). Твор. мѣста (115). Твор. орудія и средства 117. Твор. орудія въ психологическихъ явленіяхъ. 119. Твор. энергическій или условленный страдательнымъ сказ. 119. Отличіе этого твор. отъ твор. причины и орудія 120. Твор., условленный именемъ и нарѣчіемъ и три вида его: твор. при прилагательныхъ и нарѣчіяхъ сравн. степени, твор. при прилагательныхъ не сравнит. степени и твор. отношенія (121—2) Твор. причины и виды его: твор., тяготящій только къ сказуемому, и твор., не зависимый отъ качества глагола 123. Твор. образа дѣйствія и близость его къ нарѣчіямъ 124. Средства къ различенію нарѣчій и существительныхъ въ твор. образа 125. — Твор. на мѣстѣ вторыхъ падежей или предикативный. Взглядъ разныхъ ученыхъ на этотъ твор. п. 126. Взглядъ Востокова на им. и твор. предикативный 127. Объясненіе твор. предикативнаго Потебней 128—131. Твор. аппозитивный при им., вин., род. и дат. первомъ падежѣ 131—2. Твор. предикативный на мѣстѣ предикативнаго именит. и вторыхъ косвенныхъ падежей существительнаго (132—3) и прилагательнаго 134—5. Отличіе значенія твор. предикативнаго отъ именинаго 135—6; 137, 7. Твор. предикатив. въ польскомъ яз. 137—8.

Уменьшительность словъ инфинитивныхъ и нарѣчій 158; 257—8.

Уловія. Выраженіе условій посредствомъ—*лз* съ *быхъ*. Уловія не дѣйствительныя 69—70. Выраженіе условія посредствомъ—*лз* съ *буду* и

отличіе значенія этого выраженія отъ—*лъ быхъ* 77. Условіе, выражаемое неопред. наклоненіемъ при опущеніи *естъ* 105.

Флексивный и дофлексивный періоды въ языкѣ 10.

Фонетика. Отношеніе ея къ этимологіи по Бусл. и Потѣбнѣ 15.

Формальные слова (12). Формальные и близкіе къ формальности глаголы—93 и слѣд.

Формы грамматическія. Разрушеніе и созиданіе ихъ. Формы этимологическія и синтаксическія 12—19.

Числительныя имена сред. р. ед. ч. въ качествѣ существительныхъ 152. Постановка падежа прилагательныхъ послѣ 1, 2, 3 и 4 съ существительными 186, 212—213.

Эксплетивныя частицы въ др.-рус. яз. и народной словесности 189—190.

Экзегетическое неопред. накл. 109.

Экзегетич. придаточ. предложенія при глагольныхъ именахъ: «Пековское взятіе, како взятъ ѿ кн. Вас. Ив-чъ», и объясненіе происхожденія такихъ предложеній 202—3. Современная замѣна экзегетическихъ придаточ. предложеній 203—4.

Этимологія. Опрежденіе ея Буслаевымъ и Потѣбней 14, 15.

Языкъ, какъ исторія человѣческаго духа 141. Языкъ прозаическій и поэтическій и различная степень отраженія въ нихъ смысла грамматическихъ формъ 241—2.

Замѣченныя важнѣйшія опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано	Слѣдуетъ читать
26	2 св.	предложенія	опредѣленія
32	14 св.	оппозицію	аппозицію
33	22 св.	средство	средство
40	5 св.	дифференцированію	дифференцированію
42	24 св.	плачущася	плачущася
45	5 св.	прич. наст.	прич. наст.
47	1 св.	II, 198, 199	II, 198, 199, 332, 333.
82	11 св.	главнаго предл. и въ развитіи	главнаго предл. и въ развитіи
87	2 св.	ставилось и ставится	въ новомъ яз. ставится
95	6 св.	буди, уповалѣ	буди уповалѣ
96	24 св.	съ опредѣл. подлежащимъ	съ опредѣленнымъ подлежащимъ
109	1 св.	дальше стр. 437	дальше II, 436.
111	4 св.	наступило втор. прош.	наступ. втор. пришествіе
147	13 св.	на ѡвѣ, ѡба	на ѡвѣ, ѡба
176	12 св.	съ присоединеніемъ	съ присоединеніемъ
187	1 св.	одины	одины
197	17 св.	ср. III, 300	Ср. III, 300 и 520
—	20 св.	постпозитивныя	препозитивныя
228	11 св.	въ род. падежѣ	въ род. пад. при притяж. прилагательномъ
251	2 св.	имена	имени

О Г Л А В Л Е Н І Е .

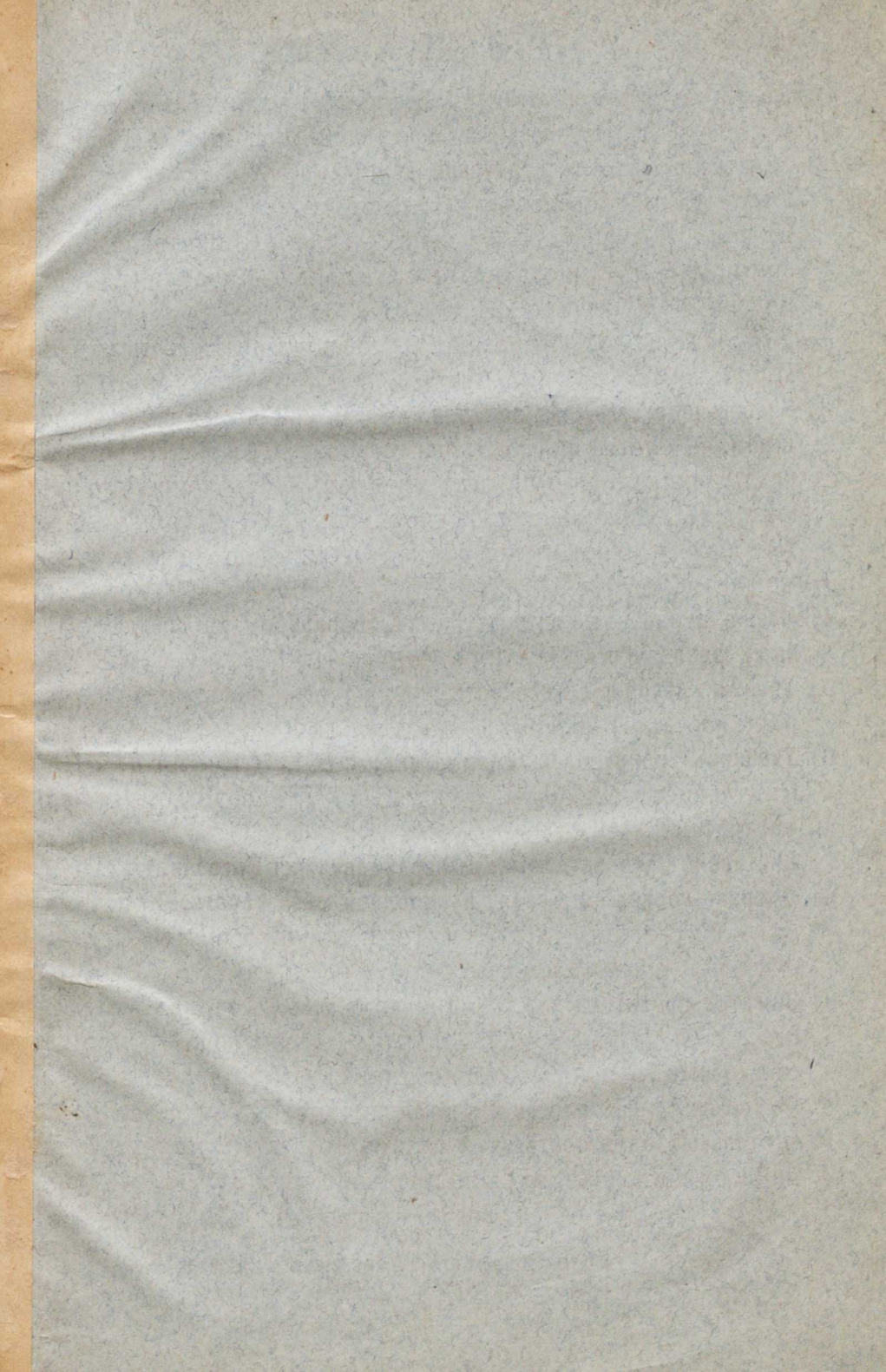
Стр.

Предисловіе къ изданію настоящей книги	3
Часть первая «Изъ Записокъ по рус. грамматикѣ». Введеніе: I) Что такое слово?—II) Представленіе и значеніе.—III) Различныя понятія о корнѣ слова	9
IV) Грамматическія формы.—V) По чемъ узнается присутствіе грам. формы въ данномъ словѣ.—VI) Формы этимологическія и синтактич. —VII) Созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ	12
⌘ VIII) Грамматика и логика.—IX) Трудности при опредѣленіи предложенія и его членовъ	17
X) Члены предложенія и части рѣчи: предложеніе (24), личный глаголѣ—сказуемое (24—6), имена существительныя, прилагательныя и причастія, какъ именныя члены предложенія (26—8); подлежащее (29), собственно—атрибутивъ и приложіе (30), атрибутивъ въ сказуемомъ (33), предикативная связка (34), дополненіе (35), составное дополненіе и падежи первые и вторые (36), второстепенныя связки, обстоятельства и нарѣчія (37), предлоги (38)	23
Часть вторая. Составныя члены предложенія и ихъ замѣны. Составное сказуемое и составное приложіе. Глаголы, входящіе въ составное сказуемое (40). Сочетаніе причастій дѣйствительныхъ (41), страдательныхъ (43) и именъ прилагательныхъ и существительныхъ (46) съ <i>есмь</i>	39
Сочетаніе причастій (46), именъ прилагательныхъ (48) и существительныхъ (51) съ другими вспомогательными глаголами, кромѣ <i>есмь</i>	46
Причастія наст. и прош. (ъ, въ) дѣйств. залога, какъ второстепенныя сказуемыя. Аппозитивное причастіе безъ второго и со вторымъ именит. падежомъ (52), союзъ между аппозитив. причастіемъ и глаголомъ (53), именит. самостоятельный (55), причастіе безъ личнаго глагола, какъ сказуемое придат. предложенія, связанное съ главнымъ сказуемымъ посредствомъ относительнаго слова (56)	51
Причастіе прош. на <i>лъ</i> и отлічіе его отъ прилагательныхъ на <i>лъ</i> (62). Сочетаніе прич.— <i>лъ</i> съ существительнымъ глаголомъ настоящаго (64), прошедшаго (69) и будущаго (76) времени	61
Вторые косвенныя падежи: винительный (79), родительный (83) и дательный (84), за исключеніемъ дательнаго при неопред. наклоненіи	79
Неопред. наклоненіе и потеря имъ именныхъ функцій	88
Неопред. наклон. <i>субъективное</i> и сочетаніе его съ глаг. <i>имамь</i> , <i>иму</i> , <i>хочу</i> , <i>начну</i> , <i>стану</i> , <i>былъ</i> , <i>буду</i> , съ другими служебными глаголами, именами и вторымъ именительнымъ	93
Неопред. накл. <i>объективное</i> . Винит. съ неопред.—98. Дат. съ неопред.—100.	98
Неопред. накл. съ дательнымъ при безличномъ « <i>есть</i> »	103
Неопр. накл. съ опущеннымъ « <i>есть</i> » въ условныхъ предложеніяхъ.—Неопр. « <i>быть</i> » (при подразумѣваемомъ « <i>есть</i> ») съ другимъ неопредѣленнымъ	105
Неопред. накл. съ мнимо-страдательнымъ отгѣнкомъ	106
Неопред. накл. (<i>субъективное</i> и <i>объектив.</i>), связанное съ глав. предложеніемъ посредствомъ относительнаго слова	107
Элементарное неопредѣл. наклоненіе	109

Неопр. накл. съ «бы» и союзами, сложными съ «бы»	111
Неопред. наклоненіе абсолютное	112.
<i>Творительный падежъ.</i> Разногласія во взглядахъ на развитіе значеній творительнаго падежа (113). Твор. соціативный безпредложный (114), твор. мѣста (115), времени (116), орудія и средства—117; твор. энергическій, или условенный страдательнымъ сказуемымъ—119; твор., условенный именемъ и нарѣчіемъ—121; твор. причины—123 и твор. образа дѣйствія	113.
<i>Твор. на мѣсть вторыхъ надежей или такъ назыв. твор. предикативный.</i> Взглядъ разныхъ ученыхъ на этотъ твор. п.—126. Связь его съ теор. образа и первая ступень твор. предикативнаго—128. Глаголы, входящіе въ составное сказ., и твор. предикативный при нихъ на мѣстѣ второго именительнаго—129.—Твор. аппозитивный	126.
Твор. предикативный на мѣстѣ второго косвеннаго падежа существительныхъ—132. Творит. существительнаго на мѣстѣ предикативнаго именительнаго при глаголахъ большей энергичности—132. Именит. и твор. прилагательныхъ на мѣстѣ вторыхъ винительныхъ, родительныхъ, дательныхъ и именительныхъ—134.	132.
Отличіе значенія творительнаго предикативнаго отъ именительнаго	135
Ходъ развитія твор. предикативнаго въ польскомъ—137—и литов. яз.—139.	137
Общій выводъ изъ предыдущаго изслѣдованія	139
Часть третья. <i>Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго.</i> —Введеніе	140
I. Первообразна ли отвлеченность въ существительномъ качества?	143
II. Предполагаютъ ли сущ. имена качества значеніе собирательности?	145
III. Происхожденіе имени прилагательнаго	148
IV. Согласованіе прилагательныхъ	156
V. Происхожденіе разрядовъ существительнаго	159
VI. Атрибутивность существительнаго	165
VII. Несогласованіе въ падежѣ	184
VIII. Союзъ между словами, соединенными атрибутивно. Hendiadys.	188
IX. Переходъ приложений въ предложенія	193
X. Мѣсто придаточныхъ предоженій съ относит. словомъ по отношенію къ главнымъ	196
XI. Предикативность существительнаго	199
XII. Устраненіе подлежащаго. Образцы безсубъектныхъ оборотовъ.	205
Приложенія къ третьей части: I) Формальные признаки конкретности существительнаго	221
II. Тождество, сочетаніе синонимовъ	233
III. Грамматическій родъ (235). Замѣтки на изслѣдованіе Бругмана «Родъ именъ въ индогерм. языкѣ» (241) и разборъ «Розысканій по вопросу о грамматиц. родѣ» Эд. Вольтера (244)	235
Значенія множ. числа въ рус. языкѣ. Множ. число гиперболическое (247), единичныхъ вещей, разсматриваемыхъ со стороны множественности частей (249), множ. число дѣлимаго вещества (250), мѣста (251), времени (253) и состоянія (255)	247
Алфавитный указатель.	

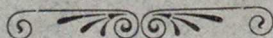

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. **Къ литературѣ о Пушкинѣ.** (Личность Пушкина и взглядъ его на поэта и поэзію.—Къ біографіи Пушкина). Цѣна 50 к.
- 2) **Зачатки русской литературной критики.**
Вып. I. (Сумароковъ.—Критики въ „Собесѣдникѣ“.—Ф. Визинъ—Клушинъ.—Крыловъ.—Споръ Шишкова и Карамзинистовъ о старомъ и новомъ слогѣ.—Карамзинъ.—Каченовскій.—Жуковскій). Ц. 90 к.
— *Вып. II.* А. Θ. Мерзляковъ, какъ теоретикъ и критикъ. Ц. 60 к.
- 3) **Учебно-педагогическія замѣтки.** (Наши народныя школы и гимназіи.—Репетиторство въ гимназіяхъ.—Теорія словесности, какъ научный и учебный предметъ.—Къ вопросу о письменныхъ упражненіяхъ учениковъ по русскому языку.— По поводу одной рецензіи на учебникъ по русской грамматикѣ) Ц. 70 к.
- 4) **Чтеніе и разборъ литературныхъ образцовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.** Изд. 2-ое 1900 г. Ц. 1 р.
- 5) **Учебникъ теоріи словесности.** Одобрень какъ учебное руководство. Ц. 70 к.
- 6) **Учебникъ по русской грамматикѣ.** Ч. I. Этимологія. Ч. II. Синтаксисъ. Одобрень какъ учебное руководство. Ц. за обѣ части 80 к.
- 7) **Синтаксисъ русскаго языка въ изслѣдованіяхъ Потевни.** Ц. 1 р. 50 к.
- 8) **Древне-русская книжная и народная словесность.** Христоматія съ примѣчаніями къ тексту и предисловіемъ о древне-русскомъ языкѣ Ц. 90 к.
- 9) **Замѣтки по литературѣ.** (Главные моменты въ исторіи развитія теоріи поэзіи.—Къ отдѣлу о французскомъ или такъ называемомъ должномъ классицизмѣ къ литературѣ.—Страничка къ литературному романтизму). Ц. 40 к.
- 10) **Дательный самостоятельный падежъ въ памятникахъ ц.-славянской и древне-русской письменности.** Ц. 50.

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	Въ МОСКВѢ	Въ КІЕВѢ	Въ ОДЕССѢ
у И. И. Глазунова.	у насл. бр. Салаевыхъ и Панафидина.	у И. А. Розова, Н. Я. Оглоблина и Вл. Идзиковскаго	у И. А. Розова и Е. П. Распопова.

2019388568